

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ
МАЙ, 1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

МАЙ, 1884 г.

	Стр.
I. Литературныя направиленія въ екатерининскую эпоху. I. Сатирическо-матерьялистическое. Гл. I. А. И. Незеленова	241
Иллюстрація: Портреть Вольтера. — Портреть Дидро. — Портреть барона Гримма.	
II. Въ скудельницѣ. Историческій разсказъ. К. Б. Случевского . .	273
Иллюстрація: Іоаннъ Грозный въ Александровской слободѣ. Картина Шварца.	
III. Екатерина II и Даламберъ. Новооткрытая переписка Даламбера съ Екатериною и другими лицами. (Окончаніе). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. Ф. Кобеко	283
IV. Первое подданство туркменъ Россіи. Н. И. Веселовскаго	300
V. Тяжелыя времена. (Изъ воспоминаній доктора). Н. Н.	307
VI. Письма Пушкина къ Н. М. Языкову. (1826—1836 г.). Сообщены Д. Н. Садовниковымъ	323
VII. Изъ моихъ воспоминаній. П. О. Вистенгофа	329
VIII. Библиографическіе труды С. Д. Полторацкаго. Д. Д. Языкова .	354
IX. Лола Монтесъ, графиня фонъ-Ландсфельдъ. Е. П. Карновича .	359
Иллюстрація: Людвигъ I, король Баварскій. — Два портрета Лолы Монтесъ.	
X. Передовой человѣкъ древности. Ф. И. Булгакова	385
Иллюстрація: Фаустина. — Траянъ. — Антиной. — Голова Антиной. — Видъ изъ виллы императора Адриана въ Тибуриѣ. — Мавзолей императора Адриана, нынѣшній замокъ Ангела.	
XI. Записки Ванъ-Галена. Гл. I. Н. А. Вѣлосерской	402
XII. Критика и библиографія: Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ IX. Спб. 1884 г. А. М. — Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Е. П. Карновича, съ 13-ю гравюрами. Спб. 1884 г. Мих. Н-евича. — Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Исслѣдованіе Д. А. Ровинскаго. Атласъ къ книгѣ съ 33-мя гравюрами. Спб. 1884 г. Ф. Б. — „Православный Палестинскій Сборникъ“, 6-ой выпускъ. Спб. 1884 г. А. Г-скаго. — Библиографическая замѣтка по поводу III тома „Живописной Россіи“ (Литва и Бѣлоруссія, соч. Киркора). Бѣлорусса. Вильно. 1884 г. М. Г-наго. — Князь В. О. Одоевскій. Н. О. Сумцова. Харьковъ. 1884 г. В. З. — Мольеръ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ, съ біографіей, составленной А. Веселовскимъ. Изданіе Ф. Вакста. Спб. 1884 г. В-а. — Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Эдуарда Гиббона, перев. съ англійскаго В. Н. Невѣдомскаго. Часть III. Москва. 1884 г. З. Т. В. — Ярославскій уѣздъ, съ картою уѣзда. А. А. Титова (изданіе Н. А. Вахрамѣева). Москва. 1884 г. П. У. — Опытъ разбора повѣсти Гоголя „Тарасъ Вульба“, К. Хоцянова. Спб. 1884. З-а	420
XIII. Заграничныя историческія новости	440
XIV. Изъ прошлаго: Письмо К. Н. Батюшкова къ А. Н. Оленину о русскихъ художникахъ въ Римѣ въ 1819 году. Сообщено П. Н. Батюшковымъ . . .	448
XV. Смѣсь: Столѣтняя годовщина кончины Хемницера. — Донсторическія находки г. Нефедова. — Некрологи: Ивана Васильевича Вернадскаго, Эліаса Ленрота, Франсуа-Огюста-Минье и Джамбатиста Джуліани	453
XVI. Замѣтки и поправки: Совпаденіе малороссійскаго преданія съ испанскимъ романомъ. М. И. Городецкаго. — Новыя дополненія къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей. Вячеслава Катенева	457
XVII. Античная коллекція П. А. Сабурова. Ф. В.	461
ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Портреть Н. М. Языкова. Гравюра Панемакера въ Парижѣ. 2) Саванарола. Культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ. Адольфа Глазера. Гл. VIII (окончаніе), IX и X. Иллюстрація: Собраніе конклава (Cérémonies régionales). — Леонардо да-Винчи въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. — Церковь Св. Петра въ Римѣ. — Данте въ мастерской Гіотто (по Г. Фогелю). — Французскій король Карлъ VIII.	

Н. Еулкоу.

Съ рѣдкаго гравированнаго портрета Йордана, гравировалъ на доревъ Паннемакеръ въ Парижѣ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 11 СЕНТЯБРЯ 1883 Г.

ТИПОГРАФИИ А. С. СУВОРИНА, ЗОТЪЛЕРЪ НЕР, Д. 11—2.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКУЮ ЭПОХУ.

I.

СКЕПТИЧЕСКО-МАТЕРЬЯЛИСТИЧЕСКОЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Общій характеръ литературы екатерининской эпохи.

НОВАЯ РУССКАЯ литература, какъ и новая наша исторія, началась съ Петра Великаго.

На грандіозную личность Преобразователя до сихъ поръ не установилось еще общаго взгляда ни въ наукѣ, ни въ литературѣ. Одни думаютъ, что онъ порвалъ (или по крайней мѣрѣ хотѣлъ порвать) связи съ прошлымъ русской земли и толкнулъ насъ на проторенную колею европейской исторіи; другіе не хотятъ видѣть въ его реформахъ переворота и полагаютъ, что эти реформы имѣютъ прямую, непосредственную связь съ прошлымъ и вызваны естественнымъ и даже спокойнымъ ходомъ историческаго развитія. Оба взгляда могутъ быть названы ошибочными по-скольку, по-скольку они оба вдаются въ крайность. Не говоря уже о невозможности полнаго, настоящаго разрыва съ историческимъ прошлымъ, Петру-ли, этому-ли русскому съ ногъ до головы человѣку, русскому и по простотѣ души, и по здоровой трезвости ума, — ему ли было желать разрыва съ родною почвой? Что же касается, съ другой стороны, до такъ сказать ошцданной естественности его преобразованія, то это болѣе чѣмъ сомнительно. Преобразование было именно переворотомъ, ибо оно создало необычай-

ное въ исторіи явленіе: прошлое запада, прошлое чужихъ странъ стало для насъ, русскихъ, нашимъ прошлымъ. Ничего подобнаго ни французъ, ни нѣмецъ и никто другой не испыталъ и даже понять не можетъ. Мы, русское общество созданное реформой Петра, — наслѣдники не только образованности нашихъ предковъ, но и богатыхъ цивилизацій западныхъ народовъ. Для насъ, крестовые походы, реформація, чуть не такое же, или почти такое же, родное прошлое, какъ татарское иго или 1612 годъ на Руси? Кому Шекспиръ не такъ же близокъ, какъ «Слово о полку Игоревѣ»? Въ блестящихъ произведеніяхъ нашей новѣйшей литературы мы видимъ слѣды какъ нашей собственной старой жизни, такъ и западно-европейской. Напримѣръ, «Борисъ Годуновъ» Пушкина написанъ подъ влияніями: съ одной стороны—Шекспира, съ другой—народной русской поэзіи и русскихъ лѣтописей.

Не переставая быть самими собою (хотя иной разъ и казалось, что мы отреклись отъ себя), мы, со временъ гениальнаго Преобразователя, стали жадно и страстно усваивать себѣ и формы, и содержаніе чужихъ жизней. Выходилъ подъ-часъ хаосъ невообразимый; но здоровая природа русской души все выносила,—и чужое добро незамѣтно и тайно сливалось съ роднымъ богатствомъ. Этотъ необычайный и великій историческій процессъ еще далеко не завершился; но мы настолько уже вышли изъ начальнаго его хаоса, что можемъ оглянуться назадъ и посмотрѣть на него объективно: бродячія силы успокоились, и для нѣскольکو чуткаго уха и зоркаго глаза уже начинается выясняться новая, наша идея, новый духовный образъ, своеобразное міросозерцаніе.

Этотъ историческій духовный процессъ сильнѣе и яснѣе всего выразился въ литературѣ.

Наша новая литература распадается на довольно опредѣленные періоды. Первый изъ нихъ можетъ быть обозначенъ именемъ своего главнаго представителя — Ломоносова; этотъ періодъ — эпоха подготовки, время общаго ознакомленія нашего съ доставшимся намъ богатымъ духовнымъ наслѣдствомъ Запада, такъ сказать—введеніе во владѣніе имъ путемъ доказательства нашихъ правъ на это владѣніе.

Самъ Ломоносовъ такъ опредѣляетъ (въ письмѣ къ Теплову отъ 30 января 1761 года) ¹⁾ значеніе своей дѣятельности:

«что жъ до меня принадлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь 20 лѣтъ; стоялъ за нихъ смолода, на старость не покину».

Цѣлью и внутреннимъ смысломъ дѣятельности нашего перваго великаго писателя было дать примѣры во всѣхъ видахъ литературныхъ произведеній, доказать нашу способность ко всему.

¹⁾ Пекарскій, Біографія Ломоносова, стр. 726.

И онъ исполнилъ задачу, пожертвовавъ для нея своею европейскою славой: не можетъ быть сомнѣнія, что Ломоносовъ совершилъ бы великія открытія въ области естествознанія, если бы сосредоточился на занятіи имъ, ибо при своей гениальности онъ стоялъ на высотѣ современныхъ ему знаній; но онъ предпочелъ разбросаться по разнымъ областямъ науки и литературы, размѣнять по мелочамъ свои силы. И вѣчная слава ему за этотъ великій подвигъ любви къ родной землѣ! Ломоносовъ породнилъ насъ и съ наукой, и съ поэзіей Запада, внося въ нихъ въ то же время наше русское содержание; онъ открылъ широкій путь русской мысли.

За ломоносовскимъ періодомъ слѣдуетъ литература екатерининской эпохи, отличающаяся другимъ характеромъ. Къ намъ приходятъ въ это время съ Запада уже не просто различныя формы умственной дѣятельности, а различныя направленія мысли. Возникаетъ борьба этихъ направленій, борьба, получающая высокое значеніе и интересъ между прочимъ потому, что въ нее вступаетъ возникающее тогда же самобытное, такъ сказать, исключительно-національное направленіе. Иностранныхъ направленій въ это время у насъ два: скептическо-матерьялистическое и мистическо-правоучительное. Одно изъ нихъ возникло подъ вліяніемъ философскихъ идей XVIII вѣка, другое подъ вліяніемъ идей мистическихъ. — Три названныя теченія мысли развиваются не въ преемственной, хронологической послѣдовательности, смѣняя другъ друга, а идутъ параллельно, одновременно, иной разъ враждебно сталкиваясь, иной разъ мирно сливаясь между собою, причемъ зачастую однѣ и тѣ-же личности, одни и тѣ-же писатели совмѣщаютъ въ себѣ повидимому совершенно несовмѣстимыя, противорѣчающія другъ другу, начала. Литература даннаго періода представляетъ хаотическое броженіе всевозможныхъ идей, страстно усваиваемыхъ русскимъ обществомъ. Но этотъ хаосъ не былъ признакомъ разложенія жизни: изъ него долженъ былъ сложиться новый міръ. Надъ хаосомъ носился творческій гений русскаго народа. И уже въ екатерининскую эпоху мы видимъ первые признаки новаго, самобытнаго направленія русской литературы, вырабатывавшагося изъ сліянія разнообразныхъ идей. Два писателя съ огромными (хотя далеко не равномерно развившимися) силами, не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ названныхъ выше направленій, стоятъ внѣ или (лучше сказать) выше ихъ односторонности: это—поэтъ (къ сожалѣнію мало понимавшій значеніе поэзіи) Державинъ и издатель журналовъ, сатирикъ и мыслитель—Новиковъ. Сказавшись у перваго лишь инстинктивными проблесками вдохновенія среди массы пустозвонныхъ фразъ, самобытное направленіе у втораго изъ этихъ писателей, бывшаго прежде представителемъ различныхъ направленій, выразилось въ позднѣйшихъ его журналахъ выработкой возвышеннаго, оригинальнаго міросозерца-

нія, на которомъ воспитались подъ его личнымъ руководствомъ лучшіе представители молодаго поколѣнія, читатели и сотрудники его изданій. Къ числу этихъ молодыхъ людей принадлежалъ и Карамзинъ, тотъ Карамзинъ, съ котораго начинается новый, третій періодъ литературы, смѣнившій періодъ броженія и борьбы идей екатерининской эпохи.

Разсматривая словесность екатерининскаго времени (предметъ настоящаго сочиненія), прежде всего должно изъ различныхъ ея умственныхъ теченій обратиться къ той струѣ, которую я назвалъ «скептическо-матерьялистическимъ» направленіемъ: это направленіе пользовалось особою славой и считалось въ свое время господствующимъ въ жизни.

Оно возникло подъ вліяніемъ такъ называемой «освободительной» философіи XVIII вѣка. Извѣстно, какъ сильно дѣйствовала эта философія на всѣ страны Европы, и своими свѣтлыми сторонами—борьбой съ предразсудками и суевѣріями, и сторонами темными—своими матерьялистическими вѣрованіями. Русское общество екатерининскаго вѣка было тоже подъ обаяніемъ знаменитыхъ идей. Масса сочиненій энциклопедистовъ ввозилась въ Россію; множество ихъ переводилось на русскій языкъ. Имъ покровительствовала императрица Екатерина, гордившаяся именемъ ученицы Вольтера. Свободомысліе дѣлало у насъ блестящіе успѣхи. Надо сказать, однако, что нами прежде всего усваивалась легкомысленная сторона философскихъ идей Франціи: въ Россіи появилось множество «вольтерьянцевъ», т. е. легкомысленныхъ скептиковъ и атеистовъ, которые слѣдовали ученію Гельвеція, Гольбаха и другихъ, что жизнь человѣка ограничивается землею, что такъ называемая духовная дѣятельность есть продуктъ матерьяльныхъ процессовъ тѣла, и которые спѣшили наслаждаться преходящими благами временной жизни, не заботясь ни о будущемъ, ни о достоинствѣ средствъ добыванія этихъ благъ. — Къ сожалѣнію, безотрадный скептицизмъ и матерьялизмъ подрывали порою дѣятельность и серьезныхъ, даровитыхъ людей. Таковъ, напримѣръ, Добрынинъ, авторъ талантливыхъ, истинно-художественныхъ записокъ о своей жизни, ничего кромѣ этихъ записокъ не написавшій. Онъ съ тоскою все подорвавшего въ душѣ сомнѣнія разсуждаетъ въ нихъ между прочимъ слѣдующимъ образомъ:

«Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзка, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь кажутся ему неограниченными временемъ; но, въ самомъ дѣлѣ, одна уже во мрачный ужасъ облеченная смерть достаточна его просвѣтить, что обитаемой нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго»¹⁾.

¹⁾ Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Добрынина, имъ самимъ писанная. Въ 3 част. Спб. 1872. Изд. 2-е, стр. 139. (Перв. изд. въ «Рус. Стар.» 1871 г. т. III и IV).

Впрочемъ эти скорбныя слова свидѣлствуютъ и о вліяніи серьезной стороны идей освободительной философіи на нашу жизнь. Это вліяніе у насъ также было, и также въ значительныхъ размѣрахъ. Но я постараюсь указать на его проявленія при разсмотрѣніи соотвѣствующихъ литературныхъ фактовъ.

II.

Вольтеръ.

Не буду предпосылать разбору русскихъ литературныхъ явленій общаго очерка дѣятельности энциклопедистовъ, во 1-хъ, потому, что такой очеркъ можно найти въ любой исторіи всеобщей словесности, во 2-хъ, потому, что мнѣ придется говорить о томъ или другомъ философѣ XVIII вѣка при разборѣ тѣхъ литературныхъ фактовъ, которые именно изъ этого философа берутъ свое начало. Но я остановлюсь на характеристикѣ нѣкоторыхъ воззрѣній главнаго изъ знаменитыхъ писателей XVIII вѣка—Вольтера. Я долженъ сдѣлать это, во 1-хъ, потому, что Вольтеръ по-праву можетъ быть названъ представителемъ своего времени: онъ—несомнѣнный и единственный между «философами» вѣка геній и въ то же время онъ человѣкъ не вдававшійся въ одностороннія крайности, какъ, напримѣръ, Гельвецій, или баронъ Гольбахъ, не носившійся по вѣтру идей, какъ, напримѣръ, Дидро, этотъ по словамъ нашего великаго поэта:

То читатель Промысла, то скептикъ, то безбожникъ.

Во 2-хъ, я долженъ остановиться на личности Вольтера потому еще, что онъ имѣлъ у насъ сильнѣйшее вліяніе, несомнѣнно сильнѣйшее, чѣмъ всѣ современные ему писатели. Объ этомъ свидѣлствуетъ какъ масса переводовъ изъ него ¹⁾, такъ всего болѣе образовавшееся въ языкѣ нашемъ слово «вольтерьянецъ»; это слово обозначало вообще представителя новыхъ свободныхъ идей, которые отождествлялись въ умахъ нашихъ предковъ съ дѣятельностью именно и преимущественно Вольтера. Самое слово «Вольтеръ» сдѣлалось у насъ даже нарицательнымъ:

«Фельдфебеля въ вольтеры дамъ!»

выражается Скалозубъ въ комедіи «Горе отъ ума», желая сказать: дамъ въ учителя.

Геніальная личность Фернейскаго философа и невольно къ себѣ привлекаетъ, и невольно отъ себя отталкиваетъ. Есть что-то чарующее, обольщающее и вмѣстѣ ненавистное душѣ въ этомъ скепти-

¹⁾ См. Сопикова.

ческомъ, остроумъ, могучемъ, холодномъ и циническомъ умѣ, такъ прекрасно выражающемся въ змѣиной улыбкѣ на его извѣстномъ изваяніи. И вотъ почему трудно хладнокровно, безъ увлеченія въ ту или другую сторону, анализировать эту колоссальную личность. Судь человека надъ человекомъ вообще рѣдко бываетъ вполне свободнымъ, т. е. вполне безпристрастнымъ: извѣстныя убѣжденія, извѣстное направленіе влекутъ cadaго изъ насъ болѣе или менѣе въ односторонность. Но въ этомъ отношеніи очень важны и цѣнны приговоры поэтовъ. Древніе называли поэта—*vates*, и были совершенно правы: поэтъ (въ этомъ и заключается сущность поэзіи) смотритъ на жизнь не съ той или другой точки зрѣнія,—онъ живетъ и судитъ всею полнотою души; и потому судъ его чуждъ односторонности, безпристрастенъ и правдивъ, ибо его міросозерцаніе—міросозерцаніе цѣлостной и не-раздвоенной души. Я начну рѣчь о Вольтерѣ ссылкой на отзывы о немъ двухъ великихъ поэтовъ.

Намекая на поэму «*Rucelle d'Orléan*», Шиллеръ такъ отзывался о Вольтерѣ въ своемъ стихотвореніи «Орлеанской дѣвѣ» ¹⁾.

Стараясь исказить твой образъ благородный,
Тебя насмѣшка въ грязь хотѣла затоптать;
Враждуя цѣлый вѣкъ съ прекраснымъ, умъ холодный
Не вѣритъ ни въ добро, ни въ Божью благодать,
Ни въ Ангеловъ святыхъ — и, полный святотатства,
Стремится у души украсть ея богатства.

Гораздо мягче приговоръ надъ великимъ писателемъ нашего Пушкина: въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній — въ «Посланіи къ князю Юсупову» великій русскій поэтъ такъ характеризуетъ Вольтера, обращаясь къ екатерининскому вельможѣ, пообѣдившему Ферней:

Посланникъ молодой увѣнчанной Жены,
Явился ты въ Ферней, — и циникъ послѣдній,
Умовъ и моды воздъ пронырливый и смѣлый,
Свое владычество на Сѣверѣ любя,
Могильнымъ голосомъ привѣтствовалъ тебя.
Съ тобою веселости онъ расточалъ избытокъ,
Ты ласкъ его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокъ ²⁾.

Соедините указанная здѣсь Пушкинымъ черты въ одинъ образъ — и передъ вами возникнетъ Мефистофель. Мефистофель, совершенно незнакомый людямъ непосредственнымъ, близокъ каждому изъ насъ, пережившихъ состояніе рефлексіи. Бываетъ эпоха въ жизни человека, причастнаго европейской цивилизаціи, когда силы ума, порываясь къ господству надъ другими душевными си-

¹⁾ Соч. Шиллера въ пер. русск. поэтовъ, подъ ред. Гербеля, т. I, стр. 97.

²⁾ Соч. Пушкина, изд. 1882 г., т. II, стр. 267.

лами, все подвергаютъ сомнѣнію, разрушая свѣтлые образы дѣтской фантазіи и горячіе порывы ювошескаго чувства. Сомнѣвающаяся мысль не можетъ ни на чемъ остановиться, заподозривъ всякое вѣрованіе и всякое положеніе. Плодотворное по своимъ результатамъ, если человѣкъ не падетъ нравственно подъ гнетомъ сомнѣній, время это очень тяжело для переживающаго его. Душа ищетъ какой-нибудь опоры, чего-нибудь, на чемъ можно хоть на минуту успокоиться, и за-частую останавливается на жизни чувственной; но такъ какъ этою послѣдней человѣкъ удовлетвориться не можетъ, то скептицизмъ его получаетъ особый оттѣнокъ: соединяется съ насмѣшкой надо всѣмъ, что прежде было душѣ дорого и свято. Это тяжелое переходное время въ развитіи человѣческой личности великій нѣмецкій поэтъ олицетворилъ въ образѣ Мефистофеля, спутника своего Фауста; Мефистофель есть собственно состояніе души Фауста въ данное время. Какъ несвободное, темное, приближающее человѣка къ животному, состояніе это ненавистно душѣ; но въ то же время оно и дорого ей, потому что человѣкъ не можетъ отказаться отъ скептицизма и анализа, какъ не можетъ отказаться отъ ума.

Безспорно, есть аналогія между жизнью отдѣльной человѣческой личности и жизнью народа, даже жизнью человѣчества. Какъ бываетъ для отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго западно-европейскаго общества была пора рефлексіи, сомнѣній; такую эпоху мы можемъ считать XVIII вѣкъ. Олицетвореніемъ этихъ сомнѣній, Мефистофелемъ западнаго человѣчества, представляется Вольтеръ, и въ этомъ его великое значеніе въ исторіи образованности; онъ необходимая переходная ступень, которую должно было пройти общество Европы, которую должны были пройти и мы, какъ наследники западной цивилизаціи.

Вольтеръ представлялся нашему великому поэту съ одной стороны — «смѣлымъ вождемъ умовъ», съ другой — властолюбивымъ, пронырливымъ, лстивымъ циникомъ, легко смотрѣвшимъ на жизнь, безопасно наслаждавшимся ея матерьяльными благами. Такая мефистофелевская двойственность и была въ немъ на самомъ дѣлѣ.]

Заслуга Вольтера въ его борьбѣ съ унаслѣдованными отъ среднихъ вѣковъ предрасудками и суевѣріями, съ фанатизмомъ, безспорно велика и вызываетъ наше полное сочувствіе. Великую службу цивилизаціи сослужилъ онъ и своимъ могущественнымъ скептицизмомъ, хотя этотъ послѣдній и былъ роковымъ для многихъ отдѣльныхъ личностей; но таковъ ходъ исторіи, — жизненные силы, или «вѣянія» (употребляя терминъ одного изъ нашихъ критиковъ), овладѣвая въ извѣстныя эпохи обществомъ, покоряя умы массъ, закруживаютъ въ своемъ могучемъ водоворотѣ человѣческія единицы, слабыя умомъ или нравственною волею: свободными отъ власти судьбы остаются, по мысли нашего народнаго эпоса, только

такі доблестные люди, какъ Илья Муромецъ, и ей подчинены даже даровитыя и смѣлыя, но не гармоническія, не владѣющія своими страстями натуры, какъ новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ.

Между сочиненіями Вольтера важное значеніе имѣютъ статьи философскія, въ которыхъ онъ высказалъ свои идеи отвлеченно, а также повѣсти и романы, въ которыхъ тѣ-же идеи популяризированы для болѣе удобнаго дѣйствія на массы.

Философскія произведенія Вольтера, собранныя вмѣстѣ, составляютъ особый отдѣлъ его сочиненій, озаглавливаемый въ изданіяхъ: «Dictionnaire philosophique» ¹⁾.

Въ этомъ «Философскомъ словарѣ» мы видимъ блестящія примѣры борьбы знаменитаго писателя съ темными явленіями исторіи и жизни, которыя задерживали прогрессъ человѣческой мысли. Силою могучей логики онъ разрушаетъ суевѣрія и предрассудки.

Такъ, напримѣръ, въ трактатѣ «Равенство» (Egalité, section II) мы встрѣчаемъ трезвый протестъ противъ сословнаго тщеславія.

«Каждый человѣкъ (пишетъ Вольтеръ ²⁾) въ глубинѣ своего сердца имѣетъ право считать себя совершенно равнымъ съ другими людьми. Изъ этого не слѣдуетъ, что поваръ кардинала можетъ приказывать своему господину готовить себя обѣдъ. Но поваръ можетъ сказать: я такой же человѣкъ, какъ и мой господинъ. Я родился, какъ и онъ, плачушимъ; онъ умретъ, какъ и я, въ такой же агоніи. Мы оба совершаемъ одинаковыя животныя отправленія».

Какъ представитель освободительной философіи, Вольтеръ ратуетъ за свободу мысли и слова. Въ обширномъ разсужденіи «Душа» (Âme, section III) онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее про древній Римъ, сопоставляя его съ новыми временами:

«Случалось ли когда нибудь въ Римѣ, чтобы доносили консуламъ на Лукрецію за переложеніе имъ въ стихи системы Эпикура? или на Цицерона за то, что онъ много разъ писалъ, что по смерти для человѣка не будетъ никакой печали? Случалось ли, чтобы обвиняли Плинія, Варрона за то, что они имѣли свои особенныя мнѣнія о Божествѣ? Свобода мысли была безгранична у римлянъ. Души жестокия, завистливыя и грубыя, которыя усиливались подавить среди насъ эту свободу, мать нашихъ знаній и первую пружину человѣческаго разума, выставляли на видъ какія-то химерическія опасности. Они и не подумали о томъ, что римляне, которые простирали эту свободу гораздо далѣе насъ, тѣмъ не менѣе были нашими побѣдителями, нашими законодателями, — что диспуты въ школахъ не имѣли большаго отношенія къ управленію государствомъ, чѣмъ бочка Діогена къ побѣдамъ Александра» ³⁾.

Французскій обычай воспитывать дѣвушекъ въ монастыряхъ, въ полномъ невѣдѣніи жизни и, слѣдовательно, неприготовленными

¹⁾ Oeuvres complètes de Voltaire. Basel, 1786, т. 37—43. См. также отдѣльное изданіе: Dictionnaire philosophique. Paris, 1816.

²⁾ Diction. philosophique. Paris, 1816, т. VI, р. 237.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 217.

къ борьбѣ съ ея опасностями и соблазнами, вызвалъ у Вольтера благоразумныя слова въ статьѣ «*Adultère*»:

«Во Франціи дѣвушекъ запирають въ монастыри, гдѣ до сихъ поръ даютъ имъ смѣшное воспитаніе. Ихъ матери, чтобы утѣшить ихъ, внушаютъ имъ надежды, что онѣ будутъ свободны, когда выйдутъ замужъ. И вотъ, едва проживутъ онѣ годъ съ мужемъ, какъ начинаютъ уже стремиться испытать тайны своихъ прелестей. Молодая женщина живетъ, обѣдаетъ, прогуливается, ѣдетъ въ спектакль съ женщинами, уже устроившими свои дѣлишки; если у нея нѣтъ любовника, какъ у другихъ, ей стыдно, она не смѣетъ показаться въ свѣтъ... Мы оплакиваемъ женщинъ Турціи, Персіи, Индіи; но онѣ счастливѣе въ своихъ семьяхъ, нежели наши дѣвушки въ своихъ монастыряхъ»⁴⁾.

Особенно замѣчателенъ въ «Философскомъ словарѣ» трактатъ— «*Fanatisme*», въ которомъ знаменитый писатель вооружается ироніей и негодованіемъ противъ страстнаго заблужденія неразумной и злобной религіозной ревности, противъ поставленія фанатиками внѣшнихъ обрядовъ выше внутренней сущности вѣры.

«Ложная совѣсть (говоритъ Вольтеръ) порабощаетъ религію капризамъ воображенія и неправильностямъ страстей.

Вообразимъ огромный пантеонъ и, помѣстившись посрединѣ его, представимъ себѣ богомольцевъ различныхъ сектъ, прежнихъ и настоящихъ, у ногъ Божества, которое они почитаютъ каждый по своему... Тамъ гаситъ свѣтъ на могилѣ того, кого призываетъ. Здѣсь молящійся неподвиженъ и молчаливъ какъ статуя, передъ которой онъ преклоняется. Одинъ открываетъ то, что стыдъ прячетъ, потому что Богъ не стыдится своего подобія; другой закрываетъ даже лицо, какъ будто бы Создатель могъ испугаться своего созданія.

Ужасно видѣть, какъ мысль объ умиловленіи неба жертвой, разъ высказанная, распространилась почти во всѣхъ религіяхъ, и какъ увеличилось число случаевъ необходимости жертвы, такъ что никто не могъ, наконецъ, считать себя свободнымъ отъ ножа. То жертвой являлись враги... то дѣти... (справедливость, жаждущая невинной крови! говоритъ Монтанъ), то проливалась кровь самая дорогая: кароагенине приносили въ жертву своихъ собственныхъ сыновей.

Сочтемъ тысячи людей, погибшихъ на эшафотахъ въ вѣка преслѣдованій, убитыхъ рукою соотечественниковъ въ междоусобныхъ войнахъ, безразсудныхъ фанатиковъ-самоубійцъ... Однимъ словомъ, всѣ ужасы 15-ти вѣковъ; народы беззащитно зарѣзываемые у подножія алтарей, короли проищаемые кинжалами и отравляемые... мечъ между отцомъ и сыномъ, узурпаторы, тираны, палачи, отцеубійцы, святотатцы, нарушающіе всѣ явѣты божескіе и человѣческіе — вотъ исторія фанатизма и его подвиговъ.

Фанатизмъ есть религіозное сумашествіе, мрачное и жестокое. Это болѣзнь духа, которая распространяется какъ оспа... Тотъ, кто приходитъ въ экстатическое состояніе, у кого бываютъ видѣнія, кто принимаетъ сны за дѣйствительность и представленія своего воображенія за пророчества, тотъ фанатикъ-новичекъ подастъ большія надежды, — онъ могъ бы совершить убійство изъ любви къ Богу.

⁴⁾ Oeuvres complètes de Voltaire. Basel, 1786, т. 37, стр. 94.

Есть и фанатики холодные; это—судьи, которые приговариваютъ къ смерти людей, совершившихъ только то преступленіе, что они думаютъ иначе, чѣмъ ихъ обвинители ¹⁾.

Можно бы, конечно, привести и еще не мало примѣровъ борьбы Вольтера съ предрасудками и суевѣріями; но ограничимся приведенными.

Скептицизмъ, отдѣленный отъ ложныхъ примѣсей къ нему (о которыхъ рѣчь впереди), какъ чистую, отвлеченную стихію мысли, не какъ нѣчто дающее намъ истину, а какъ острое орудіе ума въ его поискахъ за истиной и въ разрушеніяхъ заблужденій, можно отнести также къ числу свѣтлыхъ сторонъ дѣятельности Вольтера. Примѣры скептицизма знаменитаго философа мы находимъ въ цитированномъ уже выше замѣчательномъ философскомъ сочиненіи «Душа» (Âme). Здѣсь въ отдѣлѣ I между прочимъ говорится:

«Мы дерзаемъ ставить вопросы: духъ или матерія — наша разумная душа? Создана ли она раньше насъ? Будетъ ли она жить въ вѣчности послѣ того, какъ одушевила насъ на этомъ свѣтѣ? — Но что такое эти вопросы, которые кажутся такими возвышенными? Ничто иное, какъ вопросы однихъ слѣпцовъ другимъ — что такое свѣтъ?

Она — духъ, говорятъ одни. Но что такое духъ? Никто ничего объ этомъ не знаетъ... Душа—матерія, говорятъ другіе. Но что такое матерія? Мы знаемъ только нѣсколько ея признаковъ и свойствъ, и ни одно изъ этихъ свойствъ, ни одинъ изъ этихъ признаковъ — не имѣютъ ни малѣйшаго соответствія съ мыслью ²⁾.

Природа сущности вещей есть тайна Создателя. Какимъ образомъ воздухъ несетъ звуки? какъ образуются животныя организмы? почему нѣкоторые изъ нашихъ членовъ повинуются нашей волѣ? какая рука помѣстила идеи въ нашей памяти, сохраняетъ ихъ тамъ и выводитъ оттуда, то согласно съ нашею волей, то противъ нея? ³⁾.

Душа мыслящая приказываетъ своимъ рукамъ брать, и онѣ берутъ. Она не приказываетъ своему сердцу биться, своей крови течь... но все это дѣлается помимо нея ⁴⁾.

Этими скептическими замѣчаніями Вольтеръ указываетъ намъ на неспособность для отвлеченнаго ума человеческого многихъ существеннѣйшихъ вопросовъ нашего бытія.

Но знаменитый писатель не удерживается на высотѣ своего скептицизма. Изъ-за приведенныхъ мыслей начинаетъ выглядывать холодная и циническая улыбка Мефистофеля. Вольтеръ незамѣтно переходитъ отъ скептицизма къ матерьялистическимъ вѣрованіямъ, подтверждая ихъ тонкими и хитрыми софистическими доводами; порой при этомъ софизмъ соединяется съ лице-

¹⁾ Diction. philos. Paris, 1816. IV, стр. 198.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 185—186.

³⁾ Тамъ же, стр. 202.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 234.

мѣриемъ. Такъ, на примѣръ, лицемѣрное негодованіе слышится въ слѣдующихъ возраженіяхъ защитникамъ духовности человѣческой души: какія доказательства имѣете вы, что душа есть нѣчто отличное отъ матеріи? (спрашиваетъ Вольтеръ).

Вольтеръ.

Съ портрета, писаннаго въ 1764 г., въ Фернейскомъ замкѣ, Дауселомъ.

«Развѣ то, что матерія дѣлима и имѣетъ форму, а мысль нѣтъ? Но кто вамъ сказалъ, что первыя основы матеріи дѣлимы и имѣютъ форму? Очень вѣроятно, что нѣтъ; цѣлыя школы философовъ утверждаютъ, что элементы матеріи не имѣютъ ни фигуры, ни протяженія. Вы кричите торжественнымъ голосомъ: мысль не состоитъ ни изъ дерева, ни изъ камня, ни изъ песку, ни изъ металла, слѣдовательно не принадлежитъ къ числу матеріальныхъ предметовъ. Слабые и дерзкіе резонеры! Сила тяжести — не изъ дерева, не изъ песку, не

изъ металла, не изъ камня; движеніе, прозябаніе, жизнь тоже не изъ этихъ предметовъ, и однако жизнь, прозябаніе, движеніе, тяжесть даны матеріи. Говорить, что Богъ не можетъ сдѣлать матерію мыслящей, значитъ говорить самый запосичивый абсурдъ, какой никогда не дерзали произносить въ привилегированныхъ школахъ лжи.

Такія разсужденія Вольтеръ закончиваетъ ядовитой прибавкой:

«Мы не убѣждены, что Богъ такъ сдѣлалъ; мы только увѣрены, что онъ могъ это сдѣлать» ¹⁾.

Вообще, скептическія мысли только эпизодически входятъ въ сочиненіе «Душа»; основная же идея и цѣль этого трактата—доказать, во что-бы то ни стало, смертность человѣческой души.—Остановимся еще на одномъ примѣрѣ софизма, болѣе смѣломъ и рѣзкомъ, и въ тоже время болѣе грубомъ.—У ребенка 6 или 7 лѣтъ почти столько-же идей въ мозгу (говорить знаменитый писатель ²⁾), сколько у охотничьей собаки. Съ возрастомъ человѣка число понятій въ его головѣ увеличивается и наконецъ дѣлается безконечнымъ. Но должно-ли вслѣдствіе этого вѣрить, что съ возрастомъ измѣняется природа человѣка?

Нѣтъ, безъ сомнѣнія; ибо вы видите съ одной стороны слабоумнаго, съ другой — Ньютона: вы думаете однако, что они одной природы, и что разница между ними есть лишь различіе между великимъ и малымъ.

«А между ребенкомъ и собакой въ 100 разъ больше соответствія, нежели между такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ Ньютонъ, и совершеннымъ глупцомъ. Что-же я долженъ думать о природѣ души человѣческой? То, что думали всѣ народы до тѣхъ поръ, пока египетская политика не придумала духовности, безсмертія души.

«Я предположу съ достаточною вѣроятностью, что Архимедъ и кротъ—существа одного рода, хотя различнаго вида, такъ же какъ дубъ и горчичное зерно устроены по однимъ принципамъ, хотя одинъ — большое дерево, а другое—маленькое растеніе. Я буду думать, что Богъ далъ доли ума соразмѣрно съ долями матеріи, организованной для мышленія».

Софизмъ здѣсь (въ сопоставленіи ребенка и собаки и въ утвержденіи, будто между ними несомнѣнно больше общаго, нежели между мудрецомъ и глупымъ человѣкомъ),—софизмъ здѣсь почти очевиденъ.

Вольтеръ легкомысленно и дерзко играетъ мыслями и иногда, съ серьезнымъ видомъ и съ циническимъ смѣхомъ въ душѣ, высказываетъ до крайности грубые парадоксы, какъ напримѣръ слѣдующій, въ статьѣ «Mahométans» ³⁾: онъ утверждаетъ, что магометанскую религію нельзя назвать чувственной, такъ какъ она

¹⁾ Тамъ же, в. I, р. 186.

²⁾ Тамъ же, 216—217.

³⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 6.

требуетъ соблюденія поста, запрещаетъ вино, азартныя игры и не дозволяетъ человѣку имѣть болѣе 4 жепъ, между тѣмъ католическія духовныя лица имѣютъ несравненно большее число любовницъ.

Если человѣкъ съ серьезнымъ умомъ, съ горячимъ и искреннимъ сердцемъ придетъ къ тѣмъ безотраднымъ мыслямъ, къ которымъ пришелъ Вольтеръ, къ увѣренности въ смертности души, въ бессиліи человѣческаго ума проникнуть въ сущность вещей,— у него на сердцѣ станетъ очень тяжело:—

Съ безконечной тоскою высказываетъ свои горькія думы герой разсказа Тургенева «Довольно», пришедшій къ убѣжденію въ бессиліи человѣка передъ неотразимымъ могуществомъ матеріальной природы.

«Ей (природѣ) слѣзнуть нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неуклонно покорная законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка переходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго... Человѣкъ сея дитя; по человѣческое, искусственное, ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ... она создаетъ, разрушая, и ей все равно: чтò она создаетъ, чтò она разрушаетъ... она также спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдастъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла» (гл. XV). «Ему (человѣку) одному дано «творить»; но страшно и страшно вымолвить: мы творцы на часъ, какъ былъ, говорятъ, калифъ на часъ. Въ этомъ наше преимущество—и наше проклятіе: каждый изъ этихъ «творцевъ», самъ по себѣ, именно онъ, не кто другой, именно это я, словно созданъ съ предначтѣніемъ, съ предначертаніемъ; каждый болѣе или менѣе смутно понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что онъ сродни чему-то высшему, вѣчному — и живетъ, долженъ жить въ мгновенья и для мгновенья. Сиди въ грязи, любезный, и тянись къ небу!» (XVI гл.). — «Тогда одно остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія... самопрезрѣнія: спокойно отвернуться отъ всего, сказать: довольно!—и, скрестивъ на пустой груди непущныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознанія собственнаго ничтожества».

Величайшій легкомысленникъ, Вольтеръ не понималъ и не чувствовалъ такихъ страданій человѣческаго я, страданій нашей духовной природы; онъ легко находилъ успокоеніе отъ скорбныхъ думъ. Пришедши къ мысли о бессиліи человѣческаго ума, онъ утѣшаетъ себя соображеніемъ, что «природа вещей—тайна Создателя».

«О человѣкъ! (воскликаетъ онъ) Богъ далъ тебѣ разумъ, чтобы жить какъ должно, а не для того, чтобы проникать въ сущность вещей, которыя Онъ создалъ»¹⁾.

¹⁾ Тамъ же, в. I, р. 240 («Аме»).

«Какъ печально, скажете вы, для нашей ненасытимой любознательности, для нашей неистощимой заботы о благосостояніи, быть въ такомъ невѣжествѣ. Я соглашаюсь, и есть вещи еще болѣе печальныя; но я вамъ отвѣчу:

Sors tua mortalis, non est mortale quod optas ¹⁾.

«Будемъ жить въ братствѣ, будемъ почитать въ мирѣ нашего общаго Отца,— вы съ вашими душами мудрыми и смѣлыми (обращается философъ къ защитникамъ безсмертія человѣческаго духа), мы съ нашими незнающими и робкими. Жизнь наша — день: проведемъ его тихо» ²⁾.

Нужно было имѣть очень большой «избытокъ веселости» (подмѣченный въ Вольтерѣ нашимъ великимъ поэтомъ), чтобы говорить такія рѣчи и такъ просто и скоро себя успокаивать.

По мнѣнію Вольтера, вѣрованія человѣческія, рѣшеніе вопроса о безсмертіи въ ту или другую сторону — не имѣетъ вліянія на нравы людей, на общественную жизнь.

«Большая часть современныхъ мудрецовъ — чудовища (говоритъ онъ ³⁾, а древніе были люди. Въ Римѣ въ театрѣ публично пѣли: *Post mortem nihil est; ipsaque mors nihil* ⁴⁾. Эти чувства не дѣлали людей ни лучшими, ни худшими; все было управляемо, все шло своимъ порядкомъ; и Титы, Трояны, Марки Аврелии правили землей, какъ благотворные боги».

Подобныя воззрѣнія, подобные совѣты (считать жизнь короткимъ днемъ, которымъ слѣдуетъ воспользоваться) приводили, конечно, къ проповѣди наслажденія матерьяльными благами этой скоропроходящей жизни, приводили къ цинизму воззрѣній и на жизнь, и на человѣка.

«Циникъ посядѣлый», сказалъ Пушкинъ,—и тотъ не составитъ себѣ вѣрнаго представленія о Вольтерѣ, кто не обратитъ достаточнаго вниманія на эту сторону его характера. Сильнѣе всего цинизмъ проявляется у Вольтера въ его взглядахъ на любовь и на человѣческую природу, которую онъ называетъ эгоистической и злою.

Въ трактатѣ «Философскаго словаря»—«*Amour*» ⁵⁾ знаменитый писатель считаетъ любовь человѣческую чисто физическимъ чувствомъ и сравниваетъ ее съ вождѣлѣніемъ животныхъ, отдавая послѣднимъ предпочтеніе въ стремительности и силѣ чувства: хочешь имѣть идею о любви (поучаетъ онъ человѣка),—посмотри на голубя, на коня: на

«этотъ ротъ, открывающійся съ небольшими конвульсіями, эти волосы, поднявшіеся и развѣивающіеся, это стремительное движеніе, съ которымъ онъ кидается на предметъ, который ему назначила природа».

¹⁾ Тамъ же, р. 202. Судьба твоя — быть смертнымъ; а то, чего ты ждешь, не есть смертно.

²⁾ Тамъ же, р. 226.

³⁾ Тамъ же, р. 227.

⁴⁾ Послѣ смерти нѣтъ ничего, и сама смерть — ничто.

⁵⁾ Тамъ же, v. I, р. 245—260.

Но (утѣшаетъ Вольтеръ человѣка) не завидуй животному и подумай о преимуществахъ человѣческаго рода: животное не знаетъ объятій, поцалуевъ; оно можетъ предаваться любви лишь въ назначенные природою сроки, а человѣкъ—во всякое время; кромѣ того—

«такъ какъ люди имѣютъ даръ улучшать все, что дала имъ природа, то они усовершенствовались и любовью. Чистота, забота о себѣ самомъ, дѣлая кожу болѣе нѣжной, увеличиваютъ удовольствіе ощущенія... Всѣ другія чувства присоединяются затѣмъ къ чувству любви, какъ металлы амальгамируются съ золотомъ: дружба, уваженіе приходятъ на помощь; таланты тѣла и духа — вотъ еще новыя цѣпи...»

Далѣе Вольтеръ пускаетъ каплю яду въ эту идиллическую и циничную картину звѣриныхъ радостей; онъ съ насмѣшкой и лицемѣрной печалью говоритъ человѣку:

«Но если ты вкушаешь столько удовольствій, которыхъ животныя не знаютъ, то сколько у тебя горестей, о которыхъ животныя не имѣютъ и понятія!.. Не развратъ внесъ ихъ въ міръ. Фрины, Лансы, Флоры, Мессалины не были никогда осаждаемы сифилисомъ; онъ родился на островахъ, гдѣ люди жили въ невинности, и оттуда онъ распространился въ старомъ мірѣ».

Остановимся еще на статьѣ «Adorer» (обожать): въ ней внутренній цинизмъ писателя облекся въ лицемѣрные формы негодованія на человѣческую испорченность. Вольтеръ считаетъ большою ошибкой употребленіе въ нѣкоторыхъ языкахъ одного и того же слова (обожать) для обозначенія отношеній къ Высшему Существу и къ дѣвушкѣ. Онъ лицемѣрно ставитъ въ примѣръ новымъ народамъ древнихъ грековъ и римлянъ, которые, по его словамъ, —

«никогда не впадали въ эту безумную профанацію. Гораций никогда не говорилъ, что онъ обожаетъ Лалагу; Тибуллъ совсѣмъ не обожаетъ Делію»¹⁾.

Вольтеръ, очевидно, не понималъ и не хотѣлъ понимать чистоты романтическаго чувства, его благоговѣйныхъ отношеній къ любимому существу.

Назову еще статью «Adultère»²⁾ (нарушитель супружеской вѣрности), въ которой развивается циническая мысль, что прекрасно были устроены отношенія мужчины и женщины въ Спартѣ, гдѣ была общность женъ, а дѣти принадлежали государству.

«Лакедемоняне имѣли основаніе говорить, что нарушеніе супружеской вѣрности было невозможно между ними. Не такъ у нашихъ націй, всѣ законы которыхъ основаны на различіи твоего и моего».

На человѣческую природу Вольтеръ смотрѣлъ съ полнымъ недоумѣемъ и считалъ ее дурною въ корнѣ.

«Всякій человѣкъ (пишетъ онъ въ трактатѣ «Egalité», sec. II) рожденъ съ довольно сильной наклонностью къ господству надъ другими, къ роскоши и удо-

¹⁾ Тамъ же, v. I, p. 83 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, p. 90 и слѣд.

вольствіямъ, и съ большимъ запасомъ лѣни; слѣдовательно, всякій человекъ хочетъ имѣть деньги и женъ или дочерей своихъ ближнихъ, быть ихъ обладателемъ, подчинить ихъ своимъ капризамъ и ничего не дѣлать, или, по крайней мѣрѣ, дѣлать только то, что ему пріятно. Вы видите, что съ этими прекрасными предрасположеніями такъ же невозможно, чтобы люди были равны, какъ невозможно, чтобы два проповѣдника или два профессора теологіи не завидовали бы другъ другу».

Но этотъ безотрадный взглядъ, эта увѣренность въ природной безнравственности человека нисколько не смущаютъ Вольтера: что-жъ такое, что изъ-за человѣческаго эгоизма всегда будетъ на землѣ много бѣдныхъ! Не всѣ бѣдные несчастны:

«Большая часть ихъ родилась въ этомъ состояніи, и постоянная работа мѣшаетъ имъ особенно чувствовать свое положеніе».

Въ этомъ воззрѣніи на бѣдняковъ, въ спокойной увѣренности знаменитаго философа, что всегда на землѣ бѣдняки будутъ исполнять приказанія богатыхъ, слышится аристократизмъ. Аристократизмъ присущъ вообще взглядамъ Вольтера; но въ «Философскомъ словарѣ» его замѣтно менѣе; гораздо ярче и откровеннѣе высказывается онъ въ перепискѣ съ различными лицами, не предназначавшейся для печати. Такъ, въ письмѣ къ нашей императрицѣ Екатеринѣ, отъ 18-го ноября 1771 года, мы читаемъ:

«Смерть архіепископа (Амвросія) заслуживаетъ великое изстязаніе, но убійство, сдѣланное кавалеру де-ла-Барру еще болѣе мерзостно и ужасно; оно учинено съ хладнокровіемъ такими людьми, которымъ, казалось, надобно бы имѣть общій смыслъ и человѣколюбіе» ¹⁾.

То-есть значить чернь, простой народъ, не можетъ имѣть ни здраваго смысла, ни человѣколюбія.

Въ другомъ письмѣ къ императрицѣ Вольтеръ выражается про «чернь», что она

«никогда не бываетъ разумомъ управляема» и ее «должно школить точно такъ, какъ медвѣдей» ²⁾.

Луи Бланъ въ своей «Исторіи французской революціи» ³⁾ утверждаетъ, что Вольтеръ недостаточно любилъ народъ. «Забота о его памяти (говоритъ историкъ про знаменитаго философа) стоитъ менѣе, чѣмъ судьба народа, которому онъ могъ бы лучше служить. Геній заслуживаетъ прославленія, но онъ долженъ терпѣть и судъ. Неприкосновенны въ мірѣ только справедливость и истина».

Въ подтвержденіе своего отзыва Луи Бланъ приводитъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ писемъ Вольтера. Такъ, изъ одного письма къ д'Аламберу онъ беретъ слова:

¹⁾ «Философическая и политическая переписка импер. Екатерины съ г. Вольтеромъ, отъ 1763 по 1779 г.», въ 2-хъ ч. Спб., 1802 г.—Ч. II, стр. 68.

²⁾ Тамъ же, стр. 72.

³⁾ Paris. 1847. Переводъ г. Антоновича. Спб. 1871 г.—См. франц. изд., т. I, стр. 306.

«Никогда никому не приходило въ голову просвѣщать сапожниковъ и слугаюнокъ. Разумъ восторжествуетъ, но у людей благородныхъ, каналы созданы не для него».

Въ письмѣ къ Дидро Вольтеръ говоритъ:

«Я рекомендую вамъ суетворіе. Нужно разрушить его у благородныхъ людей и оставить канальямъ».

Геттнеръ въ своей «Исторіи всеобщей литературы XVIII вѣка» ¹⁾ пытается защитить Вольтера отъ нападеній Луи Блана. «Вольтера обвиняють обыкновенно (говорить онъ) въ пошломъ аристократическомъ себялюбіи»; но это неосновательно: доказательство — «его человѣколюбивая дѣятельность въ Фернеѣ» и многія изъ его писемъ и стихотвореній; кромѣ того: «какъ сильна его ненависть ко всякимъ аристократическимъ комплотамъ, къ Фрондѣ, къ заговорамъ польскаго и шведскаго дворянства! Но съ другой стороны, Вольтеръ, какъ значительный и опытный землевладѣлецъ, слишкомъ близокъ былъ къ суровой почвѣ дѣйствительности, чтобы безотчетно отдаваться тѣмъ сантиментальнымъ мечтаніямъ о настоящемъ положеніи народнаго образованія и народнаго характера, какимъ могли подчиняться его друзья въ парижской салонной жизни». Не трудно замѣтить, что такая защита Вольтера не достигаетъ цѣли и слаба по самому существу своихъ доводовъ. Да кромѣ того тутъ же Геттнеръ самъ приводитъ опровергающіе его мысль отрывки изъ писемъ знаменитаго мыслителя. Такъ, въ письмѣ къ Дамилавиллю (отъ 1-го апр. 1766 г.) Вольтеръ выражается:

«Я думаю, что относительно народа мы не понимаемъ другъ друга. Я понимаю подъ народомъ *populace*, чернь, у которой есть только руки, чтобы работать. Я опасаясь, что этотъ разрядъ людей никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться. Мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды. Еслибы вамъ пришлось воздѣлывать землю, какъ имъ, вы, конечно, согласились бы со мной; *quand la populace se mêle de raisonner, tout est perdu*».

Въ письмѣ къ Таборо (отъ 3-го февр. 1769 г.) Вольтеръ увлекается даже до такого мнѣнія:

«Народъ всегда безвкусева и грубъ; это — быки, которымъ нужно ярмо, погонщикъ и кормъ».

Высокомѣрный аристократизмъ, такъ несомнѣнно просвѣчивающій въ подобныхъ отзывахъ о народѣ, въ подобномъ презрѣніи къ «черни», уживался въ душѣ Вольтера съ самоуничиженіемъ передъ сильными міра. (Явленіе довольно обыкновенное, хотя на первый взглядъ какъ-будто поражающее противорѣчіемъ). Вольтеръ былъ льстецъ. Такъ, его письма къ императрицѣ Екатеринѣ удивительны по своей, непостижимой для нашего времени, беззастѣн-

¹⁾ Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. II. Французская литература. Спб. 1866 г. Стр. 162.

«истор. вѣстн.», май, 1884 г., т. XVI.

чивой, безграничной лести. Онъ писалъ императрицѣ (дѣлаю сводъ выражений изъ разновременныхъ его писемъ), что она выше Солона и Ликурга, выше Петра I, Людовика XIV, Ганнибала; римляне не устояли бы въ войнѣ съ нею; она—первая между царями, она—единственный великій человѣкъ въ Европѣ, она—первая особа въ свѣтѣ, она—предметъ удивленія въ Европѣ и Азіи; всѣ люди ничто передъ нею; она должна быть императрицей всего міра; душа ея—всеобъемлюща и ничто великое не можетъ ее удивлять; своимъ великодушіемъ приносить она честь человѣческому роду; умъ ея можетъ быть мѣриломъ всякаго достоинства; она учительница философовъ, она ученѣе всякихъ академій; она достойна храмовъ и памятниковъ, и всѣми этими качествами обладаетъ не какъ императрица, а какъ человѣкъ; она «благотворительница человѣческаго рода», душа и жизнь народовъ; она призвана преобразовать міръ въ другой видъ, она сдѣлала XVIII вѣкъ златымъ вѣкомъ; она «вперяетъ геройство» въ своихъ приближенныхъ; гдѣ она—тамъ рай, и жить подъ ея законами—блаженство; она — «святая», она — Ангелъ, передъ которымъ людямъ надо молчать благоговѣйно, она выше всѣхъ святыхъ, она равна Богородицѣ, она «Пресвятая Владычица Снѣговая», она—божество сѣвера и богопочитаніе ея повсемѣстно; онъ, Вольтеръ, потому только не презираетъ греческую церковь, что Екатерина—ея «глава». «*Te Catharinam laudamus, Te dominam confitemur!*» восклицаетъ знаменитый писатель по поводу побѣды русской императрицы надъ турками, святотатственно передѣлывая христіанскій гимнъ. Екатерина — выше природы, исторіи, философіи; она успѣваетъ дѣлать столько, сколько не можетъ дѣлать человѣкъ, когда въ суткахъ только 24 часа, потому что у нея не одна душа, а нѣсколько, и число талантовъ ея — тайна; лавры нигдѣ не растутъ теперь больше, какъ только на сѣверѣ; философы отступаютъ отъ своихъ идей и убѣжденій, будучи очарованы ея великими дѣлами; «счастливъ будетъ тотъ писатель, который возможетъ исторію Екатерины Второй издать въ одно столѣтіе». Ея учрежденія—величайшія учрежденія міра: ея училище благородныхъ дѣвицъ—выше Сентъ-Сира; ея имперія—выше другихъ; ея законы—выше всѣхъ законовъ, ея Уложеніе—«всемирное Евангеліе». Наконецъ даже: празднества ея—самыя лучшія празднества; алмазь, принадлежащій ей, больше Регента; руки ея—наипрекраснѣйшія во всемъ свѣтѣ и ноги ея — «бѣлѣе снѣгу въ Ея сторонахъ бывающаго». Про себя Вольтеръ говоритъ, что онъ до такой степени очарованъ императрицей, что, будучи врагомъ войны, жаждетъ, однако, извѣстій о побѣдахъ Екатерины: эти извѣстія исцѣляютъ его болѣзни, поддерживаютъ его жизнь. Онъ и д'Аламберъ только и дѣлаютъ, что ищутъ лавровъ для украшенія ея изображенія. Въ заключеніе всѣхъ этихъ восторговъ Вольтеръ выражаетъ даже удивленіе, какъ это она снисходить до переписки съ такимъ ничтожествомъ, какъ онъ; великій

писатель называетъ себя при этомъ «старымъ вралемъ» и «старой тварью».

Воззрѣніе Вольтера на народъ, презрѣніе его къ народу выразилось, если не такъ ярко, какъ въ письмахъ, то болѣе существенно въ сочиненіи, недавно открытомъ В. И. Семевскимъ ¹⁾. Въ 1767 году Вольное Экономическое Общество въ Петербургѣ предложило на конкурсъ тему—«о поземельной собственности крестьянъ». Въ отвѣтъ на вызовъ былъ присланъ въ Общество цѣлый рядъ сочиненій русскихъ и иностранныхъ. Между ними есть и произведение Вольтера, оно носитъ девизъ: «*si populus dives, rex dives*». Это произведение было удостоено отъ Общества почетнаго отзыва. По мнѣнію Вольтера, справедливость требуетъ, чтобы государь освободилъ церковныхъ рабовъ и своихъ собственныхъ. Но что касается помѣщиковъ, то имъ надо предоставить право—освобождать крестьянъ или нѣтъ, по ихъ собственному усмотрѣнію. Самъ Вольтеръ полагаетъ, что дворянамъ выгоднѣе отдавать земли въ оброкъ, чѣмъ воздѣлывать ихъ рабскимъ трудомъ; но онъ думаетъ, что во всякомъ случаѣ земля должна принадлежать помѣщикамъ; онъ убѣжденъ, что крестьянамъ не надо имѣть поземельной собственности.

«Нужно (говорить онъ), чтобы были люди, которые бы ничего не имѣли, кромѣ рукъ и доброй воли... Они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе заплатитъ, и это замѣнитъ имъ собственность».

Вольтеръ въ этомъ сочиненіи вѣренъ своей ненависти къ духовенству и своему всегдашнему взгляду на отношенія сословій.

III.

Вліяніе Вольтера и другихъ философовъ-матерьялистовъ на русское общество.

Г. Семевскій справедливо замѣчаетъ, что императрица Екатерина буквально исполнила программу Вольтера: она освободила монастырскихъ крестьянъ и не посягнула на права частныхъ владѣльцевъ.

На этомъ примѣрѣ мы такимъ образомъ наглядно видимъ, какъ сильно было вліяніе знаменитаго Фернейскаго философа на Екатерину,—она не изъ простой любезности называла себя его ученицей.

Съ раннихъ лѣтъ своей молодости до глубокой старости, до смерти, Екатерина считала и называла Вольтера своимъ учителемъ. Бя уваженіе къ нему и къ его сочиненіямъ было безгранично, пере-

¹⁾ Ст. В. И. Семевскаго: «Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II», въ «Отеч. Зап.», 1879 г., №№ 10—12.

ходило въ благоговѣніе. Нужно при этомъ замѣтить, что она воспиталась и образовалась на его сочиненіяхъ. «Я ему (Гримму) сказывала (писала императрица Вольтеру ¹⁾) и о томъ, что Вами можетъ быть и запамятовано, т. е. что Вы меня мыслить приучили». Вольтера считала императрица величайшимъ писателемъ не только всѣхъ прошедшихъ временъ, но и будущихъ. «Не могу я не повторить тѣхъ же самыхъ словъ (писала она ему въ 1771 году ²⁾), словъ, которыя уже стократно говаривала, что никто до Васъ не писалъ такъ, какъ Вы, и что сомнительно, чтобы кто-нибудь и послѣ Васъ могъ сравняться съ Вами». — Величайшій человекъ по уму, Вольтеръ въ глазахъ Екатерины такъ же высокъ и нравственно:

«быть ходатаемъ за родъ человѣческій и защитникомъ угнетасмой невинности (говоритъ она про него ему самому ³⁾), это такія рѣдкія дѣянія, кои заслуживаютъ безсмертнаго имя, и рождаютъ къ Вамъ неизяснимое почтеніе. Вы противоборствовали всѣмъ совокупившимся врагамъ человѣковъ: суевѣрію, изступленію, невѣжеству, ябедѣ, безсовѣстнымъ судьямъ и той власти, которая раздроблена по разнымъ рукамъ. Для преодоленія сихъ препонъ многія качества и добродѣтели потребны; и Вы доказали, что ихъ имѣете, поколику побѣдили».

Благоговѣнное уваженіе Екатерины къ Вольтеру такъ велико, что она (по поводу своего спора съ нимъ о русскомъ обычаѣ цловать руку у священника) написала ему: «если Вы, приѣхавъ сюда, сдѣлаетесь здѣсь сами священникомъ, то я стану у Васъ просить благословенія, по полученіи же онаго охотно поцалую ту руку, которая столь много хорошаго, столь много полезныхъ истинъ написала».

Не одну императрицу Екатерину увлекалъ Вольтеръ своими сочиненіями, не на одну ее у насъ на Руси вліяли онъ и другіе «философы» XVIII вѣка. Могушественному очарованію ихъ идей вообще, а его проповѣди въ особенности, поддавались люди всѣхъ слоевъ общества. Мнѣ приходилось уже говорить объ этомъ довольно подробно, на основаніи записокъ современниковъ, въ другомъ своемъ сочиненіи ⁴⁾. Такъ называемымъ «вольтерьянствомъ» увлекались у насъ и дурные люди — и хорошіе, и вѣрующіе — и невѣрующіе, и глупцы — и умные и талантливые личности. Не повторяя сказаннаго уже, прибавлю здѣсь два-три характерныхъ факта. Болотовъ повѣствуетъ въ своихъ «Запискахъ» (своимъ вялымъ, монотоннымъ языкомъ и по обыкновенію глуповато), что старикъ князь, отецъ его начальника, «любилъ читать книги и по

¹⁾ Переписка Екатерины II съ г. Вольтеромъ, ч. II, стр. 168—169.

²⁾ Тамъ же, т. I, стр. 196.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 17.

⁴⁾ «Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.». Спб. 1875 г. — Стр. 29, 30, 39.

днямъ большую часть времени занимался, сидячи одинъ въ комнатѣ, чтеніемъ». Онъ, «находясь при дверяхъ самаго гроба», обожалъ Вольтера, Гельвеція «и другихъ подобныхъ имъ изверговъ»¹⁾. — Д. В. Дашковъ, бывшій впоследствии министромъ юстиціи, такъ писалъ о Вольтерѣ къ Н. О. Грамматину въ 1805 году: «Не удивляюсь тому, что Вольтеръ нравится тебѣ больше Корнеля. Самые недостатки перваго плѣнительны, а многія изъ лучшихъ мѣстъ втораго скучны и холодны для молодаго, пылкаго человѣка. Мнѣ досадно только то, что ты обижаешь Вольтера, говоря, что онъ упалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ругаетъ своихъ противниковъ... остерегайся, мой другъ, судить несправедливо такого человѣка, который, конечно, достоинъ нашего почтенія и благодарности». Въ другомъ письмѣ къ тому-же Грамматину Дашковъ поздравляетъ его «отъ всего сердца» съ тѣмъ, что онъ Вольтера призналъ выше «варвара Шекспира»: «Въ самомъ дѣлѣ поздравляю тебя! Главный шагъ уже сдѣланъ: вѣжныя и великолѣпныя красоты французовъ прельстили тебя, и съ сихъ поръ ты не иначе будешь смотрѣть на англичанъ..... какъ съ сожалѣніемъ, что они со всѣми ихъ талантами не родились, не образовались среди французовъ XVII и половины XVIII вѣка!»²⁾ — Извѣстный типографщикъ Селивановскій (у котораго Радищевъ хотѣлъ-было печатать свое «Путешествіе») былъ, по свидѣтельству его сына,³⁾ человѣкомъ свободнаго образа мыслей, и его любимымъ чтеніемъ были «издаваемые въ ту пору въ переводахъ и даже на его счетъ сочиненія Вольтера». — Жихаревъ рассказываетъ въ своей книгѣ⁴⁾ объ одномъ израненномъ, или «изрубленномъ въ котлету» маіорѣ Евреиновѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Липецкѣ: этотъ маіоръ «брѣдитъ Вольтеромъ, Дидротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и внѣ ихъ сочиненій не находитъ ничего заслуживающаго вниманія и уваженія». Жихаревъ пробовалъ разувѣрить его насчетъ этихъ писателей и предлагалъ прочесть Шиллера: «куда тебѣ! Глаза нальются кровью, пѣна у рта; не даетъ слова выговорить. — Да читали-ли вы что нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей? — Не читалъ и читать не хочу и не буду!» кричалъ пылкій не только въ бою, но и въ поклоненія «философамъ» XVIII-го вѣка, воинъ. — Тотъ же Жихаревъ, говоря, что по счастью онъ получилъ въ дѣтствѣ въ деревнѣ благочестивое русское воспитаніе, замѣчаетъ, что это воспитаніе до такой степени было не въ духѣ вѣка, что надъ нимъ «издѣвались сосѣди»⁵⁾. — Даровитый Добрынинъ въ

¹⁾ Записки Болотова, т. III, гл. 20 (въ «Русской Старинѣ», 1872 г., № 10, стр. 927—928).

²⁾ Библиографическія Записки, 1859 г., № 9, стр. 258—259.

³⁾ Записки Селивановскаго, въ «Библ. Зап.», 1858 г., № 17, стр. 526—527.

⁴⁾ Записки Современника, стр. 121.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 39.

своихъ художественныхъ запискахъ такъ проникнуть идеями Вольтера и другихъ «философовъ» своего времени, что судить съ ихъ точки зрѣнія, обращаетъ свое сомнѣніе и свой юморъ на тѣ предметы, на которые любилъ обращаться умъ Вольтера. Въ одномъ мѣстѣ онъ, напримѣръ, такимъ образомъ говоритъ объ евреяхъ: «они примѣтно похожи на своихъ предковъ, которые обокрали у египтянъ серебро и золото, по согласію св. пророка Мойсея, который потомъ, ушедши съ ними и съ покражею изъ Египта, прошелъ чудеснымъ образомъ чрезъ море, удостоился получить скрижали заветъа и тогда же ихъ разбилъ, осердившись на народъ, такъ точно, какъ бы генераль, осердившись на солдатъ, разодралъ данное ему именное царское повелѣніе» ¹⁾. Добрынинъ, не вѣря самъ въ чудеса («въ наши грѣшныя времена, говоритъ онъ ²⁾», не могутъ мѣститься на земли великіе чудотворцы, кромѣ обыкновенныхъ чудодѣевъ»), съ удивленіемъ и даже съ сожалѣніемъ рассказываетъ объ одномъ помѣщикѣ, Пассекѣ, что тотъ, думая, что «въ неизмѣримомъ пространствѣ воздуха» существуетъ «безчисленное множество міровъ», въ то же время вѣрилъ, что его чудесно избавилъ отъ болѣзни образъ Смоленской Божіей Матери. Добрынинъ прибавляетъ, что не онъ одинъ удивлялся вѣрѣ Пассека въ чудесное изцѣленіе: этому дивилась и дочь Пассека, «умная и бойкая барышня, лѣтъ 22-хъ»; она сказала Добрынину: «развѣ не можетъ все это присниться?» ³⁾.— Ученіе энциклопедистовъ объ эгоизмѣ, какъ руководящемъ принципѣ жизни, тоже усвоено Добрынинымъ: «что же въ родѣ смертныхъ (спрашиваетъ онъ ⁴⁾) есть безъ интереса? Да не онъ-то ли и есть, подъ различными именами и видами, душа и связь всего міра? міра моральнаго, натуральнаго и политическаго».

Русское общество екатерининскихъ временъ не отличалось образованіемъ, было даже невѣжественно; и если идеи Вольтера и другихъ «философовъ» распространялись въ немъ, то въ большинствѣ случаевъ, конечно, не путемъ прямого усвоенія философскихъ произведеній этихъ мыслителей, а посредствомъ ознакомленія съ болѣе популярными сочиненіями ихъ. Такъ, мысли Вольтера широкой волною вливались въ головы и души нашихъ предковъ чрезъ его романы и повѣсти, столь заманчивые и по своему остроумію, и по скабрзности своего содержанія. Даже императрица Екатерина, принадлежавшая несомнѣнно къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, многія мысли своего уважаемаго учителя взяла именно изъ его беллетристическихъ произведеній. Въ одномъ письмѣ

¹⁾ Записки Добрынина (Истинное повѣствованіе и т. д.). Спб. 1872 г. Стр. 134.

²⁾ Тамъ же, стр. 144.

³⁾ Тамъ же, стр. 244.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 215.

1768 года къ нему, императрица, рассказывая о привитіи себѣ оспы, прибавляетъ: «я въ добавокъ къ тому малому количеству лекарствъ, которыя даются въ продолженіе оспы, или и совѣмъ не даются, употребляла три или четыре превосходныхъ лекарства, коими совѣтую всякому благомыслящему въ подобномъ случаѣ пользоваться, а именно: чтеніе Шотландки, Кандида, Добросердечнаго, Человѣка въ 40 талеровъ и Принцессы Вавилонской; послѣ сихъ лекарствъ нельзя чувствовать ни малѣйшей боли».—Вольтеръ считался въ свое время поэтомъ и ставился своими поклонниками выше Шекспира и Шиллера. — Для насъ теперь, разумѣется, ясно, что поэтическимъ даромъ знаменитый писатель не обладалъ; но его повѣсти полны интереса по умѣнью живо рассказывать занимательныя событія, а главное по умѣнью ясно и общедоступно излагать отвлеченныя воззрѣнія. Вольтеръ пользовался поэтической формой для популяризованія своихъ идей. Это, конечно, тѣ же идеи, что въ «Философскомъ словарѣ» и другихъ сочиненіяхъ; но, выведенныя изъ отвлеченной сферы въ реальную жизнь, онѣ, если можно такъ выразиться, еще болѣе оmateriализировались. Скептицизмъ, покинувъ умственную область, оставилъ тамъ и свою отвлеченную чистоту и обратился на разбиваніе вѣры въ нравственную доблесть и силу человѣческой души въ ея проявленіяхъ какъ въ жизни индивидуумовъ, такъ и въ жизни обществъ и народовъ. Цинизмъ же въ воззрѣніяхъ знаменитаго писателя на человѣческую природу и людскія отношенія, обратившись къ реальнымъ фактамъ жизни, нашелъ себѣ богатую пищу въ изображеніи обширнаго ряда неприличныхъ похощеній и событій. За грязными картинками, съ любовью и обстоятельностью рисуемыми Вольтеромъ, скрываются и зачастую исчезаютъ даже добрыя намѣренія автора; такъ, желаніе обличить безнравственность и лицемеріе католическаго духовенства отступаетъ на второй планъ передъ яркой, соблазнительной картиной похощеній монаховъ въ повѣсти «Письма Амабеда»; тоже надо сказать про борьбу съ фанатизмомъ и суевѣріями и вообще про свѣтлыя идеи Вольтера. Что же касается софизмовъ и непримиренныхъ противорѣчій, то ихъ въ романахъ и повѣстяхъ больше, чѣмъ въ философскихъ трактатахъ, потому что имъ, конечно, удобнѣе скрываться въ запутанныхъ изображеніяхъ житейскихъ событій, чѣмъ въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ. Ограничусь этими общими указаніями и не буду подробно разбирать беллетристическихъ произведеній знаменитаго писателя: такой разборъ сдѣланъ мною въ другомъ сочиненіи (въ моей книгѣ о Новиковѣ).

Мефистофель теряетъ свое обаяніе (обаяніе силы сомнѣнія, силы разлагающей мысли), когда спускается съ высоты своей отвлеченности въ дѣйствительность,—онъ ведетъ тогда Фауста, т. е. человѣка, въ грязь жизни, въ наслажденіе животными благами и радостями. — Нельзя сказать, разумѣется, что романы Вольтера создали

развратъ общества XVIII вѣка; но что они этотъ развратъ поддерживали и развивали — это несомнѣнно. Да и сами они, какъ и творецъ ихъ, были созданиємъ и яркимъ выраженіемъ низко стоявшаго въ нравственномъ отношеніи, разлагавшагося французскаго общества. — Что это было за общество, мы видимъ изъ картины его, нарисованной въ тѣхъ же повѣстяхъ (напримѣръ: въ «Простодушномъ», въ романѣ «Свѣтъ, какъ онъ есть»), видимъ изъ «Исповѣди» Руссо, изъ живыхъ, остроумныхъ, художественныхъ писемъ Фонвизина изъ-за границы. — Не буду здѣсь останавливаться на великой «Исповѣди» великаго романтика (это сдѣлано мною въ другомъ мѣстѣ); замѣчу только, что особенно трагическое впечатлѣніе при чтеніи ея производитъ созерцаніе того, какъ самъ знаменитый протестантъ противъ общественной неправды и безнравственности путается въ нравственныхъ вопросахъ, падаетъ и не умѣетъ, не можетъ отличить добра отъ зла. — Не буду останавливаться и на письмахъ Фонвизина (о нихъ рѣчь впереди); приведу только замѣчательный отзывъ о нихъ Бѣлинскаго; да позволю себѣ выразить сомнѣніе въ полной, будто бы, несправедливости взведеннаго нашимъ путешественникомъ обвиненія на «философовъ» вѣка въ корыстолюбіи и эгоизмѣ (по крайней мѣрѣ, сомнѣніе мое коснется нѣкоторыхъ изъ философовъ).

Бѣлинскій говоритъ о письмахъ Фонвизина изъ Франціи:

«Читая ихъ, вы чувствуете уже начало французской революціи въ этой страшнѣйшей картинѣ французскаго общества, такъ мастерски нарисованной нашимъ путешественникомъ, хотя, рисуя ее, онъ, какъ и сами французы, далеко былъ отъ всякаго предчувствія возможности или близости страшнаго переворота». (Соч., т. VIII, стр. 119).

Бѣлинскій, говоря эти слова, конечно, не увлекался національными пристрастіями: онъ былъ въ это время западникомъ, какъ и всегда (въ данномъ случаѣ это надо особенно помнить).

Что же касается «философовъ», то, не рѣшаясь на обобщенія, приведу нѣсколько частныхъ фактовъ, относящихся къ двоимъ изъ нихъ, къ Дидро и Гримму. Обѣ эти знаменитости были въ Петербургѣ, пріѣзжали къ императрицѣ Екатеринѣ.

IV.

Дидро и Гриммъ въ ихъ отношеніяхъ къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Дидро принято у насъ, начиная еще съ записокъ кн. Дашковой, считать за энтузіаста, горячо и искренно, даже наивно увлекавшагося идеями, за человѣка въ высшей степени безкорыстнаго,

благороднаго и нѣжнаго въ дружбѣ; кн. Дашкова называетъ его, кромѣ того, «проницательнымъ и глубокомысленнымъ гениемъ». Руссо (въ своей «Исповѣди» ¹⁾) думаетъ иначе: онъ заподозрилъ искренность и безкорыстіе Дидро. Жанъ-Жаку Руссо не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ довѣрять (говорятъ обыкновенно), потому что онъ былъ мизантропъ, болѣзненно-недовѣрчивый человѣкъ... Но вотъ о чемъ, однако, свидѣлствуютъ событія ²⁾.

Императрица Екатерина купила у Дидро его бібліотеку, которую до его смерти оставила въ его пользованіи; но такъ какъ онъ послѣ покупки завѣдовалъ уже не своею, а чужою собственностью, то императрица назначила ему жалованье; съ намѣреніемъ, или случайно жалованье это два года не выдавалось; тогда, во избѣжаніе повторенія такой ошибки, она приказала выдать ему единовременно 50,000 франковъ... Безкорыстный философъ не погнушался принять фантастическую должность бібліотекаря въ своей собственной бібліотекѣ! — Послѣ выдачи ему названнаго капитала, Дидро почувствовалъ желаніе ѣхать въ Петербургъ лично благодарить императрицу. Авторъ сочиненія «Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II», г. Шугуровъ, говоритъ, что поведеніе Дидро въ Петербургѣ при дворѣ Екатерины, куда онъ прибылъ въ 1773 году, было «честно и возвышенно». — «Нельзя заподозрить похвалу мою (пишетъ самъ Дидро про свои отношенія къ императрицѣ), ибо я обвелъ щедрость ея самыми тѣсными границами» ³⁾. «Возвращаясь къ вамъ (говоритъ онъ въ другомъ письмѣ ⁴⁾) обремененный почестями. Если я пожелалъ бы черпать полными пригоршнями въ царской шкатулкѣ, то, вѣроятно, дѣло отъ меня зависѣло; но я предпочелъ заставить молчать петербургскихъ злоязычниковъ и дать вѣру въ меня парижскимъ невѣрующимъ». — Оставивъ въ сторонѣ скептическій вопросъ (который можетъ возникнуть) — а что, еслибы не было въ Петербургѣ злоязычниковъ, а въ Парижѣ невѣрующихъ? оставивъ этотъ вопросъ, нельзя не замѣтить, однако, странности похвалы человека тѣмъ, что онъ не попользовался изъ чужой шкатулки. — Дидро не «черпалъ пригоршнями» русскихъ денегъ... но пріѣхавши благодарить за низачто-нипрочно подаренный ему капиталъ, онъ, однако, при отъѣздѣ попросилъ императрицу заплатить всѣ издержки его путешествія въ Петербургъ, какъ свидѣлствуетъ объ этомъ

¹⁾ Исповѣдь Ж. Ж. Руссо. Пер. Устрялова. Спб. 1865 г. Стр. 402, 434—435.

²⁾ «Фонвизинъ». Соч. кн. П. А. Вяземскаго. Прилож. «Дидеротъ въ Петербургѣ».

Осмнадцатый вѣкъ, ч. I, 1869 г. Ст. г. Шугурова: «Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II».

«Историческій Вѣстникъ», 1880 г., октябрь. Письмо Дидро къ женѣ. Сообщ. Л. Н. Майкова.

³⁾ «Фонвизинъ». Кн. Вяземскаго. Стр. 315—316.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 313.

самъ въ одномъ письмѣ ¹⁾: «императрица изволила согласиться на всѣ просьбы мои, представленныя ей, когда я откланивался: я просилъ уплатить путевые расходы прѣзда и обратные и пребыванія моего, замѣтивъ, что философъ путешествуетъ не по-барски, — исполнено». А между тѣмъ онъ получилъ въ Петербургѣ еще въ подарокъ три кошелька съ 12,600 франковъ. — Не ограничиваясь настоящимъ, Дидро заручился и обѣщаніемъ императрицы помочь ему въ будущемъ, въ случаѣ если онъ раззорится по какимъ либо причинамъ. — Въ своемъ письмѣ къ женѣ изъ Гаги отъ 9-го апрѣля 1774 года ²⁾, знаменитый «философъ» говоритъ, что, утѣшая, онъ подалъ Екатеринѣ просьбу не дѣлать ему больше подарковъ. Повидимому это совершенно безкорыстно; а между тѣмъ то же письмо свидѣтельствуетъ, что Дидро мучился сомнѣніемъ — не вздумала бы императрица въ самомъ дѣлѣ исполнить его желаніе; онъ передаетъ мучившій его вопросъ женѣ: «полагаешь ли ты (пишетъ онъ), что императрица исполнить мою просьбу?» Въ этихъ скептическихъ словахъ такъ и слышится жажда денежнаго подарка отъ Екатерины. Надежды на этотъ подарокъ особенно возбудились въ Дидро послѣ разговора съ шведскимъ посломъ, барономъ Нолькеномъ (разговоръ передается въ томъ же письмѣ). Нолькенъ видимо утѣшалъ философа тѣмъ, что онъ поступилъ благородно и исполнилъ свой долгъ, но что и императрица, въ свою очередь, въ долгу не останется, только, соблюдая деликатность, отсрочить минуту своего благодѣянія. — Интересна еще одна подробность письма: Дидро мучился въ дорогѣ сомнѣніемъ — подарить или нѣтъ часы сопровождавшему его изъ Петербурга, по повелѣнію императрицы, офицеру?

Изъ отношеній Дидро къ Екатеринѣ въ Петербургѣ мы невольно выносимъ сомнѣніе и въ томъ, что онъ былъ энтузіастъ идеи, что мысль была ему всего дороже. — Императрица приняла его въ высшей степени любезно: онъ могъ ежедневно являться къ ней и бесѣдовать съ 3-хъ до 5-ти или 6-ти часовъ вечера. Съ жаромъ и увлеченіемъ развивалъ онъ передъ нею свои мысли, съ такимъ увлеченіемъ, что порой въ пылу разговора трепалъ ее по колѣнямъ. Какой же былъ результатъ подобныхъ бесѣдъ? Въ 1787 году, во время своего Таврическаго путешествія, императрица такъ рассказывала объ этомъ французскому послу гр. Сегюру:

«Я долго и часто съ нимъ (т. е. съ Дидро) бесѣдовала, но болѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ пользою. Если бы я послушалась его, то пришлось бы все перевернуть въ моемъ государствѣ: законы, администрацію, политику, финансы — уничтожить все и замѣнить несбыточными теоріями. При всемъ томъ, такъ какъ я болѣе слушала его, чѣмъ говорила, то, взглянувъ на насъ со стороны, можно

¹⁾ Тамъ же, стр. 314.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1880 г., октябрь.

было бы принять его за строгаго наставника, а меня за покорную его ученицу. По всей вѣроятности и ему самому такъ думалось; ибо по прошествіи нѣкотораго времени, замѣтивъ, что въ управленіи моемъ не послѣдовало никакихъ ве-

Дидеро.

Съ гравюры Катасна, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кошеномъ.

ликихъ нововведеній, которыя онъ мнѣ совѣтовалъ, онъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ оскорбленной гордости выразилъ мнѣ свое удивленіе. Тогда я откровенно сказала ему: господинъ Дидро! я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума; но со всѣми ва-

шими великими началами, которыя я понимаю отлично, хорошо писать книги, а плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ: она гладка, послушна вамъ и не представляетъ препятствій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ, какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги. — Я увѣрена (заключила императрица), что съ тѣхъ поръ онъ началъ смотрѣть на меня съ сожалѣніемъ, считая меня женщиной простой и ограниченной. Съ того времени онъ говорилъ со мною только о литературѣ: политика исчезла изъ нашихъ бесѣдъ¹⁾.

Но императрица ошиблась насчетъ Дидро: онъ не измѣнилъ своего взгляда на нее:

«Что за государыня! что за необыкновенная женщина! (писалъ онъ изъ Гаги 15-го іюня 1774 года, по отъѣздѣ изъ Петербурга). Непостижимая твердость въ мысляхъ со всею ободятельною и возможною легкостью въ выраженіи; любовь истины, доведенная до высшей степени!»²⁾.

Какъ понять эти восторженные восклицанія послѣ того, что рассказываетъ императрица? Для Дидро видимо очень мало значило то обстоятельство, что его идеи не имѣли никакого реального успѣха въ Петербургѣ. Онъ былъ доволенъ и счастливъ, потому что бесѣдами запросто съ императрицей удовлетворены были его гордость и тщеславіе.

«Милостивыя государыни и пріятельницы! (восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ изъ Гаги³⁾), клянусь вамъ, что это время было несчастливѣйшимъ въ жизни для моего самолюбія! О, тутъ спорить нечего, вы должны будете вѣрить тому, что скажу вамъ о сей необыкновенной женщинѣ!» и т. д.

Ясно, что эгоизмъ въ Дидро былъ сильнѣе любви къ идеѣ.

Кстати будетъ привести еще одинъ фактъ: въ письмѣ своемъ изъ Гаги, отъ 9-го апрѣля 1774 года⁴⁾ Дидро рассказываетъ, между прочимъ, какъ онъ проводитъ время въ Гагѣ въ домѣ русскаго посла кн. Голицына:

«Мы (т. е. онъ и княгиня Голицына) охотно споримъ до бѣшенства; я не всегда соглашаюсь съ мнѣніями княгини, хотя мы оба заражены страстью къ древности; но князь будто обязался намъ противорѣчить: Гомеръ дурачекъ, Плиній отъявленный глупецъ, китайцы — честнѣйшіе люди въ свѣтѣ и т. д. Весь этотъ народъ намъ не братья и не закадычные пріятели, и потому въ споры наши виѣшивается одна веселость и живость и частица самолюбія для пріправы».

И такъ, горячо отстаивая въ спорахъ свои мысли, Дидро, однако, въ сущности (по собственному признанію) не дорожить ими:

¹⁾ Записки гр. Сегюра.

²⁾ «Фонвизинъ». Кн. Вяземскаго. Стр. 315—316.

³⁾ Тамъ же, стр. 315.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 317.—Осмадн. вѣкъ, ч. I, 1869 г., стр. 367.

ему все равно — дуракъ Гомеръ или нѣтъ, — онъ ему не братъ. Не таковы бываютъ энтузіасты идеи.

Баронъ Фридрихъ Мельхиоръ Гриммъ, по свидѣтельству Руссо¹⁾, былъ человекъ низкій и фальшивый. Явившись во Францію бѣднякомъ, безъ связей, онъ былъ очень скромный и заискивалъ во

Баронъ Гриммъ.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

всѣхъ. Руссо сблизился съ нимъ, познакомилъ его со своими друзьями, помогалъ ему. Въ отплату Гриммъ сталъ потомъ относиться къ нему высокомерно и покровительственно. Я никогда не могъ понять (говорить Руссо), почему онъ оказался моимъ меценатомъ? — Безсердечный, холодный, какъ ледъ, Гриммъ, войдя въ моду, про-

¹⁾ Исповѣдь Руссо, перев. Устрялова, въ 2-хъ ч. Спб. 1865 г. Стр. 523—525.

слылъ чудомъ любви, дружбы и привязанностей всякаго рода; онъ прослылъ между женщинъ человѣкомъ съ сильными чувствами. «Столько же фатъ, сколько тщеславный баринъ, онъ съ своими большими мутными глазами и безобразнымъ лицомъ имѣлъ претензію нравиться женщинамъ... онъ заразился женскою страстью къ нарядамъ, сталъ краситься, и туалетъ сдѣлался для него важнымъ занятіемъ», онъ бѣлился и посвящалъ много времени на чистку ногтей особой щеточкой. Руссо удивляется, какъ можно было ему при этомъ хвастаться своею чувствительною душою и энергіею чувствъ. «Какъ согласовать это съ пороками, свойственными однимъ только мелкимъ душамъ?» «Съ своимъ рѣзкимъ по природѣ обращеніемъ онъ соединялъ еще гордость выскочки (продолжаетъ авторъ «Исповѣди»), и своею грубостью дѣлался даже смѣшнымъ. Связи его съ знатію до того сбили его съ толку, что онъ присвоилъ себѣ манеры, которыя встрѣчаются только развѣ у самыхъ безразсудныхъ вельможъ», онъ призывалъ, напримѣръ, своего лакея крикомъ: эй! какъ будто по многочисленности слугъ не зналъ — кто дежурный; давая слугѣ порученіе, бросалъ деньги на полъ. — «Я вспомнилъ (прибавляетъ Руссо) сущность его нравственнаго ученія, которое г-жа д'Эпинѣ передала мнѣ и которое она приняла сама. Эта мораль заключалась въ томъ, что единственная обязанность человѣка—слѣдовать влеченіямъ своего сердца... вскорѣ я увидѣлъ, что это правило, дѣйствительно, руководило имъ въ жизни, и убѣдился въ этомъ собственнымъ опытомъ».

Трудно допустить, что въ этихъ словахъ Руссо заключается фактическая ложь. Положимъ, однако, что по своей мнительности Руссо неправильно истолковываетъ смыслъ многихъ фактовъ. Но вотъ передъ нами собственное свидѣтельство Гримма о себѣ—«Историческая записка о происхожденіи и послѣдствіяхъ моей преданности императрицѣ Екатеринѣ II, до кончины ея величества» ¹⁾). Записка эта писана, по всей вѣроятности, для императора Павла.

Личность Гримма выступаетъ здѣсь изъ его собственныхъ словъ очень рельефно, и она оказывается весьма непривлекательной. Онъ рисуется себя, разумѣется, человѣкомъ безкорыстнымъ и не эгоистомъ; но по какой-то странной нравственной слѣпотѣ ему не удастся скрыть своихъ настоящихъ свойствъ. Такъ, напримѣръ, онъ рассказываетъ, что когда императрица предложила ему начальствовать надъ заводимыми ею училищами, то онъ отказался тогда по незнанію русскаго языка; теперь же, въ «Запискѣ» онъ указываетъ другую причину своего отказа: это—боязнь, «что столь блестящая переменѣ въ службѣ... не можетъ быть продолжительна. Я предпочиталъ (говоритъ онъ) полное лишеніе предлагаемаго невѣрной возможности его потерять. Таково сердце человѣческое!»

¹⁾ Сборникъ Русск. Ист. Общ., т. II, 1868 года.

Гриммъ сожалѣть теперь, что отказался прежде отъ мѣста (не сознавая неблаговидности и этого сожалѣнія, и истинной причины прежняго отказа). — Онъ увѣряетъ далѣе въ «Запискѣ», что смерть императрицы погрузила его въ такую скорбь, что онъ чуть не сошелъ въ могилу. Но изъ самой же «Записки» оказывается, что истинною причиною этой скорби была не привязанность къ усопшей, а боязнь потерять доходъ; дѣло въ томъ, что онъ получалъ отъ императрицы Екатерины 2,000 рублей жалованья за сообщеніе ей политическихъ и общественныхъ новостей во Францію и за исполненіе нѣкоторыхъ ея порученій къ французскимъ министрамъ, и онъ опасался, что Павелъ прекратитъ это жалованье. Его возвратило къ жизни (по его собственнымъ словамъ) только полученное имъ извѣстіе, что императоръ утвердилъ его въ его должности, т. е. увѣренность, что онъ будетъ по-прежнему получать 2,000 рублей. Должно быть, чтобы обезпечить за собой эти 2,000, онъ старается увѣрить, что былъ искренно и безпредѣльно преданъ Екатеринѣ, и при этомъ самымъ грубымъ образомъ преувеличиваетъ свое чувство (если оно и было); онъ увѣряетъ, что

«создалъ вдали отъ нея (императрицы Екатерины) нѣчто въ родѣ религіи, имѣвшей предметомъ исключительно ее, служеніе ей. Мысль о ней сдѣлалась для меня до того обычною, что не покидала меня ни днемъ, ни ночью, сосредоточивая всѣ мои мысли. Гдѣ бы я ни жилъ, въ уединеніи ли, въ вихрѣ ли свѣта, императрица всегда была передо мною. Рассказывая, путешествуя, или живя на мѣстѣ, сидя, лежа (какое, замѣтимъ мимоходомъ, холодно-риторическое соединеніе противоположеній!), что я дѣлалъ? лишь одно: лишенный возможности говорить съ нею, я мысленно писалъ цѣлые томы; половина ночи проходила въ письменномъ изложеніи моихъ мыслей, а между тѣмъ эта нескончаемая переписка передавала лишь частицу того, что я думалъ».

Но самое интересное и важное въ «Запискѣ» Гримма, это слѣдующія слова, характеризующія его взглядъ на самого себя. Рассказавъ, какъ онъ былъ тронутъ милостями императрицы, и какъ едва удержалъ слезы, онъ прибавляетъ:

«Больше чѣмъ когда нибудь мнѣ хотѣлось броситься къ ногамъ императрицы, умоляя ее сохранить меня въ числѣ собакъ ея».

Такъ понималъ и уважалъ человѣческое и свое личное достоинство гордый и тщеславный баронъ Гриммъ! Онъ не находилъ ничего унижительнаго въ сопоставленіи себя съ собаками императрицы. И это былъ оданъ изъ представителей «освободительной философіи» XVIII вѣка!

Вотъ нѣсколько умственныхъ и нравственныхъ чертъ французской философіи и французскихъ нравовъ прошедшаго столѣтія, которыя такъ сильно вліяли на нашу русскую жизнь, на русское общество екатерининской эпохи. — При невѣжественности и нравствен-

ной грубости этого общества, неудивительно, что оно воспринимало въ себя преимущественно вліяніе темныхъ и ложныхъ сторонъ ученія энциклопедистовъ. Что же касается литературы, то хотя и въ ней темныя вліянія брали перевѣсъ, но въ ней мы найдемъ и отраженіе свѣтлыхъ, «освободительныхъ» въ настоящемъ смыслѣ этого слова идей философіи вѣка.

А. Незеленовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ СКУДЕЛЬНИЦѢ.

ЦАРЬ ІОАННЪ IV Васильевичъ сидѣлъ въ слободѣ Александровской.

Страшная Опричина тяготѣла надъ Россією, особенно надъ Москвою. Въ ближнемъ совѣтѣ царскомъ голосовали Малюта Скуратовъ и Алексѣй Басмановъ, имена которыхъ въ народныхъ пѣсняхъ, неумолчно слагавшихся на крови, стали кличками!

Дружина царская была набрана не изъ лучшихъ людей, а изъ буйныхъ удалцевъ и распутниковъ. Этими потерянными людьми, виновными въ томъ или въ другомъ предъ правосудіемъ, окружилъ себя царь, въ расчетъ на то, что, заслоня ихъ могучею близостью своею, онъ будетъ защищенъ ими лучше всего отъ страшившей его крамолы.

Въ безмолвіи и безсиліи лежала опустѣвшая Москва; златотканымъ вихремъ проносились по ней шумливые, веселые, озорные царскіе люди.

Подлѣ сѣделъ ихъ болтались собачьи головы!

— Это мы грыземъ лиходѣевъ царскихъ! говорили про себя опричники: пёсыи головы должны были изображать это.

А съ другой стороны висѣла метла!

— Это мы Русь отъ крамолы подметаемъ! толковали они.

Налетали царскіе дружинники-опричники къ дьякамъ, купцамъ, къ знатымъ людямъ земщины, уворовывали ихъ деньги, сосуды, одежды, брали женъ ихъ себѣ; красивѣйшихъ представляли Іоанну, выѣзжавшему къ нимъ на встрѣчу. Послѣ нѣкотораго времени, эти женщины, возвращались отцамъ и мужьямъ. Не одна красавица умирала отъ стыда и горести...

Надо только припомнить затворническую жизнь русской дѣвушки, ея тихую свѣтлицу, подѣ недремлющимъ надзоромъ мамушекъ и нянюшекъ, чтобы понять возможность быстрыхъ смертей всѣхъ этихъ испуганныхъ, поруганныхъ, обезстыженныхъ.

А въ Александровской слободѣ, въ честномъ храмѣ Богоматери, гдѣ на всякомъ изъ кирпичей, изъ которыхъ его сложили, изображенъ былъ крестъ, чтобы этими крестами, какъ бы нѣкоею броней, защититься отъ дьявольскаго навожденія, царь съ четвертаго часа утра ходилъ на моленье.

Выходилъ съ нимъ самъ Малюта и гудѣли послушные колокола, сзывали на молитву, а концы веревокъ ихъ мѣдныхъ языковъ покачивали и подергивали никто другой, какъ онъ, Малюта, и царь Іоаннъ!

И братія шла молиться!

Какая братія!

Далеко не отрезвившись, еле сдерживая на губахъ своихъ развеселую пѣсню, и не успѣвъ обтереть съ кинжаловъ крови людей, зарѣзанныхъ за ночь, еще полны богохуленьемъ и виномъ, входили опричники во внутренность храма. Кто бы посмѣлъ не пойти!

На головахъ ихъ красовались черныя скуфейки, на плечахъ болтались длинныя монашескія рясы, изъ подъ которыхъ, вслѣдствіе неувѣренной походки, то и дѣло просовывались шитые золотомъ кафтаны и ярко красные сафьяновые сапоги.

Царь, отягченный болѣзнью душевною, не то входитъ, не то приволакивается въ храмъ, поддерживаемый ближайшими людьми своими. На искаженномъ лицѣ его нѣтъ черты спокойной; трепетъ этого лица еще усиливается трепетомъ пламени зажженныхъ въ храмѣ свѣчей. Блѣдность въ лицѣ царевомъ становится еще сильнѣе, потому что пламя свѣчей тоже блѣдно, тоже трепетно.

Ввели царя въ церковь; онъ молится.

Служба въ храмѣ идетъ... Звучнѣе другихъ раздается подѣ сводами голосъ царя поющаго, или читающаго; отъ земныхъ поклоновъ его остаются знаки на морщинистомъ лбу... Царь то и дѣло стучается!

Нѣтъ такой силы воображенія, которая могла бы совершенно наглядно воспроизвести дикую помѣсь представленій въ мысляхъ опричника, стоявшаго въ этомъ храмѣ, послѣ ближайшаго ликованія, и усердно молившагося подѣ звучаніе рѣзкаго, нетвердаго голоса царя!..

Мелькаютъ синія очи изнасилованной красавицы... иконостасъ съ темными ликами... отзвучія послѣдней пѣсни... дымъ ладона, разлѣдающій глаза... а смѣлый прыжекъ лошади, прямо чрезъ тытъ, хорошъ былъ! На этотъ разъ. тоже, кинжалъ въ ножнахъ застрялъ... бѣсъ его вѣдаетъ! Не чищенъ, заржавѣлъ въ крови..

А сегодня ночью опять будетъ нужень... Господи помилуй! Господи помилуй! Госп... двѣнадцать разъ!

И пока клубится ладонь и раздается херувимская, опричникъ, опустившійся на колѣна, тихонько поднимаетъ руку и, по пути къ совершенію крестнаго знаменія, испытываетъ кинжалъ: вынимается ли онъ изъ ноженъ.

— Вынимается! Хорошо! и рука идетъ выше и осѣняетъ могучую, волнующуюся подъ рясою грудь честнымъ крестомъ...

Въ это страшное время, какъ и во многія страшныя времена на Руси, рядомъ съ яркими, рѣзкими теченіями жизни, четко записанными въ лѣтопись, шли другія, болѣе широкія, болѣе охватывающія, но темныя, не замѣтныя, едва коснувшіяся пера лѣтописца!

Благотвореніе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, молчаливое, скромное, безпритязательное, разливалось цѣлебнымъ масломъ на широкія, жгучія раны, наносимыя царемъ! Русь, найдя себѣ удивительное воплощеніе въ личности митрополита Филиппа, терпѣла, молилась, надѣялась, но нисколько не останавливалась передъ тѣмъ, чтобы говорить царю правду, чтобы завѣрить его въ томъ, что она, Русь, будетъ терпѣть, какъ терпѣла до сихъ поръ, но что то, что дѣлаетъ царь, все-таки не хорошо и не должно быть дѣлаемо. Русь, увѣренная, какъ и Филиппъ, въ побѣдѣ «невооруженной любви», благотворила тѣмъ больше, чѣмъ больше ее терзали!

Если бояръ казнили десятками, то въ одну ночь поднимались, въ память ихъ, обыденныя церкви, распложились клѣти нищихъ, множилось число богадѣленъ, призрѣвали подкидышей. Если буйствовали опричники, то воздвигались и высились издавна знакомые на Руси типы св. Марка Гробокопателя, Боголюбиваго Станислава, нищаго Жгальца и многихъ несчетныхъ божедомовъ.

Совершенно самостоятельнымъ, единственнымъ является у насъ издревле типъ скудельницъ и особыхъ божьихъ людей, посвятившихъ себя служенію при трупахъ.

Въ полный разгаръ опричины, труповъ-ли не доставало и скудельное поле подъ Москвой населялось особенно щедро!

Въ слободѣ Александровской, въ одной изъ-gridней, идетъ пиръ горой.

Весенняя зорька только что разгорается за мелкими, косящатыми окнами и бросаетъ первые лучи на золотыя братины и серебряныя блюда, на цѣнныя поставцы и яндавы, на развеселыя, пьяныя лица опричниковъ, на золотыя кафтаны ихъ. Гдѣ на стѣнкѣ кафтанъ приютился, гдѣ на лавкѣ валяется, а гдѣ и съ плечъ не совсѣмъ сошелъ, на половину повисъ, да такъ и остался!

На дворѣ, за послѣднею ростополью, сбѣжалъ послѣдній снѣгъ; по Москвѣ рѣкѣ ледоходъ; по небу сизыя, теплыя облачка въ ту же сторону пробіраются.

— Эй, Петка, а Петка? кричитъ изъ краснаго угла опричникъ, по старше прочихъ, бородатый, смуглый, какъ татаринъ; воротъ рубахи его разстегнуть; взглянуть на мохнатую грудь—точно медвѣдь обрость.

— Каково тебѣ Петку? отвѣчаетъ изъ другаго угла тотъ именно, къ кому зовъ былъ обращенъ; мало-ли тутъ Петровъ; называя полнымъ именемъ.

— Ну, ладно! понялъ и такъ, самъ отвѣтилъ... извѣстно: тебя зовутъ!!

— Такъ и величай понятливо, если отвѣта хочешь!

— Ну, ладно, боярскій сынъ князь Шустрый, сынъ Михѣвичъ.

— То-то!

— Сочини, голубчикъ Петка, чтобы намъ такую за шутку выкинуть? Не спроста объѣздъ какой совершить, а съ новымъ помысломъ. Лучше тебя никто не сочинить.

— Сочини! сочини! загудѣло по сторонамъ. Пора! утро! Коней провѣтрить, да и себя продуть!

При этомъ многіе поднялись съ мѣстъ; стали оправляться, кафтаны одѣвать; другіе вытянулись по прилавкамъ, завидя свободныя мѣста. Повалилась гдѣ-то со стола братина; опрокинули скамью; въ одномъ изъ угловъ раздался звучный храпъ.

— Ну! Петка!

Петка сидѣлъ въ раздумьи. Ему что-то невесело было. Медъ сыченый и зеленое вино къ тяжелой головѣ подступали и клонили ее не въ примѣръ хуже, чѣмъ когда бы то ни было.

— Али тебѣ чередъ въ церковь съ царемъ идти?

— Нѣтъ!

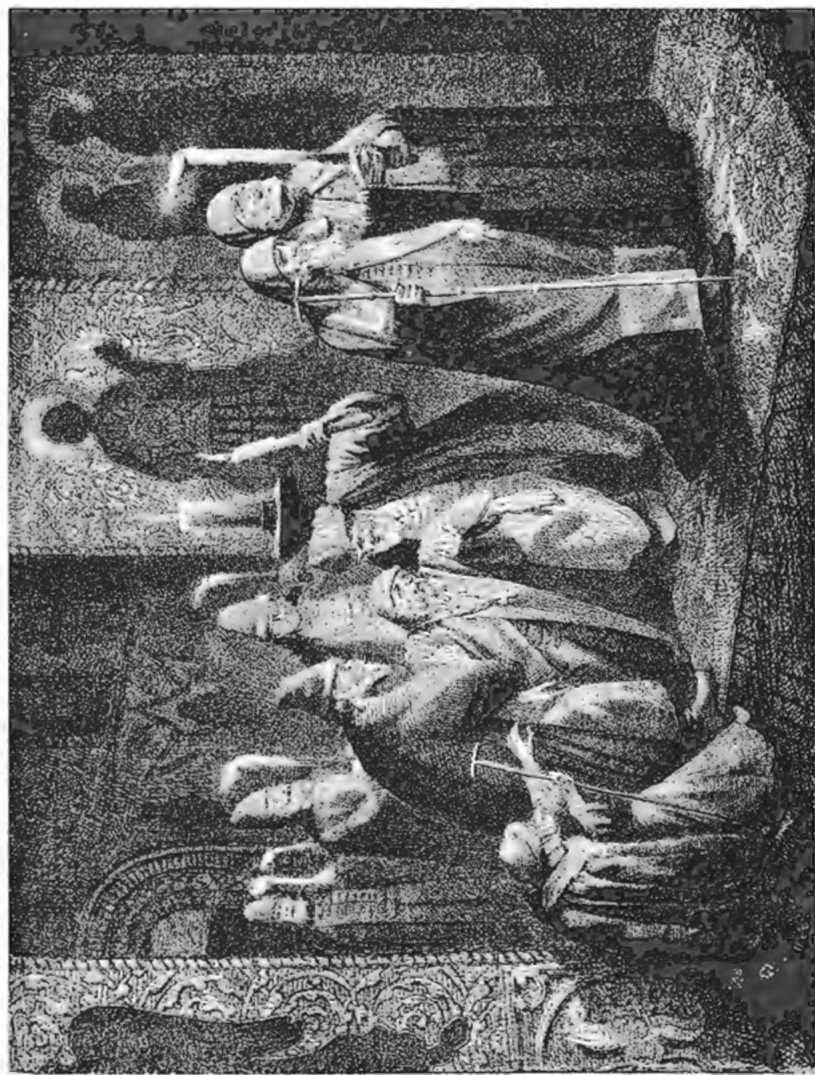
— А почитай, братцы, замѣтилъ кто-то, скоро благовѣсть начнется?

Отворили окно. Хлынулъ въ него свѣжій утренній воздухъ. Одновременно съ этимъ въ гриднѣ сразу водворилось полное, боязливое молчаніе.

Вдали, по улицѣ направлялись къ церковной колокольнѣ, мѣрно ступая одинъ подлѣ другаго, въ скуфейкахъ и черныхъ рясахъ, двѣ хорошо знакомыя опричникамъ фигуры: царя и Малюты Скуратова. Поодаль шли кучею, покачивая кафтанами, наброшенными на плечи, ближайшіе князья и бояре.

Царя отличить не трудно по стану и по походкѣ: онъ идетъ согнувшись, вынося далеко впередъ голову и ступаетъ тяжело, какъ бы подъ какою-то непосильною, невидимою ношею; длинная трость помогаетъ ему нести эту ношу и ступать. Малюта держится прямо, идетъ бодро, молодцомъ, трости у него не имѣется.

Вотъ подошли они къ колокольнѣ. На колокольню взомель одинъ государь, сопровождаемый звонаремъ. Малюта и бояре остались у входа...

Иоаннъ Грозный въ Александровской слободѣ. (Картина Шварца).

Едва только ударилъ колоколъ, какъ мало-по-малу, изъ за всѣхъ угловъ улицъ, изъ ближайшихъ домовъ, потянулись къ церкви одѣтые въ рясы братья-опричники. Нѣкоторые изъ нихъ прошли мимо отвореннаго окна гридни. Не любо было имъ идти въ церковь!

Перемигнулись, перебросились словечками съ товарищами въ гриднѣ.

— Куда, братцы? спросили у окна вполголоса.

— Вотъ, ужъ Петка сочинить, отвѣтили тихо изъ гридни.

Петка, дѣйствительно, тѣмъ временемъ сочинилъ.

— Сѣдай коней, товарищи! Знаю куда ѣхать. Только чуръ безъ шума! Втихомолку выѣздъ.

Всталъ онъ съ мѣста, тряхнулъ головою и оправился.

— Куда—чертъ, говори? спросили многіе.

— На скудельницу! отвѣтилъ Петка.

— А зачѣмъ?

— Сегодня четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ, такъ тамъ вотъ мертвыхъ хоронить будутъ; издалека собираются божьи люди! и дѣвки, и жены приходятъ... Ну! Поняли?

— Поняли!..

Не прошло и получасу, какъ изъ воротъ слободы, противулежавшихъ царскому дому, выѣхало человѣкъ пятнадцать опричниковъ.

Кафтаны на нихъ были все золотые, словно одной рукой шитые; шалки горѣли яркими бархатами, отъ свѣтлобирюзоваго до темно-зеленыхъ; сытые кони, большіе, пѣгіе, тоже пестрѣли подъ высокими сѣдлами и осыпанною бляхами и кистями збруею. Бляхи збруи, мечи и кинжалы побрякивали въ ладъ конскому ходу.

Казалось, что поднимавшемуся солнцу любо было смотрѣть на эту воинскую красоту, такъ настойчиво старалось оно пронизать своими багровыми лучами глубокую синь и густоту клубившагося на разсвѣтѣ тумана.

Отѣхавъ въ молчаніи шаговъ пятьсотъ отъ воротъ, опричники, точно сговорившись, всѣ разомъ стегнули нагайками по конямъ, гикнули, свистнули и помчались знакомою имъ на Москву дорогою.

Застонала не вполнѣ оттаявшая земля.

— Есть короче дорога! крикнулъ зычнымъ голосомъ чернородый; сюда братцы!

Онъ молодецки метнулъ съ конемъ въ сторону черезъ плетень, вполнѣ увѣренный въ томъ, что остальные за нимъ послѣдуютъ.

Это такъ и было: точно черти какіе на разгоряченныхъ нагайками коняхъ перемахнули опричники одинъ за другимъ, а гдѣ и по трое, черезъ плетень.

Какъ разъ надъ этимъ мѣстомъ, за плетнемъ, чуя себя вполнѣ дома, прижавшись къ нему вплотную, стояли ребятишки изъ ближайшей хаты и глазѣли... Поворотъ всадниковъ на нихъ былъ совершенно неожиданъ. Да и всадники ихъ не замѣтили.

Перемахнулъ одинъ, перемахнулъ другой, третій... Обезумѣвшія отъ страха дѣти видѣли надъ собою животы лошадей да вытянутыя конскія ноги. Сѣрыя, пѣгія, рыжія мелькали надъ ними.

Конь подъ Петкою прошелъ ниже другихъ и чуть не тронулъ копытомъ одну изъ дѣтскихъ головокъ.

— Куда черти забрались! промолвилъ Петка, увидавъ дѣтей съ высоты скачка своей лошади.

Дрогнуло у него сердце. Но не отъ того дрогнуло оно, что малый ребенокъ отъ него мертвымъ покатиться могъ, а отъ того, что вотъ уже сколько времени, какъ его точно преслѣдуютъ какія-то предзнаменованія. И сны тяжелые, и трескъ въ полночи, и въ ушахъ звенить, и постоянно онъ своего убитаго отца передъ собою видитъ.

На одной изъ первыхъ расправъ Іоанновыхъ посаженъ былъ на колъ князь Михѣй Шустрый, все имѣніе отобрано, а сынъ его, онъ, Петка, былъ уже въ то время опричникомъ. Проклялъ его отецъ, проклѣла мать... а тутъ вотъ предзнаменованія пошли. И самое предложеніе его ѣхать на Скудельное поле, пришедшеея товарищамъ по сердцу, какъ новинка, было задумано имъ, согласно общему складу мыслей.

Хватилъ онъ нагайкой и безъ того замысленнаго коня и выругалъ его крѣпкимъ словомъ...

Вдали стало выясняться село Скудельничье.

Опричники сдержали коней, чтобы вѣхаться въ него незазорно; чтобы люди не разбѣжались. Кони, облитые пѣною, сбились въ одну общую кучу, навалившись одинъ на другого. По утреннему холодку поднялся надъ ними плотный столбъ пара, такъ что:

Отъ пару было отъ конинаго
Не видать луча свѣта бѣлаго!

Многія изъ уздечекъ оказались окровавленными; не одинъ новыи рубецъ вздулся на круглыхъ бокахъ вѣрныхъ коней...

Далеко не безмолвно было въ селѣ Скудельничемъ. Оно дѣйствительно кишѣло приплывмъ народомъ. Въ четвертокъ передъ Троицынымъ днемъ люди добролюбивые сошлись сюда отовсюду рыть могилы для странниковъ и пѣть панихиды объ успокоеніи душъ тѣхъ, имя, отчество и вѣра которыхъ были неизвѣстны. Они не умѣли назвать ихъ, эти люди, но думали, что Богъ слышитъ и знаетъ за кого возносятся молитвы.

Впрочемъ, не одни безъимянные люди погребались въ скудельницахъ: попаленные молніею, замерзшіе, утопшіе, разбойники, отравленные, самоубійцы, иноземцы, люди замученные пыткой и умершіе въ темницахъ, въ опалѣ, всѣ, всѣ свозились сюда, въ ожиданіи честнаго погребенія.

А мало ли было такихъ и подобныхъ за истекшую зиму?

Тѣла ихъ доставлялись отовсюду, изъ Москвы и окрестностей. Ихъ складывали или во временно вырытыя ямы, или въ убогіе дома, иногда въ подземелья со сводами. Надъ этими временными помѣщеніями ставились будки для чтеній надъ покойниками.

Особые люди, Божьи люди, божедомы, шли на службу къ ожидающимъ погребенія. Страшны должны были быть печали того смраданаго времени, которыя люди думали утолить, загасить въ этой близости къ безмолвнымъ гноищамъ. Были между чтецами мушны, были и женщины.

Едва только завидѣли въ селѣ, давнымъ давно проснувшимся, приближеніе наѣзда опричниковъ, все, что могло, попряталось въ избы.

Матери особенно усердно загоняли дѣтей.

— Ироды, Ироды ѣдутъ!! говорили онѣ со страхомъ, толкая дѣтей въ подворотни, въ сѣни, въ погреба.

Шагомъ въѣхали опричники въ село. Оправивъ шапки и подбоясь, оглядывали они обезлюдѣвшую улицу.

— Куда же тутъ дальше, Петка? спросилъ кто-то.

— А вотъ, ужъ, какъ колодезь минуемъ, вправо возьмемъ, тутъ въ самое поле къ покойникамъ и выѣдемъ.

Взяли вправо отъ колодца и дѣйствительно въѣхали въ широкое, чистое, безконечное поле.

Тамъ и сямъ, по ясной, свѣтлой, мерцающей дали темнѣли будочки, торчавшія надъ временными усыпальницами. Казалось, въ этой безконечности голубыхъ и розовыхъ цвѣтовъ сіяющаго утра, не можетъ быть такой близости смерти, гніенія и ужаса, какая была въ дѣйствительности, если бы не вѣтеръ, подувшій опричникамъ прямо въ лицо, полный гноинаго, страшнаго, тяжелаго смрада. Гноища, оттаявавшія въ теплѣ весны, служили источниками этихъ невыносимыхъ повѣтрій.

Подлѣ самыхъ скудельницъ и будочекъ, темнѣвшихъ торчками по чистому полю, людямъ, собравшимся на Божье дѣло, спрятаться было некуда: отъ коней не убѣжишь! Мелькали монахи, калѣки, нищіе, мелькалъ и темный народъ и много было женщинъ и дѣвушекъ.

Опричники, сначала по двое и по трое, а потомъ и въ одиночку, разѣхались по полю на смотрины, въ разсыпную.

Петка скорѣе другихъ отдѣлился отъ прочихъ.

Глазъ у него былъ зоркій, опытный; завидѣлъ онъ подлѣ одной изъ самыхъ ближнихъ скудельницъ красную дѣвушку. Красивой показалась ему ея осанка; остальное молодецъ дорисовалъ самъ и пустился за нею.

Испуганная, юркнула она въ открытыя двери скудельницы и исчезла.

Опричникъ хотѣлъ было слѣдомъ на конѣ вѣхаться! Нельзя—о надолбу стукнешься. Передъ конемъ, рѣзко осаженнымъ съ наскока у самой надолбы, шли сходни внизъ, въ подземельное. Петка соскочилъ съ коня, привязалъ его къ суку ближайшаго столбика и началъ спускаться.

Скудельница оказалась обширнѣе прочихъ, она была поставлена по общанію.

Широкій, каменный сводъ, почти плоскій, покрывалъ собою длинное, длинное логовище, наполненное трупами.

Едва не задыхаясь отъ трупнаго запаха и мало-по-малу приглядѣвшись въ потемкахъ, Петка отличилъ, благодаря свѣту, проникавшему въ раскрытую на сегодня дверь, что подлѣ логовища, кругомъ шелъ земляной выступъ, по которому можно было обойти скудельницу.

Дѣвушка скрылась несомнѣнно близко, но куда?

Петка озирался. Въ ушахъ у него звенѣло, въ глазахъ мутилось отъ невыносимаго запаха и гнойнаго воздуха.

Такъ какъ онъ остановился недалеко отъ входа, то блескъ золота на его кафтанѣ, оправа меча и кинжала, яркость голубаго бархата шапки и красные сапоги — должны были броситься въ глаза, если бы тутъ былъ кто живой, въ этой юдоли смерти и запустѣнія.

Въ неясныхъ черныхъ и бурыхъ тѣняхъ выдѣлялись предъ его глазами изъ глубокаго логовища очертанія, когда-то живыя, человѣческихъ тѣлъ, сваленныхъ какъ попало. Они точно на показъ выставили кто руку, кто ногу, а кто и ужасное, невѣроятно искаженное смертью и временемъ лицо.

Кровь прилиwała Петкѣ въ голову все больше и больше; онъ не двигался съ мѣста, задыхался!

— Но куда же она скрыться могла, думалъ онъ, и эта упорная мысль, занесенная имъ сюда со свѣжаго воздуха и изъ-подъ солнечнаго блеска, оказывалась самою ясною изъ всѣхъ мыслей его помутившейся головы.

— А! вотъ и божедомка! проговорилъ онъ вслухъ, отлививъ, наконецъ, шагахъ въ четырехъ отъ себя, сидѣвшую на выступѣ, темную, неподвижную фигуру.

— Эта скажетъ мнѣ, куда дѣвка скрылась!

Онъ осторожно отмѣрилъ отдѣлявшіе его отъ фигуры четыре шага, боясь поскользнуться въ потемкахъ и полетѣть въ логовище, и очутился надъ самою божедомкою.

Она сидѣла спиною къ своду, охвативъ обѣими руками свои поднятыя колѣна и опустивъ на нихъ голову, точно, будто, дыша такимъ образомъ и пропуская смраднѣйшій воздухъ сквозь гнилыя лохмотья одежды, было легче, было возможно оставаться тутъ жи-

вымъ и не задохнуться. Подлѣ нея, на уступѣ лежала раскрытая книжка, должно быть псалтырь.

Толкнувъ опричникъ божедомку ногою, толкнулъ сильно.

— Эй! тетка! крикнулъ онъ ей съ сердцемъ.

Фигура только и ждала чьего-либо толчка, чтобы повалиться. Какъ была она согнутою, окостенѣвшею, такъ и скатилась, не расправившись, съ неширокаго обхода въ глубину логовища, къ другимъ тѣламъ...

— Проклятая! промолвилъ Петка, продолжавшій озираться и занятый мыслію о дѣвушкѣ.

Глаза его, пріобыкшіе къ полумраку, отличили, что въ скудельницѣ были отдѣльные ходы. Дѣвушка могла скрыться только по тому изъ нихъ, который шелъ вправо; маленькія отдушины, свѣтившія тутъ и тамъ, указывали ему дорогу.

Какъ ни шумѣло въ головѣ Петки, какъ ни рокотало въ ухахъ, какъ ни тяжело дышалось ему, но онъ все-таки пошелъ впередъ; обогнулъ одинъ уступъ скудельницы, другой, повернулъ влѣво...

Открылось опять широкое логовище, не меньше перваго. Въ самомъ концѣ его, въ противоположномъ углу, бросилось въ глаза Петки удивительное сіянье...

Забѣжавъ въ уголъ, изъ котораго другаго пути, какъ назадъ, не было, дѣвушка остановилась у самой отдушины и глядѣла на Петку, неподвижная, чудесная! Сквозь отдушину, обращенную прямо на востокъ, обильнымъ потокомъ вливались румяные лучи утренняго солнца и озолотили пламенемъ и багрянцемъ прижавшуюся къ углу бѣлянку.

— Красавица!! проговорилъ Петка, точно очарованный этимъ свѣтозарнымъ явленіемъ, возникшимъ передъ нимъ сразу, поверхъ труповъ и смрада, изъ глубокой темени и острыхъ очертаній скудельницы...

Дѣвушка продолжала горѣть неописуемымъ свѣтомъ.

— Воздуха, воздуха! крикнулъ неожиданно Петка, рванувъ что было силы воротъ своей рубахи.

А видѣнье все горѣло, да горѣло, и тѣмъ ярче становилось оно, чѣмъ болѣе затуманивалось сознаніе опричника... Онъ думалъ, было, опереться о стѣны, но руки скользнули... Подогнулись колѣни и грохнулся онъ на землю, какъ снопъ, и забѣгали огоньки отраженныхъ лучей солнца по шитому кафтану Петки, растянувшагося мертвымъ во весь молодецкій ростъ вдоль уступа, окружавшаго безобразное логовище... По уму его никакихъ мыслей больше не бѣгало...

К. Случевскій.

ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ И ДАЛАМБЕРЬ ¹⁾.

(Новооткрытая переписка Даламбера съ Екатериною и другими лицами).

XV.

Rasoumovski à d'Alembert.

S.-Petersbourg, ce 10 mai 1764.

Si l'Académie Impériale des sciences a tardé, Monsieur, à Vous offrir une place parmi ses membres externes, ce n'est pas qu'elle ait méconnu Votre mérite, mais c'est qu'elle n'a pas cru que ce titre pourrait rien augmenter à Votre gloire. D'abord qu'elle a été informée que Vous n'étiez pas insensible à cette marque de distinction, elle a songé à reparer cette omission et je me fais d'autant plus de plaisir de Vous

---

XV.

Графъ К. Г. Разумовскій Даламберу.

С.-Петербургъ, 10-го мая 1864 г.

М. г. Если императорская академія наукъ медлила предложить вамъ мѣсто среди ея иностранныхъ членовъ, то не потому, чтобы она не признавала вашихъ достоинствъ, а потому, что полагала, что это званіе едва ли прибавило бы что нибудь къ вашей славѣ. Но лишь только она была увѣдомлена, что вы не нечувствительны къ этому выраженію отличія, она поспѣшила испра-

---

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XVI, стр. 107.

l'apprendre, que notre auguste souveraine, ou plutôt, la protectrice des arts et des sciences m'a donné à connaître, qu'elle approuvait beaucoup notre choix. Je Vous envoie en conséquence le diplôme ci-joint en Vous assurant des sentiments d'estime et de considération avec lesquels je suis etc.

XVI.

d'Alembert à Catherine.

15 juin 1764.

Madame. Votre Majesté Impériale me traite comme Auguste fait Cinna dans la tragédie de ce nom.

«Je t'ai comblé des biens, je t'en veux accabler!»

A peine m'avait on remis de sa part le beau présent dont elle m'a honoré et dont je lui ai fait déjà mes remerciements très-humbles, que j'ai reçu d'elle une lettre supérieure, s'il est possible, au présent même par toutes les marques de bonté dont elle est remplie. Permettez-moi, Madame, d'y répondre en détail; c'est la seule manière dont ma reconnaissance puisse s'acquitter envers Vous; encore n'oserais-je user de cette liberté qu'avec beaucoup de réserve, si Votre Majesté Impériale ne voulait m'assurer elle-même qu'elle n'en sera pas importunée. Vous avez la bonté de me dire, Madame, que Vous ne pensez qu'avec chagrin à ce que Vous appelez toujours mon refus; il Vous suffirait pour

вить этотъ пропускъ, и мнѣ тѣмъ пріятнѣе увѣдомить васъ объ этомъ, что наша августѣйшая государыня или, лучше сказать, покровительница искусствъ и наукъ, дала мнѣ знать, что она вполне одобряетъ наше избраніе. Вслѣдствіе этого, препровождаю вамъ прилагаемый дипломъ съ увѣреніемъ въ отличныхъ чувствахъ уваженія, съ которыми остаюсь, и проч.

XVI.

Даламберъ Екатеринѣ.

15-го іюня 1764 года.

Государыня! Ваше императорское величество поступаете со мной, какъ Августъ съ Цинней въ трагедіи того же имени:

«Я осыпалъ тебя своими милостями, — я хочу тебя ими подавить!»

Только-что былъ мнѣ передать прекрасный подарокъ, которымъ вамъ угодно было меня удостоить и за который я уже успѣлъ выразить вамъ мою почтительную благодарность, какъ получилъ отъ васъ письмо, преисполненное большими, если это только возможно, доказательствами вашихъ ко мнѣ милостей, чѣмъ самый подарокъ. Позвольте мнѣ, государыня, подробно отвѣтить вамъ на ваше письмо; только такимъ образомъ я буду въ состояніи вполне выразить вамъ мою признательность; но и при этомъ у меня не достало бы смѣлости писать вамъ длинное письмо, если бы вашему императорскому величеству не угодно было увѣрить меня, что своими письмами я не докучаю вамъ. Государыня! вы милостиво выговариваете мнѣ, что не иначе,

Vous consoler de me voir à l'ouvrage, dont Vous me croyez si capable. Soyez persuadée, que je Vous ai dit l'exacte verité sur mon peu de talent pour toute espèce d'éducation et surtout pour une éducation aussi importante que celle du souverain d'un grand empire. Celui qui se sentirait les talents, nécessaires pour former un prince éclairé et vertueux, serait je crois coupable envers le genre humain, s'il refusait d'aller faire une si grande et si bonne oeuvre, dût-il y aller à pied et gratuitement; mais on ne serait pas moins blâmable si après s'être examiné soi-même et s'être reconnu incapable d'une si grande entreprise, on succombait par vanité ou par intérêt aux sollicitations même les plus honorables et les plus avantageuses. Je veux, Madame, que la lecture de mes ouvrages ait donné à Votre Majesté Impériale quelques préventions favorables sur ma manière de sentir et penser; mais Vous a-t-elle fait découvrir en moi les qualités, qui me manquent absolument; le talent d'enseigner, si différent de celui d'écrire, les connaissances, dont il est nécessaire de s'être occupé pour être en état de les transmettre à un jeune prince destiné à gouverner des millions d'hommes, la facilité de savoir se plier et souvent se contraindre, la fermeté et la prudence également indispensables pour écarter les obstacles moraux, qui s'opposent de toutes parts, surtout dans une cour, ou bien qu'on voudrait et qu'on pourrait faire,—voilà, Madame, ce qui ne m'a pas permis d'accepter la place, dont Votre Majesté Impériale a voulu

---

какъ съ сожалѣніемъ, вспоминаете о томъ, что вы постоянно называете моимъ отказомъ; чтобъ утѣшиться, вамъ достаточно было бы увидѣть меня за работою, выполнить которую вы считаете меня столь способнымъ. Будьте увѣрены, что я сказалъ вамъ истинную правду относительно недостатка своихъ способностей въ дѣлѣ воспитанія вообще, и, въ особенности, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе будущаго монарха великой имперіи. Тотъ, кто, сознавая себя способнымъ воспитать просвѣщеннаго и добродѣтельнаго государя, отказался бы совершить это великое, благое дѣло, былъ бы виновенъ предъ всѣмъ человѣчествомъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы ему пришлось идти за этимъ дѣломъ пѣшкомъ и исполнить его безвозмездно; но также достоинъ осужденія былъ бы и тотъ, кто, провѣривъ себя и сознавъ себя неспособнымъ выполнить эту великую задачу, принявъ бы, ради тщеславія и корыстолюбія, сдѣланныя ему предложенія, какъ бы ни были они выгодны и какъ бы много чести они ему не дѣлали. Я допускаю, государыня, что изъ чтенія моихъ сочиненій вы вынесли благосклонное мнѣніе о моихъ чувствахъ и мысляхъ, но какимъ образомъ это чтеніе привело васъ къ открытію во мнѣ тѣхъ качествъ, которыхъ мнѣ именно недостаетъ? Способность къ преподаванію не имѣетъ ничего общаго съ дарованіемъ писателя; надо специально изучать, чтобы быть въ состояніи передать, тѣ науки, которыя нужны будущему государю, предназначенному управлять милліонами людей; надо уметь легко примѣняться къ обстоятельствамъ, надо уметь владѣть собой, имѣть много твердости и осторожности, чтобы избѣгать тѣхъ щекотливыхъ положеній, на которыя приходится наталкиваться всюду, въ

m'honorer et ce sera le regret de toute ma vie que de m'en être trouvé si peu digne. Vous me soupçonnez, Madame, d'être du nombre de ceux qui croient que les grands valent mieux à être vus de loin que de près. Cette maxime assez vraie en elle-même n'est pas faite pour Votre Majesté Impériale, mais elle est du moins aussi vraie pour les prétendus sages de ce monde, (et surtout pour moi) qu'elle peut l'être pour les grands. Que ne pouvez-Vous cependant, Madame, rapprocher Pétersbourg de Paris ou me donner la santé nécessaire pour entreprendre un si long voyage? La crainte de détruire la bonne opinion que Vous avez de moi céderait à l'envie d'aller auprès de Vous admirer et m'instruire, mais Dieu ne veut pas, Madame, que j'aie tant de bonheur en ce monde; je permets même que Votre Majesté Impériale me punisse par où elle croit que j'ai péché, par le refus que j'osais attendre d'elle. J'avais pris la liberté de lui demander ses conseils pour perfectionner mes ouvrages; elle me répond par des compliments. Le Roi de Prusse, Madame, a eu la bonté de me lire avec plus d'intérêt ou de sévérité; il a désiré que je donnasse plus d'étendue à quelques endroits de mes éléments de philosophie, qui lui paraissaient en avoir besoin et ce désir de sa part a produit un ouvrage que j'ai eu l'honneur de lui envoyer en manuscrit et dont j'ignore encore, quel a été le succès auprès de lui. Je serais bien tenté d'entreprendre le catéchisme, dont je parle dans ces éléments à la fin de la section, qui traite de la morale, mais mille obstacles s'y opposent; des occupations

---

особенности же при дворѣ, наконецъ, невозможность дѣлать то, что хотѣлъ бы и что могъ бы, — вотъ, государыня, причины, не позволившія мнѣ принять мѣсто, которымъ вашему императорскому величеству угодно было почтить меня; и сожалѣніе, что я оказался недостойнымъ занять его, будетъ преслѣдовать меня въ продолженіи всей моей жизни. Затѣмъ, государыня, вы подозреваете, что я изъ числа тѣхъ, которые думаютъ, что великіе люди лучше издали, чѣмъ вблизи. Это положеніе, хотя и достаточно справедливое само по себѣ, не примѣнимо къ вашему императорскому величеству; по отношенію же къ мнимымъ мудрецамъ (и особенно ко мнѣ), оно настолько же справедливо, насколько можетъ быть справедливо по отношенію къ великимъ міра сего. Для чего, государыня, не въ вашей власти приблизить Петербургъ къ Парижу или дать мнѣ то здоровье, которое пужло для совершенія столь длиннаго путешествія? Опасеніе, что вблизи я уничтожу ваше доброе мнѣніе обо мнѣ, не устояло бы предъ желаніемъ находиться около васъ, чтобы удивляться вамъ и учиться у васъ; но, вѣрно, Богу не угодно, чтобы на этомъ свѣтѣ на мою долю выпало столько счастья; я даже допускаю, что ваше императорское величество наказываете меня тѣмъ же, чѣмъ я грѣшенъ передъ вами, — отказомъ, который я имѣлъ смѣлость предвидѣть. Я осмѣлился просить вашихъ совѣтовъ, чтобы усовершенствовать свои сочиненія; вы же отвѣчаете мнѣ похвалами. Прусскій король, государыня, былъ такъ добръ, что читалъ мои сочиненія съ бѣльшимъ интересомъ или же съ бѣльшей строгостью; онъ пожелалъ, чтобы я развилъ тѣ мѣста моихъ

d'un autre genre, qui absorbent presque tout mon temps, l'embarras où je suis sur la forme qu'il serait le plus avantageux de donner à ce catéchisme pour intéresser les enfants, enfin la crainte d'exciter les clameurs des sots et des fanatiques en réduisant la morale à la loi naturelle, comme si un ouvrage fait pour être utile à toutes les nations devait offrir aux Chinois des principes de vertus et d'équité puisées dans une religion qui leur est inconnue. Voilà, Madame, les liens aussi durs que surprenants, qui retiennent parmi nous la vérité captive. Oui, je le répète, le Nord donne sur cela des leçons au Midi. Voyez, Madame, par un seul exemple la distance énorme de l'un à l'autre. Jamais le Nord n'a voulu souffrir les Jésuites, le Midi commence à peine à s'en défaire et encore par quels motifs s'en défait-il, lorsqu'il y en a tant de bons pour les expulser. S'il fait avec raison une opération importante il faut avouer que ce n'est pas par raison. Votre Majesté Impériale s'étonne, qu'une nation qui passe pour être si éclairée que la nôtre, soit si peu avancée à certains égards. L'explication de l'enigme est toute simple; la partie moyenne de la nation, c'est à dire la partie qui ne peut rien et qui ne fait que voir sans agir, est plus éclairée que jamais; les corps et la plus grande part des Grands, c'est à dire la partie puissante, sont à cent ans en arrière de la partie éclairée; et on peut comparer la nation française à la vipère où tout est bon excepté la tête. Que ne puis-je, Madame, pour l'instruction de tant d'hommes qui ont le pouvoir en main et qui en abusent

---

«Основъ философіи», которыя, по его мнѣнію, изложены недостаточно подробно; это его желаніе заставило меня написать сочиненіе, которое я представилъ ему въ рукописи, но я еще не знаю, насколько оно его удовлетворило. Желанію работать надъ моимъ Катехизисомъ, о которомъ я упоминаю въ концѣ той части Основъ, гдѣ я говорю о морали, препятствуютъ тысяча обстоятельствъ занятія другаго рода поглощаютъ почти все мое время; я затрудняюсь въ выборѣ наиболѣе подходящей формы изложенія этого катехизиса, которая могла бы заинтересовать ребенка; наконецъ, я боюсь вызвать ропотъ глупцовъ и фанатиковъ, низводя мораль на степень естественнаго закона; но неужели же сочиненіе, написанное для пользы всѣхъ націй, должно учить и китайцевъ правиламъ нравственности и справедливости, почерпая ихъ изъ такой религіи, которая имъ совершенно неизвѣстна. Вотъ, государыня, тѣ оковы, столь же тяжелыя, какъ и необъяснимыя, въ которыя мы заключили истину. И я повторяю, съверъ въ этомъ отношеніи стоитъ выше юга. По одному только примѣру, государыня, вы можете увидать, какая громадная разниа лежитъ между ними. Съверъ никогда не терпѣлъ іезуитовъ, югъ же только теперь начинаетъ отдѣлываться отъ нихъ; но чѣмъ онъ руководствуется при этомъ въ то время, когда къ ихъ изгнанію есть столько дѣйствительныхъ причинъ? Если это изгнаніе и является мѣрой разумной, то надо сознаться, что она приводится въ исполненіе не въ силу разумныхъ доводовъ. Ваше императорское величество удивляетесь, что наша нація, которую считаютъ столь просвѣщенной, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такъ мало подвинулась

rendre publique la lettre qu'elle m'a fait l'honneur de m'écrire? mais l'intérêt de la philosophie sera sacrifié à la modestie et aux ordres de Votre Majesté Impériale. Je la supplie même d'être persuadée, que si la première de ses lettres a vu le jour, ce n'a été ni par moi, ni de mon consentement. Quelques amis sensibles aux bontés de Votre Majesté Impériale à mon égard m'ont demandé des copies de cette lettre que je n'ai pu leur refuser et ces copies multipliées ont produit l'inconvénient que je n'avais pas prévu; heureusement pour Votre Majesté Impériale et pour moi le succès général de cette lettre m'a consolé de mon imprudence et je ne puis me repentir d'une faute, qui a concilié le coeur de tous les gens de lettres à une princesse si digne de se les attacher. Mais ce n'est pas une faute à commettre deux fois. Avec quelque bonté que Votre Majesté Impériale me rassure sur la longueur de mes lettres, je suis effrayé et confus de la longueur de celle-ci. Je crains d'avoir prolongé d'un moment le malheur de quelques sujets infortunés, que Votre Majesté Impériale aurait soulagé pendant le temps, qu'elle a mis à me lire.

Je suis avec le plus profond respect etc.

впередъ. Объясненіе этой загадки весьма просто: среднее сословіе, т. е. та часть націи, которая не у дѣлъ, которой остается только наблюдать и бездѣйствовать, просвѣщена болѣе, чѣмъ когда-либо; въ этомъ отношеніи низшее сословіе и большая часть знати — въ рукахъ которой сосредоточена власть — отстали отъ средняго сословія на цѣлое столѣтіе; поэтому французскій народъ можно сравнить съ ящерицею, у которой все хорошо, кромѣ головы. Отчего, государыня, вы мнѣ не позволяете обнародовать письмо, которымъ вамъ угодно было почтить меня, въ пазиданіе тѣмъ людямъ, въ рукахъ которыхъ находится власть и которые ею злоупотребляютъ! Но такимъ образомъ интересъ науки будетъ принесенъ въ жертву скромности и приказаніямъ вашего императорскаго величества. Я умоляю васъ вѣрить мнѣ, что и первое ваше письмо было предано гласности не мною и не съ моего согласія. Нѣкоторые изъ моихъ друзей, радуясь за меня, что ваше императорское величество оказываете мнѣ столько милостей, просили меня дать имъ копіи съ вашего письма, въ чемъ я не могъ имъ отказать; съ этихъ копій были сняты новыя копіи и это привело къ тому, чего я не могъ предвидѣть. Но, къ счастью, письмо вашего императорскаго величества имѣло такой успѣхъ, что я утѣшился въ неосторожности и не могу раскаяваться въ ошибкѣ, вслѣдствіе которой монархія, столь достойная всеобщей любви, покорила себѣ сердца всѣхъ ученыхъ. Но этой ошибки я не сдѣлаю вторично. Какъ бы милостиво ваше императорское величество ни относились къ моимъ письмамъ, по длине этого послѣдняго пугаетъ и смущаетъ меня. Мнѣ кажется, что я продлилъ несчастіе нѣсколькихъ вашихъ подданныхъ, у которыхъ есть какое нибудь горе и которыхъ бы вы могли утѣшить въ продолженіи времени, потраченнаго вами на чтеніе моего письма. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ... и т. д.

XVII.

Catherine à d'Alembert.

St.-Petersbourg, ce 20 septembre 1764.

Monsieur, au retour de mon petit voyage le long des côtes de la Baltique j'ai reçu Vos deux lettres, l'une en réponse à la mienne et l'autre sur la médaille, qui m'ont fait beaucoup de plaisir. Si je ne craignais de nouveau vos remerciements, je serai tenté de vous envoyer celle que j'ai imaginé, et qui a été frappée, sur l'érection de la maison des enfants trouvés; elle n'en est peut être pas meilleure pour cela, mais elle me plaît parce qu'il y a peu de raffinement et que je hais celle, où il faut se casser la tête pour deviner ce qu'elle signifie et ordinairement c'est ce dont on se doutait le moins. Vous savez depuis longtemps que les grands seigneurs savent tout sans avoir rien appris. Voilà mon cas. Cessez donc de prétendre que je Vous dise mon avis sur Vos ouvrages. Je ne puis Vous dire ce qui y manque mais bien ce que j'y ai trouvé. Une profondeur de raisonnement jointe à une vaste étendue de génie, l'agrément du style et une grande aisance à manier et à rendre clair pour les ignorants (comme moi) même telle matière, qu'il Vous plaît. Ne Vous découragez pas; donnez nous ce catéchisme tel que Votre jugement Vous le dictera et moquez Vous des clameurs des sots. Tant pis pour eux, s'ils s'exposent à glaner sur ce

XVII.

Императрица Екатерина Даламберу.

С.-Петербургъ, 20-го сентября 1764 г.

М. г. По возвращеніи изъ маленькаго путешествія моего по Балтійскому побережью, я получила ваши два письма: одно, служащее отвѣтомъ на мое письмо, а другое—касающееся медали. Они доставили мнѣ большое удовольствіе. Если бы я не боялась новыхъ вашихъ благодарностей, я бы рѣшилась послать вамъ новую медаль, мною изобрѣтенную, и которая выбита въ память учрежденія воспитательнаго дома; она мнѣ нравится потому, что въ ней мало утонченнаго, а я ненавижу тѣ медали, надъ которыми нужно ломать себѣ голову, чтобы отгадать ихъ значеніе, и обыкновенно значеніе ихъ именно то, до котораго труднѣе всего додуматься. Вы давно знаете, что великіе господа знаютъ все, никогда ничему не учившись. Я нахожусь въ такомъ же положеніи. Поэтому перестаньте утверждать, что я должна выразить мое мнѣніе о вашихъ сочиненіяхъ. Я не могу сказать вамъ, чего въ нихъ недостаетъ, а развѣ только то, что я въ нихъ нашла — глубину сужденія, соединенную съ обширнымъ гениемъ, пріятность слога и большую легкость въ обработкѣ и въ разъясненіи даже для такой невѣжды, какъ я, всякаго предмета, за который вы принимаетесь. Не падайте духомъ; дайте намъ вашъ «Катехизисъ» такимъ, какимъ продиктуетъ его вамъ вашъ разумъ, и смѣйтесь надъ криками глупцовъ. Тѣмъ хуже для нихъ, если они рѣшаются поспирать все, что полезно человѣчеству; тѣмъ болѣе будутъ они достойны

qui est utile au genre humain. Ils n'en seront que plus méprisés; que pouvez Vous craindre des fanatiques quand Vous me dites: la partie moyenne de la nation, c'est à dire la partie qui ne peut rien et qui ne fait que voir sans agir, est plus éclairée que jamais; voilà donc le plus grand nombre, il serait honteux aux autres de n'être de leur avis. Mais cessons ce badinage; il y a des fanatiques pourtant, je viens d'en faire la triste expérience et je suis persuadée que c'est un degré de maladie de cerveau à laquelle une certaine sorte d'éducation contribue, comme un corps d'habit mal fait rend bossues les petites filles. C'est votre catéchisme qui doit prévenir à l'avenir ces maux; voyez donc si désormais Vous pourrez Vous dispenser de ce travail sans Vous faire des reproches; il est déjà assez affligeant qu'Abraham Chaumaix ¹⁾ aie arrêté l'Encyclopédie et qu'ensuite il soit venu à St.-Petersbourg où il m'écrivait des panégyriques. Sa flatterie est fine, comme Vous voyez. Quand Vous en aurez le temps je Vous prie de me dire si tout de bon Vous ne travaillez plus à ce Dictionnaire? la défense de l'impression existe-t-elle encore? toutes les facilités Vous les auriez...

Je fais travailler aux réglemens de mon Académie des Sciences; Vous aimez trop l'encouragement et l'augmentation des connaissances humaines pour me refuser j'espère Vos avis sur cet article, quand je Vous prierai de me guider. Vous voudriez pour l'instruction de ceux qui

---

¹⁾ Né à Chanteau près d'Orléans vers 1730, l'adversaire inconsidéré des Encyclopédistes, très-calomnié par ses adversaires, auteur de la Petite Encyclopédie (Anvers, 1772) mort à Moscou en 1790.

презрѣнія. Чего можете вы опасаться со стороны фанатиковъ, когда вы мнѣ говорите: средній классъ народа, т. е. классъ, который ничего не въ состояніи совершить и который только наблюдаетъ, не имѣя возможности дѣйствовать, теперь болѣе просвѣщенъ, чѣмъ когда-либо, — вотъ большинство, и другимъ было бы стыдно не раздѣлять ихъ мнѣнія. Но оставимъ эти шутки; фанатики все-таки существуютъ на свѣтѣ; я только-что видѣла грустное доказательство этого и убѣждена, что это есть извѣстная степень душевной болѣзни, которой содѣйствуетъ извѣстнаго рода воспитаніе, подобно тому, какъ дурно сшитое платье можетъ сдѣлать дѣвочку горбатою. Вашъ «Катехизисъ» долженъ предотвратить въ будущемъ это зло; можете ли вы отклонить впредь эту работу, не навлекши на себя упрековъ; достаточно уже прискорбно то, что г. Авраамъ Шомэ могъ остановить печатаніе Энциклопедіи и затѣмъ пріѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ пишетъ мнѣ панегирики. Его лестъ — очень тонкая лестъ. Когда вы удосужитесь, я попрошу васъ сказать, рѣшились ли вы просто на-просто прекратить этотъ словарь? запрещеніе печатать его остается ли въ силѣ? А между тѣмъ вы имѣли бы всѣ облегченія...

Я поручила пересмотрѣть уставъ петербургской академіи наукъ; вы слишкомъ любите поощреніе и распространеніе человѣческихъ знаній, чтобы отказать мнѣ въ мнѣніи вашемъ по этому предмету, когда я обращусь къ

ont le pouvoir en main publier ma lettre; je Vous supplie n'en faites rien; selon l'Evangile ils n'écoutent ni Moïse, ni les prophètes; ils écouteront encore moins les vivants; soyez bien persuadé que Vos lettres, Monsieur, ne sont jamais trop longues pour moi, qui suis remplie de la plus parfaite estime pour Vous.

XVIII.

Betzki à d'Alembert.

St.-Petersbourg, ce 22 septembre 1764. vieux style.

J'ai reçu à diverse fois, Monsieur, par Monsieur le Prince Galitzin les compliments dont Vous m'avez honoré et Vous en témoigne toute ma reconnaissance. Vous trouverez ci-joint une lettre de la main de Sa Majesté Impériale, notre auguste souveraine, à laquelle joint une médaille d'or sur le sujet dont cette princesse Vous parle; comme premier curateur de cet établissement, (je Vous prie) recevez-la comme une marque de mon estime pour Vous, heureux et trop flatté si par cette légère attention je puis m'attacher la continuation de la vôtre. J'ai l'honneur d'être etc.

XIX.

D'Alembert à Catherine.

Novembre 1764.

Madame! Les bontés multipliées, dont Votre Majesté Impériale m'honore sont trop au dessus de ma reconnaissance pour qu'elle puisse

вашему руководству. Вы желаете напечатать мое письмо для поучения тѣхъ, въ рукахъ которыхъ власть; умоляю васъ не дѣлать этого; они, какъ сказано въ Евангеліи, не слушаютъ ни Моисея, ни пророковъ, тѣмъ менѣе будутъ они слушать людей живыхъ. Будьте увѣрены, что ваши письма никогда не длинны для той, которая питаетъ къ вамъ глубочайшее уваженіе.

XVIII.

И. И. Бецкій Даламберу.

С.-Петербургъ, 22-го сентября 1764 г.

М. г. Я неоднократно получалъ чрезъ посредство князя Голицына привѣтствія, которыми вы меня удостаивали и за которыя я свидѣтельствую вамъ мою признательность. При семъ найдете вы собственноручное письмо императрицы, всемилостивѣйшей нашей государыни, къ которому приложена золотая медаль, выбитая по поводу событія, о которомъ она вамъ пишетъ. Примите ее отъ меня, какъ отъ перваго попечителя этого заведенія, въ знакъ моего къ вамъ уваженія. Буду счастливъ и весьма польщенъ, если этимъ малымъ къ вамъ вниманіемъ я могу упрочить за собою продолженіе вашего. Имѣю честь быть и проч.

XIX.

Даламберъ Екатеринѣ.

1764.

Государыня! Вамъ не слѣдуетъ бояться выраженій моей благодарности, потому что многочисленныя милости, которыми ваше императорское вели-

désormais craindre mes remerciements. Je ne la fatiguerai donc point par ces faibles marques des sentiments dont je suis pénétré pour elle; mais dût elle craindre mes justes éloges, je ne puis qu'applaudir à l'idée et à l'exécution de la belle médaille qu'elle a daigné m'envoyer Rien de plus juste et de mieux pensé, que ce qu'elle me fait l'honneur de me dire à ce sujet sur l'obscurité trop ordinaire de ces sortes de monuments et rien en même temps de plus clair, de plus noble et de plus simple que le sujet et la légende qu'elle a imaginés. Un pareil établissement était bien digne d'elle; j'ai vu le Roi de Prusse regretter beaucoup de ce qu'il manque encore à ses Etats. Je ne répondrai plus à tout ce que Votre Majesté Impériale veut bien me dire d'obligeant sur mes ouvrages qu'en tâchant de mériter l'idée favorable, qu'elle a conçue de moi. J'aurai bien dans mon porte-feuille de quoi donner de nouveaux volumes; mais les matières délicates auxquelles je touche, quoiqu'avec toute la réserve et la précaution possible me font craindre de nouvelles persécutions ¹⁾.

Je me moquerais comme Votre Majesté Impériale m'y exhorte des clameurs des sots, si les sots ne faisaient que crier et si par malheur un grand nombre d'entre eux n'avait pas le pouvoir en main. J'ai fait

---

¹⁾ Ces opuscules seront prochainement publiés; ils traitent de la véritable religion, du libre arbitre, de l'existence de Dieu, de divers problèmes de musique et de littérature.

чество меня удостоиваете, настолько превышают мою признательность, что у меня неостанется словъ выразить вамъ ее. Поэтому я не стану утомлять васъ слабыми выраженіями чувствъ, которыя я къ вамъ питаю; но какъ бы вы не опасались моихъ справедливыхъ похвалъ, я не могу не выразить одобренія идеѣ и исполненію той прекрасной медали, присылкою которой вы меня почтили. Вы совершенно справедливо и очень глубокомысленно изволили выразиться относительно неясности, обыкновенно придаваемой этого рода памятникамъ, и въ то же время ничего не можетъ быть яснѣе, благороднѣе и проще сочиненной вами надписи. Такого рода учрежденіе вполне достойно васъ, и, я знаю, прусскій король очень сожалѣетъ, что подобнаго нѣтъ въ его государствѣ. Я не буду говорить о снисходительности, съ которой нашему императорскому величеству угодно отзываться о моихъ сочиненіяхъ, я постараюсь только остаться достойнымъ того благосклоннаго мнѣнія, которое вы себѣ составили обо мнѣ. Матеріала, находящагося въ моемъ портфельѣ, хватило бы на нѣсколько томовъ; но щекотливость предмета, котораго я касаюсь, хотя и съ должной сдержанностью и осторожностью, заставляетъ меня опасаться новыхъ преслѣдованій.

Ваше императорское величество совѣтуете мнѣ пренебречь ропотомъ глупцовъ; я такъ бы и поступилъ, если бы эти глупцы только кричали и если бы, къ несчастію, большее число ихъ не держало власти въ своихъ рукахъ. Я уже достигъ того, къ чему обыкновенно приводитъ избранное мною поприще—трудъ и разнаго рода огорченія уже надломили мое здоровье, и я долженъ

plus de la moitié naturelle de ma carrière; une santé affaiblie par le travail et par les chagrins de toute espèce n'a pas besoin de nouvelles secousses. Cette terre que j'habite et qui dévore ses habitants m'offre dans un petit nombre d'amis la seule consolation qui m'attache à la France et que je ne trouverais plus ailleurs: voilà, Madame, ce qui me lie les mains pour écrire: voilà ce qui m'empêchera peut être de travailler à ce Catéchisme de Morale qui pourrait néanmoins être si utile. Nos docteurs exigent non seulement qu'on ne les contredise pas, mais qu'on parle absolument comme eux et le moyen d'être leur écho quand on ne veut être ni hypocrite, ni absurde.

Si le genre humain désire qu'on l'éclaire, s'il en a besoin, pourquoi paye-t-il tant de gens pour éteindre le flambeau qu'on peut lui offrir avec les meilleurs intentions du monde. Il en faut revenir tôt ou tard à ces vers du bon La Fontaine:

Le repos, le repos trésor si précieux
Qu'on en fit autrefois le partage des Dieux.

Voilà, Madame, la devise du sage au moins quand il a le bonheur d'être un simple et obscur particulier; le vrai malheur attaché aux souverains est de ne pouvoir prendre cette même devise: ils sont redevables de leur repos à trop de malheureux pour les sacrifier à ces sentiments, d'ailleurs si naturels. Je connais les peines de Votre Majesté Impériale; je les ressens et je m'en afflige: mais elle a trop de courage

избѣгать новыхъ потрясеній. Франція — страна, пожирающая своихъ обитателей; но она даритъ меня небольшимъ числомъ друзей, привязывающихъ меня къ ней и составляющихъ мое единственное утѣшеніе, котораго я не найду ни въ какой другой странѣ. Вотъ, государыня, что связываетъ мои руки и мѣшаетъ работать надъ моимъ нравственнымъ Катехизисомъ, который, однако же, могъ бы принести такую пользу!.. Наши богословы требуютъ, чтобы имъ не только не противорѣчили, но чтобы непременно говорили то же, что и они, а можетъ ли быть ихъ эхомъ тотъ, кто не хочетъ казаться ханжей и глупцомъ.

Если человѣчество требуетъ, чтобы его просвѣщали, если это необходимо для него, то зачѣмъ оно содержитъ столько людей, гасящихъ свѣточъ, который могъ бы быть ему предложенъ съ самыми благими намѣреніями. Въ концѣ концовъ поневолѣ приходится возвращаться къ стихамъ добряка Лафонтена:

«Покой, покой, — это драгоцѣнное сокровище,
«Которое прежде считалось удѣломъ лишь боговъ...»

Вотъ, государыня, девизъ мудреца, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда онъ имѣетъ счастье быть простымъ, незнатнымъ частнымъ человекомъ; истинное несчастіе государей состоитъ въ томъ, что не въ ихъ власти избрать себѣ такой девизъ; они будутъ обязаны своимъ покоемъ слишкомъ большому числу несчастныхъ, чтобы пожертвовать ими для своихъ чувствъ, хотя и весьма естественныхъ. Зная, какого рода печали есть у вашего им-

pour ne pas braver également l'ingratitude et la calomnie. Son apologie est signée d'avance dans tout ce qu'elle a fait d'utile à ses peuples et le sera de plus en plus dans tout ce qu'elle se propose encore de faire pour eux. Si Votre Majesté Impériale donne du pain à ce malheureux Abraham Chaumaix célébré d'abord et aujourd'hui abandonné par des protecteurs plus méprisables que lui; elle n'en imitera que mieux la Providence qui nourrit aussi les chenilles; il est vrai, Madame, que ces chenilles physiques et morales, ces insectes inutiles et malfaisants forment un assez fâcheux argument contre ce meilleur des mondes possibles; on prétend que le bon St. François ressuscita un jour un loup enragé en lui faisant bien promettre de ne plus manger de moutons. C'est à Votre Majesté Impériale de juger si elle fera l'honneur à Abraham Chaumaix de le traiter comme ce loup; il est certain que malgré ses morsures on continue d'imprimer l'Encyclopédie et qu'elle paraîtra en entier incessamment; mais il est encore plus certain que je n'ai plus aucune part à cet ouvrage; les persécutions qu'il a essayées d'une part et d'autre, les mauvais procédés des libraires et de quelques uns de mes collègues m'en ont entièrement dégoûté.

Quelque peu capable que je me sente d'éclairer Votre Majesté Impériale sur les réglemens de son Académie je serai à ses ordres pour les questions qu'elle voudra bien me faire à ce sujet, mais je crois qu'en général il faut traiter les gens de lettres et les artistes comme les commerçants; les encourager, les protéger et les laisser faire.

ператорскаго величества, я сочувствую вамъ и огорчаюсь за васъ; но у васъ есть настолько смѣлости, чтобы не обращать вниманія какъ на неблагодарность, такъ и на клевету. Ваша апологія намѣчена впередъ во всемъ, что вами сдѣлано полезнаго для вашего народа, и будетъ памятна въ все болѣе и болѣе во всемъ, что вы еще намѣреваетесь для него сдѣлать. Если вы подаете кусокъ хлѣба этому несчастному Абраму Шомэ, прежде столь извѣстному, нынѣ же покинутому даже своими покровителями, заслуживающими большаго презрѣнія, чѣмъ онъ самъ, то этимъ вы какъ нельзя болѣе подражаете Провидѣнію, которое питаетъ даже гусеницъ, хотя надо признаться, государыня, что существованіе этихъ физическихъ и нравственныхъ гусеницъ, этихъ бесполезныхъ насѣкомыхъ, представляетъ довольно прискорбный доводъ противъ того, что нашъ міръ есть лучший изъ міровъ. Рассказываютъ, будто добрый св. Францискъ однажды возвратилъ жизнь бѣшеному волку, заставивъ его дать обѣщаніе не трогать болѣе овецъ. Рѣшите же, ваше императорское величество, слѣдуетъ ли вамъ поступить съ Абрамомъ Шомэ, какъ поступилъ св. Францискъ съ этимъ волкомъ? Правда, что, не смотря на происки Шомэ, печатаніе Энциклопедіи продолжается, — она выйдетъ въ свѣтъ и изданіе ея будетъ доведено до конца, — но еще болѣе вѣрно и то, что я не принимаю теперь въ этомъ трудѣ никакого участія: мнѣ слишкомъ надоели тѣ преслѣдованія, которыя это изданіе выдержало съ той и съ другой стороны, и несовсѣмъ хорошіе поступки издателей и нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей.

Ne craignez point, Madame, que j'abuse jamais des bontés de Votre Majesté Impériale en les rendant publiques; quelques flatteuses qu'elles soient pour moi, quelque utile qu'il peut être de les divulguer pour le bien de la philosophie et des lettres, elles seront bornées à faire ma propre consolation; je respecte sur cela ses ordres suprêmes autant que son auguste personne.

C'est dans ces sentiments et avec la plus vive reconnaissance et l'admiration sincère, que je serai toute ma vie etc.

XX.

Question faite par la Czarine à Monsieur d'Alembert dans une lettre à Madame Geoffrin.

On demande si d'une accumulation de belles maximes mises en pratiques, il en résultera un bel et bon effet général.

Il serait à souhaiter pour faire une réponse précise à cette question qu'elle fût plus développée.

D'abord, il est certain que si les maximes dont il s'agit sont réellement belles, vraies, énoncées avec précision, et de manière qu'elles ne soient susceptibles d'aucune modification ni restriction dans leur énoncé, il ne peut manquer d'en résulter un très bon effet général

Какъ ни мало я считаю себя способнымъ давать наставленія вашему императорскому величеству относительно устава вашей академіи, я все-таки готовъ къ вашимъ услугамъ по вопросамъ, касающимся этого предмета; вообще же, по моему мнѣнію, къ ученымъ и художникамъ надо относиться какъ къ купцамъ: поощрять ихъ, покровительствовать имъ и предоставлять имъ свободу дѣйствій.

Не бойтесь, государыня, что я когда нибудь злоупотреблю вашими ко мнѣ милостями и предамъ ихъ гласности; какъ бы лестны они для меня ни были, какъ бы ни могли онѣ быть полезны для распространенія блага философіи и наукъ, онѣ останутся утѣшеніемъ только для меня одного; въ этомъ отношеніи я исполню ваши августѣйшія приказанія.

Эти чувства съ живѣйшей моей благодарностью и искреннимъ къ вамъ удивленіемъ останутся во мнѣ на всю жизнь... и т. д.

XX.

Вопросы, предложенные Даламберу императрицею въ письмѣ ея къ г-нѣ Жоффренъ.

Предлагается вопросъ: отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, произойдетъ ли хорошій и полезный общій результатъ?

Для того, чтобы дать точный отвѣтъ на этотъ вопросъ, желательно, чтобы онъ былъ болѣе развитъ.

Несомнѣнно, прежде всего, что если правила, о которыхъ идетъ рѣчь, дѣйствительно хороши, истинны, выражены точно и такимъ образомъ, что

quand elles seront réduites en pratique, si cet effet n'en résulte pas, c'est qu'on a eu tort de les regarder dans l'application à la pratique comme absolument générales et sans modifications. Exemple: Il est beau de pardonner: voilà une belle maxime générale; cependant un législateur, un roi etc., qui la mettrait constamment en pratique, ouvrirait la porte à tous les crimes; c'est que cette maxime n'est vraie dans sa généralité que pour les particuliers et non pour les États; encore n'est-il pas sûr qu'elle soit sans restriction pour les particuliers mêmes. Autre exemple: Il faut toujours dire la vérité aux hommes: cela est très vrai en général, mais cela est-il vrai sans restriction? Serait-on sage et ferait-on bien d'aller crier dans les rues de Constantinople. Mahomet est un imposteur! on peut apporter mille autres exemples semblables: Ma conclusion est qu'il peut résulter un mauvais effet général d'une accumulation de belles maximes mises en pratique; si on n'a pas d'égard aux modifications que doivent souffrir quelquefois (et même souvent) ces maximes mises en pratique, modifications qui tiennent aux lieux, aux temps, aux personnes, au caractère des nations, enfin à mille causes différentes que les législateurs ou les princes doivent connaître et combiner.

не подлежатъ никакому измѣненію, ни ограниченію въ ихъ изложеніи, то въ случаѣ примѣненія ихъ на практикѣ, не можетъ не произойти очень хорошій результатъ. Если же подобнаго результата не произойдетъ, то это будетъ значить, что несомнѣтельно смотрѣли на эти правила, при примѣненіи ихъ на практикѣ, какъ на правила безусловно общія и неизмѣнныя. Примѣръ: прекрасно прощать — вотъ превосходное общее правило. Но однако законодатель, государь и т. д., которые постоянно примѣняли бы его на практикѣ, открыли бы дверь всякаго рода преступленіямъ, потому что это правило, въ его общности, нужно лишь для частныхъ лицъ, но не для государствъ; даже не вполне еще вѣрно, чтобы оно могло существовать безъ ограниченія и для частныхъ лицъ. Другой примѣръ: нужно всегда говорить людямъ правду. Вообще, это вполне справедливо, но справедливо ли это безъ ограниченія? Было ли бы благоразумно и полезно провозглашать на улицахъ Константинополя: Магометъ обманщикъ! Можно бы привести тысячу подобныхъ примѣровъ. Заключение мое состоитъ въ томъ, что отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которыми иногда (и даже часто) должны подвергаться эти правила при примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера, — однимъ словомъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодатели и государь должны знать и принимать въ соображеніе.

XXI.

Mémoire envoyé à d'Alembert au mois d'octobre 1772 et qui a été l'occasion de ses lettres à Catherine II sur les Français faits prisonniers en Pologne.

Messieurs: de Choisi, Lieutenant-Colonel de la Légion de Lorraine, de Galibert, Lieutenant-Colonel à la suite de la Légion, le baron de Malstizan, Aide-Major avec Commission de Colonel, le Chevalier de Saillant, Sous Aide-Major avec le rang de Capitaine, le Chevalier de Vioménil, Lieutenant avec rang de Capitaine, Donnezac, Lieutenant avec le rang de Capitaine, de Valour, Lieutenant avec le rang de Capitaine, Dalalain, Lieutenant, tous officiers de la Légion de Lorraine qui ont pris le château de Cracovie et l'ont défendu, ont été faits prisonniers de guerre et envoyés à ce que l'on croit en Sibérie. Plusieurs personnes se sont intéressées pour obtenir leur liberté. Monsieur le Duc d'Aiguillon lui-même y a échoué. On désirerait que Monsieur d'Alembert voulût bien écrire à l'Impératrice en leur faveur: il est très possible qu'elle accorde au philosophe une grâce qu'elle refuse à un ministre puissant qu'elle veut peut-être braver. Monsieur d'Alembert peut lui présenter cette affaire d'une manière propre à l'intéresser. Ces officiers se sont conduits avec la plus grande valeur et l'événement de la prise de Cracovie leur a fait l'honneur aux yeux de toute l'Europe: à ce titre ils ont des droits à la bienveillance d'une Princesse, qui annonce

XXI.

Записка, посланная Даламберу въ октябрѣ 1772 года и послужившая основаніемъ писемъ его къ императрицѣ о французскихъ офицерахъ, взятыхъ въ плѣнъ въ Польшѣ.

Офицеры лорренскаго легіона, гг. де-Шоази, де-Галиберъ, баронъ де-Мальтисалъ, шевалье де-Салляпъ, шевалье де-Віомениль, де-Валуръ и Далаланъ, которые взяли краковскій замокъ и обороняли его, взяты были въ плѣнъ и отправлены, какъ полагаютъ, въ Сибирь. Многія лица приняли участіе въ ихъ освобожденіи. Самъ герцогъ д'Эгильонъ потерпѣлъ въ этомъ неудачу. Было бы желательно, чтобы г. Даламберъ согласился написать въ ихъ пользу императрицѣ; весьма возможно, что она даруетъ философу милости, въ которой отказываетъ могущественному министру, предъ которымъ желаетъ, можетъ быть, выказать свою независимость. Г. Даламберъ можетъ представить ей это дѣло такимъ образомъ, чтобы заинтересовать ее. Помнятые офицеры вели себя съ величайшею храбростію, и взятіе Кракова сдѣлало имъ честь въ глазахъ всей Европы: поэтому они имѣютъ право на благосклонность государыни, выказывающей любовь къ славію. Друзья и родственники этихъ офицеровъ умоляютъ г. Даламбера отважиться въ ихъ пользу на попытку, которая не можетъ представить ни малѣйшаго неудобства, но можетъ спасти восемь храбрецовъ отъ величайшихъ несчастій. Если опъ хотя одно мгновеніе подумаетъ о томъ, что имъ приходится и еще придется вынести, сердце его не позволитъ ему колебаться. Если ему откажутъ, онъ будетъ имѣть удовольствіе въ сознаніи, что сдѣлалъ все, что отъ него

l'amour de la gloire. Monsieur d'Alembert est supplié par les amis et la famille de ces officiers de vouloir bien hasarder en leur faveur une démarche qui ne peut avoir nul inconvénient et qui peut sauver huit braves gens des plus grands malheurs. S'il réfléchit un instant sur ce qu'ils ont et ce qu'ils auront à souffrir, son âme ne lui permettra pas de balancer. Si on le refuse, il aura la satisfaction d'avoir fait ce qui dépendait de lui, et s'il réussit, il aura sauvé plus que la vie à huit de ses Compatriotes: ce sera un événement à jamais précieux dans la littérature et qui honorera également les lettres, Monsieur d'Alembert et une Princesse, qui accordera à la philosophie plaidant pour l'humanité ce qu'elle refuse à la puissance.

Le seul exposé de la situation de ces huit braves français aurait suffi pour exciter la sensibilité de Monsieur d'Alembert; mais l'auteur de ce mémoire s'est laissé aller à son sentiment. Il a été ravi de voir que les parents et les amis de ces officiers s'adressant à Monsieur d'Alembert pour obtenir leur délivrance. Cette prière qu'ils lui font est un hommage très flatteur. On fait des vœux pour qu'il réussisse et on ne le croit pas impossible.

XXII.

D'Alembert à Mademoiselle Tournon.

à Paris, ce 10 avril 1782.

Je n'ai plus depuis longtemps aucune relation avec l'Impératrice de Russie; mais je crois que Vous pouvez lui envoyer directement vos

зависѣло; а если онъ будетъ имѣть успѣхъ, то спасетъ болѣе чѣмъ жизнь восьми своихъ соотечественниковъ. Это сдѣлается событіемъ, навсегда драгоценнымъ въ литературѣ, и которое въ равной мѣрѣ почтитъ и словесность, и г. Даламбера, и государыню, которая даруетъ философіи, ходатайствующей въ пользу человѣчества, то, въ чемъ она отказываетъ власти.

Одинъ лишь очеркъ положенія этихъ восьми храбрыхъ французовъ былъ бы достаточно, чтобы возбудить чувствительность г. Даламбера, по составитель настоящей записки вполне отдался своему чувству; онъ восхищенъ тѣмъ, что родственники и друзья этихъ офицеровъ, желая достигнуть ихъ освобожденія, обращаются къ г. Даламберу. Просьба, съ которою они къ нему обратились, есть очень лестное свидѣтельство уваженія къ нему. Возсылаются желанія, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ и успѣхъ этотъ не считаютъ невозможнымъ.

XXII.

Даламберъ дѣвицѣ Турнонъ.

Парижъ, 2-го апрѣля 1782 года.

Съ давняго уже времени я не имѣю никакихъ болѣе сношеній съ русскою императрицею, по думая, что вы можете послать ей ваши стихи не-

vers. Au reste, je vous exhorte à les faire revoir auparavant par quelqu'un d'éclairé, car ceux que vous m'avez fait l'honneur de m'envoyer et dont je vous remercie, sont susceptibles de critique ce qui est très pardonnable à votre âge; mes occupations ne me permettent pas une plus longue lettre. J'ai l'honneur etc.

посредствепо отъ себя. Впрочемъ, умоляю васъ поручить предварительно просмотрѣть ихъ знающему лицу, потому что тѣ стихи, которые вы сдѣлали честь доставить мнѣ и за которые я вамъ благодаренъ, подлежатъ исправленіямъ, что совершенно простительно въ ваши годы. Мои занятія не позволяютъ мнѣ писать болѣе длинныхъ писемъ. Имѣю честь и т. д.

ПЕРВОЕ ПОДДАНСТВО ТУРКМЕНЪ РОССИИ.

АВОВОЛЬНОЕ подчиненіе Россіи кочевниковъ Азіи явленіе очень обыкновенное. Въ XVII ст. приплы на Волгу изъ Джунгаріи калмыки, самовольно поселились въ степяхъ по лѣвому берегу этой рѣки; но присягу на подданство Россіи приняли добровольно въ 1655 году. Въ XVIII столѣтіи, безъ всякихъ помышленій съ нашей стороны и совершенно для насъ не ожиданно, киргизскій ханъ Абуль-Хаиръ отправилъ къ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ пословъ съ просьбою о принятіи его и подчиненнаго ему народа въ русское подданство. Въ 1732 году и присягнули они на вѣрность императрицѣ. Съ XVII же столѣтія начались переселенія къ намъ въ Сибирь монголовъ, которые спасались отъ неурядицъ на своей родинѣ въ Россію иногда тысячами семей. И переходы ихъ были бы еще многочисленнѣе, если-бъ мы сами, изъ опасенія раздражить китайское правительство, не ставили препятствій этимъ переходамъ. Хотѣли было вернуться въ Россію и бѣжавшіе изъ нея въ Джунгарію калмыки, но китайцы во-время приняли свои мѣры, и переселеніе не состоялось.

Туркмены также давно стали стремиться въ русское подданство, безъ всякихъ поощреній къ тому со стороны нашего правительства. Не новостью, стало быть, является недавно состоявшееся добровольное подчиненіе російскому скипетру туркменъ мервскаго оазиса, текинцевъ. Въ концѣ XVII столѣтія переселились къ намъ туркмены съ Мангышлака, приняли русское подданство и были турзмѣщены въ приволжскихъ степяхъ вмѣстѣ съ калмыками. И не только переселились, но даже служили Россіи, принимая участіе въ разныхъ походахъ. Когда-то мы умѣли обращать кочевни-

ковъ въ своихъ служилыхъ людей. Въ самомъ началѣ XVIII ст. число этихъ нашихъ туркменъ увеличилось новыми переселенцами съ Мангышлака же, вѣроятно, вслѣдствіе слуховъ, что въ новой странѣ переселенцамъ живется лучше, чѣмъ у себя на родинѣ. А на родинѣ приходилось имъ плохо отъ сѣверныхъ сосѣдей, волжскихъ калмыковъ. Ханъ Аюка только что предъ тѣмъ разграбилъ нѣсколько туркменскихъ каравановъ, шедшихъ изъ Хивы съ хлѣбомъ. Добыть еще разъ хлѣбъ являлась возможность только изъ Астрахани. И вотъ, часть мангышлакскихъ туркменъ переселилась въ Астрахань, оставшіеся просили покровительства у Русскаго царя.

Намъ удалось списать копію съ прошенія этихъ туркменъ астраханскому губернатору Якоби по поводу наложенія на нихъ ямской повинности въ 1777 году. Копія съ этого прошенія хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Памятникъ чрезвычайно интересный. Онъ съ точностію опредѣляетъ время прихода туркменъ въ Россію, что еще не было извѣстно въ печати. Въ немъ перечислены всѣ походы, въ которыхъ туркмены принимали участіе. Помимо содержанія, интересно оно и по изложенію, и по нѣкоторымъ своеобразнымъ выраженіямъ. Какой результатъ имѣло это прошеніе, т. е. дозволили ли туркменамъ нести тотъ родъ службы, къ которому они чувствовали себя способными, или ихъ заставили принять новый образъ жизни, намъ неизвѣстно. А равнымъ образомъ мы не знаемъ, какъ назывались эти туркмены. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на Мангышлакѣ кочевали туркмены Абдалъ, Бурунчукъ, Игдырь, Чоудуръ, Бузачи; но въ виду частыхъ передвиженій обитателей Туркменіи, трудно утверждать, что въ XVIII столѣтіи размѣщалось ея населеніе такъ же, какъ и въ XIX-мъ.

Съ просьбою о хлѣбѣ обратились къ намъ въ 1741 году и Туркмены, удалившіеся на Мангышлакъ изъ Хивы и Бухары вслѣдствіе нашествія на эти ханства шаха Надира. Изъ Астрахани отправлено было просителямъ судно, нагруженное мукою. Приняли они нашу помощь и ушли обратно въ прежнія мѣста, извѣстившись, что шахъ удалился уже въ Персію. Въ 1802 году мангышлакскіе туркмены отправили четырехъ депутатовъ въ Петербургъ съ ходатайствомъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Депутаты были приняты очень радушно, и высочайшею грамотою, отъ 16-го апрѣля 1803 года, на имя Абдальскаго отдѣленія мангышлакскіе туркмены приняты подъ покровительство Россіи. Самимъ же депутатамъ назначено жалованье по 100 рублей серебромъ въ годъ каждому и, сверхъ того, они удостоились пожалованія золотыми медалями на алыхъ лентахъ. Подданство это числилось только на бумагѣ. А между тѣмъ, вслѣдствіе притѣсненій со стороны киргизовъ адаевцевъ, туркмены большею частію разбрелись въ разныя стороны. Между прочимъ, нѣкоторые изъ абдальцевъ и бурун-

чуковъ обратились къ русскому правительству съ просьбою принять ихъ подъ свое покровительство и разрѣшить имъ поселиться въ астраханской губерніи. Это переселеніе, состоявшееся въ 1813 году, причинило нашему правительству не мало хлопотъ и ввело въ значительныя издержки. Впослѣдствіи, возникла о нихъ большая переписка въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и тянулась довольно долго, такъ какъ эти переселенцы оказались очень неспокойными подданными. Оправившись подъ нашею властію, забыли они что терпѣли на родинѣ, задумали вернуться на Мангышлакъ и стали просить разрѣшенія на то у нашего правительства. У насъ снисходительно взглянули на это ходатайство, но поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы туркмены предварительно отправили развѣдчиковъ на Мангышлакъ для осмотра мѣстъ, гдѣ-бы они могли поселиться, и для уговора съ своими соплеменниками на счетъ совмѣстнаго сожительства. Ходоки побывали на Мангышлакѣ и вернулись, повидимому, съ благопріятными вѣстями, потому что въ 1855 году 32 туркменскихъ семейства выселились изъ астраханской губерніи на свою родину. Скоро, однако, они увидали, что промѣняли кукушку на ястреба, и въ слѣдующемъ же году, воспользовавшись пребываніемъ въ Новопетровскѣ адмирала Васильева, стали просить его ходатайства передъ высшимъ правительствомъ о дозволеніи имъ вернуться въ Астрахань. Сдѣланъ былъ запросъ генералъ-губернатору оренбургской губерніи, графу Перовскому, можно ли исполнить просьбу туркменъ? Перовскій хотя и заявлялъ, что правительству не слѣдуетъ исполнять прихоти людей, которые сами не знаютъ что дѣлать съ собою, но, принимая во вниманіе, что возвращеніе этихъ туркменъ можетъ подѣйствовать отрезвляющимъ образомъ и на тѣхъ, которые оставались еще въ астраханской губерніи, призналъ возможнымъ исполнить желаніе просителей.

Въ болѣе обширныхъ размѣрахъ едва не состоялось подданство туркменъ Россіи въ 1836 году, во время экспедиціи Карелина къ юго-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря. 40,000 кибитокъ туркменъ юмудовъ рѣшились поддаться Россіи, и депутаты ихъ подписали даже актъ о своемъ подданствѣ и вручили его Карелину; но правительство наше, считая юмудовъ подчиненными персіанамъ, оставило этотъ документъ безъ движенія. Мало того: была отправлена военная экспедиція въ Астрабадь подъ начальствомъ графа Путятина, въ 1842 году, для усмиренія туркменъ, принявшихъ враждебныя намѣренія по отношенію къ Персіи.

Впослѣдствіи, когда наше правительство убѣдилось, что подданство туркменъ не доставляетъ намъ никакихъ выгодъ и не ограждаетъ нашихъ подданныхъ отъ ихъ набѣговъ и грабежей, перемѣнило политику по отношенію къ туркменамъ, и на новыя ихъ ходатайства о покровительствѣ и подданствѣ отвѣчало, что турк-

мены сперва должны заслужить это покровительство, а потомъ уже предлагать свое подданство.

Прошеніе мангышлакскихъ туркменъ, добровольно принявшихъ русское подданство при Петрѣ Великомъ.

«Высокородный и превосходительный господинъ генераль-маіоръ, кавалеръ и Астраханской губерніи губернаторъ.

«Высокомиловитый государь и щедрый къ намъ иностраннымъ отецъ Иванъ Варфоломѣевичъ.

«Мы нижеподписавшіеся Трухменскіе Татары, напредь сего дѣды наши и отцы, назадь тому сто лѣтъ, пришли добровольно изъ Мангышлака, а послѣдніе, уже тому 70 лѣтъ, блаженной и вѣчно достойной памяти государю императору Петру Великому въ подданство служить, и его императорское величество соизволилъ приказать насъ калмыцкому владѣльцу къ Аюкѣ хану отдать подъ власть его, чтобъ насъ содержать ему подъ властію своею честно; и въ то время его величество въ книги насъ не записалъ, и подъ губернскою канцеляріею мы не состояли, и его величество изъ всѣхъ мѣстъ счетъ требовалъ; а насъ не соизволилъ, потому что мы пришли къ его величеству добровольно въ подданство служить. И первая наша служба, первый походъ былъ за Каракалпаками со владѣльцевымъ сыномъ Черенъ Дондукомъ, съ каковымъ нѣсколько изъ нашего народа головъ положено. Во второй—въ Кубани Маклибашъ Ногай разбили съ Дундукъ Оби ханомъ и Донскимъ войскомъ вмѣстѣ были. Въ третій—въ Кубани-жъ Еташъ-куль Ногайцевъ-татаръ разбили съ нимъ же Дундукомъ Оби и съ Донскимъ войскомъ вмѣстѣ жъ были въ службѣ. Въ четвертый: въ Кубани-жъ Азаматъ Ногайскихъ татаръ разбили-жъ. Въ пятый: съ Дондукъ Даши ханомъ въ командѣ въ Кабардѣ Каракашъ Ногайцевъ разбили, которые и нынѣ здѣсь въ Астрахани находятся. Мы были въ шестой—съ намѣстникомъ Убашаишъ въ Кубани, Сукордъ Отжи разбили и нѣсколько нашего народа побито: въ которое время былъ надъ нами командиръ Иванъ Алексѣевичъ Кишенсковъ. Въ седьмой — въ Кабардѣ Ахлову деревню разбили и тутъ въ походѣ мы были; въ восьмой разъ — къ Бестеню ходили, и тутъ нѣсколько изъ насъ побито. И всѣ оныя наши походы мы нижайшіе для высокой монаршей нашей великой государыни императрицы Екатерины Алексѣевны ходили и служили на своемъ коштѣ, полагая свои головы безъ пощады, и по окончаніи оныхъ походовъ калмыцкій намѣстникъ требовалъ изъ насъ сто человѣкъ обманомъ съ собою въ походъ; а какъ отѣхавши отъ дворовъ своихъ въ дальнее мѣсто, то приказалъ оный намѣстникъ Калмыкамъ своимъ весь нашъ народъ гнать со всѣми домами съ собою въ Китай, и шли мы съ

Калмыками вмѣстѣ, и перешедъ Уралъ рѣку, три дни шли степью, думали что куда насъ ведутъ въ отдаленное мѣсто; а какъ мы служили высокомонархинѣ нашей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ вѣрно до послѣдней крови капли: за что насъ и соизволила своимъ великимъ монаршескимъ милосердіемъ жаловать, — раздумали вознамѣриться ¹⁾, и тѣ Калмыки, увѣдавъ объ ономъ, не отпуская насъ отъ себя, дрались съ нами, чрезъ что насъ совсѣмъ разграбили, при чемъ и побили множество нашего народа и 130 дворовъ въ плѣнъ взяли съ собою, 825 душъ, и оный нашъ народъ, отбившись отъ оныхъ Калмыкъ, возвратился за нами, которые попались къ Каракалпакамъ въ полонъ, гдѣ и нынѣ находится; а мы усильствомъ своимъ возвратились, оставя весь свой экипажъ, скотъ и прочее, что при насъ въ то время было, почти нагіе, не заходя въ свое отечество пришли прямо въ Астрахань, да и тѣ, которые сто человѣкъ взяты были въ походъ, за нами-жъ возвратились: чрезъ 3 мѣсяца пришли въ Астрахань же и явились у господина генераль-поручика и кавалера и астраханскаго губернатора Никиты Аонасьевича Бекетова, который соизволилъ приказать насъ отослать въ Кизляръ; а мы не желали туда ѣхать въ то мѣсто, однако насильно высланы были, и мы нижайшіе одожась здѣсь, взявши скота и выѣхали въ Кизляръ; а будучи въ Кизлярѣ отъ тамоншняго воздуха скотъ нашъ чрезъ 2 года который попадалъ, а другой горскими Татарами и Кабардинцами троекратно отогнанъ былъ; да и нѣсколько и народа нашего померло, отчего пришли въ наикрайнее развореніе почему и понынѣ не можемъ справиться. А миновавши двухъ лѣтъ, прибылъ сюда въ Астрахань губернаторомъ его превосходительство господинъ генераль-маіоръ и кавалеръ Петръ Никитичъ Кречетниковъ, то подано было отъ насъ ему прошеніе, чтобъ насъ изъ Кизляра, по необыкновенію нашему въ такомъ воздухѣ, житье вывести въ Астрахань на прежнее кочевье. По которому прошенію и соизволилъ приказать насъ вывести въ Астрахань на прежнее кочевье, видя что нашъ народъ необыкновененъ въ такомъ воздухѣ жить и напрасно пропадаетъ праздно, и приказалъ жить по старому, какъ мы жили прежде; и пріѣхавши мы сюда въ Астрахань, по приказанію его превосходительства Петра Никитича Кречетникова, во время замѣшательства злодѣя Пугачева, старшиною Чираковымъ командировано изъ насъ 50 человѣкъ, при чемъ была легкая полевая команда; и во время онаго похода на Рынъ нескахъ мы съ командою обще 225 человѣкъ Калмыкъ бѣглыхъ поимали, и послѣ того, по его-жъ превосходительства приказу, съ старшиною мурзою 100 человѣкъ командировано вмѣстѣ съ Калмыками въ корпусъ г-на генераль-порутчика и кавалера Демедема, да въ третій разъ, по его-жъ приказу, прикоман-

¹⁾ Вѣроятно описка, вм. возвратиться.

дировано съ старшиною Дулатъ Муратомъ къ нему-жъ г-ну генералъ-порутчику Демедему 100 человекъ; и въ оное время нѣсколько у насъ лошадей пало.

«Того ради вашего превосходительства высокомилостиваго государя и щедраго къ намъ отца и заступителя всепокорнѣйше просимъ, какъ мы, нижепоименованные, нѣсколько въ походахъ находились, отчего пришли отъ разграбленія Калмыками такожъ и надежемъ во время житія нашего въ Кизлярѣ скотомъ и въ походѣ лошадьми отъ Кизляра, и гонбѣ освободить, ибо мы первѣе въ великомъ раззореніи и по нынѣ не можемъ долги свои оплатить; второе, что мы къ оной гонбѣ люди совсѣмъ необыкновенные около аробѣ ходить, — защитить насъ своимъ отеческимъ милосердіемъ и оставить насъ на прежнемъ нашемъ въ Астрахани кочевьѣ, какъ прежде служили съ Калмыками въ походахъ, или какъ вашего превосходительства соизволеніе будетъ: подать какую положить, чтобъ намъ платить въ астраханскую губернскую канцелярію ежегодно: а чтобъ мы не были смѣшаны съ Кабардинцами, ибо дѣды наши и отцы съ ними мѣшаны не бывали; а мы арбами ѣздить невышны, а верхами служить должны.

«Вашего превосходительства высокомилостиваго государя и щедраго къ намъ отца

«всенижайшіе и подданнѣйшіе рабы».

На подлинномъ подписано татарскимъ письмомъ: 26-го іюля 1778 года.

Вслѣдствіе этого прошенія, астраханскій губернаторъ И. В. Якоби доносилъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ слѣдующее:

«Высочайшимъ ея императорскаго величества рескриптомъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 19-го октября прошлаго 1771 г. повелѣно всѣхъ оставшихъ послѣ побѣгу Калмыкъ бывшихъ въ подвласти ихъ Татаръ приписать въ вѣдомство Астраханское съ положеніемъ на нихъ земской службы и съ дачею имъ на первый случай льготы, дабы они лучше къ новому житію пріобыкнуть могли: во исполненіе чего та льгота имъ и дана была на 3 года опредѣленіемъ бывшаго астраханскаго губернатора г. генералъ-порутчика Бекетова, однако съ тѣмъ, чтобъ по прошествіи тѣхъ лѣтъ исподволь къ оной службѣ ихъ пріобучать, изъ которыхъ Трухменцы присовокуплены къ кизлярскимъ аульнымъ Татарамъ, и по прошествіи не только оныхъ льготныхъ трехъ, но и шести уже лѣтъ, изъ нихъ Хундровскіе Татары причислены къ астраханскимъ въ ясапную службу, о чемъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ іюня 12-го дня и донесено; но изъ числа ихъ Трухменцы остались свободными, коихъ и той службѣ хотя опредѣлить и велѣно въ общество къ кизлярскимъ аульнымъ Татарамъ; но они отзываются не только не имѣніемъ къ подводной

гоньбѣ у себя упряжки, но и съ природы необыкновеніемъ, почему склоняемы были кизлярскіе Ногайцы о приѣмѣ отъ нихъ въ помощь себѣ какой либо годовой платы, которую они Трухменцы давать соглашались, токмо тѣ Ногайцы на приѣмѣ отъ нихъ вспомогательныхъ денегъ ни мало не склоняются; а сіи послѣдніе, Трухменцы, держутся единственно того, что они къ повозкамъ незаобыкновенны и больше обычны по свойству Калмыкъ къ кочевью, съ коими они въ подвласти ихъ свою жизнь препровождали, въ такомъ случаѣ и настоятъ о своей жизни прежней сходствующей Калмыкамъ; я въ сихъ неудобностяхъ не могши ни того, ни другаго, по несходству даннаго объ нихъ высочайшаго ея императорскаго величества повелѣнія, въ упорствѣ ихъ удовлетворить, принужденъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ войти объ нихъ съ представленіемъ: не соизволить ли повелѣть, по склонности ихъ къ прежней жизни калмыцкаго народа, оставить ихъ на кочевьѣ съ Калмыками и препоручить въ вѣдомство кому либо изъ лучшихъ калмыцкихъ владѣльцевъ, и о томъ опредѣлить меня указомъ; а каково они подали ко мнѣ отрекательное прошеніе съ того на усмотрѣніе государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ прилагаю при семъ точную копію».

«Иванъ Якоби».

«15 декабря 1778 года».

Приведенное нами прошеніе мангышлакскихъ туркменъ, очевидно, составлено русскимъ чиновникомъ, такъ какъ въ немъ попадаются выраженія, туркменамъ совершенно несвойственныя — въ родѣ: «трухменскіе татары» — и составлено для просителей въ благопріятномъ смыслѣ, но не думаемъ, чтобы составитель могъ исказить факты. Искаженіе ихъ только повредило бы ходатайству просителей, а провѣрить фактическую сторону дѣла въ Астрахани въ то время ничего не стоило.

Н. Веселовскій.

ТЯЖЕЛЫЯ ВРЕМЕНА.

(Изъ воспоминаній доктора.)

ПО ОКОНЧАНІИ вступительнаго экзамена, въ августѣ 1838 года, я былъ зачисленъ студентомъ петербургской медико-хирургической академіи. Отецъ мой, служа въ купеческой конторѣ и получая скудное, едва достаточное для него самаго, жалованье, не могъ содержать меня; поэтому, для обезпеченія моего существованія въ Петербургѣ, представлялось мнѣ единственное средство — частные уроки, которые при знаніи древнихъ и новыхъ языковъ доставались тогда безъ особыхъ затрудненій, такъ какъ городъ не былъ еще переполненъ разного рода училищами и пансіонами, какъ теперь. Благодаря этому обстоятельству, я имѣлъ возможность обезпечить себѣ свободу, т. е. поступить не казеннымъ студентомъ, а своекоштнымъ, которые въ отличіе отъ первыхъ назывались тогда у насъ «волонтерами».

Я пріютился во второй Госпитальной улицѣ, въ домѣ отставнаго унтеръ-офицера Маслова, гдѣ за 13 рублѣй нанялъ себѣ въ мезонинѣ, подъ самой крышей, небольшую комнатку, въ которой едва могли помѣститься кровать, столъ и стулъ. Лекціи въ академіи начинались обыкновенно съ 1-го сентября и студенты очень аккуратно являлись къ этому сроку, впрочемъ не столько для лекцій, которыя до 15-го сентября шли вообще безпорядочно, сколько для свиданія съ товарищами послѣ двухмѣсячной вакаціонной разлуки. Товарищей у меня было много: всѣ они, три года тому назадъ, окончили вмѣстѣ со мною курсъ въ Петропавловскомъ училище и тогда же поступили въ академію, я же, покоряясь жела-

нію отца, хотѣвшаго непремѣнно образовать изъ меня купца. поступилъ въ купеческую контору и такимъ образомъ отсталъ отъ нихъ на цѣлые три года, потерянныхъ мною только для того, чтобы убѣдить отца въ полномъ отсутствіи способностей для того поприща, къ которому онъ готовилъ меня. Къ этимъ товарищамъ, большею частію нѣмецкаго происхожденія, присоединились еще и дерптскіе студенты, исключенные изъ своего университета, какъ члены корпорациі, извѣстной подъ названіемъ Burschenschaft. По случаю бракосочетанія наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, они были помилованы и имъ для окончанія прерваннаго курса дозволено было поступить въ какой либо университетъ, исключая Дерптскаго.

Ближайшіе товарищи мои, бывшіе со мною въ Петропавловскомъ училищѣ однокашниками, жили въ домѣ 70-ти лѣтняго отставнаго унтеръ-офицера временъ Суворова, Савелья Савельича Волчкова, насупротивъ самаго зданія академіи, именно той части ея, гдѣ находилась конференцъ-зала.

Славный былъ человекъ этотъ Савелій Савельичъ — настоящий типъ добраго, симпатичнаго русскаго солдата. Родомъ хохоль, помнится, уроженецъ Полтавской губерніи, при громадномъ ростѣ и атлетическомъ тѣлосложеніи, несмотря на преклонныя свои лѣта, онъ сохранялъ бодрость духа и тѣла. Это былъ человекъ честнѣйшихъ правилъ, привыкшій всегда говорить правду напрямки, безъ обиняковъ и виляній, въ хозяйствѣ своемъ разсчетливый, но не скупой; онъ любилъ военную службу, обожалъ Суворова и хорошо еще помнилъ походы свои въ Италіи. Ничѣмъ нельзя было болѣе потѣшить старика, какъ просьбою — разсказать что нибудь о прежней боевой его жизни. Съ довольной миной и нѣкоторою важностію, показывавшею польщенное самолюбіе, садился онъ за столъ и кусочкомъ мѣла рисовалъ мѣстность, обозначая на ней по-своему, лѣсъ, долину, возвышенности и расположеніе войскъ, причемъ крестики означали у него русскихъ, а кружечки непріятели. Начинался разсказъ, какъ они подходили къ непріятелю, какъ завязывалось сраженіе и какъ потомъ кончалось оно, а кончалось всегда полнымъ пораженіемъ непріятели, что обыкновенно завершалъ онъ стереотипной фразой: «а вотъ артиллерія шарахнетъ разъ, другой — мы сейчасъ въ штыки, ну и капуть». При послѣднемъ словѣ онъ съ жаромъ проводилъ мѣломъ черту по кружечкамъ и тѣмъ наглядно воспроизводилъ Суворовскій «капуть».

Волонтеры академіи всѣ безъ исключенія были люди крайне бѣдные, да иначе и быть не могло: кто же изъ богатыхъ поступаетъ на медицинскій факультетъ? Старикъ Волчковъ, зная очень хорошо карманныя обстоятельства своихъ постояльцевъ, касался ихъ всегда съ крайнею деликатностію и всячески старался избѣгать того, что, по понятіямъ его, могло показаться имъ оскорбительнымъ. Такъ, напримѣръ, по утру нужно узнать ему, понадо-

бится-ли самоваръ—потому что чай и сахаръ не всегда водились у волонтеровъ, стало быть, нечего было и тратиться на уголь—Волчковъ входитъ въ комнату и, шепча «Господи помилуй», смотритъ на молодежь, нѣжившуюся въ кроватяхъ. «А что, мои паны, чай будете пить сегодня, аль нѣтъ?» громко спрашиваетъ онъ. Нерѣдко получался отвѣтъ: «Рано еще хозяинъ»—это значило, что нѣтъ ни чаю, ни сахару. Волчковъ смѣкаетъ въ чемъ дѣло и говоритъ: «Рано... Эхма!..» и добавивъ неизбежное въ его устахъ «Господи помилуй!» потихоньку выходитъ изъ комнаты.

Судьба привела меня въ академію въ пору, можно сказать, самую неблагоприятную. Я съ разу же наткнулся, какъ говорится, на «исторію», исходъ которой не остался безъ послѣдствій для порядковъ заведенія, и безъ того уже тяжелыхъ, но тутъ еще болѣе обострившихся. Расскажу, что случилось.

Это было въ сентябрѣ 1838 года. Утромъ, 1-го числа, идя въ анатомическій театръ, находившійся въ особенномъ зданіи на берегу Невы, я долженъ былъ проходить мимо такъ называемой конференціи. Дворъ ея отдѣлялся отъ улицы желѣзной рѣшеткой. Смотрю: и дворъ, и улица полны студентовъ и народа; проѣздъ по улицѣ прекратился. Вся эта толпа волновалась и шумѣла, но узнать причину сборища среди общаго шума и смятенія не было никакой возможности. Наэлектризованный любопытствомъ, я послѣдовалъ къ товарищамъ, жившимъ у Волčkова, и вотъ что я узналъ тамъ. Казенный студентъ Сачинскій ворвался съ ножомъ въ залу конференціи, ранилъ швейцара, не хотѣвшаго впустить его и бросился на профессора химіи Нечаева, сидѣвшаго возлѣ профессора частной паталогіи Калининскаго, который, прикрывая собою Нечаева, былъ раненъ Сачинскимъ въ животъ, что виновнаго тотчасъ же арестовали и что, вслѣдствіе предварительно принятаго имъ яда, съ нимъ сдѣлалось дурно.

Вскорѣ послѣ моего прихода въ домъ Волčkова, на мѣсто сборища пріѣхалъ оберъ-полиціймейстеръ и приказалъ студентамъ и народу разойтись подъ опасеніемъ немедленнаго ареста; всѣ разошлись.

Вслѣдъ за этимъ происшествіемъ, недѣлю или двѣ, ужъ не помню теперь, лекцій конечно не было. Грустное событіе это, выходявшее изъ ряда обыкновенныхъ студенческихъ исторій, стало исключительнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ и дало поводъ къ самымъ разнороднымъ толкамъ относительно тѣхъ послѣдствій, къ какимъ могло повести оно. Черезъ нѣсколько дней изъ различныхъ слуховъ и свѣдѣній выяснились передъ нами слѣдующія подробности:

Сачинскій былъ человѣкъ лѣтъ около 35. Про него рассказывали, что во время возстанія поляковъ, въ 1831 году, онъ чѣмъ-то навлекъ на себя подозрѣніе нашего правительства и вслѣдствіе того

нѣсколько лѣтъ содержался подъ арестомъ; другіе говорили, что онъ служилъ рядовымъ въ какомъ-то польскомъ уланскомъ полку, былъ взятъ въ плѣнъ и высиждѣлъ нѣсколько лѣтъ въ Петропавловской крѣпости; насколько были вѣрны всѣ эти рассказы—не знаю. Получивъ свободу съ приказаніемъ избрать себѣ родъ жизни, Сачинскій поступилъ фармацевтомъ въ медико-хирургическую академію, по бѣдности—на казенный счетъ. Курсъ фармацевтической былъ трехгодичный; окончившій его получалъ степень гезеля или аптекарскаго помощника. Сачинскій благополучно добрался до третьяго курса, но при выпускномъ экзаменѣ въ 1837 году степени гезеля не получилъ, такъ какъ по химіи имѣлъ неудовлетворительный баллъ. Профессоръ Нечаевъ отказался переекзаменовать Сачинскаго, несмотря на то, что тотъ просилъ его объ этомъ убѣдительно, ссылаясь на то, что профессоръ нашелъ же возможнымъ сдѣлать подобное снисхожденіе нѣкоторымъ другимъ его товарищамъ, представляя ему притомъ, что онъ человѣкъ крайне бѣдный, что мать и сестра его живутъ въ нищетѣ, что единственная забота его—доставить имъ кусокъ хлѣба и что именно только поэтому ему такъ тяжело остаться еще на годъ. Не смотря на всѣ эти, казалось-бы, уважительные доводы, Нечаевъ остался непреклоннымъ и Сачинскій, покоряясь жестокому приговору, остался, скрѣпя сердце, еще на годъ на третьемъ т. е. послѣднемъ курсѣ фармацевтическаго училища.

Въ іюнѣ 1838 года, наступилъ опять экзаменъ изъ химіи и опять Нечаевъ поставилъ Сачинскому неудовлетворительный баллъ. Теперь бѣдняку приходилось уже очень плохо, такъ какъ по существовавшему въ то время закону—не знаю, сохраняетъ ли онъ силу и теперь—всякій казенно-коштный студентъ, пробывъ два года на одномъ и томъ же курсѣ, не удостоившись перевода въ слѣдующій, или не выдержавшій выпускнаго экзамена, назначался фельдшеромъ въ армію впредь до окончанія обязательныхъ 6 лѣтъ казенной службы.

Опять Сачинскій явился къ Нечаеву, прося его позволить ему переекзаменоваться передъ началомъ лекцій слѣдующаго полугодія, опять онъ представилъ ему всѣ побуждавшія его къ такой просьбѣ причины, и на этотъ разъ Нечаевъ согласился. Наступилъ конецъ августа. Сачинскій явился на экзаменъ, но Нечаевъ опять-таки поставилъ ему неудовлетворительный баллъ. Тутъ Сачинскій, дошедшій до отчаянія, рѣшился погубить себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и того, кто довелъ его до такого состоянія. Во избѣжаніе всѣхъ послѣдствій строгости закона, несчастный Сачинскій, до приведенія въ исполненіе своего намѣренія, принялъ яду, но, или за неимѣніемъ средствъ, или по трудности добыть его, прибѣгнувъ къ свинцовому сахару—средству слабо и медленно дѣйствующему. Послѣ неудачнаго нападенія на Нечаева съ нимъ сдѣлалась рвота,

но ему дали противоядіе и онъ вскорѣ выздоровѣлъ, чтобы погибнуть позорно и безвозвратно.

Разсказъ мой основанъ на тѣхъ слухахъ, которые носились тогда между студентами академіи—не стою за ихъ вѣрность; не мудрено, что факты доходили до насъ въ искаженномъ видѣ, такъ какъ результаты официальнаго слѣдствія остались намъ неизвѣстными, а потому, очень можетъ быть, что они разнились съ приведеннымъ мною разсказомъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ происшествія, профессоръ Нечаевъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны второй степени, а медико-хирургическая академія, находившаяся до того времени въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, перешла въ вѣдомство министра военнаго. вмѣстѣ съ тѣмъ были назначены: Клеймихель попечителемъ ея, а полковникъ арестантскихъ командъ (?), нѣкто Шенрокъ — инспекторомъ. Не стану приводить характеристики Клеймихеля, ибо кто же изъ служившихъ въ царствованіе Николая I не знаетъ, или, по крайней мѣрѣ, не слыхалъ — что такое былъ графъ Петръ Андреевичъ Клеймихель? Но о Шенрокѣ нужно сказать нѣсколько словъ. Это былъ сладенькій, гладенькій и гаденькій нѣмецъ, всегда и вездѣ застегнутый на указанное число пуговицъ. Вѣжливо и съ вѣчно пріятною улыбкою, тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ, онъ имѣлъ способность наговорить вамъ тысячу оскорбительныхъ и возмутительныхъ внушеній. Шенрокъ былъ весьма обыкновеннымъ, зауряднымъ типомъ николаевскихъ временъ. Его постоянныя замѣчанія студентамъ относительно внѣшняго ихъ вида были просто невыносимы: то волосы длинные, то коротки; то фуражка на полвершка ниже, чѣмъ полагалось, то выше; то цвѣтъ сукна на сюртукѣ оказывается слишкомъ свѣтлымъ, то слишкомъ темнымъ и т. п. Всѣ эти замѣчанія сопровождались угрозою карцеромъ, причемъ обыкновенно изъяснялось сожалѣніе, что вы сами вынуждаете его къ такой крутой мѣрѣ. Словомъ сказать, человекъ этотъ своими рѣчами и манерами въ состояніи былъ вывести изъ терпѣнія самаго скромнаго студента. Прежній президентъ нашъ Вилье былъ смѣненъ; на его мѣсто былъ назначенъ старшій докторъ московскаго военнаго госпиталя, Шлегель — нѣмецъ добродушный, но крайне неспособный и скудоумный, не успѣвшій даже научиться говорить по-русски. Слабохарактерность его была причиною того, что онъ тотчасъ же, по прибытіи въ академію, сталъ орудіемъ лукаваго Шенрока, который завладѣлъ имъ совершенно.

По дѣлу Сачинскаго началось слѣдствіе. Конечно, онъ оказался кругомъ и во всемъ виноватымъ; и такъ какъ въ то время въ нашемъ судопроизводствѣ смягчающимъ обстоятельствомъ мѣста не было, то несчастнаго присудили лишить всѣхъ правъ состоянія и прогнать сквозъ строй.

Оправдывать Сачинского было бы безуміемъ. Но одинъ ли онъ былъ виноватъ? Не отчаяніе ли привело его къ преступленію?

Нечаевъ, какъ профессоръ, имѣлъ неоспоримыя достоинства: онъ читалъ свой предметъ съ полнымъ знаніемъ дѣла и увлекательно; его лекціи возбуждали въ студентахъ самый живой интересъ и никогда ни однимъ изъ нихъ не пропускались; опыты производилъ онъ съ примѣрною ловкостію и рѣдкимъ навыкомъ, по вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ желчный, раздражительный, капризный, злопамятный, и при экзаменахъ крайне пристрастный, такъ какъ отмѣтки свои имѣлъ обыкновеніе ставить подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое производила на него фізіономія студента. Если съ одной стороны справедливость требуетъ признанія, что, благодаря ему, всѣ мы отлично знали химію, разумѣется, въ тѣхъ предѣлахъ, которые требуются отъ ученика, то съ другой, не слѣдуетъ также упускать изъ виду и того, что привычная придирчивость его погубила карьеру многихъ молодыхъ людей, что въ то время дѣлалось, конечно, безнаказанно. Если Сачинскій оказался неспособнымъ къ дѣлу, для котораго себя готовилъ, то развѣ Нечаевъ не могъ остановить его ранѣе? Фармацевты были обязаны слушать химію два года къ ряду и экзаменоваться изъ этого предмета уже на второмъ курсѣ. Если Сачинскій оказался неспособнымъ при первомъ экзаменѣ, то не было никакой разумной причины предполагать, что онъ пріобрѣтетъ способность годомъ позже, и Нечаеву, конечно, слѣдовало остановить его во-время, тѣмъ болѣе, что Сачинскому, какъ казеннокоштному студенту, въ случаѣ дальнѣйшихъ его неуспѣховъ, угрожала 6-ти лѣтняя служба фельдшеромъ въ арміи. Но если Нечаевъ признавалъ Сачинскаго способнымъ прежде, то поступить съ нимъ такъ, какъ поступилъ онъ послѣ, было просто жестоко.

Никто изъ насъ съ Сачинскимъ знакомъ не былъ, да и о существованіи-то его узнали мы только по несчастной его исторіи, тѣмъ не менѣе, мысль объ ожидавшей его участи страшно потрясла насъ и во всѣхъ вызвала чувство глубокаго соболѣзнованія о несчастномъ товарищѣ. Не трудно понять и представить себѣ всю тяжесть нравственнаго нашего состоянія въ эти дни, когда еще такъ свѣжи были впечатлѣнія происшедшей исторіи, но судьба, въ образѣ нашего начальства — не знаю, ближайшаго или высшаго — приготовила намъ новый ударъ, преисполнившій всѣхъ насъ сильнѣйшимъ негодованіемъ и ожесточенною ненавистію къ той власти, которая сочла себя въ правѣ, за преступленіе одного, всѣхъ насъ, ни въ чемъ неповинныхъ, подвергнуть нравственной пыткѣ. Студентовъ заставили дать письменное обязательство присутствовать при варварской экзекуціи, въ противномъ случаѣ угрожали исключеніемъ изъ академіи съ лишеніемъ права поступить въ какое либо учебное заведеніе въ предѣлахъ Россіи. Одна только бо-

лѣзнь избавляла студента отъ присутствованія на мѣстѣ казни, но предусмотрительное начальство распорядилось такъ, что льготой этой не было почти никакой возможности воспользоваться тѣмъ, кто захотѣлъ бы сказаться больнымъ. Не говоря уже о томъ, что студентъ, сославшійся на болѣзнь, долженъ былъ представить свидѣтельство не отъ врача только, но еще и отъ квартальнаго надзирателя, удостовѣренное сверхъ того еще частнымъ приставомъ, самое-то распоряженіе объ этомъ было объявлено лишь только наканунѣ экзекуціи. Кто помнитъ нравы тогдашней полиція, тотъ легко пойметъ какого труда и какихъ издержекъ стоило бы студенту, не только здоровому, но и дѣйствительно больному, въ какихъ-нибудь полдня достать себѣ подобное свидѣтельство. Что было дѣлать? Нѣсколько человѣкъ, которымъ обстоятельства позволяли, подали прошеніе объ увольненіи изъ академіи, но остальные, которыхъ вся будущность зависѣла отъ окончанія курса, должны были подчиниться жестокому приговору.

Наступилъ роковой день экзекуціи. Это было въ послѣднихъ числахъ октября 1838 года. Шелъ мелкій, осенній дождь и весь городъ облекся густымъ сѣрымъ туманомъ, который, наводя невыразимую тоску на душу, казалось способенъ былъ раздражить нервы даже самаго беззаботнаго и спокойнаго духомъ человѣка. Чтобы быть на мѣстѣ къ назначеннымъ 9 часамъ утра, мы поднялись до-свѣту и, терзаемые самыми горькими, самыми безотрадными, до мозга костей одуряющими ощущеніями, поплелись съ Выборгской стороны къ аракчеевскимъ казармамъ у Таврическаго сада. Шли пѣшкомъ, объ извощикахъ, при нашемъ поголовномъ безденежьи, нечего было и думать. Въ казармахъ, куда намъ велѣно было собраться, встрѣтилъ насъ инспекторъ со спискомъ въ рукахъ и съ своей сквернѣйшей и подлѣйшей улыбкой на лицѣ. Онъ сдѣлалъ намъ самую тщательную переключку и аккуратно отмѣтилъ тѣхъ, кого не оказалось. По окончаніи повѣрки насъ вывели на большой дворъ, гдѣ увидали мы два ряда гарнизонныхъ солдатъ съ барабанщиками на каждомъ концѣ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ другаго отдѣленія казармъ вывели подъ конвоемъ Сачинскаго, одѣтаго въ сѣрый арестантскій халатъ. Проходя мимо насъ, онъ снялъ арестантскую шапку и поклонился намъ, мы молча поклонились ему... Его поставили на одномъ концѣ, между двухъ шеренгъ. Вслѣдъ затѣмъ къ нему подошелъ аудиторъ — длинный, сухопарый господинъ въ мундирѣ и треугольной шляпѣ — и прочелъ приговоръ военнаго суда. Онъ стоялъ однакожь такъ далеко, что голосъ его не доходилъ до насъ, и что онъ читалъ мы не слыхали, да и не до того намъ было... По окончаніи этой процедуры, несчастнаго Сачинскаго обнажили до пояса, руки привязали къ прикладу ружья, которое несли передъ нимъ два солдата, надъ шеренгами высоко поднялись шпигрутены, раздался барабанный

бой и страдальца повел... Послышался крикъ терзаемой жертвы. Я не выдержалъ: душившія меня слезы сдавили мнѣ грудь и горло, я истерически зарыдалъ и бросился къ дверямъ казармъ, откуда мы вышли, чтобы не слышать воплей, раздиравшихъ душу, но увидѣлъ двухъ солдатъ, преградившихъ мнѣ путь скрещенными ружьями. Оказалось, что начальство наше и тутъ выказало свою предусмотрительность. Предвидя, что студенты не будутъ въ состояніи вынести сцены истязанія и, явись на мѣсто казни по приказанію, все-таки попытаются уклониться отъ вида ея, оно распорядилось такъ, что начальникомъ экзекуціи въ дверяхъ казармъ были поставлены часовые съ приказаніемъ никого не пропускать со двора. Видя невозможнымъ укрыться, я крѣпко зажалъ себѣ уши и обернулся лицомъ къ стѣнѣ; криковъ я не слышалъ болѣе, но рокотъ барабановъ, глухо доходившій до слуха, давалъ мнѣ знать, что истязаніе еще продолжается. Долго я стоялъ такъ и ждалъ конца, но барабанный бой не прерывался; наконецъ въ террибнѣи и въ какомъ-то отчаяніи я обернулся и увидѣлъ, что несчастнаго Сачинскаго возятъ уже на двухколесной тележкѣ и все еще продолжаютъ бить—вопли умолкли и только слышался свистъ шпицрутеповъ... Я опять отвернулся, но тотчасъ почувствовалъ, что кровь какъ будто отхлынула отъ сердца, въ глазахъ стало темнѣть, голова закружилась; я потерялъ сознаніе, мнѣ сдѣлалось дурно. Очнувшись, я увидалъ себя на казарменной нарѣ и первое, на чемъ остановились мои глаза, была опять-таки гладкая, безучастная чиновничья фізіономія инспектора съ его вѣчной, отвратительной улыбкой. Злоба охватила меня и право не знаю—чего бы я не сдѣлалъ съ этимъ ненавистнымъ мнѣ человѣкомъ. И чего хотѣлъ онъ?

Экзекуція кончилась, а вмѣстѣ съ нею и жизнь бѣднаго мученика. Молча отправились мы домой, спѣша оставить вертепъ варварства и безчеловѣчія. Печальный день! У насъ на Выборгской какъ будто все вымерло: на улицахъ тишина, безлюдье. Всѣ студенты сидѣли по своимъ угламъ и, томимые тоскливымъ чувствомъ, старались мысленнымъ взоромъ проникнуть въ свое будущее, въ тѣ года, которые еще оставалось имъ провести въ академіи. Чего имъ ждать, что будетъ впереди?

Трупъ Сачинскаго былъ привезенъ въ больницу арестантскихъ ротъ, находившуюся на Выборгской же сторонѣ. Нѣкоторые изъ студентовъ пятаго курса, бывъ знакомы съ служившими тамъ врачами, отправились взглянуть на трупъ и, возвратясь, съ ужасомъ рассказывали, что межреберныя мышцы были пробиты до грудной плевы, которую можно было видѣть, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и она была разрушена до самаго легкаго.

Тяжелая пора наступила для академіи. Новая администрація съ Клейнмихелемъ во главѣ, ознаменовала ревность свою рядомъ,

нововведеній, одно другого нелѣпѣе; такъ, напримѣръ, на лекціи насъ гнали чуть не по барабану; въ аудиторіи безпрестанно торчалъ субъинспекторъ со спискомъ въ рукахъ и повѣрялъ студентовъ по три раза — въ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ каждой лекціи; неоказавшихся студентовъ сажали въ субботу въ карцеръ и держали весь слѣдующій день подъ арестомъ; и все это продѣлывалось съ людьми, перешедшими уже 20 годъ возраста, добровольно поступившими въ академію и знавшими, что вся карьера ихъ зависѣла отъ добросовѣстнаго занятія наукой. Солдатская ферула ничего этого не хотѣла знать: въ аккуратномъ посѣщеніи лекцій она видѣла мѣру для водворенія между студентами дисциплины, между тѣмъ, кому же неизвѣстно, что на каждомъ факультетѣ и на каждомъ курсѣ бываютъ такіа лекціи, слушать которыя значить терять только попустому время. Для примѣра напомнимъ о профессорѣ фармаціи, человѣкѣ весьма трудолюбивомъ и хорошо знавшемъ дѣло, но больномъ, вслѣдствіе чего читавшемъ до того тихо, что уже на второй скамьѣ ничего не было слышно; а студентовъ на этомъ курсѣ было до 80 человѣкъ; другой, профессоръ минералогіи, не прибавлялъ ни одной іоты къ руководству, которое всякій имѣлъ у себя дома; третій, читавшій энциклопедію медицины, проводилъ время въ разсказываніи разныхъ анекдотовъ. Но, повторяю, начальство наше ничего этого знать не хотѣло и, заботясь объ одной только формальности, не догадывалось, что троекратная повѣрка студентовъ на лекціяхъ, отнимая время у насъ, и у профессоровъ, приносила болѣе вреда, нежели опущеніе нами нѣсколькихъ лекцій. Мѣра эта была до того нелѣпа, что даже многіе изъ профессоровъ не затруднялись открыто выказывать свое неудовольствіе: какъ только субъинспекторъ появлялся со спискомъ, они тотчасъ оставляли аудиторію.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Клейнмихеля по вступленіи его въ должность попечителя академіи, было назначеніе къ намъ субъинспекторовъ изъ военныхъ. Надо было видѣть, что это были за люди. Уже одно то, что всѣ они были назначены по выбору Шенрока, можно судить каковы были ихъ нравственныя свойства. Съ грубыми манерами, съ черствой душой и неразвитой головой, они не умѣли не только обращаться, но даже говорить съ людьми образованными. Въ числѣ этихъ Шенроковскихъ креатуръ былъ одинъ его родственникъ, отставной прапорщикъ Измаильскій, который, какъ говорили, былъ выгнанъ изъ какого-то армейскаго полка и только благодаря протекціи достойнаго своего родственника, нашелъ себѣ пріютъ на службѣ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Эта мелкая, ничтожная личность была живымъ воплощеніемъ всего того, отъ чего такъ презрливо и съ такимъ негодованіемъ отворачивается всякій порядочный человѣкъ. Грубый съ студентами, но стелившійся ползучей травой передъ начальствомъ,

безтактный до тупоумія, онъ былъ предметомъ общаго нашего презрѣнія. Не лучше были и его товарищи: всѣ они, дорожа своими мѣстами, старались удержаться на нихъ наущничествомъ и рабскою угодливостью своему патрону Шенроку.

Да, хорошее было времячко! Припоминая его, я ни съ чѣмъ лучше не могу сравнить тогдашнее наше положеніе, какъ съ тѣмъ состояніемъ, когда на грудь человѣка надѣнутъ желѣзный обручъ и исподволь сжимають его, отнимая у жертвы дыханіе до полнаго задушенія. Поистинѣ счастливы были тѣ, которые близились къ окончанію курса и доживали въ академіи послѣднее время; но у меня въ перспективѣ были еще четыре года, безъ всякой надежды на улучшеніе своего положенія. Исходъ былъ одинъ — замкнуться въ самомъ себѣ и терпѣть покуда силъ хватитъ; но, не смотря на всю мою сдержанность, силъ у меня не хватило и я долженъ былъ оставить академію.

Случай, который привелъ меня къ этому, былъ однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ моментовъ моей жизни; только благодаря стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ, я избѣжалъ опасности быть солдатомъ, и можетъ быть закрыть глаза подъ сѣрой шинелью...

Со времени исторіи съ Сачинскимъ прошло два года—два года адской, невыносимой жизни. Новые «порядки» не измѣнялись, желѣзное кольцо завинчивалась все болѣе и болѣе. Чувствуя глубокую ненависть къ ближайшему виновнику всѣхъ напихъ золь — Шенроку, я держалъ себя насторожѣ и всячески старался скрыть свои чувства, но должно быть не такъ легко скрыть то, что волнуетъ и кипитъ молодую душу. Совершенно устранить себя отъ сношеній съ инспекторомъ студенту нѣтъ возможности; въ обыденной нашей жизни приходилось и мнѣ имѣть съ нимъ дѣло, и вотъ, при этихъ-то встрѣчахъ, вѣроятно, невольно выказывалась моя антипатія къ этому человѣку, что и было имъ замѣчено. Начались придирки къ неисправностямъ въ формѣ одежды и т. п. мелочамъ, но я, зная, что ему хочется вызвать меня на какую нибудь выходку, сталъ еще осторожнѣе: скрѣпя сердце, выслушивалъ задорныя его замѣчанія и всячески старался быть вѣжливымъ. Словомъ сказать, въ карцеръ меня засадить никакъ ему не удавалось.

Наступилъ іюнь мѣсяцъ — время переходныхъ экзаменовъ, пора самая трудная, когда всѣ помыслы, всѣ заботы студента сосредоточиваются на одномъ, чтобы, какъ говорятъ, не провалиться; моментъ этотъ важенъ въ каждомъ учебномъ заведеніи, но еще болѣе онъ былъ важенъ въ нашемъ исключительномъ положеніи, такъ какъ оставшіяся на старомъ курсѣ, не только отдалялся отъ цѣли своего образованія, но обрекался еще на лишній годъ испытаній, а кто же могъ ручаться, что онъ вынесетъ Клейнмихелевскую школу?

Экзамены были расположены такимъ образомъ, что на каждый день приходилось по предмету, что при такихъ обширныхъ наукахъ,

каковы анатомія, фізіологія, химія, фармація, физика и естественныя науки, было для насъ чрезвычайно неудобно. Краткость времени обрекала насъ на упорно внимательный и усидчивый трудъ, а между тѣмъ нестерпимая июньская жара и духота парализовали всѣ усилія. Для занятій оставались одни ночи и мы просиживали ихъ на пролетъ. Въ этомъ году анатомія по росписанію была послѣднимъ предметомъ. Это былъ труднѣйшій изъ всѣхъ экзаменовъ, какъ по обширности курса, такъ и по строгой требовательности экзаменатора, профессора И. В. Буяльскаго. Истощенный предшествовавшими экзаменами, въ послѣднюю ночь я не сомкнулъ глазъ и къ утру дошелъ до полного изнеможенія. Въ такомъ положеніи я отправился въ анатомическій театръ. Было не болѣе 10 часовъ, но солнце пекло уже сильно; я шелъ въ растегнутомъ сюртукѣ, весь сосредоточившись на предстоящемъ экзаменѣ, какъ вдругъ, шагахъ во ста отъ анатомическаго театра, сталкиваюсь съ Измайльскимъ. Само собою разумѣется, что мой растегнутый сюртукъ прежде всего привлекъ его вниманіе и онъ, по обыкновенію, самымъ грубымъ тономъ началъ дѣлать свои замѣчанія, говоря, что форма не халатъ, что порядочные люди по улицамъ на распахку не ходятъ и т. п. Я отвѣчалъ ему, что самъ знаю, что растегнуть, и что застегнуться успѣю и при входѣ въ анатомическій театръ, и, повернувшись отъ него, пошелъ дальше. Измайльскій вслѣдъ мнѣ закричалъ, что онъ доложить обо мнѣ инспектору, но я, не обращая на него вниманія, продолжалъ идти.

Экзамены кончились благополучно. Желая взглянуть на полученные мною баллы, чтобы судить объ общемъ результатѣ, я отправился въ правленіе, гдѣ секретаремъ тогда былъ нѣкто Симановичъ — человекъ весьма любезный, добрый и всегда готовый къ услугамъ студентовъ; отъ него узналъ я, что ни въ одномъ предметѣ менѣе четырехъ («очень хорошо») отмѣтокъ у меня не было. Удостоверясь такимъ образомъ, что къ переходу моему въ слѣдующій курсъ препятствій не было, я тутъ же, не выходя изъ правленія, подалъ прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ на вакаціонное время. Я былъ намѣренъ ѣхать въ Финляндію, верстъ за 150, куда приглашалъ меня одинъ изъ моихъ знакомыхъ, чтобы подготовить сыновей его въ латинскомъ языкѣ для поступленія въ гимназію. Секретарь сказалъ мнѣ, что отпускъ будетъ готовъ на другой же день и что я могу получить его отъ дежурнаго субинспектора. Уладивъ это дѣло, я тотчасъ же отправился приискать себѣ ямщика. Не помню, сколько онъ взялъ съ меня, но хорошо помню, что за вычетомъ условленной платы, въ карманѣ моемъ на всѣ путевыя издержки оставалось съ небольшимъ 3 руб. асс., по теперешнему рубль серебромъ.

Ямщикъ обѣщалъ пріѣхать на другой день, часовъ въ 10, но вмѣсто того явился въ 5 часовъ утра и притомъ порядочно-таки

выпивши. Онъ шумно и настойчиво требовалъ, чтобы я ѣхалъ тотчасъ же, чего я, конечно, сдѣлать не могъ: безъ вида меня не пропустили бы на заставѣ, идти же въ правленіе или къ дежурному субинспектору было еще рано, отпустить ямщика тоже нельзя было—задатокъ былъ отданъ, лишнихъ денегъ не было, а расходившійся возница стоялъ на одномъ: «ѣхать, такъ ѣхать сейчасъ». Что тутъ было дѣлать? Мнѣ пришла счастливая мысль напоить его еще больше, какъ говорится, до положенія ризъ; мужикъ завалится спать, а время пройдетъ. Я такъ и сдѣлалъ: истощая и безъ того уже скудную мою кассу, послалъ за полштофомъ водки и презентовалъ его несговорчивому ворчуну. Продѣлка удалась: пока ямщикъ благодушевствовалъ съ знакомой ему посудиною, а потомъ предался блаженному храму, я спокойно выждалъ до 9 часовъ и отправился получить отпускъ. Въ правленіи узналъ я, что дежурнымъ въ тотъ день былъ Измайльскій, что произвело на меня пренепріятное впечатлѣніе, такъ какъ ни видѣть его, ни говорить съ нимъ, особенно послѣ послѣдней моей встрѣчи съ нимъ на улицѣ, мнѣ не хотѣлось, однако-же пошелъ къ нему на квартиру, которую онъ занималъ тутъ же, неподалеку, въ казенномъ флигелѣ. Войдя къ нему, я увидѣлъ его черезъ двѣ комнаты, двери которыхъ были отворены настежь; онъ былъ еще въ халатѣ и курилъ трубку съ длиннѣйшимъ чубукомъ. Замѣтивъ меня, онъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ о причинѣ прихода. Я назвалъ свою фамилію и сказалъ, что пришелъ получить свидѣтельство объ отпускѣ. Проговоривъ «сейчасъ», онъ вышелъ въ другую комнату, порылся тамъ въ бумагахъ и вынесъ свидѣтельство, но лишь только я протянулъ руку, чтобы взять его, какъ Измайльскій, какъ бы подумавъ о чемъ-то, положилъ бумагу на столъ и, подойдя ко мнѣ еще ближе, сказалъ: «ты пьянъ»...

Не взвидѣлъ я свѣта! будать загремѣлъ...

Проще сказать, не думая ни секунды, я отмахнулъ ему такую пощечину, что онъ мигомъ полетѣлъ подъ столъ. Нагнецъ не успѣлъ еще опомниться отъ моего отвѣта, какъ я взялъ со стола свое свидѣтельство и поспѣшно вышелъ изъ его квартиры. Прийдя домой, я растолкалъ разоснавагагося ямщика и мы поѣхали.

Вотъ эту-то минуту, когда я поднялъ руку на негодая, когда я унизился до грубой расправы съ нимъ, я и считаю самой горькой минутой въ моей жизни. Но что дѣлать—я былъ молодъ, пылокъ и озлобленъ всѣмъ, что у насъ продѣлывалось въ академіи.

Изъ Финляндіи я вернулся наканунѣ 1-го сентября и былъ встрѣченъ такой новостью, какой никакъ не ожидалъ. Товарищи мнѣ передали, что я по какому-то случаю оставленъ на прежнемъ курсѣ. Я вѣрить не хотѣлъ, чтобы это могло случиться, ибо очень хорошо зналъ результатъ моихъ экзаменовъ: полученные отмѣтки давали мнѣ полное право поступить на старшій курсъ. Встрѣво-

женный этой вѣстью, я поспѣшилъ въ правленіе и тутъ нашелъ разгадку: балы экзаменаторовъ оставались тѣ же, но инспекторъ дурно аттестовалъ мое поведеніе. По остроумному уставу академіи, студентъ, неудостоившійся хорошей отмѣтки за поведеніе, обреченъ былъ оставаться на прежнемъ курсѣ и слушать тѣ же предметы, которые уже слушалъ, какъ будто эта мѣра могла имѣть какое нибудь вліяніе на исправленіе поведенія, а не повести къ противоположному—къ затаенному ожесточенію, главнѣйшей причинѣ такъ называемаго «дурнаго поведенія». Подобное распоряженіе лучше всего показываетъ степень педагогическихъ соображеній тогдашняго нашего начальства.

О причинѣ дурной аттестаціи моего поведенія догадаться было не трудно. Измаильскому неудобно было жаловаться на меня официально, потому что съ одной стороны непріятное приключеніе съ нимъ произошло безъ свидѣтелей, а съ друго—оглашеніе его могло бы повести къ непріятнымъ послѣдствіямъ, какъ для него самого, такъ и для покровительствовавшего ему родственника.

Какъ бы то ни было, однако же, слухъ оказался вѣрнымъ: меня оставили на прежнемъ курсѣ. Зная характеръ и свойства Шенрока, я могъ разсчитывать, что, оставляя меня еще на годъ въ академіи, онъ готовилъ мнѣ мщеніе впереди, при какомъ нибудь другомъ, болѣе удобнымъ случаѣ, который въ то время найти было не трудно; поэтому надо было подумать, какъ поправить дѣло.

Послѣ долгаго размышленія и посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ старыхъ, наиболѣе уважаемыхъ мною товарищей, я рѣшился подать прошеніе объ увольненіи меня изъ академіи. Спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ оно было подано, президентъ нашъ потребовалъ меня къ себѣ. Я нашелъ его въ кабинетѣ, сидящимъ за письменнымъ столомъ; тутъ же стоялъ и Шенрокъ. Вручая мнѣ увольнительное свидѣтельство, Шлегель обратился ко мнѣ, говоря своимъ ломанымъ русско-нѣмецкимъ языкомъ, что хотя инспекторъ и не былъ доволенъ моимъ поведеніемъ, тѣмъ не менѣе онъ, не желая мнѣ вредить, увольняетъ меня съ аттестатомъ, во всѣхъ отношеніяхъ отличнымъ. Я поблагодарилъ его и взялъ аттестатъ; но такъ какъ мнѣ былъ сдѣланъ упрекъ въ моемъ поведеніи, то я съ своей стороны не хотѣлъ оставить его безъ возраженія. «Не знаю ваше превосходительство, сказалъ я, почему г. инспектору угодно было дурно аттестовать меня, развѣ потому только, что я не принадлежу къ его роднѣ и не совершалъ преступленій въ родѣ тѣхъ, за которыя г. С*** просидѣлъ 8 мѣсяцевъ въ карцерѣ, что однакоже нисколько не помѣшало г. инспектору поставить этому, особенно любимому имъ родственнику, отличную отмѣтку за поведеніе».

Надо сказать, что этотъ С***, близкій родственникъ Шенрока и по его же протекціи опредѣленный въ число казеннокоштныхъ

студентовъ, былъ малый весьма сомнительныхъ правилъ нравственности: гуляка и картежникъ, онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ и дошелъ наконецъ до того, что сталъ мѣдныя деньги натирать ртутью и расплачиваться ими съ извозчиками, получая съ нихъ сдачу настоящей монетой. Какъ это дошло до начальства — не знаю; но С*** за мошенничество не только не былъ исключенъ изъ академіи, но, выйдя въ 8 мѣсяцевъ въ карцеръ, аттестовался потомъ въ поведеніи всегда одобрительно. Я не имѣлъ никакого повода щадить ни С***, ни его родственника, а потому, говоря съ Шлегелемъ, не затруднился выставить на показъ этому слабодушному человѣку безпристрастіе его помощника.

При напомниманіи моемъ о С*** лицо Шенрока покрылось густой краской, но не стыда, а злости. Онъ молчалъ, молчалъ и Шлегель, да и что же можно было отвѣчать мнѣ? О позорномъ поступкѣ С*** было извѣстно всѣмъ не только въ академіи, но едва ли не каждому жителю Выборской стороны.. Я раскланялся и вышелъ.

По возвращеніи домой, я принялся разсматривать выданное мнѣ увольнительное свидѣтельство и, видя, что профессорскія отмѣтки всѣ до одной оставались въ прежнемъ видѣ, а поведеніе аттестовалось «хорошимъ», простодушно успокоился и радовался только тому, что развязался наконецъ съ людьми, которые, казалось, поставили себя задачей быть не руководителями юношества, а какими-то палачами. Въ простодушіи своемъ я и не подозрѣвалъ какой сюрпризъ приготовили мнѣ эти люди, увольняя изъ академіи.

За уроки мои въ Финляндіи я получилъ 100 р. асс., при помощи товарищей успѣлъ достать еще 75 р. и, взявъ мѣсто въ почтовомъ брикѣ, отправился въ Москву.

По прибытіи туда, первой заботой моей было приискать себѣ квартиру и затѣмъ тотчасъ же подать въ управленіе университета прошеніе о принятіи меня студентомъ на медицинскій филокультетъ. Прошеніе было принято и сказано, чтобы я явился черезъ недѣлю. Прихожу черезъ недѣлю и тотъ же чиновникъ, которому я передалъ прошеніе, объявилъ, что меня принять не могутъ.

— Почему же? спросилъ я.

— Въ вашемъ аттестатѣ поведеніе названо «хорошимъ».

— Такъ что же?

— Съ такой аттестаціей приять васъ нельзя.

— Да что же это значитъ? Видѣ поведеніе названо хорошимъ.

— Это-то и значитъ, что оно нехорошо.

Слушая чиновника, я просто диву дался: хорошо — значитъ нехорошо. Что за чепуха?

— Что же мнѣ дѣлать? обратился я къ нему.

— Ужъ, право, не знаю.

— Я поѣду въ Кіевъ, въ Харьковъ...

— Все равно, тоже будетъ. Вотъ, еслибъ поведеніе ваше было названо отличнымъ, тогда другое дѣло; а хорошее поведеніе у насъ во всѣхъ университетахъ принято понимать дурнымъ.

Теперь только я понялъ продѣлку Шенрока, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣла моя аттестація. Ему мало было того, что по его милости я прерывалъ свое образованіе, ему хотѣлось меня вовсе лишить его — иначе я не могъ понять поступка его со мною, да и теперь не могу. Мысль, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною въ академіи, пропали даромъ и что, не окончивъ курса, я ставлю себя въ неопредѣленное положеніе, что вся будущность моя гибнетъ, привела меня въ страшное волненіе и я почти съ отчаяніемъ сказалъ чиновнику: «Да дайте же мнѣ, ради Бога, совѣтъ— что мнѣ дѣлать?»

— Развѣ вотъ что—попробуйте сходить къ попечителю; по четвергамъ графъ принимаетъ всѣхъ, просите его.

— А если и онъ мнѣ тоже скажетъ, если и онъ того же мнѣнія, какъ всѣ университетскія начальства?

— О нѣтъ, графъ прекраснѣйшій человѣкъ и справедливый; вы можете говорить съ нимъ откровенно, онъ это любитъ...

Я поблагодарилъ чиновника и рѣшился сдѣлать попытку.

Въ первый же четвергъ, полный тревоги и самыхъ отчаянныхъ опасеній за свое будущее, явился я къ графу С. Г. Строганову. Меня провели къ нему въ кабинетъ. Передо мной былъ человѣкъ съ блѣднымъ, строгимъ лицомъ, въ правильныхъ чертахъ котораго отражались умъ, благородство и какое то спокойствіе твердаго, рѣшительнаго характера. Онъ сидѣлъ съ протянутою на стулѣ перевязанною ногой, которую, какъ я узналъ послѣ, онъ незадолго передъ тѣмъ сломалъ. Подавъ ему прошеніе и аттестатъ, я робко прибавилъ, что мнѣ въ приѣмѣ отказали и что я пришелъ просить его о снисхожденіи.

Графъ посмотрѣлъ мой аттестатъ и сказалъ: «Странно, господа: вы думаете, что если вы не годитесь въ какомъ либо высшемъ учебномъ заведеніи, такъ все-таки годны для московскаго университета—какое же вы составили о немъ понятіе?»

Хотя у меня и въ помыслѣхъ не было ничего подобнаго, о чемъ говорилъ графъ, однакоже, узнавъ уже, что такое по университетскому словарю значило «хорошее» поведеніе, я затруднился сказать что либо въ опроверженіе такого предположенія и молчалъ, думая только объ одномъ: что будетъ со мною и куда я дѣнусь, если и онъ откажетъ мнѣ въ приѣмѣ. Въ эти критическія минуты моего молчанія и размышленія графъ не спускалъ съ меня глазъ, смотря упорно и пытливо на мое смущенное лицо и наконецъ спросилъ: «Какія у васъ тамъ были исторіи, за что вамъ дали такой аттестатъ?»

Не съ разу отвѣтилъ я. Что же я буду разсказывать, думалъ я про себя; лгать я не хочу, да и не могу, а сказать правду—значить окончательно погубить себя. Я молчалъ.

«Вотъ видите ли, сказалъ графъ необыкновенно спокойнымъ и мягкимъ тономъ,—вы пришли ко мнѣ и просите о снисхожденіи, значитъ вы вѣрите тому, что я могу помочь вамъ, и все-таки не хотите быть откровеннымъ».

Этотъ ласковый, задушевный тонъ, проникавшій прямо въ душу, котораго со времени моего студенчества мнѣ ни разу не приходилось еще слышать изъ устъ начальства, успокоительно подѣйствовалъ на меня; я ободрился и сказалъ: «Я хотѣлъ бы, ваше сіятельство, быть съ вами откровеннымъ, но опасаясь, что откровенность эта внушитъ вамъ обо мнѣ невыгодное мнѣніе, впрочемъ, если вамъ угодно, я разскажу».

— Да, я хочу этого — говорите.

Тутъ я коротко, но не пропустивъ ни одного важнаго обстоятельства, разсказалъ то, что со мной было.

Графъ слушалъ, ни однимъ вопросомъ не прерывая меня, а когда я кончилъ, то также молча взялъ со стола карандашъ и поперекъ моего прошенія написалъ: «принять». Передавая мнѣ бумагу, онъ сказалъ: «Надѣюсь, что московскій университетъ не дастъ вамъ повода къ такимъ поступкамъ; но надѣюсь также, что и вы будете остерегаться отъ повторенія случившагося съ вами».

Разсказъ мой конченъ.

Сорокъ лѣтъ отдѣляютъ меня отъ того дня, когда великодушная помощь графа Сергія Григорьевича Строганова отвела меня отъ края бездны, надъ которой я стоялъ, готовый низринуться и погибнуть; но еслибъ мнѣ суждено было прожить и еще столько же, то и тогда благоговѣйная признательность къ памяти этого благороднѣйшаго человѣка не изсякла бы изъ моего переполненнаго благодарностью сердца.

N. N.

ПИСЬМА ПУШКИНА КЪ Н. М. ЯЗЫКОВУ ¹⁾.

(1826—1836 г.).

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ перепискѣ поэта Языкова, переданной мнѣ въ Симбирскѣ осенью 1882 года, нашлось всего только шесть писемъ Пушкина. Одно изъ нихъ было напечатано цѣликомъ въ «Матеріалахъ» П. В. Анненкова (стр. 174), и вошло въ VII-й томъ сочиненій Пушкина ²⁾, съ невѣрной переправкой числа; изъ трехъ сдѣланы извлеченія (см. изд. Пушкина 1882 г., т. II и VII); два — не были напечатаны. Привожу ихъ, нигдѣ не измѣняя орфографіи поэта.

---

¹⁾ Печатаемые здѣсь «Письма Пушкина къ Языкову» сообщены намъ покойнымъ Дмитріемъ Николаевичемъ Садовниковымъ, статья котораго «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ» была помѣщена въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года. Ранняя кончина этого даровитаго и симпатичнаго писателя (онъ умеръ 19-го декабря 1883 года, на тридцать седьмомъ году жизни) составляетъ прискорбную утрату для русской литературы, особенно въ настоящее время, столь скудное на молодыхъ дарованія.

Д. Н. Садовниковъ собирался писать біографію поэта Н. М. Языкова, для которой уже собралъ всѣ необходимыя матеріалы и которую намѣревался помѣстить въ нашѣмъ журналѣ. Для этой біографіи мы даже заказали портретъ Языкова, прилагаемый къ настоящей книжкѣ, но увы! безъ біографіи.

Несчастливится Языкову! Его біографію хотѣлъ писать Ѳ. В. Чижевъ; но едва приступилъ къ работѣ, какъ смерть прервала ее въ самомъ началѣ. Та же участь постигла теперь и Д. Н. Садовникова.

Ред.

²⁾ Московское изданіе, 1882 года.

I.

Милый Николай Михайлович—сейчасъ изъ Москвы, сейчасъ видѣлъ ваше Тригорское—спѣшу обнять и поздравить васъ. Вы ничего лучше не написали, но напишите много лучшаго—Дай Богъ вамъ здравія, осторожности, благоденственнаго и мирнаго житія ¹⁾! Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ мой цензоръ, выгода конечно необъятная. Такимъ образомъ Годунова тиснемъ. О ценз. уставѣ рѣчь впереди. Обнимаю Васъ и Вульфа.

Получили-ли Вы мои стихи? У меня ихъ нѣтъ — пришлите мнѣ ихъ, да къ стати и первое посланіе ²⁾.

О Москвѣ напишу Вамъ много.

(Писано на осмьюшкѣ листа простой бумаги, сложенной вдвое. Подписи нѣтъ; число не выставлено. Въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина (VII) помѣчено г. Ефремовымъ: «Изъ Михайловскаго, 9-го ноября 1826 г.»).

II.

Письмо ваше получилъ я во Псковѣ и хотѣлъ отвѣчать изъ Новгорода—Вамъ достойному пѣвцу того и другаго—Пишу однакожъ изъ Москвы—куда вчера привезъ я Ваше Тригорское ³⁾. Вы знаете по газетамъ что я участвую въ «Моск. вѣстникѣ», слѣдственно и вы также—Адресуйте-же ваши стихи въ Москву на Молчановку въ домъ Ренкевичевой, оттуда передамъ ихъ во

¹⁾ Можетъ быть, Пушкинъ говоритъ о своемъ первомъ посланіи къ Языкову (т. II, стр. 158). Въ шеститомномъ изданіи Пушкина 1880 года, гдѣ оно помѣщено, г. Ефремовъ, опираясь на опровергнутую имъ позже помѣтку (21-го ноября) подъ однимъ письмомъ Пушкина, относитъ стихотвореніе: «Языковъ, кто тебѣ внушилъ» и т. д., къ тому времени, когда поэтъ привезъ въ Москву «Тригорское» и предполагаетъ, что первое посланіе Пушкина было отвѣтомъ на эти стихи Языкова. Это не вѣрно: «Тригорское» посвящено П. А. Осиповой, а Пушкину есть особое посланіе, начинающееся словами: «О ты, чья дружба мнѣ дороже» и написанное 16-го августа 1826 года, какъ значится въ альбомѣ Н. Мих. Языкова, гдѣ оно записано его рукой. Посланіе Языкова не вошло въ собраніе его стихотвореній и напечатано позже, въ «Рус. Арх.» за 1867 г. (статья М. И. Семевского).

²⁾ Вторая половина записки, начинающаяся со слова «Царь», у г. Анненкова не приведена.

³⁾ Въ VII томѣ Пушкина (моск. изданіе 1882 г.) г. Ефремовъ утверждаетъ, что Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву 20-го декабря 1826 года. Намъ остается вѣрить самому поэту и числу, выставленному имъ въ концѣ этого письма, что и сдѣлалъ г. Анненковъ. Въ противномъ случаѣ придется два раза поправлять самого Пушкина.

храмъ безсмертія — Непремѣнно будьте-же нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется—

Я усталъ и боленъ — потому Вамъ и не пишу болѣе — Вульфъ кланяюсь обѣщая мое высокое покровительство—

21-го ноября ⁴⁾

Тригорское ваше съ вашего позволенія, напечатано будетъ во 2-мъ № «Моск. Вѣстн. — Рады-ли вы журналу? Пора задуть Альманахи — Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ Телеграфу — жаль, но чтожь дѣлать —

(Писано на четвертушкѣ простой бумаги, сложенной вчетверо).

III.

Къ тебѣ собирался я давно
Въ нѣмецкій градъ тобой воспѣтый,
Съ тобой попить, какъ пьютъ поэты
Тобой воспѣтое вино—
Ужъ зывалъ меня съ собою
Тобой воспѣтый Киселевъ,
И я съ веселою душою
Оставить былъ совсѣмъ готовъ
Неволю Невскихъ береговъ—
И что жъ? Гербовыя заботы
Схватили за полы меня
И на Невѣ хотѣ нѣтъ охоты
Окованнымъ ²⁾ остался я—
Ахъ ³⁾ юность, юность удалая!
Могуль тебя не пожалѣть?
Въ долгахъ, бывало утопая,
Займодавцевъ избѣгая ⁴⁾,
Готовъ я всюду былъ летѣть ⁵⁾;
Теперь докучно посѣщаю
Своихъ лѣнивыхъ должниковъ
И тяжесть денегъ и годовъ,
Остепенившись, проклиная ⁶⁾—

¹⁾ 1826 года.

²⁾ Въ печати (см. т. II, соч. Пуш., стр. 168, изд. 1880 г.) стоитъ: «Прикованнымъ».

³⁾ Въ печати: «О юность» и т. д.

⁴⁾ Въ печати: «Убѣгая».

⁵⁾ Въ печати эта строка имѣетъ другую конструкцію: «Готовъ былъ всюду я летѣть».

⁶⁾ Въ печати: «Теперь докучно посѣщаю
(своихъ лѣнивыхъ должниковъ,
Остепенившись проклиная
И тяжесть денегъ и годовъ».

Прости, Пэвецъ! играй, пируй,
 Съ Кипридомъ, Фебомъ торжествуй
 Не знай ни скуки, ни жеманства ¹⁾,
 Не знай любезныхъ должниковъ
 И не плати своихъ долговъ
 По праву русскаго дворянства.

Стиховъ, ради бога стиховъ! Душа просить—Простите, желалъ бы сказать до свиданія ²⁾.

14 (i)юня ³⁾.

С. П. В.

(Писано на листѣ почтовой бумаги того времени. Первая и вторая страницы исписаны, третья — бѣлая, а на послѣдней адресъ: Н. М. Языкову — въ Дерптъ. Годъ (1827) не помѣченъ. Письмо шло не по почтѣ, на немъ нѣтъ штемпеля. Оно сложено, какъ записка, и запечатано сквозь бумагу, должно быть перстнемъ. Сургучъ темный).

IV ⁴⁾.

Сердечно благодарю Васъ, любезный Николай Михайловичъ, Васъ и Кирѣевскаго за дружескія письма и за прекрасныя стихи, если бы къ тому присовокупили вы еще свои адреса, то я былъ бы совершенно доволенъ. Поздравляю всю братію съ рожденіемъ Европейца. Готовъ съ моей стороны служить Вамъ чѣмъ угодно прозой и стихами, по совѣсти и противъ совѣсти. Θ. Косичкинъ до слезъ тронутъ вниманіемъ, коимъ удостоиваете вы его; надняхъ получилъ онъ благодарственное письмо отъ А. Орлова и собирается отвѣчать ему; потрудитесь отыскать его (Орлова) и доставить ему отвѣты его друга (или отъ его друга, какъ пишетъ Погодинъ) Жуковский пріѣхалъ; извѣстія имъ привезенныя очень утѣшительны; тысяча пробитая Вами очень поправитъ домашнія обстоятельства нашей бѣдной Литературы. Надѣюсь на Хомякова: Самозванецъ его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ по прежнему прекрасны — Торопите Вяз. пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ; стыдно ему; да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну по Дельвигѣ.—А вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто же? друзья его! ей богу, стыдно. Хвостовъ написалъ мнѣ посланіе, гдѣ онъ помолодѣлъ и трихнулъ стариною.

¹⁾ Въ печати: «Не знай сіятельнаго чванства».

²⁾ Послѣднихъ двухъ строкъ письма въ изданіи Пушкина нѣтъ.

³⁾ П. В. Анпенковъ прочелъ: 14-го іюля, но Пушкинъ писалъ букву *и* не такъ.

⁴⁾ Не было напечатано.

Онъ говоритъ

Приближася похода къ знаку
Я сталъ союзникъ Зодіаку;
Холеры не любя пилюль
Я пѣлъ при старости Іюль

и проч. въ томъ-же видѣ. Собираюсь достойно отвѣчать союзнику Водолея, Рака и Козерога. Впрочемъ все у насъ благополучно.

(Подписи нѣтъ. Писано на четвертушкѣ почтовой бумаги. Рукою Н. М. Языкова подъ письмомъ выставлено число и годъ: «С.п.б. 18 ноября 1831»).

V ¹⁾.

Я былъ обрадованъ въ моемъ уединеніи приѣздомъ Александра Михайловича ²⁾ который къ сожалѣнію пробылъ у меня нѣсколько часовъ. Блазнить онъ меня предложеніемъ ѣхать съ нимъ въ село Языково ³⁾, быть свидѣтелемъ его свадьбы обѣщаясь употребить меня съ пользою—но мнѣ не возможно—жена и дѣти...

Разговаривая о различныхъ предметахъ, мы рѣшили что весьма не худо было бы мнѣ приняться за Альманахъ, или паче за журналъ, я и не прочь, но для того долженъ быть увѣренъ въ Вашемъ содѣйствіи. Какъ думаете, сударь? Сами видите: Щелкоперы насъ одолѣваютъ. Пора, ей ей пора дать имъ порядочный отпоръ. На дняхъ отправлюсь въ П. Б.—Если вамъ будетъ досугъ написать мнѣ двѣ строчки адресуйте ихъ на Дворцовую Набережную въ домъ Баташева—у Прачечнаго моста.—Ал. Мих. изволить спѣшить — и я кончаю письмо мое поручая себя вашей благосклонности.

Вашъ богомолецъ
А. Пушкинъ.

26 сент. ⁴⁾
С. Волдино.

Искреннее мое почтеніе и мой поклонъ Петру Михайловичу.

(Писано на листѣ почтовой бумаги съ водяными знаками бумажной фабрики: А. Г. 1834 и ея гербомъ. Сложено очень замысловато. Письмо написано на первой и второй страницѣ. Третья и четвертая служатъ конвертомъ. Адресъ: «Н. М. Языкову», безъ означенія куда. Запечатано краснымъ сургучемъ).

¹⁾ Не было напечатано.

²⁾ Братъ Н. М. Языкова.

³⁾ Симб. губ., Карс. у., имѣнье Н. М. Языкова.

⁴⁾ 1834 г.

VI.

Отгадайте откуда пишу къ Вамъ, мой любезный Николай Михайловичъ? изъ той стороны гдѣ вольныя живали Вы ¹⁾ гдѣ ровно тому десять лѣтъ ²⁾ пировали мы втроемъ — Вы, Вульфъ и я, гдѣ звучали ваши стихи, и бокалы съ Еммой, гдѣ теперь вспоминаемъ мы Васъ — и старину. Поклонъ Вамъ отъ холмовъ Михайловскаго, отъ сѣней Тригорскаго, отъ волнъ голубой Сороти, отъ Евпраксіи Николаевны ³⁾, нѣкогда полувоздушной дѣвы, нынѣ дебелой жены, въ пятой разъ уже брюхатой, и у которой я въ гостяхъ — Поклонъ Вамъ ото всего и ото всѣхъ Вамъ преданныхъ сердцемъ и памятью!

Алексѣй Вульфъ здѣсь же, отставной студентъ и гусаръ, усатый Агрономъ, Тверской Ловласъ — по прежнему милый, но уже перешагнувшій за тридцатый годъ — Пребываніе мое во Псковѣ не такъ шумно и весело нынѣ, какъ во время моего заточенія, во дни какъ царствовалъ Александръ; но оно такъ живо мнѣ Васъ напоминало что я не могъ не написать Вамъ нѣсколько словъ въ ожиданіи что и вы откликнитесь. Вы получите мой Современникъ; желаю чтобъ онъ заслужилъ Вамъ одобреніе — Изъ статей Критическихъ моя одна: О Конскомъ. Будьте моимъ сотрудникомъ непремѣнно. Ваши стихи: вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрыскете его вашими кипучими каплями — Посланіе къ Давыдову ⁴⁾ — прелесть! Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ вашихъ стиховъ, опять его вымылъ — и правъ. Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи — Прощайте — пишите мнѣ, да къ стати ужъ напишите и къ Вяземскому отвѣтъ на его посланіе напечатанное въ Новосельи (помнится) и о которомъ вы и слова ему не молвили. Будьте здоровы и пишите. То есть: Живи и жить давай другимъ. Весь Вашъ Ал.

14 апр.

Пришлите мнѣ ради Бога стихъ объ Алексѣѣ Бож. чело-
вѣкѣ и еще какую нибудь легенду — Нужно ⁵⁾.

(Писано на листѣ почтовой бумаги. Письмо занимаетъ три страницы. На послѣдней — адресъ: «Николаю Михайловичу Языкову, въ Симбирскую губ., въ село Языково, въ Корсунь». Къ письму приложенъ почтовый штемпель. На немъ читаемъ: вкарсуне получено 7 маія 1836. «Sober» и слѣды короны надъ девизомъ).

Д. Н. Садовниковъ.

¹⁾ Отмѣченное разрядкой не было въ печати.

²⁾ Лѣтомъ 1826 года Языковъ гостилъ у Пушкина.

³⁾ Сестра Алексѣя Вульфа, вышедшая за барона Вревскаго.

⁴⁾ См. 2-ю часть стихотвореній Н. Языкова, 1858 г., стр. 56. Посланіе было опущено въ «Моск. Наблюд.» за 1835 г.

⁵⁾ То что разрядкой въ Р. S. написано курсивомъ въ подлинникѣ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ВЪ САМЫХЪ малыхъ лѣтъ своихъ и до послѣдующаго времени, постоянно слыша около себя однѣ и тѣ же разговоры о необходимости учиться, дабы потомъ, въ въ извѣстномъ уже возрастѣ, проложить дорогу, сдѣлать себѣ карьеру, я въ тайнѣ не соглашаяся съ этими доводами, находя ихъ фальшивыми, не естественными, а потому и смотрѣлъ на науку, какъ на какое-то принудительное средство и если учился, то лишь по настоянію. Будучи отъ природы впечатлительнымъ, имѣя живой, рѣзвый характеръ, быстро увлекаясь вышними мимолетными предметами, я питалъ особенную страсть къ лошадямъ, къ верховой ѣздѣ, къ собакамъ, любилъ пошалить, поповѣсничать. Не жажда познаній въ то время манила меня сдѣлаться студентомъ, а стремленіе скорѣй выйти на свободу, поступить въ гусарскій полкъ, схватить офицерскій чинъ и корнетомъ фигурировать въ обществѣ. Къ фракѣ я питалъ презрѣніе, какъ и большая часть молодежи того времени. Дворянскому сословію и въ особенности его нелѣпымъ тогдашнимъ правамъ вполнѣ не сочувствовалъ, между тѣмъ мнѣ необходимо было пріобрѣсти эти права для наслѣдованія родоваго населеннаго имѣнія, на владѣніе которымъ по закону, какъ не дворянинъ, я не имѣлъ права, и таковое по смерти матери моей должно было отойти въ казну.

I.

Въ 1830 году, я поступилъ вольнымъ слушателемъ въ московскій университетъ. Студентомъ я быть не могъ, потому что не выходя еще года—мнѣ было всего только пятнадцать лѣтъ. Но всѣ

ожиданныя обстоятельства помѣшали мнѣ въ этомъ году посѣщать и слушать лекціи.

Въ первыхъ числахъ сентября, надъ Москвой разразилась губительная холера. Паника была всеобщая. Массы жертвъ гибли мгновенно. Зараза приняла чудовищные размѣры. Университетъ, всѣ учебныя заведенія, присутственные мѣста, были закрыты, публичные увеселенія запрещены, торговля остановилась. Москва была оцѣплена строгимъ военнымъ кордономъ и учрежденъ карантинъ. Кто могъ и успѣлъ, бѣжалъ изъ города. Съ болью въ душѣ вспоминаешь теперь тогдашнее грустное и тягостное существованіе наше. Изъ шумной, веселой столицы, Москва внезапно превратилась въ пустынный, безлюдный городъ. Полиція силой вытаскивала изъ лавокъ и лабазовъ арбузы, дыни, ягоды, фрукты, и валила ихъ въ нарочно вырытыя (за городомъ) глубокія, наполненныя известью ямы. Оставшіеся жители заперлись въ своихъ домахъ. Никто безъ крайней необходимости не выходилъ на улицу, избѣгая сообщенія между собой. Это могильное, удручающее безмолвіе московскихъ улицъ по временамъ нарушалось тяжелымъ, глухимъ стукомъ колесъ большихъ четырехмѣстныхъ каретъ, запряженныхъ парой топкихъ лошадей, тянувшихся небольшою рысью по направленію къ одному изъ временно устроенныхъ холерныхъ лазаретовъ. Внутри каретъ или мучился умирающій, или уже лежалъ обезображенный трупъ. На запяткахъ этихъ злополучныхъ экипажей для видимости ставили двухъ полицейскихъ солдатъ-будочниковъ, какъ ихъ тогда называли. Мрачную картину изображали эти движущіеся рыдваны, заставляя робкаго, напуганнаго прохожаго бросаться опрометью въ ворота или калитку перваго попавшагося дома, во избѣжаніе встрѣчи съ этими вмѣстилищами ужасной смерти.

И вотъ, въ эту-то минуту повсемѣстной скорби и унынія, когда упорная зараза нещадно касила свои многочисленныя жертвы, повергая всѣхъ въ безнадежное отчаяніе, когда народъ волновался и можно было опасаться бунта и безпорядковъ, въ виду разнесшихся слуховъ, что никакой холеры нѣтъ, а что будто бы народъ отравляютъ злоумышленники, — неожиданно явился въ Москву императоръ Николай Павловичъ. Выкинутый царскій флагъ на кремлевскомъ дворцѣ мгновенно оповѣстилъ жителей о пріѣздѣ царя. Народъ ободрился. Въ открытой коляскѣ, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, государь разѣзжалъ по улицамъ и безстрашно посѣщалъ холерныя больницы, переполненныя страдальцами. Царь утѣшалъ и успокаивалъ. Твердый, внушающій довѣріе взглядъ государя, ободряющія слова, смѣлость передъ опасностью, имѣли неотразимое обаяніе и благотворно дѣйствовали на толпу. Съ непокрытыми головами, въ благоговѣніи, стоялъ народъ передъ своимъ царемъ. Онъ слушалъ его, вѣрилъ ему.

Къ веснѣ 1831 года, бѣдствіе столицы прекратилось. Всѣмъ памятная по своему ужасающему истребленію страшная эпидемія эта, называемая первой холерой, совершенно ослабѣла. Москва просіяла. Жизнь потекла обычнымъ своимъ путемъ. Хотя въ январѣ мѣсяцѣ университетъ и былъ открытъ, но лекціи какъ самими профессорами, такъ и студентами, посѣщались неаккуратно, надлежащій порядокъ еще не былъ возстановленъ, поэтому и злополучный годъ этотъ имъ не зачелся,—всѣ студенты остались на прежнихъ своихъ курсахъ.

Подъ конецъ лѣта, передъ самымъ началомъ вступительныхъ экзаменовъ, ко мнѣ пригласили на домъ ординарнаго профессора московскаго университета Ивашковского, постоянно назначавшагося экзаменаторомъ греческаго языка, въ которомъ я былъ очень слабъ, и страшился его болѣе всего. Профессоръ, давъ нѣсколько уроковъ, заранѣе предупредилъ меня о томъ, что будетъ спрашивать на экзаменѣ, и указалъ то мѣсто въ греческой христоматіи, которое я долженъ былъ вызубрить. Мнѣ дали множество рекомендательныхъ писемъ почти ко всѣмъ профессорамъ экзаменаторамъ и даже къ самому почтенному ректору университета, престарѣлому Двигубскому. Всѣ эти письма были отъ болѣе или менѣе вліятельныхъ лицъ, которымъ профессора въ свою очередь желали угодить. Случай съ однимъ изъ таковыхъ писемъ остался особенно у меня въ памяти.

Двоюродная сестра моей матери, Ольга Антоновна Языкова, дала мнѣ письмо къ своему другу, тогдашнему вельможѣ-писателю, Ивану Ивановичу Дмитріеву, проживавшему у Спиридонья, въ собственномъ домѣ, впослѣдствіе времени перешедшемъ во владѣніе писателя С. Т. Аксакова. Меня заранѣе предупредили, что Иванъ Ивановичъ человѣкъ ученый, очень умный, строгій и даже капризный, и что надобно стараться непременно ему понравиться, такъ какъ онъ можетъ сдѣлать очень многое. Ужъ одно это предостереженіе пугало меня и заранѣе дѣлало боязливымъ.

Съ трудно скрываемой робостью переступилъ я порогъ дома этаго ученаго магната. Меня впустили въ пріемную комнату и обо мнѣ доложили. Выходитъ высокаго роста мущина съ густыми сѣдыми волосами на головѣ, черными большими косыми глазами; борода, усы, бакенбарды тщательно выбриты, въ черномъ сюртукѣ изысканнаго покроя. Прочитавъ поданное ему мною письмо и сурово и апатично оглядѣвъ меня съ ногъ до головы, онъ сказалъ:

— Хорошо, я скажу, кому слѣдуетъ, чтобы вамъ по возможности облегчили доступъ въ студенты. Сожалѣю, что вы поступаете въ университетъ не для научной цѣли, а единственно для того, чтобы получить дипломъ — этотъ пергаментъ, дающій извѣстныя, исключительныя права. А есть бѣдные молодые люди, пришедшіе пѣшкомъ сюда изъ Воронежской губерніи въ худыхъ сапогахъ,

отлично подготовленные. Эти труженики пришли учиться и учиться серьезно. Вотъ этимъ то людямъ я вполне сочувствую.

Сказавъ это, онъ поклонился и ушелъ.

Недовольный и сконфуженный отправился я домой. Всю дорогу ледяныя слова Дмитріева гудѣли у меня въ ушахъ.

II.

Меня экзаменовали болѣе, нежели легко. Сами профессора въ полголоса подсказывали отвѣты на заданныя вопросы. Отвѣты по билетамъ тогда еще не были введены. Я былъ принятъ въ студенты по словесному факультету. Съ восторгомъ поздравляли меня родные, мечтали о будущей карьерѣ, строили различные воздушныя замки. Я былъ тоже доволенъ судьбой своей. Новая обстановка, будущіе товарищи, положеніе въ обществѣ — все это поощряло, тянуло къ университетскому зданію, возбуждало чувство собственнаго достоинства.

Всѣхъ слушателей на первомъ курсѣ словеснаго факультета было около столѣтидесяти человѣкъ. Молодость скоро сближается. Впродолженіе нѣсколькихъ недѣль мы сдѣлались своими людьми, болѣе или менѣе другъ съ другомъ сошлись, а нѣкоторые даже и подружились, смотря по роду состоянія, средствамъ къ жизни, взглядамъ на вещи. Выдѣлялись между нами и люди, горячо принявшіеся за науку: Станкевичъ, Строевъ, Красовъ, Компанейщikovъ, Плетневъ, Ефремовъ, Лермонтовъ. Оказались и такіе, какъ и я самъ, то есть, мечтавшіе какъ нибудь три года промаячить въ стѣнахъ университетскихъ и затѣмъ, схвативъ степень дѣйствительнаго студента, броситься въ омутъ жизни.

Студентъ Лермонтовъ, въ которомъ тогда никто изъ насъ не могъ предвидѣть будущаго замѣчательнаго поэта, имѣлъ тяжелый, несходчивый характеръ, держалъ себя совершенно отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей, за что въ свою очередь и ему платили тѣмъ же. Его не любили, отдалялись отъ него и, не имѣя съ нимъ ничего общаго, не обращали на него никакого вниманія.

Онъ даже и садился постоянно на одномъ мѣстѣ, отдѣльно отъ другихъ, въ углу аудиторіи, у окна, облокотясь, по обыкновенію, на одинъ локоть и углубясь въ чтеніе принесенной книги, не слушалъ профессорскихъ лекцій. Это бросалось всѣмъ въ глаза. Шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ преподаванія, не производилъ никакого на него дѣйствія. Роста онъ былъ не большаго, сложенъ некрасиво, лицомъ смуглъ; темныя его волосы были приглажены на головѣ, темнокаріе большіе глаза пронзительно впивались въ человѣка. Вся фигура этого студента внушала какое-то безотчетное къ себѣ нерасположеніе.

Такъ прошло около двухъ мѣсяцевъ. Мы не могли оставаться спокойными зрителями такого изолированнаго положенія его среди насъ. Многіе обижались, другимъ стало это надоѣдать, а нѣкоторые даже и волновались. Каждый хотѣлъ его разгадать, узнать затаенныя его мысли, заставить его высказаться.

Какъ-то разъ, нѣсколько товарищей обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ и тѣмъ вызвать его на какое нибудь сообщеніе.

— Вы подойдите къ Лермонтову и спросите его какую онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ напряженнымъ вниманіемъ. Это предлогъ для начатія разговора самый основательный.

Не долго думая, я отправился.

— Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія очень интересную, судя потому, какъ углубились вы въ нее; нельзя ли подѣлиться ею и съ нами? обратился я къ нему не безъ нѣкотораго волненія.

Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи, сверкнули глаза его. Трудно было выдержать этотъ непривѣтливый, насквозь пронизывающій взглядъ.

— Для чего вамъ хочется это знать? Будетъ бесполезно, если я удовлетворю ваше любопытство. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать; вы тутъ ничего не поймете, если бы я даже и рѣшился сообщить вамъ содержаніе ея, — отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко и принявъ прежнюю свою позу, продолжая читать.

Какъ будто ужаленный, отскочилъ я отъ него, успѣвъ лишь мелькомъ заглянуть въ его книгу, — она была англійская.

Передъ рождественскими праздниками профессора дѣлали репетиціи, то есть, провѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе, и согласно отвѣтамъ ставили балы, которые брались въ соображеніе потомъ и на публичномъ экзаменѣ.

Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ Лермонтову какой-то вопросъ.

Лермонтовъ началъ бойко и съ увѣренностью отвѣчать. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ; я желалъ бы, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ? Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ, того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь источниками изъ своей собственной библіотеки, снабженной всѣмъ современнымъ.

Мы всѣ переглянулись.

Подобный отвѣтъ данъ былъ и адъюнкту-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись и постарались срѣзать Лермонтова на публичныхъ экзаменахъ.

Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленныя сужденія о современныхъ интересныхъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ. Лермонтовъ иногда отрывался отъ своего чтенія, взглядывалъ на ораторствующаго, но какъ взглядывалъ! Говорившій невольно конфузился, умалялъ свой экстазъ или совсѣмъ умолкалъ. Ядовитость во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожаленія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ.

Лермонтовъ любилъ посѣщать каждый вторникъ тогдашнее великолѣпное московское благородное собраніе, блестящіе балы котораго были очаровательны. Онъ всегда былъ изысканно одѣтъ, а при встрѣчѣ съ нами дѣлалъ видъ, будто насъ не замѣчаетъ. Непохоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ университетѣ, на одномъ факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Онъ постоянно окруженъ былъ хорошенькими молодыми дамами высшаго общества, и довольно фамильярно разговаривалъ и прохаживался по заламъ съ почтенными и вліятельными лицами. Танцующимъ мы его никогда не видали.

Въ то время, о которомъ я говорю, всѣ студенты раздѣлялись на двѣ категоріи: своекоштныхъ и казеннокоштныхъ:

Казеннокоштные студенты помѣщались въ самомъ зданіи университета, въ особо отведенныхъ для нихъ нумерахъ, по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ, и были на полномъ казенномъ содержаніи, начиная съ пищи, одежды и кончая всѣми необходимыми учебными пособіями. Взамѣнъ этого, по окончаніи курса наукъ, они обязаны были отслужить правительству извѣстное число лѣтъ въ мѣстахъ имъ назначенныхъ, большею частью отдаленныхъ. Студенты юридическаго факультета казенными быть не могли. Всѣмъ студентамъ была присвоена форменная одежда, на подобіе военной: однобортный мундиръ съ фалдами темнозеленаго сукна, съ малиновымъ стоячимъ воротникомъ и двумя золотыми петлицами, трехъ-угольная шляпа и гражданская шпага безъ темляка; сюртукъ двухъ-бортный, также съ металлическими желтыми пуговицами, и фуражка темнозеленая съ малиновымъ околышкомъ. Посѣщать лекціи обязательно было не иначе, какъ въ форменныхъ сюртукахъ. Въ университетѣ, также на балахъ и въ театрахъ, дозволялось надѣвать штатское платье. Студенты вообще не любили форменной одежды и, относясь индифферентно къ этой формальности, позволяли себѣ ходить по улицамъ Москвы въ форменномъ студенческомъ сюртукѣ, съ высокимъ штатскимъ цилиндромъ на головѣ.

Администрація тогдашняго университета имѣла нѣкоторую свою особенность:

Попечитель округа, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, богатъ, аристократъ въ полномъ смыслѣ слова, былъ человекъ высокообразованный, гуманный, добраго сердца, характера мягкаго. По высокому своему положенію и громаднымъ матеріальнымъ средствамъ, онъ имѣлъ возможность дѣлать много добра, какъ для всего ученаго персонала вообще, такъ и для студентовъ (казеннокоштныхъ) въ особенности. Имя его всѣми студентами произносилось съ благоговѣніемъ и какимъ то особеннымъ, исключительнымъ уваженіемъ. Занимая и другія важныя должности въ государствѣ, онъ не зналъ, какъ бы это слѣдовало, да и не имѣлъ времени усвоить себѣ своей прямой обязанности, какъ попечителя округа, въ отношеніи всего того, что происходило въ ученой іерархіи; поэтому онъ почти всецѣло передалъ власть свою двумъ помощникамъ своимъ, графу Панину и Голохвастову. Эти люди были совершенно противоположныхъ князю качествъ. Какъ одинъ, такъ и другой, необузданные деспоты, видѣли въ каждомъ студентѣ какъ бы своего личнаго врага, считая насъ всѣхъ опасною толпою, какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго общества. Они все добивались что то сломить, искоренить, дать всѣмъ внушительную острастку.

Голохвастовъ былъ язвительнаго, надмѣннаго характера. Онъ злорадствовалъ всякому случайному, незначительному студенческому промаху и, раздувъ его до maximum'a, находилъ для себя особаго рода наслажденіе наложить на него свою кару.

Графъ Панинъ никогда не говорилъ со студентами, какъ съ людьми болѣе или менѣе образованными, что нибудь понимающими. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на какихъ-то мальчишекъ, которыхъ надобно держать непременно въ ежевыхъ рукавицахъ, повелительно кричалъ густымъ басомъ, командовалъ, грозилъ, страдалъ. И обѣимъ этимъ личностямъ была дана полная власть надъ университетомъ. За тѣмъ слѣдовали: инспектора, субъ-инспектора и цѣлый легіонъ университетскихъ солдатъ и сторожей въ синихъ сюртукахъ казеннаго сукна съ малиновыми воротниками (университетская полиція—городовые).

Городская полиція надъ студентами, какъ своекоштными, такъ и казеннокоштными, не имѣла ни какой власти, а также и правъ карать ихъ. Провинившійся студентъ отсылался полиціею къ инспектору студентовъ или въ университетское правленіе. Смотря по роду его проступка, онъ судился или инспекторомъ, или правленіемъ университета.

Инспектора казеннокоштныхъ и своекоштныхъ студентовъ, а равно и помощники ихъ (субъ-инспектора), имѣли въ императорскихъ театрахъ во время представленія казенныя бесплатныя

мѣста въ креслахъ, для наблюденія за нравственностью и поведениемъ студентовъ во время сценическихъ представленій и для огражденія правъ ихъ отъ произвольныхъ дѣйствій полиціи и другихъ враждовавшихъ противъ нихъ вѣдомствъ. Студенческой карцеръ замѣнялъ тогда нынѣшнюю полицейскую кутузку, и эта кара для студентовъ была гораздо цѣлесообразнѣе и достойнѣе.

Какъ то однажды, намъ дали знать, что графъ Панинъ неистовствуетъ въ правленіи университета. Изъ любопытства мы бросились туда. Даже Лермонтовъ молча потянулся за нами. Мы застали слѣдующую сцену: два казеннокоштные студента сидятъ одинъ противъ другаго на табуреткахъ, и два университетскихъ солдата совершаютъ надъ ними обрядъ бритья и стрижки. Графъ, атлетическаго роста, принявъ повелительную позу, грозно кричалъ:

— Вотъ такъ! Стриги еще короче! Подъ гребешокъ! Слышишь! А ты! — обращался онъ къ другому — чище брей! Не жалѣй мыла, мыль его хорошенько!

Потомъ, обратившись къ сидящимъ жертвамъ, гнѣвно сказалъ:

— Если вы у меня въ другой разъ осмѣлитесь только подумать отпустить себѣ бороды, усы и длинные волосы на головѣ, то я васъ прикажу стричь и брить на барабанѣ, въ карцеръ сажать, и затѣмъ въ солдаты отдавать. Вы вѣдь не дычки! Передайте это тамъ всѣмъ. Ну! Ступайте теперь!

Увидавъ въ эту минуту нашу толпу, онъ закричалъ:

— Вамъ что тутъ нужно? Вамъ тутъ нечего торчать! Зачѣмъ вы пожаловали сюда? Идите въ свое мѣсто!

Мы опрометью, толкая другъ друга, выбѣжали изъ правленія, проклиная Панина.

Иногда, эти ненавистныя намъ личности, Панинъ и Голохвастовъ, являлись въ аудиторію для осмотра, все ли въ порядкѣ. Объ этомъ давалось знать всегда заранѣе. Тогда начиналась бѣготня по коридорамъ. Субъ-инспектора, университетскіе солдаты, суетились, а въ аудиторіяхъ водворялась тишина.

Однообразно тянулася жизнь наша въ стѣнахъ университета. Къ девяти часамъ утра мы собирались въ нашу аудиторію слушать монотонныя, безсодержательныя лекціи безцвѣтныхъ профессоровъ нашихъ: Побѣдоносцева, Гастева, Оболенскаго, Геринга, Кубарева, Малова, Василевскаго, протоіерея Терновскаго. Въ два часа пополудни мы расходились по домамъ.

Профессора другихъ факультетовъ и высшихъ курсовъ, какъ Погорѣльскій, Перевоииковъ, Давыдовъ, Павловъ, — были тогдашнія знаменитости, а доктора Лодеръ, Мудровъ, Мухинъ, какъ искуснѣйшіе врачи, пожинали заслуженные лавры по своей части; но мы ихъ не знали, потому что медицинскій факультетъ стоялъ отъ насъ особнякомъ и мы не имѣли съ нимъ ничего общаго.

Въ старое доброе время любили повеселиться. Провѣтали все-

возможныя удовольствія: балы, собранья, маскарады, театры, цирки, званые обѣды и радушный приѣмъ во всякое время въ каждомъ домѣ. Многіе изъ насъ усердно посѣщали всѣ эти одуряющія собранія и различные кружки общества, забывая и лекціи, и премудрыхъ профессоровъ нашихъ. Наступило лѣто, а съ нимъ вмѣстѣ и роковые публичные экзамены, на которыхъ слѣдовало дать отчетъ въ познаніяхъ своихъ.

Разсѣянная свѣтская жизнь въ продолженіе года не осталась безслѣдною. Многіе изъ насъ не были подготовлены для сдачи экзаменовъ. Нравственное и догматическое богословіе, а также греческій и латинскій языки, подкосили насъ. Панинъ и Голохвостовъ, присутствуя на экзаменахъ, злорадствовали нашей неудачѣ. Послѣдствіемъ этого было то, что насъ оставили на первомъ курсѣ на другой годъ; въ этомъ числѣ былъ и студентъ Лермонтовъ.

Самолюбіе Лермонтова было уязвлено. Съ негодованіемъ покинулъ онъ московскій университетъ навсегда, отзываясь о профессорахъ, какъ о людяхъ отсталыхъ, глупыхъ, бездарныхъ, устарѣлыхъ, какъ равно и о тогдашней университетской нелѣпой администраціи. Въ послѣдствіи мы узнали, что онъ, какъ человѣкъ богатый, поступилъ на службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Послѣ неудачи меня постигшей, не желая оставаться въ университетѣ, я также подалъ прошеніе объ увольненіи меня. Два года продолжалась прежняя веселая жизнь. Наконецъ я образумился. Надобно же было на что нибудь рѣшиться. Такъ продолжать было нельзя. Да и родные стали коситься. Я рѣшился отправиться въ Казань и поступить въ тамошній университетъ, куда мнѣ дали нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ вліятельнымъ лицамъ и въ томъ числѣ къ декану юридическаго факультета, ординарному профессору Петру Сергѣевичу Сергѣеву.

III.

По приѣздѣ въ Казань, я представился и вручилъ рекомендательныя письма изъ Москвы разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, а также и профессору Сергѣеву, по ходатайству котораго я былъ принятъ въ число студентовъ казанскаго университета безъ экзамена на первый курсъ юридическаго факультета, гдѣ не читались ни греческій, ни латинскій языки.

Казанскій университетъ того времени далеко былъ не похожъ на московскій. Здѣсь все являлось въ миниатюрномъ видѣ, сравнительно съ обширными и громадными постройками московскаго университета, въ которомъ уже тогда насчитывалось болѣе тысячи слушателей, тогда какъ въ казанскомъ всего было около трехсотъ. Въ

то время состоялось уже высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ студенты имперіи обязательно носили присвоенную имъ форменную одежду какъ во время пребыванія своего въ университетѣ, такъ и внѣ его, съ окончательнымъ воспрещеніемъ одѣваться въ штатское платье какъ казеннымъ, такъ и своекоштнымъ студентамъ. Форма одежды была измѣнена: вмѣсто малиновыхъ воротниковъ, даны были свѣтлосиніе съ золотымъ приборомъ для студентовъ двухъ столичныхъ университетовъ и серебрянымъ для студентовъ губернскихъ университетовъ. Познакомившись съ студентами, я убѣдился, что и здѣсь, какъ въ Москвѣ, надъ ними тяготѣла какая-то давящая сила и угнетающая власть. Въ Казани не полагалось помощниковъ попечителя учебнаго округа, все было въ тискахъ самаго попечителя, Михаила Николаевича Мусинъ-Пушкина. Студенты предупредили меня, между прочимъ, что онъ имѣлъ слабость требовать, чтобы какъ можно чаще его титуловали: «ваше превосходительство», что слабость эта доходила даже до смѣшнаго. Они рекомендовали его, какъ человѣка, позволявшаго себѣ вмѣшиваться не въ свои дѣла, которыхъ онъ не понималъ, какъ вспыльчиваго, взбалмошнаго, не имѣвшаго терпѣнья когда либо кого нибудь выслушать, находили въ немъ много солдатскаго. Онъ иначе не относился къ студенту, какъ говоря «ты» и слѣдя, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы всѣ пуговицы и крючки на воротникахъ были постоянно застегнуты, къ чему студенты давно уже привыкли, мало впрочемъ обращая вниманія на это нелѣпое требованіе.

Дня черезъ три, послѣ начала посѣщенія мною лекцій, во время чтенія адъюнктъ-профессоромъ Фогелемъ «Теоріи правъ», дверь съ шумомъ растворилась и вошелъ Мусинъ-Пушкинъ. Студенты засуетились, стали на-скоро застегиваться, мгновенно встали съ своихъ мѣстъ, низко поклонились и, стоя, ожидали приказанія садиться.

Попечитель громко произнесъ:

— Садитесь.

Всѣ опустили на свои мѣста.

Мусинъ-Пушкинъ кивнулъ профессору:

— Продолжайте.

Профессоръ, сконфуженный, растерявшійся, не зная хорошо русскаго языка, продолжалъ читать, запинаясь.

— Какъ твоя фамилія? обратился вдругъ попечитель ко мнѣ, лорнируя меня прямо въ глаза.

Я сказалъ свою фамилію, привставъ съ своего мѣста, но забылъ прибавить: «ваше превосходительство».

— Я не помню тебя на пріемныхъ экзаменахъ. Ты не былъ тамъ? Откуда ты? спросилъ онъ меня грубо.

— Я перешелъ сюда изъ московскаго университета, отвѣтилъ я ему.

— Когда ты здѣсь держалъ экзаменъ? продолжалъ онъ.

— Я здѣсь не держалъ экзамена, я его выдержалъ въ московскомъ университетѣ, и на основаніи свидѣтельства, выданнаго изъ тамошняго совѣта, принять сюда безъ переекзаменовки.

— Какъ! Безъ переекзаменовки! Этого не можетъ быть. Ты непремѣнно долженъ снова держать здѣсь экзаменъ. Отчего ты оставилъ московскій университетъ и перешелъ именно сюда? продолжалъ онъ допытывать меня.

— По измѣнившимся обстоятельствамъ и по волѣ своей матушки, отвѣчалъ я и вернулъ слова: «ваше превосходительство», вспомнивъ наставленіе своихъ новыхъ товарищей. Но, какъ кажется, эти привлекательныя для него слова я пустилъ въ ходъ слишкомъ уже поздно.

Попечитель оставилъ аудиторію съ такимъ же шумомъ и церемоніей, съ какимъ входилъ. Онъ скорымъ шагомъ отправился въ совѣтъ узнать обо мнѣ подробнѣе, и изъявилъ свое настойчивое требованіе относительно переекзаменовки меня. Въ совѣтѣ ему положительно доложили, что этого теперь сдѣлать невозможно, такъ какъ журналъ подписанъ окончательно всѣми профессорами и перевершить его нельзя. Оставшись неудовлетвореннымъ, онъ въ душѣ возненавидѣлъ меня.

Порядки въ казанскомъ университетѣ были совершенно иные, чѣмъ въ московскомъ. По распоряженію Мусина-Пушкина, положено было за правило, что всѣ студенты безъ исключенія, какъ казенные, такъ и своекоштные, обязательно должны были каждую субботу и наканунѣ большихъ праздниковъ являться въ университетскую церковь ко всенощной и въ самый день праздника—къ обѣднѣ. Уклоняться отъ этого было невозможно, или очень трудно, потому что при входѣ у дверей церкви постоянно находился помощникъ инспектора съ двумя университетскими солдатами, имѣя въ рукахъ именной списокъ всѣмъ студентамъ. Онъ дѣлалъ отмѣтки о неявившихся, да притомъ и самъ попечитель, не пропуская никогда ни одной всенощной и обѣдни, зорко слѣдилъ за уклоняющимися отъ этого принудительнаго распоряженія. Неявившихся иногда въ церковь брали на худое замѣчаніе и подвергали взысканію. Изъ казенныхъ студентовъ былъ сформированъ хоръ, который стройно пѣлъ на правомъ клиросѣ. Во время службы церковью дѣлилась на двѣ половины: на лѣвой сторонѣ въ порядкѣ становились студенты, во главѣ которыхъ былъ самъ попечитель съ инспекторомъ. Профессора помѣщались поодаль, сбоку, за колоннами. На право сгруппировывались постороннія лица и дамы, большею частью изъ высшаго общества.

Въ воскресные и праздничные дни студенты обязаны были ходить въ мундирахъ, трехугольныхъ шляпахъ, при шпагахъ. Кто этого неисполнялъ, того сажали въ карцеръ на сутки или двое,

смотря потому, какъ часто повторялось неисполненіе этого обязательства провинившимся. Борода, усы, бакенбарды и длинные волосы на головѣ преслѣдовались безпощадно.

Всѣ эти строгости и притязанія поражали cadaго, въ особенности вновь прибывшаго свѣжаго человѣка. Я вспомнилъ тогда Панина и Голохвастова и не зналъ которому изъ троихъ отдать пальму первенства.

Купивъ себѣ лошадей и экипажъ, я началъ посѣщать общество, собранье, театръ.

Иногда сталкивался я съ Мусинымъ-Пушкинымъ въ домѣ князя Баратаева. Но онъ не любилъ этого и по обыкновенію всегда надмѣнно обращался какъ со мной, такъ и со всѣми другими студентами, обдавая cadaго своимъ покровительственнымъ и начальническимъ взглядомъ.

Были со мной и такіе случаи, что, ѣхавъ по городу довольно скоро, я иногда обгонялъ попечителя. Это видимо ему не нравилось, и когда я ему кланялся, то онъ, нахмурившись, едва удостоивалъ кивнуть мнѣ головой. Чувалъ я, что не миновать мнѣ бѣды.

Между тѣмъ время летѣло. Подошли и публичные экзамены. Попечитель присутствовалъ каждый день на всѣхъ экзаменахъ, переходя отъ одного стола къ другому и задавая иногда самъ нѣкоторые вопросы.

Онъ видимо ко мнѣ придирался, вслѣдствіе чего, не выдержавъ экзамена по многимъ предметамъ, я остался опять на первомъ курсѣ.

Профессора, преподаватели перваго курса юридическаго факультета, были замѣчательные оригиналы. Изъ нихъ, напримѣръ, адъюнктъ-профессоръ Хламовъ читалъ логику по Кизеветтеру, а также и психологію. Онъ никогда не садился на кафедру, а имѣлъ обыкновеніе цѣлый часъ расхаживать по аудиторіи большими шагами, держа книгу въ рукахъ и размахивая ею. Онъ читалъ ее вслухъ для себя, часто бормоча что-то, не обращая никакого вниманія на слушателей, какъ будто въ аудиторіи ни кого и не было и никому нѣтъ надобности его слушать. Любимыя и частыя изрѣченія его были: «Всѣ люди смертны, Кай есть человѣкъ», слѣдовательно, Кай смертенъ»; или: «Когда идетъ дождь, то бываетъ влажно, теперь идетъ дождь, слѣдовательно, теперь влажно». Но находились студенты, которые, желая его побѣсить, утверждали, что Кай безсмертенъ. Хламовъ сердился и краснѣлъ, какъ ракъ.

Лекторъ Лукашевскій, читавшій римское право, былъ исключенъ изъ вилenskaго университета и состоялъ подъ надзоромъ полиціи по польскому возстанію въ 1830 году. Онъ ненавидѣлъ Россію и помѣшанъ былъ на Юстиніанѣ. Со студентами обращался ласково, вкрадчиво, ставя всегда всѣмъ безъ различія хорошія отмѣтки. Попечителя презиралъ за его дерзость и деспотизмъ, по-

нимая, что и мы раздѣляемъ его взглядъ. Попечитель въ свою очередь ненавидѣлъ Лукашевскаго, часто распекалъ его и грозилъ, что рано или поздно онъ непременно сошлетъ его куда нибудь подальше.

Разъ какъ-то Лукашевскій, выходя послѣ своей лекціи изъ университета, увидѣлъ стоящій по обыкновенію у подъѣзда экипажъ попечителя.

— Чей это, братецъ, экипажъ? спросилъ онъ кучера.

Кучеръ, подложивъ возжи подъ себя и сложивъ руки крестъ-на-крестъ, посмотрѣлъ надменно и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ на Лукашевскаго.

Лукашевскій повторилъ свой вопросъ.

Тогда кучеръ грубо отвѣтилъ:

— Развѣ вы не знаете, что экипажъ этотъ попечителя казанскаго учебнаго округа Михаила Николаевича Мусина-Пушкина.

— Твой баринъ генераль?

— Разумѣется, генераль, и это вамъ тоже должно быть извѣстно, отвѣтилъ кучеръ.

— Ты учился грамотѣ?

— Нѣтъ, не учился.

— Поучись, братецъ, то и ты будешь такимъ же генераломъ, какъ твой баринъ, сказалъ Лукашевскій и пошелъ себѣ своей дорогой, опираясь на толстую суковатую свою палку.

Когда попечитель вышелъ изъ университета и сталъ садиться въ свой экипажъ, кучеръ разсказалъ ему разговоръ, который онъ имѣлъ съ Лукашевскимъ.

На другой день Лукашевскаго потребовали къ попечителю. Онъ кричалъ на него, грозилъ посадить въ карцеръ, отправить въ ссылку.

Когда Лукашевскій на другой день по обыкновенію читалъ намъ свой «Codex juris civiles Romanis», то, обращаясь къ намъ съ своей сардонической улыбкой, сказалъ:

— Ну, господа, то досталась же мнѣ вчера отъ нашего умнаго генерала. То я правду сказалъ, чтобы кучеръ его учился, то и онъ будетъ такой же генераль, какъ и его баринъ; а нашъ дурень-то и обидѣлся, да якъ еще обидѣлся? — и при этомъ онъ лукаво улыбался.

Мы всѣ разсмѣялись.

Другой профессоръ, Фогель, плохо зная по русски, говорилъ: «Паслюшайте» вмѣсто «послушайте», «фозвратный человекъ» вмѣсто «развратный человекъ», «обжирное государство» вмѣсто «обширное государство» и проч. Онъ пилъ очень много водки и пива, поэтому и являлся на лекціи красный, съ сверкающими глазами. Носъ у него всегда былъ запачканъ нюхательнымъ табакомъ.

Архимандритъ Зилантьева монастыря, Гавріилъ, читалъ намъ

исторію ветхаго завѣта. Онъ имѣлъ обыкновеніе не читать, а разговаривать, и иногда, уходя изъ аудиторіи, уговаривалъ насъ не выносить сора изъ избы. Во время экзаменовъ, на билетахъ онъ дѣлалъ помѣтки такъ, чтобы каждый студентъ зналъ мѣтку своего билета, на который онъ и долженъ былъ вызубрить свой отвѣтъ заранее. Предметъ этотъ обязаны были слушать студенты всѣхъ факультетовъ. Гавріила всѣ мы очень любили. Увѣряли, что онъ будто бы былъ когда-то лихимъ гусарскимъ полковникомъ, а потомъ постригся въ монахи.

Лѣтомъ, жители большею частью разѣзжались изъ Казани по деревнямъ, городъ пустѣлъ и становился скученъ. Но мнѣ было не до скуки. Я былъ влюбленъ первою, молодою, страстною любовью. Я полюбилъ молодую дѣвушку, воспитанницу хозяйки дома, въ которомъ проживалъ. Отношенія наши были замѣчены и Сашу заперли. Я долженъ былъ переѣхать на другую квартиру. Препятствія еще болѣе усилили нашу любовь, и безъ того безумную. Мы нашли средство переговариваться и кончились переговоры тѣмъ, что, въ одну темную ночь, я перенесъ Сашу черезъ заборъ изъ сада и черезъ ровъ, къ себѣ на квартиру.

Сначала все оставалось въ тайнѣ. Въ упоеніи мы и не замѣтили какъ промчались два мѣсяца. Вдвоемъ, по вечерамъ, мы катались по городу и окрестностямъ, совершали прогулки по Волгѣ и ни съ кѣмъ не дѣлились нашимъ счастьемъ...

Но вотъ каникулы кончились. Всѣ съѣхались. Начались лекціи. Мусинъ-Пушкинъ возвратился.

Какъ-то разъ, встрѣтясь со мной въ корридорѣ, онъ закричалъ, напустившись на меня:

— Я все знаю. Ты соблазняешь и похищаешь дѣвушекъ, скачешь по всему городу въ фазтонѣ. Кончится тѣмъ, что я тебя выгоню вонъ изъ университета.

Слова эти меня ошеломили. Возвратившись съ лекцій домой, я былъ печаленъ и задумчивъ, но отъ Саши скрылъ истину.

На другой день, около часу дня, на дворъ ко мнѣ вѣхала колымага, запряженная парю невзрачныхъ лошадей. Довольно пожилая женщина вышла изъ нее. Разспросивъ моего кучера, она направилась прямо къ моему крыльцу. Не понимая, кто бы это могъ быть, я пошелъ въ переднюю и отворялъ самъ ей дверь.

— Вы господинъ Вистепгофъ? спросила она меня, снимая свой салопъ и вѣшая его на гвоздь.

— Я самый.

Она вошла въ гостиную.

— Моя фамилія Г..... я крестная мать проживающей у васъ незаконно дѣвушки Саши. Я пріѣхала нарочно за ней изъ Цивильска, чтобы, во чтобы-то ни стало, взять ее отъ васъ и увести съ собой, куда она еще не окончательно погибла.

— Извините, я васъ не знаю. Кто вы такая? Кто далъ вамъ право такъ безцеремонно вторгаться въ мою квартиру? отвѣчалъ я.

— И не мудрено, что вы меня не знаете, я въ Казани очень давно не была. Да вамъ и не нужно меня знать. Госпожа К..... у которой вы похитили Сашу, можетъ засвидѣтельствовать мои отношенія къ дѣвушкѣ и права на нее.

Какъ видно, К..... не дремала, и тутъ только я вспомнилъ, что Саша какъ-то разъ говорила мнѣ о своей крестной матери, бездѣтной чиновницѣ, которой, послѣ смерти своей родной матери, она была отдана въ полное распоряженіе до ея замужества, и ею была отдана на воспитаніе къ К.....

Когда Саша вышла, старуха бросилась къ ней на шею и, заливаясь слезами, сжимала ее въ своихъ объятіяхъ.

Саша, блѣдная, молчала.

— Вы должны непременно отдать мнѣ ее по чести, иначе я заявлю и заведу дѣло. Вы вѣдь студентъ, а студентамъ по закону жениться воспрещено, если же такъ все будетъ продолжаться, то она погибнетъ безвозвратно. У насъ въ Цивильскѣ для нее есть хорошій женихъ, я искуплю ея честь; хорошо, что во время мнѣ дали еще знать.

Саша попробовала было возражать, плакать, умолять оставить ее у меня, но старуха осталась непреклонною, и приходя все болѣе и болѣе въ раздраженіе, она стала страдать заключеніемъ обоихъ насъ въ монастырь, жалобой преосвященному владыкѣ, попечителю округа, грозила поднять на ноги полицію и въ заключеніе объявила о своемъ желаніи остаться съ Сашей наединѣ.

Я вышелъ.

Возвратившись поздно вечеромъ, я узналъ, что Саша рѣшилась уѣхать. Содержаніе разговора ея съ крестной матерью осталось мнѣ неизвѣстнымъ.

Когда Саша уѣхала, я бросился въ свою комнату и заперся на ключъ. Квартира моя теперь сдѣлалась мнѣ противна. Не долго думая, я продалъ свой экипажъ, лошадей, всю обстановку, и перешелъ жить на полное иждивеніе къ профессору Фогелю, постоянно содержавшему у себя студентовъ-нахлѣбниковъ за довольно значительную плату. Онъ, разумѣется, всегда поддерживалъ ихъ на экзаменахъ и, при переходѣ изъ одного курса въ другой, ходатайствовалъ за нихъ и у другихъ профессоровъ. Я пересталъ выѣзжать въ свѣтъ и проводилъ время у себя дома, въ своемъ товарищескомъ студенческомъ кружкѣ.

Отъ попечителя не укрылось мое переселеніе къ профессору Фогелю и новая замкнутая жизнь моя.

По прошествіи нѣкотораго времени, Мусинъ-Пушкинъ встрѣтилъ меня при выходѣ изъ университета. Я поклонился ему. Онъ остановилъ меня и сказалъ довольно мягко:

— Ну, вотъ! давно бы такъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что переѣхалъ на жительство къ профессору Фогелю и перемѣнилъ образъ своей сѣмязбродной жизни; теперь я попробую смотрѣть на тебя другими глазами.

Весь годъ я занимался и много читалъ. Свободное время дѣлилъ съ товарищами, совершенно отсталъ отъ свѣта и меня даже къ нему не тянуло. Безъ всякихъ затрудненій я былъ переведенъ на второй курсъ.

Въ первыхъ числахъ сентября мѣсяца 1836 года, было объявлено о пріѣздѣ въ Казань императора Николая Павловича. Государь никогда не былъ въ Казани и потому этотъ пріѣздъ, какъ первый въ его царствованіе, составлялъ нѣкотораго рода эпоху для губернскаго города. Приготовленія были большія. Особенно интересовались пріѣздомъ царя разные инородцы, входящіе въ составъ осѣдлыхъ жителей Казанской губерніи, какъ-то: чуваша, черемисы, татары, мордва и др. Изъ среды инородческихъ сельскихъ обществъ были выбраны по распоряженію администраціи пары и привезены заранѣе въ Казань; въ каждой парѣ былъ молодой человѣкъ восемнадцати лѣтъ и дѣвушка шестнадцати лѣтъ, обладавшіе самыми красивыми и типичными наружностями. Они были помѣщены въ особое, отведенное для нихъ зданіе. Ихъ превосходно кормили, чисто содержали и одѣли въ щегольскіе національные костюмы. По городу постоянно раздавался гулъ и грохотъ большихъ фургоновъ, запряженныхъ шестериками, съ форрейторами впереди. Въ фургонахъ этихъ сидѣли почталыоны и ямщики съ бляхами на шапкахъ. Вечеромъ, проѣздки эти окружались верховыми ямщиками съ зажженными факелами въ рукахъ; ямщики скакали у самыхъ глазъ лошадей, которые такимъ образомъ освѣжались и приучались заблаговременно подъ экипажи государя и его свиты. Масса безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ всѣхъ родовъ оружія были собраны въ городъ. За нѣсколько дней до пріѣзда государя, всѣ присутственныя мѣста и учебныя заведенія сами собой закрылись. Все готовилось къ чему то необыкновенному. Всѣ чистились, освѣжали свою одежду, исправляли свои заржавленные шпаженки и помятыя треуголки. Дамы не выходили изъ магазиновъ. Портные и портнихи были завалены работой. Жители всѣхъ сословій толпами сновали по главнымъ улицамъ.

Въ университетѣ царилъ суматоха. Все приводилось снаружи въ блестящее, показное состояніе.

Въ числѣ двѣнадцати студентовъ, выбранныхъ самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ, былъ и я назначенъ на балъ, даваемый дворянами въ домѣ благороднаго собранія въ честь пріѣзда государя.

Наканунѣ пріѣзда государя, попечитель сдѣлалъ распоряженіе собрать какъ всѣхъ профессоровъ, такъ и студентовъ, въ публичную актовую залу университета. Профессора размѣстились въ одну

шеренгу по правую сторону залы, студенты въ три шеренги, по факультетамъ и курсамъ, по лѣвую. Когда все было готово и всѣ стали по мѣстамъ, дали знать попечителю. Войдя въ залу онъ сказалъ:

— Господа! Я пригласилъ васъ всѣхъ сюда для того, чтобы прорепетировать тотъ пріемъ и порядокъ, который мы обязаны соблюсти при встрѣчѣ въ стѣнахъ этихъ такого дорагаго гостя для всѣхъ насъ, какъ государь императоръ. Мы встрѣтимъ его со всѣми подобающими почестями и должны угодить ему во всѣхъ отношеніяхъ. Васъ господа (обращаясь къ профессорамъ) вѣроятно государь императоръ удостоитъ своимъ словомъ; будьте готовы къ положительному и основательному отвѣту. А вамъ господа (обратившись къ студентамъ) рекомендую на первое его величества пріѣздитіе отвѣтить: «Здравія желаемъ, ваше императорское величество!» Слышите, господа, что я вамъ говорю?

— Слушаемъ, ваше превосходительство, глухо отвѣтили мы.

— Ну, вотъ я сейчасъ уйду изъ залы и потомъ опять возвращусь къ вамъ и поздороваюсь. Вы вообразите, что это входитъ теперь уже самъ государь.

Онъ быстро вышелъ изъ залы и сейчасъ же возвратился.

— Здравствуйте господа! громко сказалъ онъ.

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! какъ то не въ тактъ и не ловко отвѣтили мы.

— Повторите еще разъ господа, продолжалъ Мусинъ-Пушкинъ. Мы повторили.

— Ну, вотъ такъ! Прекрасно! Ласково отозвался онъ.

Насъ распустили.

Наконецъ, наступилъ, съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ и давно всѣми ожидаемый, день 2-го сентября 1836 года, день незабвенный для жителей города Казани.

Прибытіе государя ожидали къ 11 часамъ дня. Фельдъегери летали, какъ птицы, одинъ вслѣдъ за другимъ. Народъ сплотившись, массою хлынулъ на встрѣчу царю.

Профессора и студенты собрались въ публичную залу къ 10 часамъ утра.

Какъ на профессорахъ, такъ и на студентахъ, блестѣли новые мундиры. На хорахъ помѣстились дамы высшаго круга и семейства профессоровъ.

Наконецъ, къ 12 часамъ дня на улицѣ раздался потрясающій крикъ народа: «ура!» слившійся въ одинъ непрерывный гулъ, государь подъѣзжалъ къ университету.

Мусинъ-Пушкинъ встрѣтилъ его величество у подъѣзда.

Государь вступилъ величественно въ залу. За нимъ слѣдовала многочисленная и блестящая свита, въ числѣ которой находились генералъ-адъютанты: графъ Строгановъ, графъ Перовскій, князь

Чернышевъ, графъ Бенкендорфъ, графъ Адлербергъ, князь Волконскій. Государь былъ въ кавалергардскомъ вицъ-мундирѣ и держалъ въ лѣвой рукѣ трехугольную шляпу съ длинными бѣлыми пѣтушиными перьями. Впереди почтительно шелъ Мусинъ-Пушкинъ, указывая путь. Государь слегка поклонился профессорамъ. Попечитель началъ представлять каждого изъ нихъ по очереди, называя фамилію и предметъ преподаванія. Нѣкоторыхъ государь удостоивалъ краткими вопросами и съ особенною любезностью обратился къ профессору восточныхъ языковъ, персіянину Казембеку. Потомъ, быстро повернувшись къ намъ, съ высока окинулъ насъ своимъ холоднымъ взглядомъ и громко произнесъ:

— Здравствуйте господа!

— Здравія желаемъ, ваше императорское величество! громко и дружно отвѣтили мы, не хуже какого-нибудь батальона солдатъ.

На лицѣ государя выразилось удовольствіе, онъ ласково взглянулъ на Мусинъ-Пушкина и приказалъ вызвать впередъ студентовъ послѣднихъ курсовъ всѣхъ факультетовъ. Осмотрѣвъ ихъ и спрося у нѣкоторыхъ фамиліи, онъ спрашивалъ другихъ, куда они намѣрены поступить на службу послѣ окончанія курса?

Отвѣты даны были удовлетворительные.

Покончивъ съ этимъ, онъ отправился осматривать университетъ до мельчайшихъ подробностей, посѣтилъ библіотеку, химическую лабораторію, клинику, помѣщеніе казенныхъ студентовъ, обсерваторію, университетскую кухню.

Мы хотѣли слѣдовать за государемъ, но насъ до этого не допустили, а отправили всѣхъ по домамъ, съ подтвержденіемъ не шататься по городу и въ особенности толпами. Казенныхъ отослали по своимъ комнатамъ.

На другой день, въ десятомъ часу вечера, мы отправились на балъ, даваемый дворянами.

При обстановкѣ, полной блеска, это торжественное ожиданье какъ будто предвѣщало что-то необыкновенное. На всѣхъ лицахъ видѣлся отпечатокъ какой-то самодовольной заботы. Дочери дворянъ всей губерніи и высокопоставленныхъ лицъ, одѣтыя въ бѣлыя воздушныя платья, стояли въ обширной бальной залѣ отдѣльно, образуя полукругъ, для встрѣчи и привѣтствія государя до начала танцевъ.

Ровно въ 10 часовъ, государь вошелъ въ бальную залу, подъ руку съ женой губернскаго предводителя дворянства, которая встрѣтила его величество вмѣстѣ съ другими почетными дамами при входѣ его въ переднія комнаты. Музыка грянула польскій. Государь былъ окруженъ своей свитой. Онъ привѣтливо и любезно обращался къ окружающимъ. Мусинъ-Пушкинъ былъ въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, часто подходилъ къ намъ, упрямивая насъ,

чтобы мы какъ можно больше танцовали. Онъ ласково поощрялъ насъ, прибавляя, что государь очень доволенъ нами — доволенъ нашимъ умѣньемъ держать себя въ обществѣ. Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Въ двѣнадцать часовъ ночи, государь оставилъ залу собранья. Сдѣлано было предварительное распоряженіе, чтобы почтовые лошади заранѣе были заложены въ дорожные экипажи назначенныхъ нумеровъ, и государь прямо съ бала отправился по тракту на Тамбовъ.

По отъѣздѣ государя, танцы продолжались самые оживленные.

Въ половинѣ третьяго часа, въ залѣ внезапно произошло движеніе. Музыка на хорахъ смолкла. Мы сидѣли на мѣстахъ, не понимая, что все это означало. Но вотъ въ залу быстро входитъ фельдъегерь, весь забрызганный свѣжей грязью, держа въ рукѣ запечатанный конвертъ большого формата. Впереди его шелъ полиціймейстеръ, направляясь прямо черезъ залу къ Мусину-Пушкину, который въ это время стоялъ около того мѣста, гдѣ я сидѣлъ съ своей дамой. Полиціймейстеръ указалъ фельдъегерю попечителя. Онъ прямо подошелъ къ нему и вручилъ пакетъ, прибавивъ, что посланъ къ генералу отъ государя прямо на этотъ балъ съ первой почтовой станціи отъ Казани. Попечитель радостно смутился. Дрожащими отъ волненія руками распечатываетъ онъ конвертъ, и звѣзда ордена св. Владиміра 2-й степени скользнула изъ конверта и упалъ къ ногамъ его на паркетъ. Совершенно инстинктивно я бросился поднять ее и подалъ попечителю. Мусинъ-Пушкинъ пожалъ мнѣ руку и взволнованнымъ голосомъ произнесъ:

— Эту высокую награду я получилъ за васъ господа.

Затѣмъ, вынувъ изъ своего бумажника сторублевую ассигнацію, онъ вручилъ ее фельдъегерю. Тотъ повернулся и скрылся.

Музыка грянула тушъ. Всѣ бросились поздравлять Михаила Николаевича съ высокой наградой и такимъ отличительнымъ къ нему вниманіемъ государя императора. Коротко знакомыя ему дамы начали прилаживать къ его фракку вновь пожалованную звѣзду. Мазурка возобновилась съ большимъ оживленіемъ.

На другой день, къ двѣнадцати часамъ дня, весь городъ посѣпшилъ поздравить счастливица съ высочайшей наградой: военные чиновники, университетъ, купцы. Мусинъ-Пушкинъ принялъ насъ особенно ласково, повторилъ опять сказанное имъ на балѣ вчера, что онъ получилъ эту лестную для него награду именно за всѣхъ насъ студентовъ, сердечно благодарилъ, что мы оправдали его неусыпныя о насъ заботы, клонящіяся единственно къ нашей пользѣ и что мы осуществили его задушевные надежды; въ заключеніе онъ ласково пригласилъ насъ на завтра къ себѣ на званый балъ.

Безъ особенныхъ трудовъ, перешелъ я въ этомъ году на третій курсъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1837 года, посѣтилъ городъ Казань наслѣдникъ престола, цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Ему тогда было всего восемнадцать лѣтъ отъ роду. Онъ былъ въ чинѣ гвардейскаго капитана. Въ качествѣ воспитателей при немъ состояли: генералъ-адъютантъ Кавелинъ и извѣстный нашъ поэтъ Жуковский. Въ свитѣ его находились гвардейскіе капитаны: графъ Адлербергъ 2-й, Паткуль, Вьельегорскій и князь Барятинскій. Какъ наслѣдникъ престола, такъ и эта молодая свита его, были во все время пребыванія своего въ Казани въ мундирахъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.

Приготовленія къ пріѣзду и приему его высочества, посѣщеніе университета, балъ данный дворянами, смотръ собранныхъ безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ — все было совершенно тождественно съ прошлогоднимъ пребываніемъ въ Казани августѣйшаго родителя его, съ тою лишь только разницею, что Мусинъ-Пушкинъ не получилъ новой награды, а пріѣздъ цесаревича въ Казань ознаменовался тѣмъ, что многіе политическіе преступники-декабристы, по ходатайству его высочества, получили облегченіе своей участи. Мы видѣли, какъ потомъ проѣзжали они изъ Сибири черезъ Казань.

Въ 1839 году, во время нахожденія моего на послѣднемъ курсѣ во второмъ полугодіи, случилось слѣдующее грустное происшествіе:

Студентъ дерптскаго университета, графъ Сологубъ, по какимъ то дѣламъ, пріѣзжалъ на короткое время въ Казань. Онъ познакомился съ многими изъ нашихъ студентовъ и обучилъ ихъ нѣкоторымъ обычаямъ студентовъ дерптскаго университета. Особенно увлекательно рассказывалъ онъ про обыкновеніе, послѣ студенческихъ оргій и попойекъ, ходить ночью по улицамъ и бить стекла въ зажженныхъ уличныхъ фонаряхъ. Это приглянулось нашимъ студентамъ и вошло въ моду.

Какъ старшіе, мы образовали свой особый студенческий кружокъ, на которомъ, собиравсь, толковали о разныхъ современныхъ вопросахъ, о профессорахъ, о методѣ ихъ преподаванія, о предстоящемъ каждому изъ насъ служебномъ поприщѣ и тому подобное. Не рѣдко собирались и у меня. Эти сборища были въ родѣ маленькихъ митинговъ и кончались всегда попойкой, болѣе или менѣе ощутительной для головы. Употреблялся болѣе всего тогдашній любимый студенческий напитокъ ратафія или крамбамбули, а иногда и цимлянское донское вино. Вотъ послѣ этихъ то возліяній и отправились мы шататься ночью по городу, грома и разнося ни въ чемъ неповинныя стекла уличныхъ фонарей.

Разъ какъ то, на четвертой недѣли великаго поста, студентъ словеснаго факультета Петръ Аристовъ, часовъ въ двѣнадцать дня, пригласилъ нѣсколькихъ студентовъ къ себѣ на завтракъ по случаю дня своего рожденія. Аристовъ былъ человѣкъ богатый, ок-

рестный помѣщикъ, слѣдовательно у него всего было въ изобиліи, а винъ въ особенности.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ попойки, я уже начиналъ терять сознаніе, такъ какъ былъ слабѣе другихъ, и хотѣлъ уѣхать домой, но хозяинъ не пускалъ и настоятельно требовалъ, чтобы я непременно выпилъ съ нимъ стаканъ ратафіи. Товарищи пристали тоже. Я выпилъ. Послѣ того ничего уже не помнилъ...

Когда на другой день я проснулся въ десять часовъ утра, человекъ доложилъ мнѣ, что попечитель два раза присылалъ за мной. Между тѣмъ, отъ жившихъ со мной товарищей я узналъ слѣдующее: увидя, что я свалился со стула, на которомъ сидѣлъ, студенты порѣшили отправить меня домой и сдать на руки моему слугѣ Купріяну. Былъ приведенъ извозчикъ, замѣченъ его номеръ. Меня положили въ низъ саней, какъ какую нибудь вещь, задержали полойкою, чтобы не видно было лица и строго приказали извозчику вести меня ко мнѣ на квартиру. Извозчикъ добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе. Грѣшное тѣло мое Купріянъ, вмѣстѣ съ извозчикомъ, вытащилъ изъ саней и уложилъ спать.

Покончивъ со мной, оставшіеся у Аристова на квартирѣ студенты выпили еще ратафіи и потомъ, надѣвъ шинели въ рукава, пошли съ шумомъ и гамомъ по городу, ведя между собой пустой, безсодержательный разговоръ. Былъ уже пятый часъ вечера, когда они поднимались на Воскресенскую гору со стороны Чернаго озера, прямо къ церкви Воскресенія, гдѣ въ это самое время служилась вечерня. Было много говѣльщиковъ, въ томъ числѣ и чины пожарной команды полицейскаго дома, находившагося противъ самой церкви.

Студентамъ неожиданно бросился въ глаза яркій свѣтъ отъ горѣвшихъ въ алтарѣ свѣчей. Съ пьяну, когда въ глазахъ все двоится и представляется въ превратномъ видѣ, принявъ свѣтъ этотъ за фонарный, не разсуждая о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій, одинъ изъ нихъ подымаетъ валявшійся на улицѣ камень и кидаетъ его прямо въ окно алтаря, направляя въ самую точку огня. Стекло мгновенно со звономъ и трескомъ было выбито и самый камень, уже на излетѣ, попадаетъ въ священника, читавшаго въ алтарѣ молитву.

Предоставляю судить каждому о положеніи пастыря и всѣхъ прихожанъ, наполнявшихъ церковь въ этотъ моментъ...

Священникъ прекратилъ службу и, обратившись къ предстоящему народу, произнесъ:

— Православные! вотъ до какихъ тяжкихъ дней дожили мы Заблудшіе люди посягаютъ на храмъ божій, на святыню!

Толпа загудѣла. Всѣ бросились изъ церкви толкаясь и тѣсни другъ друга.

Злополучные студенты, спохватившись въ необдуманности своего поступка, хотѣли спастись бѣгствомъ, но это имъ не удалось. Полицейскіе солдаты, во главѣ разъяренной толпы, бросились на студентовъ, которые, при видѣ ихъ и вообще ненависти полицію, рѣшились на самооборону. Началась свалка. Бой былъ не ровень и кончился тѣмъ, что ихъ всѣхъ скрутили принесенными изъ полиціи веревками и отволокли въ университетъ—тутъ же на противъ—прямо къ инспектору студентовъ, полковнику Геркену. Они были немедленно посажены въ карцеръ подъ самый строгій надзоръ.

Одѣвшись на скоро, я отправился къ попечителю.

Обо мнѣ доложили.

Онъ потребовалъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

Вхожу и кланяюсь.

— Здравствуй, Вистенгофъ! Скажи пожалуйста, ты былъ вчера у Аристова на завтракъ? какимъ образомъ случилось, что ты не попалъ въ эту скверную исторію? Говори всю правду, какъ честный человѣкъ, я тебѣ вѣрю.

— Ваше превосходительство! Кутить и пить лишнее—дурное дѣло. Но на этотъ разъ случилось, что одинъ выпитый лишній стаканъ выручаетъ меня. Отъ этого стакана я сдѣлался безъ чувствъ, меня отвезли домой и уложили спать. Если бы не это, то болѣе, нежели вѣроятно, что я не отсталъ бы отъ своихъ товарищей и теперь сидѣлъ бы въ заточеніи вмѣстѣ съ ними. Говорю вамъ истину.

— Одинъ еще вопросъ: не происходило ли у васъ тамъ, во время попойки, какихъ нибудь разговоровъ про правительство? не осуждались ли его дѣйствія? не говорили ли что нибудь про государя? а? добавилъ онъ въ полголоса, робко.

— Ничего подобнаго при мнѣ не было, ваше превосходительство! Мы мечтали и строили воздушные замки относительно будущей, предстоящей каждому изъ насъ служебной дѣятельности. Пѣли самыя обыкновенныя, дозволенныя пѣсни. Въ этомъ даю вамъ честное, благородное слово.

— Ты спасенъ. Иди себѣ. Я радуюсь за тебя, сказалъ онъ мнѣ, кивнувъ головой.

Съ быстротой плачевная исторія эта разнеслась по всей Казани съ обычными въ подобныхъ случаяхъ варіаціями и искаженіями.

Какъ о происшествіи чрезвычайномъ, попечитель объ этомъ донесъ министру народнаго просвѣщенія, губернаторъ Стрекаловъ—министру внутреннѣхъ дѣлъ, архіерей—синоду; начальникъ жандармскаго управленія—шефу жандармовъ; губернской стряпчій—министру юстиціи. И вотъ эстафеты полетѣли въ Петербургъ. Каждое вѣдомство отдѣльно торопилось донести своему непосредственному начальству о случившейся катастрофѣ.

Я получилъ разрѣшеніе инспектора студентовъ повидаться съ заключенными. Они были очень довольны меня видѣть, ни мало на меня не сѣтовали и не завидовали моему случайному избавленію. Ихъ содержали очень строго. При встрѣчѣ съ ними, послѣ того злополучнаго дня, теперь, въ первый разъ, сердце мое мучительно жалось. Взоры ихъ какъ то потускнѣли, лица осунулись. Впереди предстояла безотрадная, разбитая жизнь. Между ними находились умные, образованные, даровитые люди.

Отвѣтъ изъ Петербурга не замедлилъ. Согласно быстро произведенному слѣдствію, Мусину-Пушкину предоставлено было привести въ исполненіе, по своимъ соображеніямъ, опредѣленіе министра народнаго просвѣщенія. Кончилось тѣмъ, что двое были отданы въ солдаты, какъ главные зачинщики беспорядка, остальные исключены изъ университета съ воспрещеніемъ поступать въ другіе.

IV.

Наконецъ, наступилъ давно желанный для меня день—я окончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ. Мы отпраздновали этотъ день общимъ по подпискѣ обѣдомъ, трогательно распрощались и разѣхались по разнымъ мѣстамъ обширнаго отечества нашего.

Я явился проститься съ Мусинымъ-Пушкинымъ.

Онъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ:

— Я вамъ всѣмъ желалъ отъ всей души одного лишь добра. Не упрекайте меня въ излишней строгости и педантизмѣ. Я зналъ, что дѣлалъ. Я исполнялъ свой долгъ. Вы вспомните меня не разъ на поприщѣ вашей службы и скажете, что я былъ правъ. Отъ души желаю тебѣ, другъ мой, всего хорошаго въ жизни. Служи вѣрно и будь честнымъ офицеромъ, и не забудь, что у тебя есть на свѣтѣ человекъ, который въ крайности и нуждѣ твоей, всегда готовъ будетъ помочь тебѣ; этотъ человекъ—я!

Распростившись съ друзьями, я сѣлъ на перекладную и, счастливый и довольный, поскакалъ въ Москву.

Подѣзжая къ почтовой станціи города Свияжска, я издала еще увидалъ стоящихъ около нея до десяти запряженныхъ почтовыхъ троекъ. Голубые жандармскіе мундиры сновали около нихъ. Что означаетъ это? подумалъ я.

Вхожу на станцію. У наружныхъ дверей стоятъ жандармъ-часовой.

Глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина:

Человекъ восемь молодыхъ людей, сидѣли за общимъ столомъ, какъ видно, только что окончивъ свой завтракъ. На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ винограднаго вина. Я замѣтилъ, что у одного изъ нихъ, который былъ моложе всѣхъ, ноги были закованы въ

желѣзныя цѣпи. Жандармы суетились, убирали и торопливо до одали остатки яствъ. Тутъ же поодаль, въ сторонѣ, сидѣлъ молча, покуривая изъ короткаго черешневаго чубука, жандармскій офицеръ. Станціонный смотритель, подошелъ ко мнѣ съ озабоченнымъ видомъ, съ лоснящимся отъ пота лицомъ, и, указывая на группу, отрывисто сказалъ.

— Видите что? Лошадей нѣтъ, вамъ придется подождать возвращенья обратныхъ на станцію, и когда ихъ выкормятъ, тогда вы поѣдете,

— Да, вижу. Дѣлать нечего, отвѣчалъ я, отдавая ему свою дорожную, и сѣлъ на диванъ.

Вся компанія осмотрѣла меня и, увидавъ по одеждѣ, что я студентъ, одинъ изъ нихъ обратился ко мнѣ:

— Probablement, monsieur, vous êtes étudiant de l'université de Kazan? Pour ou partez vous?

— Oui, monsieur, vous avez raison. Je viens de finir mes études justement là et je pars maintenant pour Moscou, je vais voir ma mère, отвѣчалъ я.

— Господа! я не позволяю вамъ говорить по французски, я не понимаю этого языка. Если хотите, то можете говорить по русски, возвыся голосъ, отчеканилъ жандармскій офицеръ.

Мы переглянулись.

Чего добраго, подумалъ я, и меня еще посадятъ на тройку съ жандармомъ да и умчатъ.

— Вы счастливы, вы окончили курсъ свой въ университетѣ, вы ѣдете къ себѣ домой, къ роднымъ, а я ѣду также оканчивать свой курсъ въ ссылку, въ Сибирь, въ Нерчинскіе рудники сказалъ мнѣ печально, скованный молодой человѣкъ.

— Мы тоже бывшіе студенты кіевскаго университета, проговорили вдругъ нѣсколько голосовъ.

— Позвольте васъ попросить выпить съ нами по стаканчику вина и пожелать вамъ добраго пути, какъ счастливому студенту отъ насъ несчастныхъ, теперь отчужденныхъ, бывшихъ также студентами, сказалъ, наливая стаканчики, одинъ изъ нихъ, съ русой бородкой и усами.

Потомъ, обратившись къ жандармскому офицеру, прибавилъ:

— Капитанъ, позвольте пожалуйста;—такая встрѣча не всегда можетъ быть.

— Дозволю, отрывисто отвѣтилъ капитанъ.

Мы чокнулись и выпили.

Капитану былъ поднесенъ также стаканъ и онъ выпилъ его, не чокаясь ни съ кѣмъ.

— Все готово, ваше благородіе, громко произнесъ вошедшій жандармскій унтеръ-офицеръ, вытянувшись въ струнку у порога дверей станціонной комнаты.

— Хорошо. Зови людей.

Унтеръ-офицеръ мгновенно скрылся.

— Ну, собирайтесь, господа, пора уже, обратился капитанъ къ ссыльнымъ.

Быстро вошли съ шумомъ, звеня шпорами, восемь плечистыхъ жандармовъ, вооруженныхъ тяжелыми саблями и пистолетами въ кобурахъ. Каждый изъ нихъ вывелъ на улицу порученнаго ему преступника, помогъ ему влѣзть въ неуклюжую почтовую телѣгу и затѣмъ сѣлся рядомъ съ нимъ.

Со звономъ колокольниковъ и крикомъ ямщиковъ тронулся этотъ печальный поѣздъ.

Всѣхъ троекъ было восемь; на девятой помѣстился капитанъ съ унтеръ-офицеромъ.

Ссылные оглянулись назадъ, привѣтствуя меня маханьемъ своихъ картузовъ.

Я отвѣчалъ имъ тѣмъ же.

Тяжело было смотрѣть на этихъ несчастныхъ жертвъ увлеченья молодости. Тутъ я вспомнилъ попечителя Мусина-Пушкина.

Таково было первое впечатлѣнiе мое за стѣнами университета.

Павелъ Вистенгофъ.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЕ ТРУДЫ С. Д. ПОЛТОРАЦКАГО.

ВЪ ОДНОМЪ изъ недавнихъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» (1883 г. № 22) появилось слѣдующее лаконическое извѣстіе: «Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій скончался въ Нёльи, близъ Парижа, 19 (7) сего января, на 81 году жизни».—При чтеніи этихъ короткихъ строкъ, очень многимъ имя покойнаго могло казаться незначительнымъ, тѣмъ болѣе, что оно, послѣ указаннаго объявленія, не вызвало ни одной обстоятельной статьи. Между тѣмъ С. Д. Полторацкій принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые въ кружѣ русскихъ ученыхъ оставляютъ живую и дорогую память. Изъ подъ его пера даже вышла брошюра: «Notice sur M-g Serge Poltoratzky, bibliophile et bibliographe Russe, membre honoraire de la Bibliothèque Impériale publique de Saint-Petersbourg (Paris, 1854, 20 p.), которая, вмѣстѣ съ другими, далеко немногими матеріалами¹⁾, предлагаетъ любопытныя свѣдѣнія о покойномъ. Прежде всего онъ былъ владѣльцемъ замѣчательной библіотеки въ селѣ Авчуринѣ, близъ Калуги,—библіотеки, еще основанной извѣстнымъ собирателемъ рукописей, Петромъ Кирилловичемъ Хлѣбниковымъ. «Это книгохранилище—по воспоминанію одного стараго дипломата—отличалось не многочисленностію, но богатствомъ рѣдкихъ изданій и любопытныхъ манускриптовъ». Дѣйствительно, въ немъ находился такъ называемый Хлѣбниковскій списокъ лѣтописи, какимъ пользовался Карамзинъ для первыхъ томовъ своей «Исторіи»; въ немъ хранилось единственное полное собраніе

¹⁾ Наприм.: «Изъ записокъ стараго дипломата» (Библиограф. Записки, 1858 г., № 10, стр. 291—293) и «Изъ моихъ воспоминаній» П. С. Усова (Историческ. Вѣстникъ, 1882 г., кн. 5, стр. 330—332).

первыхъ русскихъ газетъ и періодическихъ изданій прошлаго столѣтія, которое въ послѣдствіи значительно пополнило даже книжныя коллекціи императорской публичной бібліотеки. Благодаря этимъ книжнымъ рѣдкостямъ и обеспеченной жизни, самъ владѣлецъ, до переѣзда за-границу, все свободное время посвящалъ чтенію и выпискамъ. О такихъ занятіяхъ среди своей дорогой бібліотеки онъ оставилъ интересное признаніе: «пустъ дѣлають, какъ я; пустъ извлекають изъ всякой книги то, что есть въ ней полезнаго и любопытнаго, и сохраняють это, какъ я — въ картонахъ, съ примѣчаніями и отмѣтками, а изъ остальной бумаги дѣлайте, господа, что хотите: завертывайте въ нее всякую всячину, закуривайте ея трубку, оклеивайте стѣны и потолоки... Кто велитъ хранить и переплетать дурную книгу? А ежели занимаетъ она у васъ лишнее мѣсто, такъ что тутъ церемониться: бросайте скорѣе книгу въ каминъ, да «и концы въ воду». Съ теченіемъ времени, эти карты «съ примѣчаніями и отмѣтками» составили значительный запасъ свѣдѣній о рѣдкихъ книгахъ и дополненій къ біографіямъ русскихъ писателей. Къ этому цѣнному источнику очень часто прибѣгали ученые и бібліографы, наводя справки о такихъ изданіяхъ, какихъ не оказалось на полкахъ даже столичныхъ бібліотекъ. Наконецъ, тотъ же самый матеріалъ, заключенный въ картонахъ, постоянно служилъ и самому собирателю богатымъ рудникомъ, откуда онъ почерпалъ любопытныя данныя для своихъ печатныхъ трудовъ. Послѣдніе, насколько намъ извѣстно, представляются въ слѣдующей хронологической вереницѣ:

1827 г. Библіографическій вопросъ о началѣ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (Московск. Телеграфъ, ч. XIV, № 8).

Этою статью покойный Полторацкій впервые поднималъ вопросъ: «въ которомъ году прошедшаго столѣтія начались издаваться русскія вѣдомости»; онъ приводилъ различныя указанія каталоговъ, «прося въ заключеніи занимающихся отечественною бібліографіей доставить разрѣшеніе сего бібліографическаго недоумѣнія и согласить противорѣчія». На такой отзывъ послѣдовали двѣ отвѣтныя статьи: одна—А. Я. Булгакова (М. Т., 1827 г., ч. XVI, № 13), другая—съ подписью: «Литературный Сыщикъ» (М. Т., 1827 г., ч. XVIII № 22, 23 и 24).

1828 г. Дополненія и поправки къ исторіи русскихъ газетъ и журналовъ (Московск. Телеграфъ, ч. XXIV, № 22).

Названный трудъ былъ вызванъ: «Обозрѣніемъ русскихъ газетъ и журналовъ съ самаго начала до 1828 года», напечатаннымъ съ подписью: «Литературный Сыщикъ». «Живя въ деревнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ — писалъ Полторацкій — и повѣряя въ бібліотекѣ своей извѣстія «Журнальнаго Сыщика», я отыскалъ многое пропущенное имъ, многое неисправно означенное, и препровождаю составленные мною замѣчанія». Далѣе слѣдовали пополненія и, главное, исправленіе годовъ для многихъ періодическихъ изданій.

1838 г. О первых русских вѣдомостяхъ (Сѣверн. Пчела, № 66).

Это — новая добавка къ предыдущимъ статьямъ.

Замѣтка о М. И. Антоновскомъ (Сынъ Отечества, ч. III, № 6).

1845 г. Извѣстія о первопечатныхъ Московскихъ и Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, изданныхъ при Петрѣ Великомъ (Сѣверн. Пчела, № 6).

Эта статья заключала перепечатку перваго нумера «Вѣдомостей» отъ 11-го мая 1711 года, по единственному экземпляру, и появилась отдѣльнымъ оттискомъ, какъ второе изданіе (Спб., 1845 г., 16 стр.).

Русскія біографическія и бібліографическія лѣтописи (Сѣверн. Пчела, № 71).

Такія «лѣтописи» продолжали появляться въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1846 годъ (№ 19, 24, 31, 44 и 45), а потомъ, съ дополненіями и поправками, перепечатаны въ «Иллюстраціи» (1846 г., т. II и V). Въ нихъ сообщены, между прочимъ, свѣдѣнія: о первопечатныхъ басняхъ Крылова, о переводахъ сочиненій Карамзина на иностранные языки, объ Авчуриной бібліотекѣ, о времени изданія первыхъ вѣдомостей въ Россіи и т. п. бібліографическія замѣтки. При одной же изъ статей (№ 19) помѣщены два письма Карамзина къ Д. М. Полторацкому.

1846 г. Первые русскія вѣдомости (Сѣверн. Пчела, № 10).

1846 г. Матеріалы для исторіи русской словесности (Москвитян., кн. 9 и 13).

Подъ этимъ заглавіемъ покойный Полторацкій, вмѣстѣ съ И. П. Быстровымъ, помѣстилъ новыя свѣдѣнія о Петровѣ, Державинѣ, Жуковскомъ, Крыловѣ, Сумароковѣ, Тредьяковскомъ и Эминѣ.

1851 г. *Essai sur la littérature russe contenant une liste des gens de lettres russes qui se sont distingués depuis le regne de Pierre le Grand. Par un Voyageur Russe. Imprimé à Livourne (en Toscane) en 1771. (Revue étrangère, t. LXXX, № 10).*

Эту весьма рѣдкую брошюру, напечатанную и отдѣльно (Спб., 1851 г., 15 стр.), С. Д. Полторацкій приписывалъ кн. А. Вѣдольскому (см. *Bulletin du bibliophile Belge*. т. IX, р. 355). Объ этой же брошюрѣ появилась замѣчательная статья проф. Н. С. Тихонравова (Московск. Вѣд., 1851 г., № 150).

1853 г. О первыхъ русскихъ вѣдомостяхъ (Сѣверн. Пчела, № 94, 103 и 172).

Въ этихъ новыхъ статьяхъ по старому вопросу Полторацкій подробно описываетъ «Вѣдомости», изданныя въ 1704 году.

1855 г. *Dieu, hymne du poète russe Derjavine. Notice sur quinze traductions françaises de cette hymne suivie du texte russe. Leipzig, 78 p.*

Опасный соседъ, стихотвореніе В. Л. Пушкина, съ предисловіемъ. Лейпцигъ, 10 стр.

1856 г. Матеріалы для словаря русскихъ писателей: Пушкинъ (Сѣверн. Пчела, № 153 и 158).

Здѣсь подробно разсказано объ обстоятельствахъ, при которыхъ появилось первое печатное стихотвореніе Пушкина: «Къ другу-стихотворцу».

1858 г. Алексѣй Григорьевичъ Евстафьевъ, русскій писатель въ Америкѣ (Библіограф. Записки, № 7).

Театральное представленіе въ Кусковѣ, подмосковной графа Петра Бори-

совича Шереметева, въ присутствіи имп. Екатерины II, 30-го іюня 1787 года (Сѣверн. Пчела, № 203).

Эта статья, изданная и отдѣльно (Спб., 1858 г., 11 стр.), составлена, главнымъ образомъ, на основаніи подробнаго извѣстія «Московскихъ Вѣдомостей» (1787 г., № 54).

Матеріалы для словаря русскихъ писателей (Русск. Вѣстн., кн. 22).

Въ этихъ «матеріалахъ» Полторацкій дѣлаетъ указанія на переводы Лабзина и Баркова комедій Бомарше: «Фигарова Женитьба», на переводъ Анастасевича и Городничанинова «Философической исторіи о торговлѣ въ обихъ Индіяхъ, сочиненія Рейналя», и на «Опытъ российской библіографіи Сошкова».

Матеріалы для словаря русскихъ писателей, т. I, тетр. 1, М. 18 стр.

Въ названной брошюрѣ авторъ указываетъ на «русскихъ переводчиковъ одного стихотворенія Вольтера», а именно на Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, А. С. Пушкина, П. П. Сумарокова и кн. Г. А. Хованскаго.

1859 г. Матеріалы для словаря русскихъ писателей (Сѣверн. Пчела, № 200).

Эта статья, вышедшая и отдѣльно, какъ продолженіе предыдущей брошюры (М., 1859 г., т. I, кн. 2, 19—66 стр.), касалась стихотвореній Державина: «Властителямъ и судіямъ», «Изображеніе Фелицы» и «Хариты».

Аббатъ Іосифъ Добровскій (Московск. Вѣдомости, № 305).

1860 г. Матеріалы для словаря русскихъ писателей (Сѣверн. Пчела, № 259).

Тутъ находятся: извѣстія объ А. П. Сумароковѣ, замѣтки о Вольтеровой трагедіи: «Заиръ» и матеріалы для исторіи русскаго театра.

1861 г. Достоверныя свѣдѣнія о годѣ рожденія Карамзина (Сѣверн. Пчела, № 65).

Этотъ трудъ, ясно опредѣлившій время рожденія нашего исторіографа — 1-е декабря 1766 года, былъ перепечатанъ въ періодическихкихъ изданіяхъ 1865 года, наприм.: въ «Книжнѣхъ», № 12, въ «Отеч. Запискахъ», № 16, и «Соврем. Лѣтописи», № 44.

1862 г. Синхронистическія таблицы русской литературы (Наше Время, № 243 и 244).

Подъ такимъ заглавіемъ вышла и отдѣльная брошюра (М., 1862 г. 44 стр.), которая заключала въ себѣ любопытныя библіографическія данныя: о началѣ вѣдомостей, о Богдановичѣ, Хемницерѣ, Козодавлевѣ и Фонѣ-Визинѣ.

Catalogue de ma bibliothèque, accompagné de notes bibliographiques et littéraires et suivi de tables alphabétiques et analytiques, tome premier, Moscou, 1862, 48 p.

Въ этомъ «Каталогѣ», послѣ обширнаго предисловія, находится обстоятельное описаніе только девяти иностранныхъ изданій, а именно: 1) Annuaire historique universel, par Lesur; 2) The annual Register, London, 1758—1840; 3) Mémoires, correspondance et manuscrits du général Lafayette; 4) Mémoire de B. Barère, Paris, 1842—1844; 5) Oeuvres politiques et littéraires d'Armand Carrel, Paris, 1857—1858; 6) Le Botaniste Cultivateur, par Dumont-Courset; 7) La Nicolaide, poème par Desveaux-Saint-Félix; 8) Le Vicaire de Wakefield, par

Goldsmith, Paris, 1838; 9) Poems by Goldsmith and Parnell, London, 1804.

1864 г. Сборникъ всѣхъ біографическихъ статей, напечатанныхъ на русскомъ языкѣ, о достопримѣчательныхъ русскихъ людяхъ: Головкинъ, Иванъ Алексѣевичъ. Висбаденъ, 10 стр.

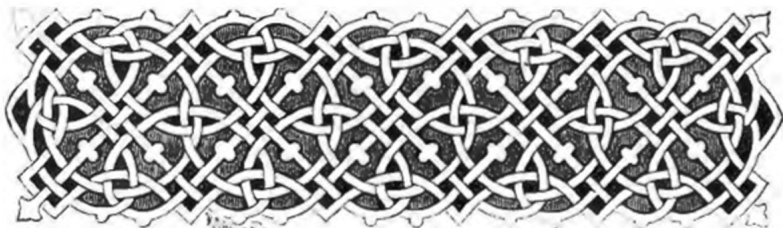
1866 г. Юбилей Карамзина въ семейномъ кругу села Авчурина (Московск. Вѣд., № 266).

1867 г. Письма 1806—1823 годовъ И. И. Дмитріева къ А. И. Тургеневу (Русск. Архивъ, кн. 7).

Къ этому списку знакомыхъ намъ трудовъ Полторацкаго остается прибавить, что покойный С. Д. дѣлился съ публикой нѣкоторыми дорогими автографами своей бібліотеки: такъ, напримеръ, онъ впервые съ вѣрныхъ рукописныхъ копій напечаталъ два прекрасныя стихотворенія Пушкина: «Couplets» (Библіограф. Записки, 1858 г., № 22, стр. 688) и «Въ альбомъ Е. А. Тимашевой» (Наше Время, 1862 г., № 228).

Дмитрій Языковъ.

ЛОЛА МОНТЕСЪ, ГРАФИНЯ ФОНЪ-ЛАНДСФЕЛЬДЪ.

I.

ХОТЯ ИСТОРИЯ занимается обыкновенно мужчинами и притомъ стоящими на общественныхъ вершинахъ, но, по временамъ, ей приходится отводить страницы — и порою въ значительномъ числѣ — лицамъ женскаго пола не только царственнаго происхожденія, но и удѣлять мѣсто хорошенькимъ личикамъ самой простой породы. Личики эти имѣютъ право попасть на страницы исторіи, если они то быстро, то постепенно, то на долго, то на короткое время, поднимались съ общественныхъ низинъ на высоту, съ которой или съ холодной гордостью, или съ веселой улыбкой, смотрѣли на заурядныхъ смертныхъ, оставшихся на долѣ. Въ исторіи почти всѣхъ государствъ являлись такіе женскіе облики, — то освѣщенные яркимъ блескомъ величія, то какъ будто задернутые дымкой, то вовсе даже незамѣтные для современниковъ. Тѣмъ не менѣе, господствуя надъ сердцами земныхъ владыкъ, хорошенькія женщины оставляли иногда въ исторіи государства вообще, или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ историческихъ событіяхъ, болѣе или менѣе замѣтные слѣды своего существованія. Около нихъ велись дворскія интриги, а по капризамъ ихъ то возвышались, то падали министры и вельможи, начиналась или вражда, или дружба съ сосѣдними государствами. Вообще, не рѣдко бывали онѣ двигателями важныхъ политическихъ событій, хотя участіе ихъ и не всегда было явно.

Было бы долго, да и напрасно, перечислять здѣсь тѣхъ женщинъ, которыя, по исключительному положенію, сами, непосред-

ственно отъ своего лица, руководили исторіей народовъ, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе замѣтно вліяли на ходъ политическихъ событій. Было бы также долго исчислять имена и дѣянія тѣхъ женщинъ и полудѣвицъ, которыя съ помощью чаръ ихъ ума, преимущественно же силою тѣлесныхъ прелестей, забирали въ свои руки мушкетъ, правившихъ судьбами народовъ. Перечень такого содержанія, не смотря на всю недостаточность потребныхъ для того источниковъ, дошелъ бы, быть можетъ, до супруги Пентефрія, состоявшаго, какъ надобно полагать, подъ туфлею своей жены. Пришлось бы упомянуть и о мудромъ Периклѣ, которымъ сильно заправляла прелестная Аспазія. По мѣрѣ того, какъ исторія все болѣе и болѣе проливаетъ свѣта на минувшіе вѣка, все яснѣе становится вліяніе женщинъ, которыя приобрѣтали политическое значеніе, пользуясь или постоянной любовью, или страстнымъ увлеченіемъ женолюбивыхъ влестителей. Наибольшую извѣстность въ этомъ отношеніи получили короли французскіе изъ дома Бурбоновъ. Ихъ «метрессы» за частую управляли и внутреннею и внѣшнею политикою Франціи. Впрочемъ, быть можетъ, такою извѣстностью они, главнымъ образомъ, обязаны болтливости своихъ вѣрноподданныхъ, которые усерднѣе, чѣмъ представители другихъ національностей, вели такъ называемыя «скандалёзныя хроники» о своихъ августѣйшихъ повелителяхъ. Нѣмцы и англичане были всегда на этотъ счетъ гораздо сдержаннѣе, и потому о любовныхъ похожденіяхъ ихъ государей дошло до насъ несравненно менѣе свѣдѣній. Независимо, впрочемъ, отъ этого, можно сказать, что вообще нѣмецкіе династы разныхъ наименованій были поскромнѣе и сами по себѣ. Они не такъ легкомысленно нарушали супружескія узы, а также и тѣ сердечныя связи, которыя устанавливались иной разъ и помимо супружескихъ обѣтовъ. Если же они пошаливали на сторонѣ, то дѣлали это обыкновенно слишкомъ осторожно, безъ явнаго соблазна, и экономно, безъ особенныхъ затратъ изъ государственной казны. Правда, одинъ изъ нѣмецкихъ государей прошлаго столѣтія, а именно курфюрстъ саксонскій Августъ-Фридрихъ, нагрѣшилъ въ этомъ отношеніи на своемъ вѣку слишкомъ много, такъ что проказамъ его по любовной части могъ бы, пожалуй, позавидовать и самый наи-извѣстнѣйшій соблазнитель и отчаянный волокита донъ-Жуанъ; но такая доля, какъ будто, на роду была написана Августу-Фридриху, такъ такъ судьба предназначила ему царствовать одновременно въ двухъ такихъ странахъ — въ Саксоніи и въ Польшѣ — которыя славилась прехорошенькими женщинами. Поэтому, королю-курфюрсту было трудно устоять противъ постоянного искушенія, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ былъ такой молодецъ и красавецъ, что женщины увлекались имъ и отдавались ему со всѣмъ пыломъ страсти, безъ особаго съ его стороны ухаживанія и исканія.

Спустя слишкомъ столѣтіе послѣ воцаренія Августа въ Саксоніи, явился въ Германіи властитель другой отрасли германскаго племени, надѣлавшій много шума и переполоха въ своей, хотя и не слишкомъ обширной, но все-таки относительно Германіи весьма значительной державѣ, занимавшей, послѣ Австріи и Пруссіи, первенствующее мѣсто въ покойномъ Германскомъ союзѣ. Нельзя сказать съ достовѣрностью, былъ ли онъ женолюбивъ постоянно, отъ самой юности, или только однажды въ жизни лукавый попуталъ его, но за то попуталъ такъ ловко, что онъ своими любовными похождениями надѣлалъ и самому себѣ, и своимъ подданнымъ, не мало хлопотъ и учинилъ превеликій скандалъ на всю Европу. Извѣстно, что есть люди, которые бываютъ такъ счастливы, что имъ все какъ-то безнаказанно сходить съ рукъ, и, наоборотъ, есть такіе, которые изъ-за пустяковъ попадаютъ съ перваго же разу не только въ просакъ, но и въ бѣду, и при этомъ — что бываетъ еще хуже — съ огласкою чуть ли не на весь бѣлый свѣтъ. Къ числу такихъ неудачниковъ принадлежалъ — какъ надобно полагать — и король баварскій, Людовигъ I. Объ его любовныхъ похожденияхъ до поры не было ничего слышно. Къ тому же времени, къ которому относится нашъ рассказъ, онъ уже двадцать два года чинно и незастенчиво отсиживалъ на своемъ наслѣдственномъ престолѣ и успѣлъ постарѣть, обрюзгнуть, поослабнуть, полысѣть и посѣдѣть. Такъ какъ ему шелъ уже шестьдесятъ второй годъ, то и можно было предполагать, что съ нимъ никакъ не приключится той напасти, которая такъ внезапно и такъ грозно разразилась надъ нимъ изъ-за его любовныхъ походовъ.

II.

Людовигъ I, король баварскій, родившійся въ 1786 году, не слылъ, какъ мы сказали, женолюбцемъ въ Европѣ — что, впрочемъ, могло происходить и отъ того, что Европа не особенно занималась имъ, какъ государемъ только второразряднымъ. Не слылъ онъ искателемъ любовныхъ походовъ и въ Германіи и даже въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, но тѣмъ не менѣе любовь къ женской красотѣ давно уже проявлялась въ немъ, какъ эстетическое чувство. Подобно тому, какъ курфюрстъ-король Августъ II отвелъ въ своемъ дворцѣ, въ Варшавѣ, особую залу для помѣщенія въ ней портретовъ красавицъ, такъ точно поступилъ въ Мюнхенѣ и Людовигъ I. Онъ также предназначилъ въ своемъ дворцѣ особую залу для портретовъ красивѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что собранные имъ въ залѣ портреты не имѣли такого значенія трофеевъ, какое они имѣли въ коллекціи Августа II, который помѣщалъ въ своей дворцовой залѣ портреты тѣхъ женщинъ, надъ которыми онъ одерживалъ побѣды. Нынѣ эта любо-

пытная коллекція — неизвѣстно въ полномъ ли составѣ, или только частію — находится въ одной изъ залъ Лазенковскаго дворца подъ Варшавой. Король баварскій былъ страстный поклонникъ всего прекраснаго, и возведенныя имъ въ его столицѣ постройки и сооруженія остались до нынѣ памятниками его любви къ изящному, хотя нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ и оказываются не безъ изъяна при строго-художественной ихъ оцѣнкѣ. Любя все изящное, Людвигъ, конечно, не могъ обойти и того, что едва ли не съ перваго дня сотворенія міра считалось, да и до нынѣ считается, вѣнцомъ всего прекраснаго, т. е. онъ не могъ обойти женской красоты, и потому задумалъ составить коллекцію наилучшихъ ея образцовъ. Самъ король и работавшіе для него лучшіе германскіе и иностранные художники, а также разные лица, на вкусъ которыхъ онъ могъ положиться, хлопотали о томъ, чтобы самыя привлекательныя женскія личики переносились на полотно и затѣмъ дѣлались бы украшеніемъ предназначенной для того дворцовой залы. Лишь только во дни короля Людвигъ I появлялась въ его столицѣ какая нибудь дѣвушка, замужняя женщина, или вдовушка замѣчательной красоты, то о такомъ появленіи безотлагательно представлялся его величеству всеподданнѣйшій докладъ. Затѣмъ, по удостовѣренію со стороны его самаго въ справедливости такого доклада, красавицѣ — смотря по ея званію — или лично королемъ, или подходящею къ тому персоною, дѣлалось лестное и самое любезное предложеніе — позволить снять съ себя портретъ. Разумѣется, что ни одна изъ такихъ избранницъ не отказывалась отъ дѣлаемой ей чести и потому дворцовая зала пополнялась все болѣе и болѣе снимками съ такихъ красотокъ, которыя теперь или отошли уже въ лучшій міръ, или доживаютъ свой вѣкъ на скорбномъ старушечьемъ положеніи, съ горестью вспоминая ту безвозвратно минувшую пору, когда ихъ взглядъ или улыбка приводили въ восторгъ толпы ихъ поклонниковъ. Изъ всѣхъ поступившихъ въ дворцовую залу красавицъ считается, по установившемуся преданію, на зависть всѣмъ ея соперницамъ, самую прелестною дочь какого-то мюнхенскаго сапожника; но судьба этой красавицы намъ неизвѣстна, какъ неизвѣстно и то мѣсто, гдѣ теперь или почіетъ ея прахъ, или обрѣтаются ея забытыя развалины.

Казалось бы, вращаясь въ области живописной женской красоты, король Людвигъ долженъ бы былъ встрѣтиться и съ такимъ одушевленнымъ образомъ, который могъ бы замѣнить ему безчувственный портретъ. Этого однако не случилось въ продолженіе многихъ лѣтъ. Собраніе портретовъ шло благополучно и король любовался ими только какъ истинный любитель художественныхъ произведеній. Много промелькнуло передъ королемъ и брюнетокъ, и блондинокъ, и даже рыженькихъ, и худенькихъ, и полненькихъ, и черноокихъ, и голубоокихъ, съ различными оттѣнками и отли-

вами ихъ очей, начиная отъ мрака ночи, или яркой синевы дневныхъ небесъ, и кончая или сѣрымъ небомъ, или цвѣтомъ морской волны. На бѣду, однако, послѣдній внесенный въ дворцовую залу портретъ надѣлалъ такой переполохъ, какого никакъ не предвидѣли ни самъ король, ни его вѣрноподанные, не только не тяготившіеся прежде его державствованіемъ, но выражавшіе ему по-

Phototypie Gouillard, Berlin.

Людвигъ I, король баварскій.

Съ портрета Боджера.

стоянно чувство почтительной любви и безграничной преданности. Какъ обыкновенно случается, бѣда пришла къ королю оттуда, откуда ее вовсе не ожидали.

Подлинникъ этого рокового портрета чуть не сдѣлался причиною низложенія съ престола знаменитаго дома Виттельсбаховъ, владѣтельствовавшаго въ Баваріи почти тысячелѣтіе, которое года два тому назадъ и истекло всею полнотою. Вслѣдствіе тѣхъ бурныхъ

событій, какія вызвалъ упомянутый подлинникъ, снятый съ него портретъ подвергся опалѣ со стороны королевской фамиліи. Преемникъ Людвига I, родной его сынъ, приказалъ закрыть этотъ портретъ, какъ несчастный памятникъ сердечной слабости его родителя, зеленою шелковою занавѣскою, и подъ этой занавѣской спряталось личико женщины, о походеженіяхъ которой мы и поведемъ теперь нашъ рассказъ.

Баварія — одно изъ древнѣйшихъ, средней руки, германскихъ государствъ — пребывала подъ державою дома Виттельсбаховъ въ непрерывномъ его мужскомъ поколѣніи, сперва въ видѣ герцогства, потомъ курфюршества и, наконецъ, королевства. Государи Баваріи были одно время въ такомъ большомъ почетѣ, что одинъ изъ нихъ, Оттонъ, еще въ началѣ XIII столѣтія, предъявлялъ свои притязанія на римско-нѣмецкую императорскую корону. Въ 1623 году, герцоги баварскіе получили наслѣдственное достоинство курфюрстовъ, и одинъ изъ нихъ, Карлъ-Альбертъ, былъ на столько могущественъ, что, предъявивъ свое право на наслѣдство послѣдняго изъ Габсбурговъ, императора Карла VI, завоевалъ всю Австрію и во Франкфуртѣ-на-Майнѣ былъ, въ 1742 году, коронованъ императоромъ римско-нѣмецкимъ. Затѣмъ ему, однако, не посчастливилось; онъ былъ побѣжденъ австрійцами, и послѣ его смерти право на баварскую корону перешло сперва къ его сыну, а потомъ къ сроднику, Максимилиану-Иосифу, которому императоръ Наполеонъ, въ 1806 году, въ вознагражденіе за преданность Франціи, пожаловалъ королевскій титулъ, и титулъ этотъ, въ 1825 году, вмѣстѣ съ властью, ограничекою конституціею 1818 года, достался его сыну и наслѣднику, Людвигу I, который и занимаетъ самое видное мѣсто въ нашемъ рассказѣ объ оригиналѣ завѣшаннаго портрета.

Церковная реформація, произведенная Лютеромъ въ Германіи, не коснулась Баваріи. Страна эта не только осталась неизмѣнновѣрною папскому престолу, но и стала гнѣздилищемъ ультрамонтанства, которое, ко времени вступленія на престолъ Людвига I, сдѣлалось въ Баваріи могучею силою. Независимо отъ этого, королю Людвигу не слишкомъ нравилась конституція, которую онъ нарушалъ постоянно въ пользу своихъ державныхъ правъ, и такой произволъ возбуждалъ порою неудовольствіе среди аристократіи; но вообще баварцы любили Людвига и вовсе не думали причинять ему какія-либо неудовольствія, и собственно не политика, но любовь, ослѣпившая состарившагося короля, была причиною извѣданныхъ имъ невзгодъ.

III.

За два года до вступленія на престолъ Людвига I, у одного карлистскаго офицера, Поррисъ-и-Монтесъ, родилась дочь, Марія-Долоресъ, отъ брака его съ креолкою, родомъ изъ Гаваны. Офи-

перъ этотъ вскорѣ умеръ и маленькая его дочь — называвшаяся ласкательнымъ именемъ «Лола» — осталась на попеченіи матери, вышедшей вскорѣ замужъ за какого-то благороднаго ирландца. Лола родилась въ Андалузїи, въ Севильѣ, на берегахъ Гвадалквивира. Отъ встрѣчающихся здѣсь именъ вѣтъ поэзіей испанскихъ романсеро, чудятся звуки гитары и мандолины, бряцанье кастаньетъ, напѣвъ серенады, а также бѣгъ и шумъ Гвадалквивира и видятся фанданго и болеро. Вообще, поэтическая обстановка окружала новорожденную Лолу; но жизнь ея, на первыхъ же порахъ дѣтства, обратилась для нея въ тяжелую прозу. Мать Лолы осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію, и подроставшей, а вмѣстѣ съ этимъ и хорошѣвшей день-ото-дня дѣвушкѣ пришлось искать средствъ къ жизни на театральныхъ подмосткахъ, гдѣ соблазны встрѣчаются на каждомъ шагѣ, такъ какъ для большинства мужчинъ актрисы, и преимущественно балерины, имѣютъ особое обаяніе и многіе изъ мужчинъ могутъ, примѣняя къ себѣ, сказать стихи Пушкина:

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прекрасны, милые друзья;
Но все же ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня...

Такъ, въ 1847 году, рассказывала о своемъ происхожденіи и о первыхъ годахъ своей жизни сама Лола Монтесъ въ статьѣ, напечатанной отъ ея имени въ «Кельнской Газетѣ», въ опроверженіе того злословія, которое стала распускать въ это время о ней періодическая нѣмецкая печать. Повѣрили ли, или нѣтъ, нѣмцы заявленію Лолы — неизвѣстно; но въ другихъ европейскихъ странахъ, а между прочимъ и въ Россіи, куда также дошла молва о Лолѣ Монтесъ, не справлялись ни о ея родословной, ни о ея прежней жизни, и видѣли въ ней только молоденькую и хорошенькую женщину, отличавшуюся большими странностями.

Давно уже забыта Лола Монтесъ, кружившая когда-то головы и юношамъ, и зрѣлымъ людямъ, и старикамъ. Давно уже не встрѣчалось имя ея въ европейской печати; но вдругъ, въ концѣ прошлаго года, одинъ нѣмецкій писатель, Альбертъ Линднеръ, въ журналѣ «Aus allen Zeiten und Landen» помѣстилъ статью подъ заглавіемъ «Lola Montez in München».

Можно сказать, что г. Линднеръ слишкомъ тяжеловѣсно отнесся къ Лолѣ, отличавшейся и легкостію поведенія, и легкостію ножекъ. Ухабисто-нѣмецкимъ слогомъ нѣмецкаго гелертера онъ написалъ учено-политическій розыскъ о Лолѣ. Съ строгою критикою онъ принялъ заявленія этой искательницы приключеній о себѣ самой, рассмотрѣлъ съ конституціонной точки зрѣнія отношенія къ ней ея высокаго покровителя, а также ея собственные

поступки съ юридической и нравственной стороны, обсудилъ все-сторонне образъ дѣйствія тогдашняго баварскаго министерства, а также и вліяніе ультрамонтанской партіи въ Баваріи и государственные порядки въ этой странѣ. Короче, г. Линднеръ написалъ такой ученый трактатъ, который онъ смѣло бы могъ, съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, представить на соисканіе академической преміи, если бы когда нибудь была задана тема: «политическое значеніе Лолы Монтесъ». Не смотря на ученые достоинства этого трактата, читать его и скучно, и утомительно. Вся необходимая въ этомъ случаѣ, такъ сказать, женственность содержанія и красокъ исчезаетъ. Суровый біографъ Лолы Монтесъ является какимъ-то строгимъ судебнымъ слѣдователемъ и идетъ гораздо далѣе, чѣмъ обыкновенный безпристрастный историкъ. Конечно, политическими воззрѣніями г. Линднера на Лолу можно и даже должно воспользоваться; но при этомъ необходимо измѣнить одно-стороннюю точку зрѣнія автора упомянутой статьи, взяться за иной способъ изложенія и дополнить встрѣчающіеся у него пробѣлы другими свѣдѣніями, болѣе оживляющими рассказъ о молоденькой женщинѣ, надѣлавшей въ свое время не мало шума въ цѣлой Европѣ, и съ своей стороны мы постарались исполнить это.

IV.

Къ настоящей нашей статьѣ приложены два портрета Лолы Монтесъ. Въ то время, когда она пріобрѣла свою извѣстность, фотографія была еще только въ зачаткѣ и произведенія ея являлись въ видѣ даггеротиповъ; нынѣшнія карточки и кабинетные портреты, воспроизводимые на бумагѣ, въ продажѣ еще не появлялись и даже едва-ли готовились. Такимъ образомъ, нельзя по этимъ портретамъ, какъ гравированнымъ съ другихъ портретовъ, судить о вполнѣ удовлетворительномъ сходствѣ ихъ съ оригиналомъ, да притомъ вообще портреты, а тѣмъ болѣе гравированные, не могутъ передать, какъ должно, наружности человѣка, а въ особенности — молодой женщины, гдѣ цвѣтъ лица, блескъ глазъ, мѣняющаяся улыбка составляютъ такія принадлежности наружности, безъ которыхъ нельзя воспроизвести точный ея образъ. Впрочемъ, Лола не отличалась поразительною красотою. Тѣ изъ русскихъ, которые лично знали ее, рассказывали, что, стоя передъ нею, нельзя было вообразить себѣ, что стоишь передъ «испанкой благородной», такъ какъ она по своей наружности прежде всего напоминала миловидныхъ московскихъ цыганочекъ, — какую нибудь Матрешу или Стѣшу. Очень можетъ быть, что она и дѣйствительно была по происхожденію не испанская донна, а андалузская хитана.

Съ своей стороны, г. Линднеръ, раздраженный тѣмъ, что Лола вызвала позоръ на одного изъ вѣнчаныхъ главъ Германіи, безпощадно преслѣдуетъ ее и разоблачаетъ собственныя ея, приведенныя нами выше, заявленія. Прежде всего, онъ отвергаетъ «благородное» происхожденіе Лолы, и ея прикрашенному, по его

Лола Монтесъ.

Съ современнаго гравированнаго портрета.

мнѣнію, разсказу противопоставляетъ другой ходившій въ свое время разсказъ о томъ, что Лола родилась въ какой-то андалузской деревенькѣ и была дочь крестьянина, занимавшагося сапожнымъ мастерствомъ, что всѣ разсказы объ испытанныхъ ею въ дѣтствѣ лишеніяхъ ничто иное, какъ только собственная ея выдумка, и что она могла бы провести свою жизнь среди своей семьи въ

относительномъ довольствѣ, если бы ея романтическія наклонности не увлекали ее съ самой ранней молодости на театральныя подмостки.

Мало того, г. Линднеръ, просто на просто, сомнѣвается даже въ испанскомъ происхожденіи Лолы и по поводу этого замѣчаетъ, что если она и дѣйствительно родомъ испанка, то все же она въ очень раннемъ возрастѣ должна была покинуть свое отечество, такъ какъ она впервые является не въ Испаніи, а въ Ирландіи, и притомъ, какъ природная ирландка, безъ испанскаго имени и фамиліи. «Все это было очень темное дѣло, и трудно догадаться—явить обличитель Долоресъ Поррисъ-и-Монтесъ—какимъ образомъ «благородный» ирландецъ могъ забраться въ безвѣстную испанскую деревушку».

Гнѣвающійся на Лолу ея берлинскій біографъ оскорбительно для нее затрогиваетъ одинъ изъ вопросовъ, щекотливыхъ для каждой женщины, а именно—вопросъ объ ея лѣтахъ. Онъ сомнѣвается въ вѣрности показанія Лолы о томъ, что она родилась въ 1823 году, и если не добавляетъ ей противъ этого нѣсколько лишнихъ годиковъ, то все же не безусловно признаетъ 1823 годъ годомъ ея рожденія.

Къ вопросу о годахъ Лолы г. Линднеръ подходит такимъ образомъ: «23-го іюля 1837 года—говоритъ онъ—была въ городѣ Мэтѣ, въ Ирландіи, обвѣнчана дѣвица Роза Джильбертъ», которая была—по мнѣнію его—никто иная, какъ та особа, которая впоследствии составила себѣ извѣстность подъ произвольно принятымъ ею именемъ Лолы Монтесъ. «Если—продолжаетъ г. Линднеръ—принять въ соображеніе, что она родилась въ 1823 году, то окажется, что при вступленіи ея въ бракъ ей было только 14 лѣтъ. Возрастъ конечно ранній для замужества вообще но все же—насмѣшливо добавляетъ г. Линднеръ—весьма подходящий для дѣвицы съ такою южною кипучею кровью, которая бурлила въ Лолѣ».

Замужъ вышла Роза Джильбертъ—будущая Лола Монтесъ—за какого-то Томаса Джемса. Невозможно, однако, доискаться, кто именно былъ ея супругъ, такъ какъ въ Ирландіи встрѣчается столько же Томасовъ Джемсовъ, сколько у насъ, въ Россіи, напри- мѣръ, Ивановъ Ивановыхъ.

Съ своей стороны, Лола, въ упомянутомъ выше газетномъ заявленіи, опровергала ходившіе о ней еще въ 1847 году слухи. Она—какъ мы видѣли—упирала на то, что она родомъ испанка, дочь офицера, служившаго въ арміи карлистовъ, и жаловалась на то, что ее оскорбляютъ и унижаютъ, ошибочно принимая за госпожу Джемсъ, стяжавшую себѣ въ Лондонѣ такую дурную славу. Къ этому Лола не преминула добавить, что такое смѣшиванье нельзя допустить уже потому только, что госпожа Джемсъ, по крайней

мѣръ вдвое старше, чѣмъ она — Лола Монтесъ. Лола также просила не примѣшивать ея личности къ тѣмъ политическимъ событіямъ, которыя происходили въ Баваріи, и къ которымъ она вовсе не причастна.

V.

Обвѣнчавшись законнымъ порядкомъ съ Джемсомъ, Лола, осенью 1838 года, отправилась въ Индію съ своимъ мужемъ, который, какъ человѣкъ военный, долженъ былъ ѣхать туда на службу, въ свой полкъ. Съ молодою четою поплылъ въ Индію и маіоръ Крейтопъ, отчимъ мужа Лолы. Но въ Индіи оставалась она не долго, такъ какъ, осенью 1840 года, Роза Джемсъ уѣхала оттуда въ Европу, ссылаясь на то, что не можетъ переносить бенгальскаго климата и что, независимо отъ этого, здоровье ея растроилось вслѣдствіе паденія съ лошади во время прогулки верхомъ въ Калькуттѣ. Мужъ Лолы и его отчимъ усадили Розу на корабль, который и поплылъ внизъ по Гангу. Неизвѣстно, съ радостью или съ тоскою, раставались супруги, не предполагая, однако, что они никогда болѣе не встрѣтятся въ этой жизни. При отъѣздѣ изъ Индіи, Роза Джемсъ была поручена на время продолжительнаго плаванія попеченію англійскаго семейства Энгрэма и еще какихъ-то супруговъ, отплывшихъ съ нею на одномъ кораблѣ, называвшемся «Леркинсъ».

Въ Мадрасѣ корабль этотъ остановился, чтобъ взять новыхъ пассажировъ, между которыми, на горе мистеру Джемсу, оказался и лейтенантъ Леноксъ. Спустя нѣсколько дней — какъ рассказываетъ г. Линднеръ — общество пассажировъ, бывшее на пароходѣ, замѣтило, что Лола принялась кокетничать съ молодымъ и красивымъ лейтенантомъ. Неблагорасположенный къ ней ея нѣмецкій біографъ поставляетъ это на видъ, какъ нравственную распущенность молодой женщины, хотя въ сущности здѣсь нѣтъ ничего особенно предосудительнаго, тѣмъ болѣе, что Лола пустила въ ходъ кокетство даже не при первой встрѣчѣ съ лейтенантомъ Леноксомъ, а спустя нѣсколько дней. Да и способъ ея кокетничанья г. Линднеръ обозначилъ англійскимъ словомъ «flitiation», подъ которымъ даже у самыхъ чопорныхъ англичанъ подразумѣвается собственно кокетство въ весьма скромной степени.

Когда Лола высадилась на берегъ въ Дублинѣ, то тамъ встрѣтилъ ее маіоръ Мюллэнтъ, вниманію котораго поручилъ Лолу отчимъ ея мужа. Новый знакомецъ предложилъ мистрисъ Джемсъ воспользоваться его гостепріимствомъ и помѣститься въ его домѣ; но Роза отклонила это предложеніе и въ добавокъ совершенно неожиданно заявила, что она не желаетъ имѣть никакихъ сношеній съ родными своего мужа, а намѣрена выйти замужъ за лейтенанта Ленокса. Мистеръ Мюллэнтъ посѣдѣлъ сообщить объ

этой неожиданности Джемсу, который, какъ мужъ, оскорбленный такимъ поступкомъ своей супруги, въ свою очередь, не замедлилъ прислать въ Лондонъ просьбу о разводѣ съ измѣнницею.

Въ то время — а можетъ быть и теперь еще такъ ведется — бракоразводныя дѣла въ Англіи подлежали вѣдѣнію палаты лордовъ, и изъ членовъ этой палаты назначались особые судьи по дѣламъ такого рода. Въ числѣ судей состоялъ тогда, между прочимъ, и лордъ Брумъ, извѣстный своею страстью вмѣшиваться въ супружескіе разлады. При разсмотрѣніи просьбы о разводѣ, онъ доискивался до самыхъ мельчайшихъ подробностей супружеской жизни, причемъ свои ухищренные допросы онъ обращалъ преимущественно на просительницъ и обыкновенно принималъ ихъ сторону. Такъ какъ теперь о разводѣ просилъ не только мужъ, но и жена, то, при участіи лорда къ судьбѣ мистрисъ Джемсъ, разводъ — впрочемъ не окончательный — былъ вскорѣ дозволенъ. Чету Джемсовъ только разлучили, по формальному каноническому выраженію, отъ стола и ложа (*a mensa et toro*) но въ выданномъ мистрисъ Джемсъ копіи судебнаго рѣшенія опредѣленіе суда было изложено такъ туманно, что Роза могла считать себя совершенно свободною отъ брачныхъ узъ. Получивъ такое рѣшеніе, будущая Лола Монтесъ объявила, что она не желаетъ вступать въ бракъ съ Леноксомъ, а предполагаетъ пользоваться безусловной свободой, и съ этого времени начинается ея кочевая жизнь.

VI.

Около этой поры, въ Парижѣ, подъ вліяніемъ поэзіи Альфреда де-Мюссе, была мода на все испанское. Въ особенности же увлекались парижане испанскими танцами. Въ тамошнихъ театрахъ ежедневно безъ устали танцевали качучу, болеро и фанданго. Въ столицѣ Франціи появился цѣлый рой оболѣстительныхъ красавицъ изъ испанскихъ уроженокъ, которыя, порхая на сценѣ, приводили въ восторгъ не только молодежь, но и старцевъ. Смѣтливая Роза тотчасъ поняла, что испанскіе танцы проложатъ ей дорогу и, принявъ испанское имя Маріи-Долоресъ Поррисъ-и-Монтесъ, выступила на сцену, какъ испанская танцовщица.

По свидѣтельству г. Линднера, подыскивающего все не въ пользы доны Долоресъ, Лола очень дурно исполняла испанскіе танцы, и это обстоятельство, по мнѣнію придирчиваго ея біографа, заставляетъ предполагать подложность ея испанскаго происхожденія. Но если съ точки зрѣнія строгаго хореографическаго искусства танцы Лолы оказывались и неудовлетворительными, за то та часть публики, которая, помимо искусства, искала въ танцахъ проявленія чувственности и страсти, была въ восхищеніи отъ новопояви-

впелся танцорки. Большинство зрителей приходило въ восторгъ отъ тѣлодвиженій Лолы, то медленныхъ и томительныхъ, то такихъ быстрыхъ и напряженныхъ, что отъ нихъ трещала ея туго стянутый шелковый корсетъ. Какъ бы, впрочемъ, она ни танцо-

Лола Монтесъ.

Съ современной литографіи.

вала плохо въ художественномъ отношеніи, но всѣмъ нравились ея танцы, такъ какъ, вѣроятно, она исполняла ихъ примѣнительно къ словамъ одной современной намъ опереточной пѣсенки:

«Взгляните здѣсь, взгляните тамъ,
Скажите, нравится ли вамъ?...»

Составивъ себѣ въ Парижѣ не совсѣмъ скромную извѣстность, Лола Монтесъ отправилась путешествовать по Европѣ. Нѣтъ свѣдѣній о томъ, какъ она миновала разстояніе, отдѣляющее Парижъ отъ Берлина, но посѣщеніе ею этого послѣдняго ознаменовалась со стороны ея громкимъ скандаломъ. Когда здѣсь король Фридрихъ-Вильгельмъ IV производилъ парадъ своимъ войскамъ, Лола явилась на парадъ амазонкою, и когда она захотѣла проѣхать тамъ, гдѣ ѣзда была запрещена, то подскакавшій къ наѣздницѣ жандармъ счелъ нужнымъ удержать ея лошадь. Съ своей стороны, Лола, вмѣсто того, чтобъ послушаться жандарма, въ возмездіе за его усердіе по части поддержанія порядка, нанесла ему сильный ударъ хлыстомъ по лицу. Въ Пруссіи никогда не любили шутить съ нарушителями общественнаго порядка и потому Лолу на другой же день потянули къ суду. Ей предстояла за ея поступокъ кара куда-какъ не легкая—заключеніе на нѣсколько мѣсяцевъ въ смиренномъ домѣ. Кару эту слѣдовало усилить еще болѣе, такъ какъ она, получивъ повѣстку о явкѣ въ судъ по дѣлу объ оскорбленіи дѣйствіемъ въ публичномъ мѣстѣ жандарма, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, оскорбила и судъ. Принявъ съ пренебреженіемъ присланную ей повѣстку, она разорвала ее въ клочки и бросила ихъ въ лицо полиціанту.

Лолѣ приходилось плохо и она обратилась съ просьбою о помилованіи непосредственно къ самому королю; а благодушный Фридрихъ-Вильгельмъ IV написалъ на ея просьбѣ слѣдующія строки:

«Мамзель Лола—простодушный ребенокъ и хорошенькая дѣвушка, и мы полагаемъ, что поступокъ ея не заслуживаетъ такого строгаго наказанія, какъ заключеніе въ смиренномъ домѣ. Полицейскія власти должны озаботиться, чтобы она немедленно выѣхала изъ Берлина, почему и надлежитъ выдать ей паспортъ».

Это собственноручное повелѣніе короля было закрѣплено постановкою внизу его двухъ буквъ—Ф. В. т. е. Фридрихъ-Вильгельмъ, и адресовано на имя президента берлинской позиціи Путкаммера.

Неизвѣстно, какимъ образомъ Фридриху-Вильгельму, человѣку весьма почтенному не только по его высокому сану, но и по его старческимъ годамъ, была знакома хорошенькая наѣздница, и при томъ не какъ замужняя дама, а какъ простодушная миленькая дѣвушка.

Изъ Берлина Лола переѣхала въ Варшаву, предшествуемая молвою о ней, какъ объ очаровательной вѣтреницѣ. Здѣсь она танцевала на сценѣ Большаго театра нѣсколько разъ, и дѣло шло благополучно то тѣхъ поръ, пока она приподняла уже слишкомъ высоко одну ногу, быстро сняла подвязку и бросила ее въ партеръ. Въ партерѣ поднялась суматоха: одни хотѣли овладѣть подвязкой Лолы, какъ дорогимъ сувениромъ, а другіе разразились сильнымъ негодованіемъ противъ такой дерзкой выходки. Около той поры,

балетъ въ Варшавѣ былъ превосходный, а польки-«балетнички» были на подборъ—красотка къ красоткѣ. Директоръ варшавскихъ театровъ, генераль Абрамовичъ, чрезвычайно дорожилъ балетомъ, о представительницахъ котораго имѣлъ самое заботливое попеченіе и его высокій начальникъ, свѣтлѣйшій князь Варшавскій. Паскевича, во время казуса Лолы, въ Варшавѣ не было. Быть можетъ, онъ, хотя уже и порядкомъ поустарѣвшій и поуходившійся на поприщѣ любовныхъ похожденій, все-таки оказалъ бы Лолѣ снисхожденіе. Замѣстителемъ его былъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, вовсе не охотникъ до женскаго пола, человѣкъ весьма почтенныхъ лѣтъ, и при томъ крайне близорукій, и въ добавокъ чрезвычайно разсѣянный или, вѣрнѣе сказать, растерянный. Онъ отличался еще тѣмъ, что не только не засматривался на хорошенькихъ женщинъ, но даже и вовсе не замѣчалъ ихъ. Въ строгости съ Лолой была отчасти и политическая подкладка. Скандалъ былъ совершенъ ею въ императорско-царскомъ театрѣ, слѣдовательно, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, какъ бы въ нѣкоемъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ даже самыя игривыя балерины танцовали съ лукавою скромностью, благопристойно и чинно. Князь Горчаковъ, и почтенный генераль-директоръ, хотя и совершенно напрасно, опасались, что заѣзжая балерина, какъ новинка, чего добраго отобьетъ молодежь отъ мѣстнаго балета, и потому выходѣ Лолы былъ приданъ политическій оттѣнокъ. Мѣстнымъ властямъ пришло на мысль, что Лола можетъ подавать зловредный примѣръ подчиненнымъ театральному вѣдомству варшавяночкамъ, которыя съумѣютъ, если вздумаютъ, поднять ножку, да еще пожалуй и по выше, чѣмъ Лола и, чего добраго, станутъ снимать уже не подвязки, а башмачки и бросать ихъ въ партеръ, гдѣ засѣдаютъ правительственные лица, такъ что здѣсь можетъ быть подразумѣваема и политическая демонстрація. Дѣло, однако, кончилось тѣмъ, что Лолу выпроводили изъ Варшавы. Она не хотѣла подчиниться такой полицейско-принудительной мѣрѣ и вступила въ переписку съ тогдашнимъ министромъ, статсъ-секретаремъ царства Польскаго, Туркуломъ, который, какъ говорили, былъ равнодушенъ къ Лолѣ. Въ Варшавѣ къ числу ея обожателей примкнулъ молодой гусарскій офицеръ, родомъ полякъ. Пишущій настоящія строки зналъ лично этого молодаго человѣка. О немъ говорили, что онъ пользовался особенною благосклонностью Лолы и что, будто-бы, онъ отбилъ ее у короля Людвига I, за что и былъ отправленъ на Кавказъ. Но примѣсъ короля по хронологической повѣркѣ оказывается не точною, такъ какъ тогда Лола не появлялась еще въ Мюнхенѣ.

Извѣстность Лолы распространялась все болѣе и болѣе, чему особенно содѣйствовали происходившія изъ за нее дуэли, которыя всего болѣе содѣйствуютъ прославленію женщины, ищущей себѣ поклонниковъ. Изъ Варшавы Лола переѣхала на житье въ Ба-

днѣ-Баденѣ, и тамъ однажды, на балу въ общественномъ собраніи, затанцовалась—какъ выражались у насъ въ старину—столь «неистово», что присутствовавшіи на балу дамы поспѣшили поскорѣе выбраться изъ залы. Изъ Баденѣ-Бадена Лола переехала въ Мюнхенѣ, который и сдѣлался мѣстомъ ея любовно-политическихъ подвиговъ, доставившихъ ей обще-европейскую извѣстность.

VII.

Мы уже ознакомили нашихъ читателей съ личностью короля баварскаго Людвига I, на столько, на сколько это нужно въ настоящемъ разсказѣ. Ни о государственныхъ его дѣяніяхъ, ни о его военныхъ подвигахъ, говорить теперь не приходится, да о послѣднихъ ничего нельзя и сказать, такъ какъ ихъ за Людвигомъ вовсе не числится. Въ Мюнхенѣ Лола не выступала въ качествѣ балерины, не смотря на то, что нѣмцы очень любятъ танцы и балету оказываютъ даже историческій почетъ. Такъ, напримѣръ, въ дрезденскомъ музеѣ древностей помѣщено въ особой витринѣ, на ряду съ историческими бранными доспѣхами, нѣсколько паръ башмаковъ тѣхъ танцовщицъ, которыя въ былое время порхали по различнымъ европейскимъ сценамъ и пріобрѣли себѣ извѣстность.

Изъ Бадена Лола пріѣхала въ столицу Баваріи въ очень тонкихъ обстоятельствахъ. Она постоянно вела самую нерасчетливую жизнь и на бѣду ея въ эту пору у ней не было покровителей съ туго набитымъ карманомъ, такъ какъ подобные поклонники не встрѣчаются сплошь-и-рядомъ. Дѣло дошло до того, что слишкомъ много задолжавшую Лолу кредиторы ея хотѣли упрятать въ домъ заключенія неисправныхъ должниковъ; но вдругъ бѣдственные ея обстоятельства совершенно измѣнились, чему именно и посодѣйствовали ея кредиторы. Подъ страхомъ ихъ угрозъ и узнавъ уже по опыту, въ Берлинѣ, что молоденькой и хорошенькой женщинѣ не слишкомъ трудно пріобрѣсти себѣ даже высочайшихъ покровителей, и зная, что король Людвигъ большой любитель всего прекраснаго, а между прочимъ и женской красоты, Лола испросила у него аудіенцію, надѣясь, что его величество соизволитъ войти въ ея бѣдственное положеніе и, такъ или иначе, избавить ее отъ преслѣдованій со стороны грозныхъ кредиторовъ. Лола не ошиблась въ своей пріятной надеждѣ. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Мюнхенѣ, она обратила на себя вниманіе публики, и многіе считали ее достойной попасть въ дворцовую портретную залу. Докладъ королю о томъ, что нѣкая дѣвица, «благородная испанка», Доло-ресь Поррисъ-и-Монтесъ осмѣливается просить у его величества самую непродолжительную аудіенцію, сопровождался докладомъ и о томъ, что ей можно было бы отвести мѣсто въ портретной залѣ.

Король изъявилъ желаніе допустить предъ свои ясныя очи «простодушнаго ребенка и хорошенькую дѣвушку». Неизвѣстно, была ли продолжительна первая аудіенція и повторилась ли она еще разъ; извѣстно лишь, что Лола, послѣ перваго свиданія съ королемъ, не только раздѣлалась со всѣми своими кредиторами, но и стала жить на очень широкую ногу; а портретъ ея появился въ дворцовой залѣ.

По другому разсказу, починъ знакомства Лолы съ королемъ принадлежалъ этому послѣднему, а не ей самой. Говорили, что во время одной духовной процессіи, происходившей на улицахъ католическо-набожнаго Мюнхена, какая-то молоденькая дамочка обратила на себя вниманіе короля своими «театральными манерами». Дамочка эта и была Лола, вѣроятно, пустившая въ ходъ тѣ обольстительныя взгляды и тѣлодвиженія, которые увлекали зрителей во время ея танцевъ на сценѣ. Разумѣется, что она не могла танцевать на улицѣ, да еще во время духовной процессіи; но бросаемыя ею на короля нѣжныя и томныя взгляды и выразительная мимика ея личика возбудили заснувшія страсти державнаго старца, который и поспѣшилъ свести близкое знакомство съ своей ловкой искусительницей.

Вскорѣ послѣ того, сперва въ Мюнхенѣ, а потомъ и во всей Баваріи, заговорили не только о сердечныхъ отношеніяхъ короля къ Лолѣ, но и о томъ, что она приобрѣла надъ этимъ старцемъ неотразимое вліяніе. Толковали, что король вручилъ ей ключъ отъ своего кабинета, въ который она могла такимъ образомъ входить во всякое время безъ доклада. Лола являлась теперь какъ бы повтореніемъ любовницы Людовика XV, госпожи Дюбарри, разумѣется, въ уменьшонномъ размѣрѣ, соотвѣтственно той разницѣ, какая существовала между величіемъ короля французскаго и относительной незначительностью короля баварскаго. Чтобы нравиться своему высокому покровителю, Лола употребляла тѣ же самыя приемы, какіе употребляла Дюбарри въ своихъ сношеніяхъ съ Людовикомъ, и дѣла ея пошли отлично.

Доказательства любви къ ней короля были на лицо. Онъ купилъ ей на одной изъ лучшихъ улицъ своей столицы, Баррерштрассе, большой домъ, отдѣлавъ его съ поразительнымъ великолѣпіемъ и со всѣми удобствами. Въ немъ было все: и обширныя залы и гостиныя, и роскошныя будуары, и зимній садъ, и фонтаны, и обширный, обставленный тропическими растеніями, мраморный бассейнъ съ проточной водой, замѣнявшій обыкновенную ванну.

Внѣшность дома, подареннаго королемъ Лолѣ, отличалась великолѣпною лѣпной работой, и ярко блесѣли въ окнахъ его большія зеркальныя стекла. Короче, домъ этотъ казался не жилищемъ заурядной танцовщицы, но дворцомъ владѣтельной особы, располагающей громадными богатствами.

При домѣ этомъ былъ изящный, открытый со всѣхъ сторонъ, балконъ, который — по разсказамъ современниковъ, перешедшимъ потомъ и въ печать — сдѣлался для Людвига I мѣстомъ публичнаго позора, не только какъ для короля, но и какъ для обыкновеннаго любовника. Забравъ Людвига въ свои руки, или — говоря нѣжнѣе — въ свои лапки, взбалмошная Лола позволяла себѣ съ нимъ самыя дерзкія и даже, просто-на-просто, глупыя выходки, и позволяла ихъ, не только оставаясь съ нимъ наединѣ или въ небольшомъ кружкѣ близкихъ къ королю людей, но выставляла его и на публичное посмѣшище. Такъ, однажды, она пригласила его уѣсться на балконъ, и, конечно, одно уже появленіе его здѣсь, да еще вмѣстѣ съ его любовницей, должно было произвести сильный скандалъ. Лола, однако, не удовольствовалась этимъ. Усадивъ короля на балконъ, она быстро выпорхнула въ двери и впустила въ нихъ заранѣе приготовленнаго въ сосѣдней комнатѣ козла съ большими рогами. Когда замечтавшійся, или, вѣрнѣе сказать, старчески-вздремнувшій на балконѣ король очнулся отъ происшедшаго около него шума, то съ изумленіемъ и, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнимъ негодованіемъ, увидѣлъ подлѣ себя вовсе неожиданнаго сосѣда, огромные рога котораго были самымъ нагляднымъ намекомъ на то украшеніе, какое преподносила королю Лола. Король прежде всего кинулся къ дверямъ, чтобъ уйти съ балкона, но онѣ оказались запертыми на ключъ изнутри комнаты, и повелитель Баваріи долженъ былъ, въ виду собравшейся толпы, оставаться нѣкоторое время на балконѣ съ своимъ крайне неприятнымъ рогоноснымъ сотоварищемъ. Эта выходка Лолы сошла, однако, ей счастливо, и король остался съ ней въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ, потерявъ, однако, среди своихъ вѣрноподанныхъ и послѣдній остатокъ уваженія.

VIII.

Въ ряду различныхъ скандаловъ, производимыхъ постоянно «простодушнымъ ребенкомъ», всего замѣтнѣе выдавалась ея страсть бить мужчинъ; но женщинъ она никогда не затрогивала. Въ Мюнхенѣ эта страсть проявлялась въ ней съ особенной силою.

По пріѣздѣ въ Мюнхенъ, Лола помѣстилась въ самомъ лучшемъ въ ту пору тамошнемъ отелѣ — «Золотой Олень». Въ залѣ этого отеля устраивались между прочимъ и маскарады. Наступило заговѣнье, и въ этотъ день въ залѣ «Золотаго Оленя» былъ назначенъ маскарадъ по подпискѣ между общими знакомыми одного общества. Лакей Лолы захотѣлъ попасть на этотъ маскарадъ; но содержатель гостинницы, французъ Гавардъ, заявилъ ему, что онъ, Гавардъ, не имѣетъ права допустить его туда, такъ какъ маска-

радъ устроивается безъ постороннихъ гостей, только по личнымъ приглашеніямъ.

Когда Лола узнала о такомъ отказѣ ея лакею, то побѣжала къ Гаварду, котораго и застала въ общей залѣ. Французъ Гавардъ не только вѣжливо, но и чрезвычайно любезно объяснилъ ей причины отказа; а Лола, съ своей стороны, принялась съ запальчивостью говорить ему, что онъ не умѣетъ вести свое дѣло и поступаетъ весьма глупо, не допуская въ маскарадъ всѣхъ безъ разбора въ такой днь, какъ заговѣнье. Но едва онъ началъ почтительно возражать Лолѣ, какъ получили отъ нея пощечину. Какъ кавалеръ, чрезвычайно сдержанный въ обращеніи съ дамами, Гавардъ сдѣлалъ видъ, будто и не замѣтилъ полученной имъ пощечины. Но на бѣду Лолы, находившійся въ это время въ залѣ портныхъ дѣлъ мастеръ Риль — неизвѣстно, желавшій ли поддержать Гаварда, или Лолу — вмѣшался въ ихъ разговоръ; но едва лишь онъ успѣлъ выговорить одно слово, какъ, за вмѣшательство не въ свое дѣло, тоже получилъ пощечину. Баварецъ, однако, не былъ такъ вѣжливъ, какъ французъ: онъ, сильно взбѣшенный, кинулся на обидчицу и принялся хлестать ее по щекамъ. Произошла сильная свалка. Риль скоро одолѣлъ свою противницу и, ухвативъ ее спереди за верхнюю часть корсета, поволокъ къ дверямъ, чтобъ вытолкать изъ залы. Поднялся страшный гвалтъ. Сбѣжались прислуга и жильцы; явилась также и полиція, и послѣдствіемъ этой схватки былъ уводъ и Рили, и Лолы въ полицейскій участокъ. Дѣло, однако, кончилось ничѣмъ, такъ какъ оскорбленіе и побои были обоюдными.

Не смотря на хорошую трепку, заданную Лолѣ Рилемъ, она не отставала отъ ручной расправы, и вслѣдствіе этого съ ней случился такой казусъ: у Лолы была любимая собачка, и когда эта любимица захворала, Лола отправила ее на излеченіе къ врачу, состоявшему профессоромъ при мюнхенскомъ ветеринарномъ училищѣ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Лола сама отправилась къ почтенному цѣлителю, чтобъ навѣдаться о состояніи здоровья поступившей къ нему пациентки. Ветеринаръ-профессоръ сообщалъ Лолѣ, что ея собачка не только не поправляется, но что ей сдѣлалось хуже, чѣмъ прежде. Лола отнесла это къ небрежности врача и, не вступая съ нимъ ни въ какія объясненія, закатила ему горячую оплеуху, а затѣмъ схватила собачку и побѣжала домой. Оскорбленный Лолою собачій эскулапъ не захотѣлъ спустить такой жестокой обиды и обратился въ судъ съ жалобой на Лолу. Но прежде, чѣмъ произошло разбирательство по этой жалобѣ, директоръ ветеринарнаго училища получилъ собственноручный рескриптъ короля, рекомендовавшій ему, директору, дѣвицу Долоресъ Поррисъ-и-Монтесъ, какъ шаловливаго ребенка, къ которому нельзя сурово относиться; и дѣло ея съ профессоромъ-ветеринаромъ было замято.

Драчливая Лола не унялась, и вскорѣ повторила тоже самое, по поводу той же собачки. Однажды, когда она прогуливалась по Людвигштрассе съ своей собачкой, въ сопровожденіи двухъ кавалеровъ, мимо нее прошелъ газетный разнощикъ съ своей собачкой. Разумѣется, что между этими собачками произошла обыкновенная встрѣча, а торопившійся по дѣлу разнощикъ, желая прекратить ихъ пріятную встрѣчу, замахнулся на нихъ. Лола не стерпѣла такого оскорбленія своей любимицы, и вдругъ разсыльный былъ ошеломленъ пощечиной, данной ему со всего размаху. Оскорбленный простолюдинъ, увидя, что драчунья была молоденькая, хорошенькая и изящно одѣтая дамочка, не заявилъ никакого протеста. Онъ только подивился ея смѣлости, пожалъ плечами, позвалъ свою собачку и преспокойно пошелъ своей дорогой. Иначе, однако, отнеслась къ такой расправѣ со стороны молодой дамы бывшая при этомъ публика. Тотчасъ собралась около Лолы толпа съ оскорбительными и угрожающими криками, такъ что она должна была укрыться въ находящійся поблизости магазинъ серебряныхъ издѣлій и оставаться тамъ до прибытія на ея выручку жандармовъ. По настоянію публики, миролюбивый самъ по себѣ простолюдинъ долженъ былъ заявить полиціи жалобу на нанесенное ему оскорбленіе; но затѣмъ онъ примирился со своей обидчицей, получивъ съ нее денежное вознагражденіе. Въ заступничествѣ за него публики была уже политическая подкладка. По поводу этого случая, мюнхенцы спрашивали одинъ другаго: почему какая-то иностранка позволяетъ себѣ оскорблять баварскаго гражданина? — и въ отвѣтъ на это слышались рѣчи, исполненные негодованія противъ могущественнаго покровителя Лолы — короля Людвига. Король, однако, не обращалъ на этотъ зловѣщій признакъ никакого вниманія и только громко хохоталъ, когда ему рассказывали о расправѣ Лолы, и хвалили ее за ея отвагу.

Вскорѣ послѣ того, Лола опять пустила въ ходъ пощечину. Ей понадобилась какая-то справка на почтѣ и она отправилась въ королевскій почтамтъ. Когда она явилась туда, то начала распоряжаться тамъ, какъ у себя дома, и захотѣла войти въ то отдѣленіе почтамта, куда входъ публикѣ былъ запрещенъ. Одинъ изъ чиновниковъ указалъ ей на запретительное объявленіе, вывѣшанное на дверяхъ, но Лола, не отвѣчая ничего, размахнулась и звонкая пощечина раздалась въ залѣ почтамта. Былъ составленъ протоколъ приглашенною въ почтамтъ полиціей и на слѣдующій день Лола получила повѣстку — явиться въ полицейскую управу, какъ обвиняемая въ нарушеніи тишины и спокойствія въ присутственномъ мѣстѣ и за оскорбленіе дѣйствіемъ королевскаго чиновника, находившагося при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей. Взысканіе за это, само по себѣ, было не легкое; но Лола, раздраженная тѣмъ, что она должна была лично явиться въ по-

лицію и публично представить объясненія, поступила въ припадкѣ досады теперь точно такъ же, какъ поступила въ подобномъ случаѣ въ Берлинѣ. Полученную ею повѣстку она разорвала и принялась съ рѣзкою бранью топтать ее ногами. Вслѣдствіе этого, первоначальное дѣло приняло болѣе важный оборотъ: Лола должна была отвѣчать за оскорбленіе и поношеніе судебной власти; а за подобный поступокъ въ Баваріи полагалось наказаніе не менѣе строгое, какъ и въ Пруссіи, т. е., Лола подвергалась заключенію въ смиренномъ домѣ. На другой день послѣ этого, баронъ Пехманъ, президентъ мюнхенской полиціи, по распоряженію котораго дѣло о Лолѣ приняло законное направленіе, получилъ приказаніе немедленно явиться къ его величеству.

Баронъ, проживавшій прежде въ своемъ помѣстьи Ландсгутѣ и состоявшій въ этой мѣстности окружнымъ судьей, былъ только что назначенъ на должность президента полиціи. Когда онъ явился къ королю, его величество приказалъ ему доложить въ подробности о скандалѣ, случившемся въ почтамтѣ. Президентъ исполнилъ королевское приказаніе.

— А что говорятъ объ этомъ въ народѣ? спросилъ король.

Баронъ замаялся и пробормоталъ что-то едва слышное; но получивъ подтвердительное приказаніе, долженъ былъ исполнить волю государя.

— Ваше величество!—съ горестью сказалъ онъ,—вы потеряли лучший перлъ вашей короны—вы потеряли любовь народа.

— А, знаете, любезный баронъ, процѣдилъ сквозь зубы король,—не худо было бы вамъ поѣхать опять въ Ландсгутъ и подышать тамъ свѣжимъ деревенскимъ воздухомъ. Онъ, навѣрно, излечитъ васъ отъ вашихъ мрачныхъ мыслей.

На слѣдующій день объявлено было высочайшее повелѣніе объ увольненіи отъ должности президента Пехмана и о назначеніи на его мѣсто полицейскаго комисара Марка.

Разумѣется, что послѣ этого дѣло объ оскорбленіи дѣвицею Лолою Монтесъ чиновника и судебной власти было прекращено.

IX.

Баронъ Пехманъ былъ совершенно правъ, высказавъ королю съ полною откровенностью горькую для его величества истину. Неудовольствіе мюнхенцевъ противъ Людвига I за ту поблажку, какую онъ оказывалъ своей дерзкой любовницѣ, съ каждымъ днемъ становилось все сильнѣе и сильнѣе. Во всѣхъ кружкахъ немолчно слышались толки о господствѣ Лолы, и ея имя произносилось все чаще и чаще съ усиливавшеюся противъ нея ненавистью. Не мало содѣйствовала этому съ своей стороны и ультра-

монтанская партія, значеніе которой постепенно умалялось вслѣдствіе вліянія Лолы на короля и на правительство вообще. По личному своему расположенію къ тѣмъ или другимъ, или за большіе подарки, она доставляла мѣста и знаки отличія. Представители же ультрамонтанской партіи находили неприличнымъ добиваться чего-либо черезъ женщину, въ которой не было ни малѣйшаго признака набожности и преданности католической церкви. Заискивая въ Лолѣ, — въ этой отъявленной блудницѣ, и слѣдовательно въ страшной грѣшницѣ, — ультрамонтаны измѣнили бы самимъ себѣ. Вслѣдствіе вліянія Лолы, всѣ важныя должности въ королевствѣ начали занимать противники ультрамонтанъ, которые, съ своей стороны, не могли простить ей этого и возбуждали противъ нея общественное мнѣніе, и вскорѣ наступилъ кризисъ.

По поводу тѣхъ политическихъ событій, которыя произошли въ Мюнхенѣ, вслѣдствіе вліянія Лолы на короля, и стали сравнивать ее съ альпійской птичкой. Птичка эта отбиваетъ на вершинѣ горы своимъ маленькимъ клювомъ небольшой снѣжный комокъ, который, покатившись внизъ по снѣгу, обращается сперва въ снѣжную глыбу, а потомъ въ громадную лавину, разрушающую все, что встрѣчаются ей на пути.

Король Людвигъ, желая съ одной стороны сдѣлать удовольствіе своей возлюбленной, а съ другой прикрыть имя Лолы Монтесъ, которое стали произносить со злобою и презрѣніемъ, возвелъ ее въ графское достоинство съ фамиліей Ландсфельдъ. По поводу этого пожалованія, французскій стихотворецъ Мері написалъ слѣдующее двустишіе:

De ces vaines honneurs ne sois point jalouse,
Ton meilleur parchemin c'est ta peau d'andalouse.

т. е. не тщеславься этими суетными почестями; твой лучшій пергаментъ—твоя собственная андалузская кожа. Для дѣйствительности заготовленнаго ей на пергаментѣ диплома на графскій титулъ требовалось, чтобы на дипломѣ была скрѣпа министровъ, которые теперь, какъ ультрамонтаны, и рѣшились отомстить новопожалованной графинѣ отказомъ въ своихъ подписяхъ. Ультрамонтанское министерство стало доказывать королю, конечно въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что выдача графскаго диплома такой особѣ, которая не оказала государству никакихъ услугъ, будетъ дѣломъ неподходящимъ, и что подобная милость будетъ объяснена въ публикѣ только личною милостію короля и породитъ вздорные толки въ неблагопріятномъ смыслѣ для его величества. Король не пожелалъ входить съ своими министрами въ какія либо пререканія, и, воспользовавшись правомъ, предоставленнымъ ему конституціей въ чрезвычайныхъ случаяхъ, уволилъ въ отставку непослушное передъ нимъ министерство. Королевскій указъ о такомъ увольненіи

былъ подписанъ королевѣмъ не въ его кабинетѣ, а въ будуарѣ Лолы, откуда былъ посланъ и другой указъ—указъ о назначеніи новыхъ министровъ. Всѣ очень хорошо поняли, кто распоряжался и въ томъ и въ другомъ случаѣ. Въ числѣ приверженцевъ павшаго такимъ образомъ министерства, было не мало профессоровъ мюнхенскаго университета, которые и принялись теперь истолковывать своимъ слушателямъ распоряженіе короля не только какъ самовластный, но и какъ безнравственный поступокъ. Король не обращалъ на это вниманія, составивъ новое министерство изъ лицъ, которыя были пріятны ея сіятельству графинѣ Маріи фонъ-Ландсфельдъ.

Вслѣдствіе этого, въ Мюнхенѣ негодованіе противъ короля усиливалось все болѣе; взрывъ былъ уже подготовленъ. Оставалось только бросить искру, что вскорѣ и случилось.

Х.

Среди мюнхенскихъ студентовъ образовалась въ это время партія, или буршество такъ называемыхъ «аллемановъ». Партія эта состояла изъ молодежи, принадлежавшей исключительно къ баварской знати. Не мало въ составъ ея входило князей, графовъ, бароновъ и фоновъ. Партія эта была проникнута безусловною преданностью королю и поставила себѣ задачей защищать монарха отъ его враговъ. Такая ея преданность, однако, обратилась въ унижительную угодливость, такъ какъ аллеманы, желая доказать на дѣлѣ свою готовность стоять за короля, объявили себя защитниками и той, которая была его величеству дороже всего на свѣтѣ, т. е. графини Ландсфельдъ. Они сдѣлались ея тѣлохранителями, и такъ какъ въ Мюнхенѣ начались противъ нея уличныя демонстраціи, то аллеманы ежедневно сопровождали Лолу во время ея прогулокъ по городу, чтобы въ случаѣ надобности немедленно оказать ей защиту. Жители Мюнхена, не принадлежавшіе къ аристократіи, были крайне возмущены такимъ прислужничаніемъ аристократической молодежи, а также и всѣ прочіе студенты были противъ своихъ товарищей-охранителей. Такимъ образомъ, каждую минуту приходилось ждать уличнаго столкновенія.

По городу разнеслась молва, что одинъ изъ аллемановъ, какой-то графчикъ, ходитъ по городу съ кинжаломъ, чтобы употребить въ дѣло это оружіе для защиты графини Ландсфельдъ, и когда, спустя нѣсколько дней, Лола, подѣхавъ въ каретѣ къ зданію полиціи, вышла изъ экипажа и отправилась гулять пѣшкомъ подъ защитою директора полиціи, то собравшаяся на улицѣ толпа народа преградила дорогу каретѣ Лолы и съ громкими непріязненными криками окружила графиню. Она нисколько не испугалась

раздававшихся около нея угрозъ. Вынувъ изъ кармана своего платья пистолетъ и обратившись къ толпѣ, онъ смѣло и громко, на исковерканномъ нѣмецкомъ языкѣ, крикнула:

— Берегитесь, у меня есть пистолетъ!

Эта угроза еще болѣе раздражила толпу, которая еще сильнѣе стала наступать на Лолу; но она продолжала свою прогулку, желая убѣдить своихъ непріятелей, что сумѣетъ справиться съ ними. Когда она проходила мимо церкви «театиновъ», то на встрѣчу ей попался какой то господинъ, который, какъ показалось ей, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на нее. Не говоря ни слова, Лола подскочила къ нему и закатала пощечину. Въ толпѣ, при видѣ этого, раздался грозный ревъ, и теперь сильно струсившая забѣлка думала только о томъ, чтобы поскорѣе добѣжать до церкви и укрыться тамъ отъ ярости разсвирѣпѣвшей толпы. Она полагала, что церковь будетъ для нее надежнымъ убѣжищемъ и, вбѣжавъ туда, упала на колѣни, и начала усердно молиться. Надежда ея, однако, не сбылась; толпа слѣдомъ за Лолой ворвалась въ церковь и вытолкала ее оттуда; и когда она появилась на паперти, то раздались дикіе вопли:

— Вотъ она!.. На фонарь ее!..

Прикрываемая своими тѣлохранителями, Лола кое-какъ добралась до сосѣдняго дома, принадлежавшаго какому-то графу. Она хотѣла спрятаться во дворъ этого дома, но передъ нею захлопнули дверь. Въ это время на мѣсто происшествія подошли жандармы, и Лола подъ ихъ защитою, преслѣдуемая толпою, запрудившею улицу во всю ширину, успѣла съ трудомъ, подвергаясь на каждомъ шагу опасности, добраться до королевскаго замка. Тамъ королевская стража сдержала народъ. Лола пробыла у короля часа три и когда уличное волненіе улеглось, она въ придворной каретѣ съ опущенными сторами возвратилась къ себѣ домой.

Нападеніе на Лолу приписано было университетскимъ студентамъ, противникамъ аллемановъ, и на слѣдующій день, послѣ описаннаго здѣсь происшествія, въ университетѣ, на черной доскѣ, было вывѣшено объявленіе о закрытіи университета и объ удаленіи изъ числа студентовъ тѣхъ, которые принимали участіе въ уличныхъ беспорядкахъ. Студенты собрались на сходку, но жандармы розагнали ихъ. Тогда зашумѣли горожане. Составилось въ городской ратушѣ громадное собраніе, которое постановило потребовать отъ короля удаленія изъ Мюнхена графини Ландсфельдъ. На случай же, если это требованіе не будетъ удовлетворено, 30,000 гражданъ положили взяться за оружіе. Дѣло, однако, не дошло до такой крайности.

XI.

11-го февраля 1849 года, раннимъ утромъ подъѣхалъ къ дому графини Ландсфельдъ очень плохенькій фіакръ, заготовленный заботливою полиціей на случай, если бы ей пришлось скрыться отъ народа, среди котораго въ это время началось волненіе, продолжавшееся усиливаться въ теченіи цѣлаго дня. Въ сумерки, передъ домомъ Лолы собралась громадная толпа, состоявшая изъ лицъ всякаго званія. Теперь Лолу не покидала ея храбрость; она нѣсколько разъ появлялась съ пистолетомъ въ рукѣ у открытаго окна и кричала народу:

— Я здѣсь! Убейте меня, если у васъ хватитъ на то смѣлости.

Ей приходилось, однако, выдерживать настоящую осаду; народъ готовился брать приступомъ ея домъ и уже началъ ломать желѣзную рѣшетку, окружавшую садъ со стороны улицы. Погибель Лолы, казалось, была неизбежна; но прислуга силою вывела ее изъ дому и усадила въ бывшій на готовѣ фіакръ, а кучеръ пустилъ лошадей во всю прыть. Вскорѣ, послѣ отъѣзда Лолы, толпа ворвалась въ ея домъ и привялась опустошать его. Зеркальныя стекла въ оконныхъ рамахъ были выбиты каменьями; внутри дома фарфоровыя вазы, мраморныя статуи, хрустальныя вещи и зеркала были разбиты въдребезги, картины, драпри и ковры разорваны на клочки, мебель ободрана и переломана, растенія въ зимнемъ саду уничтожены. Во время этого опустошенія, передъ домомъ графини Ландсфельдъ появился король, встрѣченный непріязненными криками. Онъ былъ смертельно блѣденъ, черты лица его были искажены отъ ужаса. Король оставался безмолвнымъ зрителемъ народной ярости и, видя свое безсиліе, поспѣшилъ возвратиться во дворецъ.

Ускакавшую изъ Мюнхена въ Ландау Лолу сопровождало нѣсколько полицейскихъ чиновниковъ, а главнымъ ея охратителемъ былъ статскій совѣтникъ фонъ-Барксъ, который, по благополучномъ ея прибытіи въ Ландау, началъ безпрестанно посылать королю официальные бюлетени о состояніи ея здоровья.

Послѣ побѣга Лолы изъ Мюнхена, всѣ разсудительные люди, видя данный ей жестокій урокъ и тотъ упадокъ духа, въ которомъ находился король, считали дѣло поконченнымъ и полагали, что Лола, не смотря на всю ея дерзость, не посмѣетъ возвратиться въ королевскую столицу. Вскорѣ, однако, пошла ходить по Мюнхену молва, что Лола пріѣзжала тайкомъ для свиданія съ королемъ. Разсказывали, что въ Мюнхенѣ видѣли ея кучера, переодѣтаго крестьяниномъ, что состоящій при ней фонъ-Барксъ появляется тайкомъ въ Мюнхенѣ, и, наконецъ, что даже ее самое схватили, когда она спряталась подъ софу въ комнатѣ королевскаго

камердинера. Какія обстоятельства побудили ее укрываться такимъ страннымъ образомъ — никто объяснить не могъ; но достаточно было упомянуть о ней, чтобъ возбудить всеобщую ненависть противъ короля и утверждать, что онъ продолжаетъ оставаться подъ вліяніемъ своей любовницы.

Отъѣздъ Лолы не прекратилъ возбужденнаго ею волненія, принявшаго характеръ революціоннаго движенія, которое было направлено и противъ королевской власти, а кстати и противъ ультрамонтанской партіи. Революція 1848 года, охватившая всю Германію, шла своимъ чередомъ и въ Баваріи. Прежде всего она вынудила короля Людвигу подписать, 20-го марта того же года, отречение отъ престола въ пользу старшаго его сына, Максимилиана II Іосифа, и заставила этого послѣдняго дать странѣ конституцію, несравненно болѣе либеральную, чѣмъ конституція 1818 года, а также устранить вліяніе ультрамонтанъ на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Послѣ отречения Людвигу, новое правительство признало недѣйствительнымъ дипломъ, выданный прежнимъ королемъ Лолѣ на графское достоинство. Король очень долго горевалъ о разлукѣ съ своей возлюбленной, которая, увидѣвъ, что отъ прежняго ея любовника ожидать уже нечего и что собственныя ея дѣла находятся въ очень плохомъ положеніи, отправилась на житье въ Лондонъ и тамъ вышла замужъ за поручика Гильда. Но родственники этого молодого человѣка за несоблюденіе формальностей, установленныхъ для совершенія брачнаго обряда, притянули мистрисъ Гильдъ къ суду. Между тѣмъ, ея супругъ, не желавшій развода, уѣхалъ съ Лолою на материкъ Европы, гдѣ эта чета прожила нѣсколько лѣтъ, наслаждаясь тихимъ супружескимъ счастьемъ. Вскорѣ Лола была совершенно забыта и о смерти ея существуютъ противорѣчивыя свѣдѣнія; по однимъ — она въ безвѣстности умерла въ исходѣ пятидесятихъ годовъ въ какой-то итальянской деревушкѣ; а по другимъ — она умерла гораздо позже, а именно, только въ 1861 году, въ шотландскомъ городѣ Монтрозѣ.

Е. Карновичъ.

ПЕРЕДОВОЙ ЧЕЛОВѢКЪ ДРЕВНОСТИ.

ВЪ ВЫСОТѢ Капитолія смотрятъ на насъ не сорокъ вѣковъ, какъ съ египетскихъ пирамидъ, и, однако жъ, едва ли въ мірѣ найдется другая мѣстность, гдѣ бы «исторія» намъ была такъ понятна и близка, какъ въ вѣчномъ Римѣ. Древность, средніе вѣка и новѣйшія времена тамъ слѣдовали другъ за другомъ въ такой непрерывности и взаимной связи, что, даже при самомъ поверхностномъ наблюдѣніи, современный человѣкъ, живущій только настоящимъ, не можетъ отрѣшиться отъ ихъ впечатлѣній. Каждый туристъ, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ Римомъ, долженъ невольно признать, что тамъ совершилось нѣчто великое, что оттуда исторія человѣчества получила новыя вѣянія. Разумѣется, изъ развалинъ и палаццо Рима историкъ вычитаетъ гораздо больше, нежели туристъ. Гиббонъ, сидя на развалинахъ Капитолія, вдохновился мыслью написать исторію паденія римской имперіи. Спустя почти столѣтіе, пріѣхалъ въ Римъ Грегоровіусъ и, по его собственному признанію, его охватилъ «средневѣковой геній» вѣчнаго города. Но на изученіи исторіи свѣтской власти папъ не остановилась пытливость этого ученаго. Римъ императорскій также напелъ въ немъ замѣчательнаго изслѣдователя. Это подтверждаетъ его обширный трудъ, недавно вышедшій въ значительной переработкѣ, объ императорѣ Адріанѣ¹⁾.

¹⁾ Kaiser Hadrian. Gemälde der römisch-hellenischen Welt zu seiner Zeit. Stuttgart. 1884.

Личность Грегоровіуса, какъ ученаго, весьма замѣчательна. Въ XXIII-мъ, томѣ извѣстнаго изданія «Nord und Süd» Фридрихъ Альтгаусъ посвятилъ Фердинанду Грегоровіусу обстоятельную біографію, изъ которой приведемъ сущест-

«истор. вѣстн.» май, 1884 г., т. XVI.

Историку тутъ предстояла задача, тѣмъ болѣе сложная, что герой его монографіи вовсе не герой въ принятомъ смыслѣ слова. Личность Адріана не внушаетъ къ себѣ ни любви, ни уваженія, ни страха. Онъ не снискалъ себѣ пылкихъ сторонниковъ и почитателей, имъ не было совершенно ни одного великаго, міръ приводящаго въ изумленіе, подвига. А между тѣмъ и романисты, и историки, Эберсъ и Ренанъ, состязались между собой въ стараніи обрисовать характерный образъ Адріана, уразумѣть его съ точки зрѣнія современной исторической науки и новѣйшихъ міровоззрѣній. Но имъ, очевидно, не доставало матеріаловъ. Оттого-то, при всемъ блескѣ красокъ, какими живописалъ Адріана Эберсъ, напримѣръ, образъ этого императора оставался неяснымъ, непонятнымъ. Ренанъ называетъ Адріана *«bel esprit, grand causeur, curieux de cho-*

ственнѣйшіе факты для характеристики историка. Грегоровіусъ родился въ 1821 году въ Нейденбургѣ (въ восточной Пруссіи). Когда ему было девять лѣтъ, онъ не только слышалъ, но и самъ видѣлъ многое изъ тогдашнихъ событій польской революціи. По окончаніи гимназическаго курса, онъ, 17-ти лѣтъ, поступилъ въ Кенигсбергскій университетъ, гдѣ, по настоянію отца, долженъ былъ заниматься специально богословіемъ. Но уже въ университетѣ онъ видѣлъ ясно, что не родился богословомъ. Его докторская диссертация — «О толкованіи прекраснаго Платономъ и неоплатониками» — обнаружила въ немъ усерднаго ученика Розенкранца и любителя изящной литературы. Въ немъ пробудилась страсть къ писательству. Онъ сочинялъ много, особенно по части лирики, и въ 1845 г. впервые дебютировалъ въ печати романомъ *«Werdmar und Wladislaw»*, въ которомъ сильно отразилось вліяніе тогдашняго періода *«Sturm und Drang»* и польско-пруссскихъ вождельній. Основной тонъ здѣсь — романтический, въ духѣ Жюль Поля Рихтера, Эйхендорфа, Иммермана. Молодой авторъ, очевидно, мечталъ о великихъ дѣятеляхъ и подвигахъ: «эпосъ безъ подвиговъ — вотъ наше время», замѣчаетъ онъ въ предисловіи къ этому роману. Не имѣя средствъ къ жизни, Грегоровіусъ принужденъ былъ заниматься педагогической дѣятельностью, но за то всѣ свои досуги посвящалъ литературѣ и наукѣ. Рядомъ съ философіей его интересовала исторія. По впушенію Друманна, онъ тогда же сталъ работать надъ монографіей объ Адріанѣ. Въ 1848 г. этотъ трудъ былъ оконченъ, но бури революціи задержали изданіе его до 1851 г. Исторія Адріана положила начало его изученію Рима, а революція 1848 г. отвлекла его вниманіе отъ далекаго прошлаго и влекла къ движенію настоящаго. Свои воззрѣнія на польскій вопросъ онъ развилъ въ этюдѣ, посвященномъ Лелевелю, *«Die Idee des Polenthums»*, нѣсколько позднѣе онъ напечаталъ *«Polen- und Magyarenlieder»*. Но и здѣсь симпатіи его тяготѣли не столько къ политикѣ, сколько къ культурѣ. Адріанъ его плѣнилъ потому, что этотъ правитель велъ не много войнъ, и по его мнѣнію, теперь надо изучать мирную исторію человѣчества, исторію общества. Грегоровіусъ издалъ затѣмъ, по случаю юбилея Гете, *«Wilhelm Meister in seinem socialistischen Elementen»*, гдѣ Гете провозглашался «Колумбомъ, открывшимъ въ своемъ Вильгельмѣ Мейстерѣ Америку гуманизма». Въ 1851 году, историкъ Адріана выступилъ драматургомъ. Его *«Der Tod des Tiberius»* опять обличаетъ симпатіи автора къ римской исторіи. Тогда же онъ началъ усердно заниматься итальянской литературой. Чѣмъ уже и мельче казались условія его жизни въ Кенигсбергѣ, тѣмъ живѣе возрасталъ въ немъ интересъ къ страпѣ художественныхъ идеаловъ и гуманизма. Поводъ къ путешествію въ Италію не замедлил представиться. Онъ отправился туда со-

ses bizarres, avide de tout savoir pour en plaisanter ensuite»¹⁾; по эти эпитеты только больше задѣваютъ любопытство историка познать столь сложный характеръ. Одному Грегоровіусу, потратившему тридцать лѣтъ на свои изысканія, удалось теперь исполнить это съ такой полнотой и всесторонностью, что личность и время Адриана становятся понятны каждому изъ образованныхъ людей.

Трудъ Грегоровіуса состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ разсказана политическая исторія римской имперіи въ правленіе Адриана, его путешествія, жизнь и кончина; второй отдѣлъ посвященъ обзору общественныхъ и нравственныхъ условій того времени, его научнаго и художественнаго развитія. Здѣсь исторія духовной жизни первой половины II-го вѣка нашей эры освѣщена ярко и рельефно.

Этотъ періодъ въ исторіи римской имперіи, обнимающій собой время правленія Адриана, Антонина Пія и первые годы Марка Аврелія, почитается счастливѣйшимъ. Единственная война омрачила царствованіе Адриана — усмиреніе возмущившихся евреевъ, повѣрившихъ въ лже-мессію Варкохбу. Но о ней будетъ рѣчь впереди. Пока же напомнимъ, что въ это время римская имперія пользовалась цвѣтущимъ благосостояніемъ, успѣхи культуры выражались въ развитіи художественной дѣятельности; архитектура, скульптура и живопись точно ожили, законодательныя нововведенія опирались на стоическую философію, участь бѣдныхъ и страждущихъ, вдовъ и рабовъ, была облегчена, во всѣхъ городахъ богатѣйшіе граждане старались служить общему благу. Цѣли ихъ, мысли и желанія, въ

проводить своего большого друга, Борнгрегера. Прежде всего онъ побывалъ въ Венеціи, откуда отправился въ Корсику. Плодомъ этого путешествія явилась книга о Корсикѣ (въ 1854 г.), въ короткое время переведенная на англійскій языкъ въ Лондонѣ, Эдинбургѣ и Америкѣ, а недавно вышедшая и въ французскомъ переводѣ. Въ 1855 г., черезъ два года по его пріѣздѣ въ Римъ, однажды мечтая на тибрскомъ мосту, онъ задумалъ заняться исторіей Рима въ средніе вѣка. Такая идея носилась въ воздухъ тогда, въ періодъ междуцарствія, между реставраціей Пія IX и началомъ итальянской борьбы за независимость, ибо это время было дѣйствительно заключительной эпохой средневѣковаго Рима, его превращенія изъ столицы цезарей и папъ въ національную столицу Новой Италіи. Ученые по профессіи равнодушно встрѣтили трудъ писателя, нигдѣ не служившаго и не занимавшаго каедры. Но за то баронъ Бунзенъ, ученикъ Нибура, принялъ живѣйшее участіе въ исполненіи этого труда, которому Грегоровіусъ посвятилъ семнадцать лѣтъ жизни (1855—1872 г.), причемъ послѣдніе восемь лѣтъ онъ, благодаря Бунзену, получалъ пособія отъ прусскаго правительства. «Geschichte Roms im Mittelalter» доставило Грегоровіусу почетное гражданство вѣчнаго города и почетное членство въ академіяхъ Италіи. Наконецъ, не считая мелкихъ трудовъ, Грегоровіусъ усердно работалъ надъ исторіей Адриана, которая и вышла недавно и служить источникомъ нашей статьи.

¹⁾ Т. е. «острякъ, отиѣпный собесѣдникъ, охотникъ до всякихъ диковинокъ, жаждавшій все знать, чтобы надъ всѣмъ потѣшаться потомъ».

дапномъ случаѣ, понятны намъ, людямъ XIX вѣка. Въ эту эпоху высокая идея о братствѣ всего человѣчества обозначилась ясно. Культуры римская и эллинская, порѣшивъ каждая съ своими задачами, слились теперь воедино. Одновременно и возникшая новая религія міровая — христіанство — послужила основой тому, чтобы это объединеніе обѣихъ культуръ перешло въ жизнь и достигло высшаго, плодотворнаго развитія. Этой же эпохѣ, когда императоры Рима сознали впервые свою мирную культурную миссію, человѣчество обязано первымъ проведеніемъ въ жизнь мысли о правахъ человѣка. Великій мыслитель античнаго міра, Аристотель, считалъ рабство необходимымъ, въ римскомъ государствѣ на раба смотрѣли, какъ на вещь. Адріанъ первый запретилъ произвольно распоряжаться жизнью рабовъ, и это явилось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ помнутаго объединенія, уничтожившаго враждебную обособленность націй и рознь между ними.

Изъ подъ такого-то блестящаго покрывала видѣлся ликъ античнаго міра, медленно угасающей красоты его и просвѣщенія. Эта красота, при Адріанѣ, еще разъ промелькнула во всемъ своемъ наружномъ величіи, подобно блестящему метеору, еще разъ улыбнулась она, еще разъ, собравшись съ послѣдними силами, возсоздала она въ Антиноѣ не преходящій идеальный образъ. Затѣмъ, кровь въ ея жилахъ словно изсякла, черты ея окоченѣли, поблѣднѣли, и на насъ она глядитъ теперь уныло изъ-подъ глубокомыслія Марка Аврелія, покорившись съ гордой скорбью своей неотвратимой судьбѣ, убѣжденная въ ничтожествѣ всего земнаго и въ безнадежности всякой дальнѣйшей борьбы. Рядомъ съ обиліемъ талантливыхъ и гениальныхъ людей, проявившихъ свои дарованія въ первое столѣтіе нашей эры, какая бѣдность на нихъ во второмъ вѣкѣ! Даже въ главнѣйшей силѣ эпохи—въ юномъ христіанствѣ—нѣтъ ни одного человѣка, который бы выдержалъ хоть отдаленное сравненіе съ Павломъ. Изъ безымянной толпы тогдашнихъ образованныхъ людей, жившихъ въ благополучіи, раздѣлявшихъ гуманныя и философскія воззрѣнія, выдѣляются всего трое. Они-то намъ и понятны, и памяты. Эти трое: два императора, Адріанъ и Маркъ Аврелій и писатель Луціанъ Самосатскій. Если бы мраморъ могъ говорить, то, кажется, еще двое повѣдали бы о многомъ. Это — Антиной и Фаустяна. Но эти прекрасные мраморные лики возбуждаютъ въ насъ тѣмъ больше загадочности, чѣмъ дольше мы всматриваемся въ нихъ.

I.

Во всей древности, Адріана можно считать едва ли не самымъ передовымъ человѣкомъ, весьма напоминающимъ современные характеры своимъ непостоянствомъ, своимъ хамелеонствомъ, своей жаждой

новизны, своей страстью къ путешествіямъ и къ изысканіямъ. Римляне его времени не прощали ему того, что онъ не скрывалъ своихъ симпатій къ Греціи, къ эллинскому искусству и языку, что онъ лишь немногіе годы, въ теченіе своего болѣе двадцатилѣтняго царствованія, провелъ въ Италіи, въ Римѣ. Въ глубинѣ его души они старались открыть нероновскіе страсти и пороки, которые онъ будто бы умѣлъ искусно маскировать. Въ своей сдержанности, общительности и кротости, онъ казался лицомъ бромъ, и даже жажду славы, его снѣ-

Фаустина.

давшую, умѣлъ онъ скрывать. Но если поискать фактовъ проявленія его жестокости и самовластія, то ни одного не найдешь, помимо удаленія нѣсколькихъ военачальниковъ Траяна, которые, еще при жизни его предшественника, были его противниками и завистниками и которыхъ сенатъ, обличивъ въ заговоръ противъ Адріана, велѣлъ казнить. Возможно, конечно, что на душѣ Адріана были кое-какія злодѣянія, возможно, что казненные имъ родственники были невинны, но слѣдуетъ ли отсюда, что такого рода темныя дѣла оправдываютъ огульный упрекъ въ злобности и жестокости его характера. Если ужъ противъ такого безпорочнаго правителя, какимъ былъ Маркъ Аврелій, нашились заговорщики и возмутители,

то сколько ихъ могло явиться противъ Адріана, который своимъ благоволеніемъ къ эллинамъ, своей любовью къ миру и строгостью управленія, какъ и образа жизни, не разъ долженъ былъ давать поводъ къ недовольству завистникамъ и мятежнымъ головамъ. Посмотримъ, однако, на дѣло съ другой стороны. Что же оказывается?

При Адріанѣ, римскіе сановники жили въ полной безопасности, римскія провинціи пользовались довольствомъ. Кромѣ евреевъ, всѣ другіе подвластные тогда Риму народы находили покровительство у императора. Относительно христіанъ, какъ извѣстно, онъ проявлялъ терпимость въ законодательныхъ актахъ. Единственного мученика при немъ называютъ Иринея, но и тутъ причина остается невыясненной. Разумѣется, этотъ императоръ не безгрѣшный, и его характеръ не безъ пятенъ, но къ чему же непременно образъ его представлять въ мрачномъ и отвратительномъ свѣтѣ, къ чему всѣ дѣйствія его приравнивать къ преступленіямъ, на лицо ему натягивать непременно маску?

Адріанъ черезчуръ любилъ славу, которую Маркъ Аврелій въ своей стоической мудрости мало цѣнилъ; онъ не вѣрилъ, чтобы повелитель міра могъ заслужить ее иначе, помимо великихъ и полезныхъ дѣяній. Неронъ и Домиціанъ должны были служить ему примѣрами, какъ не подобаетъ слѣдовать дурнымъ побужденіямъ, если бы они въ немъ даже были. Сверхъ того, онъ прошелъ суровую школу при дворѣ Траяна: императоръ, бывшій ему близкимъ и даже родственникомъ — тетка Траяна была его бабкой, — третировалъ его постоянно съ недоверіемъ, и Адріанъ не былъ увѣренъ, дѣйствительно ли онъ назначается въ пріемники Траяну. Императоромъ же онъ сдѣлался, когда ему было уже за сорокъ лѣтъ. На монетахъ онъ величается благодѣтелемъ міра, на медаляхъ время его прославляется, какъ золотой вѣкъ. Это, быть можетъ, слишкомъ преувеличено. Но во всякомъ случаѣ, судя по массѣ его сооружений, по разносторонности его духовныхъ проявленій, отъ которыхъ позднѣйшимъ временамъ достались лишь скудныя развалины, такая слава Адріана имѣетъ за себя оправданіе. Современниковъ его особенно приводило въ удивленіе соединеніе въ немъ далеко не заурядныхъ качествъ правителя со всестороннимъ почти художественнымъ дарованіемъ. Онъ писалъ стихи по гречески и полатыни, онъ былъ музыкантъ и живописецъ, самъ набрасывалъ планъ для своихъ построекъ и пытался давать совѣты знаменитому Аполлодору, строителю форума Траяна въ Римѣ, что заставило однажды воскликнуть Аполлодора: «рисуй свои огурцы, а тутъ ты ничего не поймешь». Выступалъ онъ не разъ и ораторомъ. Всѣ эти таланты еще съ молодости сдѣлали ему имя въ избранномъ римскомъ обществѣ. Еще въ римской школѣ, товарищи, въ насмѣшку надъ его любовью къ греческому, называли «маленькимъ грекомъ».

Отецъ Адріана былъ сенаторомъ, когда Веспасіанъ управлялъ имперіей. Еще вопросъ, довелось ли бы Адріану играть историческую роль, если бы не случай помогъ возвышенію Ульпію Траяну. Фамилія Ульпійевъ и Элійевъ происходила изъ Испаніи: близъ Севильи и теперь еще видны развалины ихъ роднаго города. О молодомъ Публии Эліи Адріанѣ, потерявшемъ отца на 10-мъ году, принялъ заботы его родственникъ Траянъ. Адріанъ же оповѣстилъ своего

Траянъ.

опекуна въ Кельнѣ о смерти Нервы. 22 года было ему, когда Траянъ сталъ императоромъ. Такъ какъ у Траяна не было дѣтей отъ Плотины и сестра его Марціана была тоже бездѣтна, то ближайшимъ наслѣдникомъ престола оказался Адріанъ. Бракъ его съ надменной Сабіной, внучкой Марціана, закрѣпилъ еще больше родство его съ правящимъ домомъ. И онъ, конечно, нуждался въ такой опорѣ, ибо воинственному Траяну не правилась подвижная натура даровитаго Адріана, какъ вообще истому римля-

нину не по вкусу приходились эллинскія наклонности. Молодой родственникъ, однако, держался въ почетѣ, побывалъ съ императоромъ въ придунайскихъ провинціяхъ и въ Азіи, участвовалъ въ дакійской и парянской войнѣ, занималъ разныя гражданскія и военныя высшія должности, причемъ могъ близко ознакомиться съ дѣломъ управленія имперіей и военной дисциплиной. Нигдѣ на службѣ онъ не давалъ повода къ недовольству императора. Но храбрый Траянъ все-таки оказывалъ къ литератору-наслѣднику недовѣріе за его вліяніе на Плотину и тещу, а также за его наклонности къ миролюбію и непріязненныя отношенія къ начальникамъ, пользовавшимся благоволеніемъ императора. Наконецъ, послѣ кратковременной болѣзни, на возвратномъ пути съ Востока въ Италию, Траянъ умеръ въ 117 году, и Адріанъ сдѣлался императоромъ.

Послѣ непрерывныхъ войнъ, веденныхъ его предшественникомъ и истребившихъ міріады жертвъ людьми, наступившій теперь миръ былъ благодѣніемъ для тогдашняго человѣчества. Первымъ даромъ новаго императора явилось прощеніе налоговъ провинціямъ. Затѣмъ послѣдовали преобразованія въ придворномъ управленіи, силы войскъ были употреблены для общепользныхъ сооруженій, гражданское управленіе усовершенствовано, законы улучшены, полномочія сената расширены. Словомъ, Адріанъ явилъ сразу организаторскій талантъ правителя государствомъ, не упускавшаго изъ виду ни одной его области. Но позднѣйшія поколѣнія въ немъ знаютъ не столько практическаго государственнаго человѣка, сколько поклонника Антиноя, любителя путешествій и всякихъ фантастическихъ затѣй.

II.

Въ Адріанѣ, дѣйствительно, выдавались двѣ страсти: къ путешествіямъ и сооруженіямъ. Въ обѣихъ онъ превзошелъ всѣхъ правителей. Страстью къ сооруженіямъ онъ удовлетворялъ своему желанію разсѣять всюду памятники о своей славѣ, а также удовлетворялъ этимъ и своимъ художественнымъ склонностямъ. Въ путешествіяхъ его проявились его подвижность и непостоянство, исканіе вѣчно новыхъ впечатлѣній, любовь къ розыскиванію всюду слѣдовъ старины и всего забытаго. Это, вообще, отличительная черта II-го вѣка.

Всю свою имперію объѣхалъ Адріанъ, путешествуя впереди своихъ спутниковъ, пѣшкомъ или верхомъ, съ непокрытой головой, подъ дождемъ и палящими лучами солнца. Ни разу онъ не пользовался экипажемъ. Нилъ онъ проѣхалъ до перваго водопада. Въ Египтѣ онъ побывалъ вмѣстѣ съ женой и со всѣмъ придворнымъ штатомъ. Его сопровождали всегда нѣсколько сотенъ инже-

неровъ, архитекторовъ, землемѣровъ, каменщиковъ, такъ какъ вездѣ для нихъ находилась работа. Безсчетно воздвигались постройки, прокладывались улицы, строились мосты, водопроводы. При этихъ работахъ императоръ нерѣдко ѣлъ и пилъ съ своими солдатами, спалъ тутъ же, гдѣ и они, въ открытомъ полѣ. «Я не могъ бы императоромъ быть,—замѣчаетъ риторъ Флоръ въ ирони-

Антиной.

ческихъ стихахъ, — не могъ бы ни бродить по Британіи, ни мерзнуть въ Скиѣи». «А я, — съ гордостью возражаетъ ему императоръ тоже въ стихахъ, — не могъ бы Флоромъ быть, по кабакамъ шататься и въ харчевняхъ крѣчиться, гдѣ меня гады кусаютъ». Онъ доходилъ до «шотландскихъ варваровъ», побывалъ въ Германіи, въ Дунайскихъ провинціяхъ, достигалъ самой Сахары. Въ Греціи и Малой Азіи не было города, гдѣ бы онъ не пожилъ, не оставилъ по себѣ памяти. Точно новѣйшій туристъ, онъ осматри-

валъ всѣ достопримѣчательности, историческія и религіозныя, храмы, бывшіе въ то время настоящими музеями въ городахъ, поля битвъ, могилы героевъ. Онъ выслушивалъ предсказанія различныхъ оракуловъ въ Элладѣ и Азіи, посвящался въ тайны элевзинскія и самоеракійскія. Слушалъ онъ вмѣстѣ съ женой и «божественный гласъ» Мемнона при первомъ проблескѣ утренней зари. На колѣняхъ колосса фараона Аменотефа III онъ выбилъ свое имя греческими буквами. И не только тайны и людскія дѣянія занимали его. Онъ былъ большой почитатель природы. Его очаровываетъ Темпейская долина, онъ взбирается на гору, чтобъ посмотрѣть на восходъ солнца.

Болѣе двѣнадцати лѣтъ Адріанъ провелъ вдали отъ своей резиденціи въ постоянномъ передвиженіи съ мѣста на мѣсто, изъ страны въ страну. Чистокровные римляне и сенатъ считали обиднымъ такое пренебреженіе Италіей и вѣчнымъ городомъ. Для него же, время, проведенное вдали, было счастливѣйшимъ въ его жизни, а дни его пребыванія въ Аѳинахъ — самыми свѣтлыми. Съ греками онъ былъ эллиномъ, раздѣлялъ ихъ склонности и умѣлъ лстить ихъ слабостямъ. Вновь ожившая софистика, талантъ красиво говорить, дѣлавшіе риторовъ въ Греціи, на островахъ и въ Малой Азіи богачами, которымъ города, какъ своимъ благодѣтелямъ, воздвигали почетные монументы, у ногъ которыхъ застѣвала собиравшаяся со всѣхъ странъ свѣта любознательная молодежь, не только нашли въ императорѣ друга и покровителя, но давали ему матеріалъ для размышленій и рѣчей. Адріанъ самъ говорилъ умно и плавно, всѣ ученые имѣли къ нему доступъ. Охотно пускался онъ съ ними въ споры и ставилъ имъ трудные вопросы. Не всегда при этомъ обходилось дѣло безъ сатирической улыбки или колкаго замѣчанія со стороны императора. За нимъ, разумѣется, признавали превосходство, во-первыхъ, какъ за человѣкомъ съ большимъ умомъ и жизненнымъ опытомъ, во-вторыхъ, какъ за повелителемъ тридцати легіоновъ. Бывали, конечно, и у него стычки съ софистами, какъ у Фридриха Великаго съ Вольтеромъ, но въ общемъ отношенія императора къ этимъ греческимъ софистамъ и риторамъ, этимъ скульпторамъ и художникамъ были наилучшія. Всѣмъ онъ давалъ работу, ни для кого изъ нихъ не оскудѣвала его рука. Въ Аѳинахъ онъ достроилъ храмъ Олимпійскому Зевсу, начатый еще Пизистратомъ, — 132 колонны изъ фригійскаго мрамора составляли портики вокругъ храма, въ которомъ возвышался Зевсъ изъ слоновой кости, обдѣланный золотомъ. Цѣлымъ рядомъ игръ, на подобіе олимпійскихъ, отпраздновано было освященіе этого храма, огромная охота была устроена, быть можетъ, болѣе для удовольствія самого Адріана, нежели аѳинянъ, ибо онъ былъ отпѣтымъ и страстнымъ охотникомъ, въ лѣсахъ Бэотіи убивалъ медвѣдей, а въ Ливійской пустынѣ — львовъ. Онъ съ такимъ блескомъ украшалъ

Аеины, что аеиняне объявили его вторымъ Тезеемъ и основателемъ ихъ города и воздавали ему божескія почести. Вездѣ въ храмахъ разставлялись его статуи и чтились наравнѣ съ изображеніями Зевса, а статуи жены его, Сабины, — на подобіе Геры или Деметры.

Читая описаніе путешествій Адріана и его пребыванія въ Аеинахъ, невольно представляешь себѣ, будто давно угасшая красота эллинства снова, на короткое время, распустилась пышнымъ цвѣтомъ подѣ дѣйствіемъ какой-то волшебной силы, будто прошлое со всѣми своими пестрыми зрѣлищами и своими народными собраніями, ораторскими ристалищами, снова воскресли во всемъ блескѣ и во всей своей красотѣ. Если Адріанъ выказывалъ иногда нѣкоторое безвкусіе въ оцѣнкѣ различныхъ произведеній искусства, то это всецѣло объясняется духомъ времени или побужденіями личнаго свойства. Такъ, онъ порицалъ сооруженія своего предшественника, Траяна, и велѣлъ снести театръ его на Марсовомъ полѣ, вопреки общему желанію. Тутъ, конечно, могли играть роль, съ одной стороны — не любовь

Голова Антиноя.

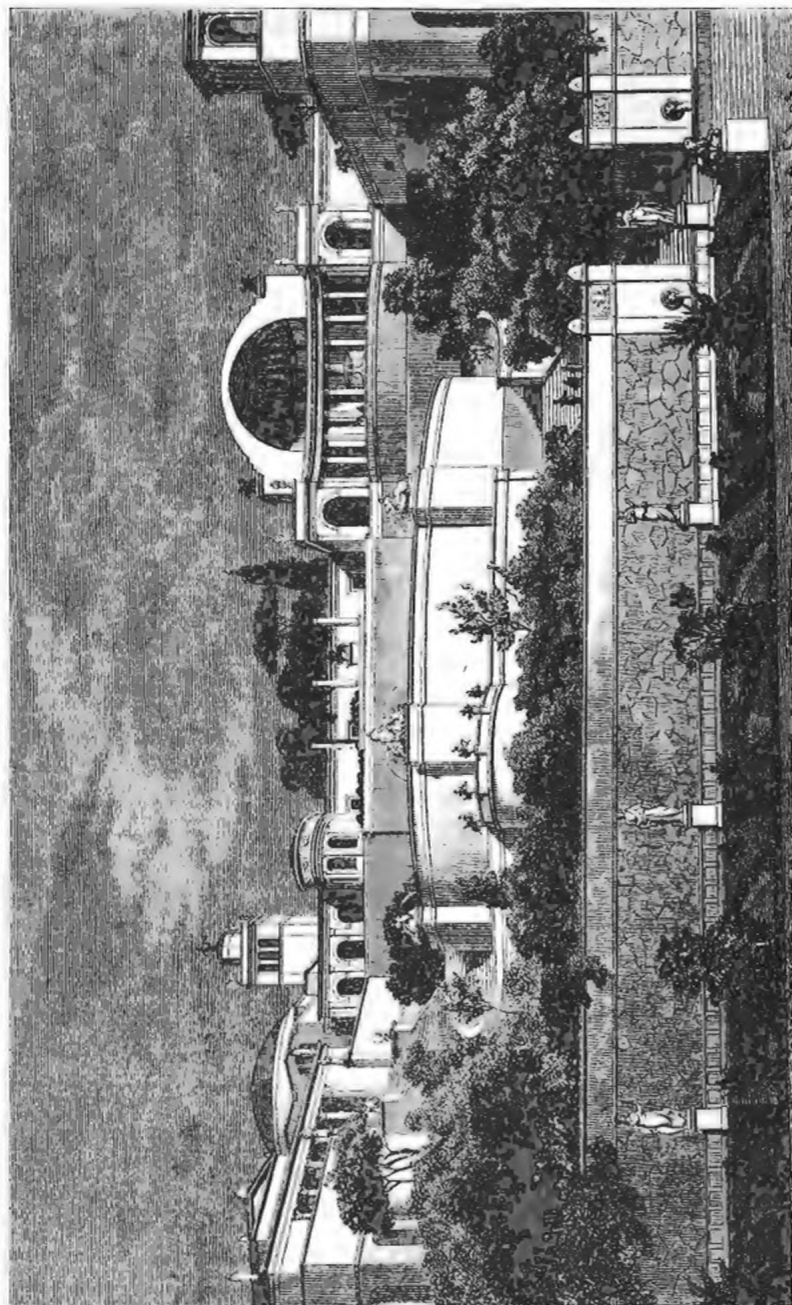
къ архитектору Траяна, Аполлодору, и съ другой — зависть къ славѣ Траяна. Наконецъ, и то сказать, что его скептицизмъ искалъ непремѣнно принизить то, что большинствомъ признавалось красивымъ и вѣрнымъ. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, онъ былъ менѣе самостоятеленъ, чѣмъ самъ думалъ. Онъ являлся здѣсь лишь яркимъ выраженіемъ духа вѣка, который, неудовлетворившись классическимъ идеаломъ красоты, уклонился отъ него и въ формахъ сѣдой старины страстно искалъ пищи для ума и для сердца. При всемъ благосостояніи, при всемъ кажущемся благополучіи, въ теченіе II-го вѣка нашей эры, весь міръ какъ бы охваченъ чувствомъ ничтожества и пустоты отъ красоты и просвѣщенія, испытываетъ гнетъ какого-то грознаго, безпредѣльнаго самоуничженія. Христіане ждутъ страшнаго суда, ихъ спасаетъ только вѣра въ Распятаго. Для язычниковъ же боги Олимпа превратились въ пустыя басни, въ фигуры, мѣдныя и мраморныя. Въ отжившихъ таинствахъ и у старыхъ идоловъ одни жадно ищутъ утѣшенія, другіе, настроенные философски, отвараживаются отъ этого видимаго міра со взорами печали и презрѣнія. «Еще нѣкоторое время, и ты — прахъ и пепелъ, — говоритъ Маркъ Аврелій, — и только имя остается, да и не имя даже, ибо что оно такое? — пустой звукъ и эхо. А что въ жизни всего болѣе цѣнно, то ничтожно, имѣеть

не больше значенія, чѣмъ грызня собакъ или возня дѣтей, — сей-часъ смѣются, а тамъ опять плачутъ». Красота и сила перестали быть богинями міра, въ которомъ какая-то неясная грусть и смутныя желанія удручаютъ сердце все болѣе и болѣе.

Первыя пятнадцать лѣтъ управленія имперіей Адріана окружены золотистымъ яркимъ блескомъ. Самъ онъ находится на вершинѣ славы. Его жизнерадостное чувство какъ бы разливается на все вокругъ. Міръ точно старается вызвать улыбку въ своемъ повелителѣ. Иронія въ этомъ поклоненіи древности скрывается за его жертвоприношеніями богамъ, его искусствомъ и философіей; за всѣмъ этимъ еще такъ трудно замѣтить, насколько Адріанъ созналъ ничтожность этой суеы. Не столько въ общемъ поклоненіи ему и въ обожаніи, какое оказываетъ ему Греція, подобно героямъ въ началѣ своей исторіи, не въ массѣ статуй, воздвигнутыхъ ему Испаніей, сколько въ блескѣ и великолѣпнн, среди которыхъ онъ видѣлъ міръ украшеннымъ и какъ бы обновленнымъ своими благодѣяніями, тогда находило себѣ удовлетвореніе его тщеславіе. Могъ ли онъ не любить жизнь и не наслаждаться ея радостями будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, съ неразбитымъ здоровьемъ. Въ это время, передъ нами, словно въ полутьмѣ, тамъ и сямъ всплываетъ на поверхность и опять пропадаетъ во тьмѣ образъ виоинянина Антиноя изъ Клавдіополя. Какимъ образомъ молодой человекъ — среднее между мальчикомъ и юношей — гдѣ и когда сблизился съ императоромъ, не дознано съ положительною точностью. Но вскорѣ онъ приобретаетъ благоволеніе и любовь Адріана и отвѣчаетъ на нихъ безотчетной преданностью императору. Антиной, бывший въ его свитѣ, во время путешествія по Нилу вдругъ утопаетъ въ 130 году. По свидѣтельству Діона Кассія, Адріанъ въ своихъ мемуарахъ приписывалъ чьему-то злему умыслу смерть своего любимца, къ которому онъ былъ привязанъ такъ сердечно, и въ утратѣ котораго никогда уже потомъ не могъ утѣшиться; но Діонъ Кассій самъ не вѣритъ этому. Такъ какъ императоръ причислилъ утонувшаго Антиноя къ сонму боговъ, то гибели любимца стали впослѣдствіи придавать иное значеніе, мистическое и суевѣрное. По этому толкованію Антиной добровольно, изъ преданности къ Адріану, принесъ себя въ жертву подземнымъ богамъ, чтобъ отклонить какую-то опасность, угрожавшую жизни императора. Такое объясненіе, однакожъ, есть просто порожденіе пустой фантазіи и скорѣе является попыткой оправдать зачисленіе Антиноя въ разрядъ боговъ.

Адріанъ не удовольствовался тѣмъ, что оплакивалъ Антиноя, «какъ женщину». Императоръ основалъ и городъ, назвавъ его именемъ своего любимца¹⁾, повсюду воздвигалъ въ честь его храмы,

¹⁾ Въ Египтѣ, на мѣстѣ древней Безы. Всего пятьдесятъ лѣтъ назадъ здѣсь стояло три римскихъ храма, прекрасно сохранившихся, портикъ и триумфальная

Видъ изъ виллы императора Адріана въ Тибурнѣ.

алтари и статуи. Людская лесь тоже сдѣлала свое, въ угоду страсти императора. Поэты сочинили гимны во славу покойнаго, астрономы открыли созвѣздія Антиноя вблизи млечнаго пути, подобно тому, какъ при Птоломеѣ были усмотрѣны ими на небѣ волосы супруги его Вероники.

Но и въ обоготвореніи Антиноя Адріанъ явился сыномъ своего вѣка. «Обоготвореніе Антиноя, — по словамъ Грегоровіуса, — теряетъ свою необычайность, если сопоставить его съ представленіями того вѣка». Въ тогдашней атмосферѣ смутно чувствовалось какое-то исканіе новой религіи. Вѣку нуженъ былъ какой нибудь новый богъ. Но ликъ этого бога, идеализированнаго и опоэтизированнаго юноши, созданнаго по образу Бахуса (см. рис. 3), выражалъ что-то меланхолическое. Антиной, съ низкимъ лбомъ и опущеннымъ взоромъ, смотрѣлъ точно разочарованнымъ дѣйствительной жизнью (см. рис. 4).

III.

Послѣдній проблескъ молодости, вспыхнувшій было румянецъ, хотя и не безъ искусственнаго возбужденія, постепенно угасалъ на хмуромъ обликѣ античнаго міра. Богъ, въ созданіи котораго этотъ міръ облекъ послѣднія силы своего идеальничанья, былъ меланхолическій богъ, самъ погасившій свой жизненный факель. Со смертью Антиноя въ жизни Адріана исчезли блескъ и веселость, — не сразу, конечно. Пока совершались разнообразныя чествованія покойнаго любимца, императоръ на нѣкоторое время забылъ о своемъ горѣ. Но когда прекратились всякія поминки, къ улыбка общительнаго Адріана примѣшалась горечь разочарованія. Жизнь потеряла для него свою заманчивость. Въ это же время остатки еврейства въ Палестинѣ, смущенные Баркохбой, лживыми ожиданіями Мессіи, возстали противъ римскаго владычества. До сихъ поръ еще ученые спорятъ между собой, когда и отчего возгорѣлось возстаніе, было ли его причиной или послѣдствіемъ превращеніе Іерусалима въ языческій Элію Капитолійскую, находился ли Іерусалимъ или нѣтъ въ рукахъ евреевъ во время войны. Какъ бы то ни было, война велась отчаянно и съ обѣихъ сторонъ потребовала страшныхъ жертвъ. Діонъ Кассій свидѣтельствуетъ, что 580 тысячъ человѣкъ погибли

арка, такая высокая, что пальмы едва касались своими кудрявыми верхушками ея карниза, а изъ подъ паносной почвы видѣлся цѣлкомъ весь городъ. Этотъ городъ уничтоженъ Ибрагимомъ-пашей и взамѣнъ этихъ римскихъ памятниковъ возведена тамъ «четырехъ-этажная казарма съ паровыми машинами и трубами», должаспствующая быть сахарнымъ заводомъ (Египеть, В. Андреевскаго, стр. 311).

Мавзолей императора Адриана, нынешний замок Ангела.

въ битвахъ, а число умершихъ съ голоду, горя, болѣзней и опредѣлить трудно. Море крови было пролито. Плѣнныхъ евреевъ продавали въ рабство, зачинщиковъ и предводителей ихъ жестоко казнили. Тутъ еврейство нашло свою Трою, которая еще ждетъ своего Шлимана. Но и римскіе легіоны понесли огромныя потери. Пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу, въ сравненіи съ этой римской побѣдой, казалось бездѣлицей. Хотя Іерусалимъ, подъ новымъ названіемъ Эліи Капитолійской, обратился въ римскую колонию, но «побѣда Юпитера надъ Іеговой», по замѣчанію Грегоровіуса, была только кажущейся, ибо въ христіанскихъ понятіяхъ старый Іегова покорилъ уже Римъ и міръ».

Еще раньше усмиренія возстанія, Адріанъ вернулся въ Римъ. Онъ провелъ послѣдніе годы жизни въ Тибурской виллѣ (Тиволи). Отъ прежняго величія ея остались теперь развалины, мозаичныя украшенія, разбитыя колонны. Все это заросло теперь травой и мохомъ. Но нѣкогда въ этой виллѣ было собрано все красивѣйшее и рѣдчайшее, что только встрѣчалъ Адріанъ во время своихъ путешествій. Далеко превосходила эта вила своими размѣрами, искусствомъ постройки и богатствомъ украшеній золотой домъ Нерона. Это было диво свѣта. Долина, замкнутая искусственными скалами, напоминала Темпейскую—въ Тессаліи. Знаменитѣйшія зданія изъ городовъ и провинцій перенесены были къ виллѣ: лицей, стоа, аонинская академія, храмъ Сераписа изъ Египта, добраться до котораго можно было на легкой ладѣ по водѣ. Даже собственный Тартаръ здѣсь устроилъ себѣ Адріанъ. Досужая фантазія измышляла, будто подъ этими подземными слѣдами замучивались рабы, чтобъ ихъ глухіе стоны напоминали императору о скорбныхъ жалобахъ тѣней въ аду. Какое сокровище статуй, мраморныхъ и мѣдныхъ, находилось внутри виллы и въ садахъ, объ этомъ свидѣлствуютъ превосходныя произведенія, въ теченіе столѣтій вывозившіяся оттуда: красивѣйшія изображенія Антиноя, трагическія маски, фавны, центавры, барельефы и мозаики. Не смотря на розказни о жестокостяхъ Адріана, не смотря на его разочарованіе и, такъ-сказать, міровую скорбь, Адріанъ не чувствовалъ недостатка ни въ друзьяхъ, ни въ ученыхъ и художникахъ.

Мучительная болѣзнь — недостатокъ крови, — къ которой присоединилась еще водянка, омрачила послѣдніе дни императора. Всякія средства испробовалъ онъ для облегченія своихъ страданій. Не разъ хотѣлъ онъ покончить съ жизнью насильственно. Онъ умолялъ врача дать ему ядъ, а прислужниковъ своихъ — вопзять ему мечъ въ разбитое сердце. Но никто не осмѣлился исполнить это, такъ какъ друзья зорко берегли жизнь императора. Страданія физическія усилили въ немъ влеченіе къ мистицизму и магіи. Въ то время онъ искалъ чудесъ и предзнаменованій, часто рылся въ Сивиллиныхъ книгахъ. Предчувствуя смерть, онъ передъ самой кон-

чиной напутствовалъ себя въ загробный міръ сочиненнымъ имъ пятистишіемъ, которое извѣстно и въ слѣдующемъ, довольно близкомъ къ подлиннику, переводѣ по русски:

О душа моя, странница бѣдная,
Тѣла брэннаго гостя и спутница,
Отлетаешь ты въ области темныя,
Обнаженныя, грозныя, блѣдныя,
Гдѣ не знать тебѣ смѣха и радости!

Въ 138 г. Адріанъ умеръ въ Байѣ, куда отправился лечиться морскимъ воздухомъ.

Такъ кончилъ свое существованіе этотъ характерный типъ передоваго человека древности. Въ ясномъ сознаніи и выполненіи мирныхъ задачъ его власти заключается историческое значеніе Адріана. Для возрожденія и распространенія античной культуры по всему свѣту онъ сдѣлалъ многое. И потому-то онъ такъ понятенъ современному человеку, не смотря на загадочныя противорѣчія въ своемъ характерѣ. Какъ въ его огромныхъ коллекціяхъ, собранныхъ въ Тибурнской виллѣ, заключенъ былъ цѣлый міръ античнаго искусства, какъ изъ этихъ коллекцій памятники разсѣялись по всѣмъ европейскимъ музеямъ, такъ и въ его управленіи выступаютъ объединенными идеальныя и реальныя силы античной культуры. Тутъ все въ Адріанѣ соединялось въ общую гармонию пытливыхъ стремленій съ вѣчнымъ вопросомъ на устахъ и во взорѣ. Но потерявъ въ Антиноѣ свой идеалъ, искусственно созданный, за неимѣніемъ болѣе жизненнаго, онъ впалъ въ безысходную тоскливость и утѣшенія себѣ искалъ въ проявленіяхъ мистицизма того времени. Въ этомъ отношеніи Адріанъ очень напоминаетъ новѣйшій типъ разочарованныхъ людей. Не найдя себѣ живаго идеала въ окружающей дѣйствительности, они воздвигаютъ себѣ кумиры искусственныя, принимая въ этихъ кумирахъ красивую внѣшность за содержаніе, а когда разлетится въ прахъ этотъ кумиръ, они кидаются въ міръ разныхъ причудъ. Такая аналогія въ душевномъ настроеніи двухъ эпохъ, отдѣленныхъ одна отъ другой, придаетъ особенный интересъ тѣмъ главамъ въ трудѣ Грегоровіуса, гдѣ рѣчь идетъ о софистахъ, которые, точно нынѣшніе всевозможныхъ видовъ артисты и виртуозы, объѣзжаютъ міръ, всюду находя себѣ клакеровъ и рекламистовъ, а равно и тѣмъ пространнымъ страницамъ, гдѣ излагаются мистическія и сумасбродныя продѣлки Перегринъ, Протея и Александра Абонотейха.

Ө. Вулгаковъ.

ЗАПИСКИ ВАНЪ-ГАЛЕНА.

I.

Происхождение Ванъ-Галена. — Его первоначальная служба. — Возвращение въ Испанію короля Фердинанда VII въ 1814 году. — Возстановленіе инквизиціи. — Недовольство испанцевъ. — Тайныя общества. — Арестъ и освобожденіе Ванъ-Галена. — Вступленіе его въ число заговорщиковъ. — Вторичный арестъ и заключеніе въ Муррай. — Допросы. — Отсылка въ Мадридъ. — Любимецъ короля, Ареллана. — Аудиенція у короля Фердинанда. — Письмо къ королю. — Новые допросы. — Преданіе суду инквизиціи. — пытки. — Болѣзнь. — Романа, приемная дочь тюремщика Марчелино. — Ея доброта и участіе къ Ванъ-Галену. — Бѣгство изъ тюрьмы. — Судьба Романы. — Отѣздъ въ Англію.

ВЪ 1830 ГОДУ изданы были въ Лондонѣ «Записки» донъ-Хуана Ванъ-Галена, сдѣлавшіяся теперь библиографическою рѣдкостью ¹⁾. Записки эти состоятъ изъ двухъ частей, не имѣющихъ между собою никакой непосредственной связи, кромѣ хронологической. Въ первой части авторъ рассказываетъ исторію своихъ похожденій, во время французскаго владычества въ Испаніи при Наполеонѣ I, и тѣхъ преслѣдованій, которымъ онъ подвергся со стороны испанскаго правительства, послѣ возвращенія плѣннаго короля Фердинанда VII. Пребываніе автора въ тюрьмахъ инквизиціи, а равно

¹⁾ Memoirs of Don Juan van Halen, comprising the Narrative of his imprisonment in the dungeons of the inquisition at Madrid, and of his escape, his journey to Russia, his campaign with the army of the Caucasus etc. Ed. from the original spanish manuscript in two volumes, London, 1830.

описание его бѣгства и бесѣды съ королемъ даютъ наглядное понятіе о нравахъ тогдашней Испаніи, личности Фердинанда и новѣйшихъ инквизиторахъ. Вторая часть заключаетъ въ себѣ описание двухлѣтняго пребыванія Ванъ-Галена въ Россіи, съ 1818 по 1820 годъ, и его службы на Кавказѣ. Мы преимущественно стараемся познакомить съ нею нашихъ читателей, такъ какъ здѣсь встрѣчаются довольно любопытныя подробности о покореніи Дагестана, характерѣ генерала Ермолова и о томъ своеобразномъ способѣ, какимъ авторъ былъ вознагражденъ за свою вѣрную службу Россіи.

Соотвѣтственно содержанию «Записокъ», мы посвятимъ каждой части особенную главу.

I.

Ванъ-Галенъ, бельгіецъ по отцу, родился въ Испаніи въ 1790 году и, окончивъ воспитаніе въ морскомъ училищѣ, поступилъ на службу въ испанскій флотъ. Въ 1808 году онъ участвовалъ въ защитѣ Мадрида противъ Наполеона I, затѣмъ, вмѣстѣ съ другими офицерами галиційской арміи, долженъ былъ положить оружіе при сдачѣ Ферроля и присягнуть королю Іосифу Бонапарте, который принялъ его въ свою свиту и за которымъ онъ послѣдовалъ въ изгнаніе. Въ 1813 году Ванъ-Галенъ, съ разрѣшенія временнаго испанскаго правительства, вернулся на родину и, вскорѣ послѣ того, получилъ назначеніе въ католонской арміи, гдѣ оставался до конца войны за независимость.

Дивизія, въ которой онъ служилъ, первая встрѣтила на границѣ короля Фердинанда VII, возвращавшагося изъ французскаго плѣна, весною 1814 года. Испанскіе патріоты рассчитывали, что послѣ всѣхъ испытанныхъ имъ несчастій, король оцѣнитъ принесенныя ему жертвы и свято исполнитъ обѣщаніе: заботиться о благѣ народа и присягнуть конституціи 1812 года, составленной кортесами въ Каликсѣ. Но эта надежда оказалась напрасною. Король, едва переѣхавъ Пиринеи, послалъ часть войскъ преданнаго ему генерала Эліо въ Мадридъ съ приказомъ занять городъ и арестовать всѣхъ подозрительныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ было до 30 человекъ кортесовъ и членовъ временнаго правительства. Между тѣмъ, испанская чернь, возбужденная фанатическимъ духовенствомъ, радостно привѣтствовала короля по всей дорогѣ отъ Валенсіи до Мадрида, сопровождая его карету громкимъ крикомъ: «смерть либераламъ!»

Фердинандъ, находя поддержку въ простомъ народѣ и духовенствѣ, не счелъ нужнымъ исполнить обѣщанія, даннаго кортесамъ, и ознаменовалъ свое вступленіе на престолъ неумолимымъ преслѣдованіемъ приверженцевъ короля Іосифа и конституціи

1812 года. Въмѣстѣ съ политическимъ гнетомъ, возстановленъ былъ во всей силѣ религіозный фанатизмъ: монастыри были вновь открыты и опять введена инквизиція со всѣми ея правами и привилегіями и назначенъ великій инвизиторъ въ лицѣ епископа Альмерійскаго, Миръ-Кампильо; король окружилъ себя недостойными любимцами, которые, не уступая ему въ жестокости и дурныхъ наклонностяхъ, управляли страной, подъ общимъ названіемъ камарильи ¹⁾. Расходы двора увеличились вдвое противъ того, что тратилось при Карлѣ III; государственные доходы покрывали только третъ расходовъ; гражданскимъ должностнымъ лицамъ и офицерамъ не платили жалованья; ремесла, торговля и земледѣліе пришли въ окончательный упадокъ; по большимъ дорогамъ не было проѣзду отъ разбойниковъ.

Все это, въ самомъ непродолжительномъ времени, возбудило общее недовольство испанскаго общества, несмотря на взаимную вражду приверженцевъ стараго и новаго порядка; всѣ съ одинаковымъ нетерпѣніемъ ожидали переворота, который положилъ бы конецъ бѣдствіямъ Испаніи. Чуть ли не въ каждомъ городѣ, говорить Ванъ-Галенъ, образовалось свое тайное масонское общество, членами котораго были многіе почтенные горожане, и большинство офицеровъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ полковъ. Цѣль этихъ обществъ была исключительно политическая и состояла въ томъ, чтобы принудить короля къ исполненію изданнаго имъ декрета 4-го мая 1814 года, въ которомъ онъ обѣщалъ народу представительное правленіе и неприкосновенность лицъ и имуществъ. Насильственная смерть Порціера не только не остановила дѣятельность патріотовъ, но придала имъ еще большую энергію, такъ, что еще задолго до заключенія генерала Ласи, ежеминутно падавшія жертвы замѣнялись новыми борцами ²⁾.

¹⁾ Названіе камарилья произошло отъ небольшой комнаты «*samarilla*», смежной съ королевскимъ кабинетомъ и назначенной для слугъ, обязанныхъ являться по звонку короля. Удовольствіе, которое Фердинандъ съ дѣтства находилъ въ обществѣ слугъ, побуждало его часто бывать въ этой комнатѣ, которая, послѣ его вступленія на престолъ, сдѣлалась мѣстомъ rendez-vous его друзей. Это были, большею частью, люди низкаго происхожденія, какъ напримѣръ, Каморо, бывшій много лѣтъ лодочникомъ, Ареллано, кузнецъ по ремеслу, возведенный въ званіе камергера и т. п. Въ «*samarilla*» раздавались должности и всякія милости; поэтому, здѣсь, утромъ всегда можно было встрѣтить цѣлый рой честолюбцевъ и интригановъ, а по вечерамъ собиралось общество, состоящее изъ монаховъ, инквизиторовъ, шпионовъ, разныхъ искателей приключеній, американцевъ низшаго разбора и, между прочимъ, неизмѣнно фигурировалъ русскій посланникъ Татищевъ, пользовавшійся такимъ вліяніемъ, что камарилья, отъ которой зависѣла жизнь и имущество всякаго испанца, повиновалась ему, по словамъ автора, какъ «отрядъ казаковъ своему начальнику».

²⁾ Попытки военныхъ возстаній начались въ годъ вступленія Ферди-

Авторъ былъ изъ числа первыхъ жертвъ деспотизма Фердинанда VII. 8-го декабря 1815 года, въ полку, гдѣ служилъ Ванъ-Галенъ, полученъ былъ приказъ арестовать его и отправить со всѣми находящимися у него бумагами въ замокъ Марвелла, стоящій на морскомъ берегу, въ четырехъ-дневномъ разстояніи отъ Малаги. Приказъ этотъ былъ немедленно исполненъ; но въ замкѣ Марвелла, полуразрушенномъ въ послѣднюю войну, не нашлось годной темницы, и узника помѣстили въ городской ратушѣ, въ комнатѣ осужденныхъ, *en carilla*. Здѣсь тотчасъ-же посѣтилъ его губернаторъ, въ сопровожденіи двухъ монаховъ, и посовѣтовалъ ему, «въ виду близкой смерти, облегчить свою совѣсть исповѣдью передъ святыми мужами». Затѣмъ, онъ приказалъ удвоить караулъ, что, совмѣстно съ угрозами и криками собравшагося подъ окнами народа, еще больше усилило безпокойство узника. Наконецъ, нѣсколько часовъ спустя, къ нему явился офицеръ и объявилъ, что велѣно доставить его въ Малагу, но что необходимо выждать наступленія сумерокъ, изъ боязни насилія со стороны толпы. Предосторожность эта оказалась не лишнею. Хотя узника вывезли въ часъ ночи, но сопровождавшіе его драгуны должны были защищать его отъ ярости фанатической толпы, возбуждаемой монахами.

Въ Малагѣ они также должны были выжидать ночи, чтобы въѣхать въ городъ. Ванъ-Галена представили правителю Гренады графу Монтихо; графъ показалъ ему письменный приказъ короля, по которому слѣдовало «немедленно разстрѣлять подсудимаго Ванъ-Галена, по прибытіи въ Малагу, за участіе въ заговорѣ противъ жизни его величества». Но вслѣдъ за тѣмъ, графъ Монтихо поспѣшилъ успокоить осужденнаго, говоря, что навелъ о немъ всѣ нужныя справки, и, убѣдившись въ его невинности, сообразно съ этимъ написалъ королю письмо, на которое надѣется получить благопріятный отвѣтъ. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, посланный гонецъ вернулся съ отвѣтомъ, что король вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ правителя Гренады и разрѣшаетъ выпустить на свободу Ванъ-Галена. Но послѣдній не довольствовался этимъ и просилъ графа Монтихо представить королю, что онъ считаетъ свою честь скомпрометированною и не можетъ вернуться въ полкъ безъ формальнаго признанія его невинности. На это Ванъ-Галену объявили официально, что «король, въ знакъ своей высокой ми-

---

нанда VII на испанскій престолъ; но всѣ они были неудачны, какъ напр. генерала Мины въ Наваррѣ, который долженъ былъ бѣжать во Францію; въ 1815 году было возстаніе другаго знаменитаго предводителя гверильясовъ, Донъ-Хуана Персіера, въ Галиціи, который, послѣ небольшого успѣха, былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ; въ 1817 году состави я заговоръ въ войскѣ, въ Каталоніи; зачинщикъ его генералъ Ласи попалъ въ руки правосудія и былъ разстрѣлянъ и т. д. См. «Всемирная Исторія» Шлоссера, изд. 1876, т. VII стр. 55.

лости къ нему, жалуется его чиномъ подполковника, который онъ получить по возвращеніи въ полкъ».

Это событіе имѣло рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы автора. Несправедливый приговоръ къ смерти и ничѣмъ не заслуженная королевская милость побудили его окончательно перейти на сторону враговъ деспотизма Фердинанда VII. Лѣтомъ 1817 года, Ванъ-Галенъ, получивъ четырехъ-мѣсячный отпускъ, отправился, по порученію своихъ новыхъ друзей, въ разные города Испаніи для соединенія существующихъ тайныхъ обществъ и образованія новыхъ, въ виду военнаго возстанія, которое подготовлялось тогда въ Каталоніи. Но заговоръ этотъ былъ скоро обнаруженъ и главный его зачинщикъ, генералъ Ласи, посаженъ въ тюрьму, что послужило поводомъ къ дѣятельному преслѣдованію его сообщниковъ. Въ числѣ лицъ, арестованныхъ по этому дѣлу въ Мурсіи, былъ и Ванъ-Галенъ, выданный правосудію однимъ изъ своихъ мнимыхъ друзей, Донъ Антоніо Кальво, правительственнымъ шпіономъ, который пользовался его полнымъ довѣріемъ.

Мурсія, по словамъ автора, была тогда однимъ изъ городовъ Испаніи, наиболѣе отсталыхъ въ смыслѣ цивилизаціи, хотя находилась въ центрѣ богатой и плодотворной страны, пользующейся самымъ благодатнымъ климатомъ. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, господствовалъ клерикализмъ, поддерживаемый чваннымъ и невѣжественнымъ дворянствомъ. Несмотря на нищету народа и войска, которому не платили жалованья, монахи начали сооружать здѣсь новое великолѣпное зданіе инквизиціи, вмѣсто прежняго, полуразрушеннаго въ послѣднюю войну.

Новыя тюрьмы еще не были окончены; поэтому Ванъ-Галена помѣстили въ одной изъ четырехъ темницъ, уцѣлѣвшихъ отъ стараго зданія. Эти темницы, построенныя въ первые времена инквизиціи, были на одномъ уровнѣ съ рѣкой Сегурой, протекавшей подъ окнами, такъ что въ нихъ была постоянная сырость и рой насѣкомыхъ покрывалъ стѣны. Полумракъ, кирпичная скамья, служившая постелью, цѣпи и желѣзные кольца, вдѣланныя въ стѣну, произвели подавляющее впечатлѣніе на узника, не смотря на матрацъ, положенный на скамью, занавѣси у постели и небольшой столъ, которые свидѣтельствовали о желаніи новѣйшихъ инквизиторовъ придать темницѣ извѣстный камфортъ.

Тяжесть одиночнаго заключенія еще болѣе усиливалась полною неизвѣстностью будущности, томительнымъ ожиданіемъ формальнаго допроса и частыми посѣщеніями инквизиторовъ, которые, изощряли свое краснорѣчіе, стараясь уговорить узника къ признанію, и грозили ему смертной казнью за упорство. Единственнымъ развлеченіемъ Ванъ-Галена служило чтеніе религіозныхъ книгъ, прогулки по темному корридору и лаконическіе разговоры съ другими узниками, посредствомъ постукиванія въ стѣну.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, Ванъ-Галена повели къ допросу. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что всѣ его бумаги въ рукахъ инквизиціи и, что, благодаря его неосторожности, скомпрометировано множество достойныхъ лицъ, пользующихся общимъ уваженіемъ. За этимъ допросомъ слѣдовали другіе, съ длинными промежутками между ними; однообразные, скучные дни смѣнялись безконечными ночами, сопровождаемыми безсонницей и мучительными думами. Ванъ-Галенъ, не предвидя конца этой жизни и доведенный до отчаянія, попросилъ позволенія написать королю просьбу о переводѣ въ Мадридъ и дарованія ему частной аудіенціи.

Между тѣмъ, его перемѣстили въ другую темницу, находившуюся во второмъ этажѣ новаго зданія инквизиціи. Эта темница была въ пять разъ обширнѣе прежней и съ кирпичнымъ поломъ; на потолокъ было два большихъ окна съ рѣшетками; постель устроена на широкой доскѣ, прикрѣпленной къ стѣнѣ желѣзными крюками; такими-же крюками были прикрѣплены къ полу скамья и столъ. На противоположной стѣнѣ висѣлъ большой крестъ, выкрашенной зеленой краской.

Инквизиторъ Кастанеда, проводивъ узника въ его новую темницу, сказалъ ему съ видимымъ самодовольствомъ:

— Надѣюсь, г-нъ Ванъ-Галенъ, вы останетесь довольны вашимъ новымъ помѣщеніемъ! Какъ видите, при постройкѣ этихъ тюремъ мы сумѣли соединить безопасность съ здоровымъ воздухомъ и комфортомъ. Завтра же будутъ скрыты до основанія знакомыя вамъ темницы со всѣми отвратительными вещами, которыя вы видѣли тамъ!..

Но Ванъ-Галену не долго пришлось пользоваться преимуществами новой тюрьмы, такъ какъ черезъ нѣсколько дней полученъ былъ отвѣтъ на поданное имъ прошеніе, вмѣстѣ съ приказомъ короля привести его въ Мадридъ.

Въ день, назначенный для отъѣзда, тюремщикъ, противъ обыкновенія, явился къ Ванъ-Галену въ десять часовъ вечера съ чашкой шоколаду и, усѣвшись у стола, спросилъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ:

— Извините меня сударь, но я желалъ бы знать: правда ли то, что говорить о васъ?

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Ванъ Галенъ, нѣсколько смущенный пристальнымъ взглядомъ тюремщика.

— Говорятъ сударь, что вы франмасонскій епископъ, распространяете ересь и дьявольское ученіе этой секты, сожигаете образа Спасителя и составили заговоръ противъ святой религіи и нашего католическаго монарха!

Ванъ-Галенъ, выслушавъ это обвиненіе, едва могъ удержаться отъ смѣха и замѣтилъ съ равнодушнымъ видомъ, что «не пони-

маеть, кто могъ распространить подобный слухъ; и удивляется, что есть люди, которые вѣрятъ такимъ нелѣпостямъ».

— Когда васъ привезли сюда — продолжалъ тюремщикъ — я внимательно слѣдилъ за вашимъ поведеніемъ и разговорами и, правду сказать, не нашелъ ничего предосудительнаго. Мнѣ говорили также, что ваши родители почтенные и набожные люди; и я отъ души жалѣю, что всякій истинный христіанинъ долженъ считать васъ еретикомъ, отлученнымъ отъ церкви.

— Но я желалъ бы знать: на какомъ основаніи вы считаете меня еретикомъ?

— Помилуйте, сударь, весь городъ толкуеть о томъ! — отвѣтилъ тюремщикъ. — Три дня спустя послѣ вашего ареста, хозяинъ дома, въ которомъ вы жили, по совѣту своего духовника, пришелъ къ обѣдни со всѣми домохадцами. Когда кончилось богослуженіе, священникъ въ полномъ облаченіи отправился процессіей на вашу квартиру, въ сопровожденіи хозяина, его семьи, друзей, знакомыхъ и другихъ вѣрующихъ; и здѣсь совершена была церемонія заклинанія, чтобы изгнать діавола, который, по общему убѣжденію, водворился тамъ. Затѣмъ, на крышѣ воздвигли крестъ, потому что иначе никто не рѣшился бы поселиться въ этомъ домѣ...

— При другихъ обстоятельствахъ — добавляетъ авторъ — эта нелѣпая исторія могла только насмѣшить меня; но когда я вспомнилъ насколько слухи о ней должны огорчить моего отца, то невольный вздохъ вырвался изъ моей груди; тюремщикъ, замѣтивъ это, тотчасъ-же переѣмнилъ разговоръ.

Въ часъ ночи пришли два инквизитора и предложили Ванъ-Галену слѣдовать за ними; въ корридоръ ожидали еще трое людей, которые проводили ихъ по улицамъ, совершенно пустыннымъ въ это время. Ночной мракъ нарушался свѣтомъ фонаря, который несъ одинъ изъ слугъ. Пройдя большую часть города и около мили по большой дорогѣ, они достигли бенедиктинскаго монастыря, гдѣ ихъ ожидала карета. Едва посадили въ нее узника, какъ изъ воротъ вышелъ вооруженный отрядъ, который долженъ былъ сопровождать его. Они ѣхали шагомъ, однообразіе пути нарушалось недолгими ночевками въ гостинницахъ. Сообразно данной инструкціи, Ванъ-Галена привезли въ Мадридъ ночью и прямо доставили въ домъ инквизиціи, гдѣ его провели по великолѣпной лѣстницѣ въ комнаты великаго инквизитора, Миръ-Кампилю. Послѣдній принялъ его высококомѣрно, сидя въ креслѣ, и, сказавъ ему двѣ три фразы, приказалъ отвести въ приготовленную для него тюрьму.

Новая тюрьма Ванъ-Галена ничѣмъ не отличалась отъ темницы, которую онъ занималъ въ послѣднее время въ Мурсіи, кромѣ того, что двойная дверь была снабжена небольшимъ рѣшетчатымъ отверстіемъ; и хотя здѣсь соблюдалась еще большая чистота, но

узнику приходилось ѣсть деревянной ложкой и пальцами, такъ какъ ножи и вилки были запрещены.

Цѣлая недѣля прошла для Ванъ-Галена въ полной неизвѣстности относительно ожидавшей его участи. Онъ никого не видѣлъ кромѣ двухъ тюремщиковъ, Донъ Марчелино и Донъ Хуанито, которые по очереди убирали его темницу. Съ ними приходило иногда и третье лицо, которое узникъ не могъ разглядѣть, потому что въ подобныхъ случаяхъ его всегда переводили въ сосѣднюю темницу; но онъ догадался по походкѣ, что это была женщина. Только разъ посѣтили его два инквизитора, но, повидимому, скорѣе изъ любопытства, нежели для какой-нибудь опредѣленной цѣли, потому что разговоръ ихъ ограничился общими фразами. Наконецъ, однажды вечеромъ, Донъ Марчелино явился къ нему въ сопровожденіи фискала Зориллы и какого-то господина, завернутаго въ плащъ, который сдѣлавъ повелительный жестъ рукой, приказалъ своимъ спутникамъ удалиться. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ непріятнымъ морщинистымъ лицомъ и злобнымъ выраженіемъ безпокойно бѣгавшихъ глазъ. Несмотря на простоту его одежды, узникъ сразу догадался по его самоувѣреннымъ манерамъ, что онъ изъ числа приближенныхъ Фердинанда VII.

— Вы просили аудіенціи у его величества!—сказалъ онъ надменнымъ тономъ.—Эта необычайная милость будетъ дарована вамъ! Но вы должны быть откровенны, чтобы доказать этимъ, что вы чувствуете ту честь, которую оказываютъ вамъ. Помните, что вы будете говорить съ королемъ!

Ванъ-Галенъ отвѣтилъ вѣжливой фразой и распространился о томъ, насколько онъ цѣнитъ честь быть представленнымъ его величеству.

— Завтра вечеромъ, около этого времени, — продолжалъ незнакомецъ — вы увидите нашего обожаемаго монарха. Если вы навлечете на себя неудовольствіе его величества, то, помните, что нѣтъ такого жестокаго наказанія, которое не было бы примѣнено къ вамъ... Поговоривъ еще нѣкоторое время въ томъ-же тонѣ посѣтитель удалился.

Это былъ извѣстный Ареллано, одинъ изъ близкихъ друзей короля, имѣвшій на него большое вліяніе. На слѣдующій, день вечеромъ Ареллано снова явился въ тюрьму, но разукрашенный орденами, въ великолѣпной вышитой одеждѣ и въ шляпѣ, убранной перьями. Онъ приказалъ Ванъ-Галену слѣдовать за нимъ. Въ корридорѣ ихъ ожидалъ тюремщикъ и еще какой то господинъ, закутанный въ плащъ, который оказался секретаремъ короля, Фронте-номъ. Пройдя цѣлый лабиринтъ темныхъ переходовъ, они вышли на улицу и всѣ четверо сѣли въ карету. Ареллано болталъ безъ умолку всю дорогу и давалъ разныя нелѣпыя наставленія узнику относительно того, какъ онъ долженъ вести себя съ королемъ.

По прибытіи во дворецъ, Ванъ-Галена провели особымъ ходомъ въ небольшую комнату, смежную съ кабинетомъ короля и извѣстную подъ названіемъ «*Samarilla*».

Ареллано подошелъ къ двери, и громко крикнулъ: ваше величество!

— Что случилось?—спросилъ чей-то голосъ густымъ басомъ.

— Я привезъ Ванъ-Галена! — отвѣтилъ Ареллано и, не дожидаясь позволенія, ввелъ государственнаго преступника въ королевскій кабинетъ.

Такъ началась своеобразная аудіенція, о которой подробно рассказываетъ авторъ.

«Когда мы вошли — говоритъ онъ — король сидѣлъ на единственномъ креслѣ. Его величество всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ намъ на встрѣчу. Онъ былъ въ полномъ *negligé*, безъ галстука; камзолъ его былъ растегнутъ на всѣ пуговицы. Передъ кресломъ стоялъ большой столъ, на которомъ лежали разныя бумаги, портфель, письменный приборъ и множество разбросанныхъ пачекъ гаванскихъ сигаръ. Я подошелъ къ его величеству и преклонилъ колѣно, чтобы поцѣловать его руку согласно этикету, но онъ поднялъ меня и спросилъ:

— Что вамъ нужно? зачѣмъ вы хотѣли видѣть меня?

— Ваше величество, я увѣренъ, что если вамъ угодно будетъ выслушать меня, то мнѣ удастся разсказать то предубѣжденіе, которое вамъ внушили противъ меня и которымъ я могу только объяснить суровое обращеніе со мной.

— Вы участвовали въ послѣднемъ заговорѣ и должны все открыть мнѣ. Я все знаю! Назовите вашихъ соумышленниковъ.

— Желаніе блага родинѣ не можетъ быть названо заговоромъ, ваше величество. Я готовъ безъ малѣйшаго колебанія сообщить вамъ, въ чемъ состоятъ наши стремленія, но считаю это лишнимъ, такъ какъ вашему величеству все извѣстно. Если-же вамъ угодно будетъ получить дальнѣйшія объясненія, то они только смягчатъ вашъ гнѣвъ противъ меня и убѣдятъ васъ, что если мы считали нужнымъ соблюдать тайну, то дѣлали это съ единственной цѣлью избѣгнуть мести со стороны тѣхъ людей, которые хотятъ сдѣлать ненавистнымъ ваше славное имя.

— Я желаю знать имена тѣхъ лицъ, которые злонамѣренно ввели васъ въ заблужденіе. Говорите смѣло безъ всякаго опасенія!

— Если ваше величество имѣетъ обо всемъ вѣрныя свѣдѣнія, то вамъ вѣроятно сообщили, что никто не вводилъ меня въ заблужденіе и что я всегда дѣйствовалъ по собственному убѣжденію. Благодаря текущимъ событіямъ, недовѣріе дошло до такой степени, что я лично не знакомъ ни съ однимъ изъ тѣхъ людей, которые раздѣляютъ мои убѣжденія.

— Но вы должны знать какимъ способомъ можно открыть ихъ.

Вы обязаны повиноваться мнѣ. Выбирайте между моей милостью и вашей гибелью!

— Ваше величество встаньте во главѣ нашей ассоціаціи и вы узнаете имена каждого изъ насъ.

При этихъ словахъ Ареллано не помня себя отъ ярости и размахивая руками, бросился впередъ и закричалъ грубымъ тономъ, неприличнымъ въ присутствіи монарха:

— Къ дѣлу! велите ему приступить къ дѣлу! Намъ не нужно предисловія и софизмовъ! Вотъ вамъ бумага, г-нъ Ванъ-Галенъ, возьмите перо, вотъ! (говоря это, онъ бросилъ на столъ перо и листъ бумаги). Вы должны написать здѣсь имена всѣхъ вашихъ сообщниковъ безъ всякихъ увертокъ. Его величество, король, долженъ знать все, что дѣлается на землѣ! Я былъ во Франціи и знаю, къ чему ведутъ всѣ эти партіи! Такъ-то вы соблюдаете данную вами присягу!..

Во время этой бѣшенной выходки—продолжаетъ авторъ—я внимательно слѣдилъ за королемъ, который превратился въ статую съ того момента, какъ заговорилъ Ареллано. Видя, что послѣдній настойчиво требуетъ, чтобы я взялъ перо, я сказалъ, обращаясь къ королю:

— Ваше величество, я не знаю ни одного имени.

— Передайте его инквизиціи! крикнулъ Ареллано. — Инквизиціонный судъ вынудитъ у него признаніе!

Король, повидимому, былъ несовсѣмъ доволенъ поведеніемъ своего любимца и замѣтилъ спокойнымъ голосомъ Ванъ-Галену:

— Возможно ли, чтобы вы никого не знали!

— Ваше величество, если бы я хотѣлъ говорить о томъ, въ чемъ не вполне увѣренъ, или желалъ скрыть преступниковъ, то избѣгалъ бы присутствія моего государя. Съ другой стороны, еслибы я чувствовалъ себя преступнымъ, то воспользовался бы случаемъ, чтобы просить вашего величества о помилованіи; но не дѣлаю этого въ виду моей невинности.

Король задумчиво смотрѣлъ на меня нѣсколько минутъ и сказалъ:

— Напишите все, что вы хотѣли сообщить мнѣ и пошлите на мое имя.

Наступила довольно продолжительная пауза. Король взялъ со стола сигару, зажегъ ее и спросилъ Ванъ-Галена: курить ли онъ? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ, обращаясь къ Ареллано. «Ты поплешь ему сигаръ!» и сдѣлалъ знакъ, что аудіенція кончена.

При прощаніи король съ видимымъ участіемъ пожалъ руку Ванъ-Галену. Послѣдній вышелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ его ожидалъ королевскій секретарь Фронтенъ и тюремщикъ и гдѣ скоро присоединился къ нимъ Ареллано, послѣ чего они отправились въ обратный путь.

«На слѣдующее утро—разсказываетъ авторъ—тюремщикъ вручилъ мнѣ небольшой пакетъ съ 200 сигаръ, говоря, что «это прислано изъ дворца». Вслѣдъ затѣмъ, явился фискаль Зорилла съ письменнымъ приборомъ и нѣсколькими листами бумаги и предложилъ мнѣ написать письмо королю, добавивъ, что оно будетъ немедленно послано по назначенію. Я просилъ его зайти черезъ нѣсколько часовъ и тотчасъ же принялся писать безъ черновой, такъ какъ бумага была нумерована, и повторилъ въ письмѣ все то, что я лично говорилъ королю, но только болѣе подробнымъ образомъ. Король, какъ я узналъ впоследствии, добавляетъ авторъ, получилъ это письмо въ тотъ же день, но, благодаря вліянію Ареллано и другихъ подобныхъ ему негодяевъ отнесся къ моимъ показаніямъ такъ, какъ они этого хотѣли. Имъ нужны были новыя жертвы; не находя въ моемъ письмѣ никакихъ указаній на лица, которыхъ считались моими сообщниками, они употребили всѣ усилія, чтобы король согласился предпринять противъ меня болѣе рѣшительный способъ дѣйствій, и доказывали его величеству «необходимость передать меня инквизиціонному суду»...

Но тѣмъ не метѣе, для виду, найдено было нужнымъ сдѣлать еще нѣсколько формальныхъ допросовъ узнику. Съ этою цѣлью военный министръ Эгіа послалъ къ Ванъ-Галену военного фискаля; но этотъ допросъ, какъ и всѣ слѣдовавшіе за нимъ, не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Наконецъ, къ Ванъ-Галену явился королевскій секретарь Фронтенъ и, доказывая всю непрактичность его политическихъ убѣжденій, уговаривалъ его открыть своихъ сообщниковъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ будетъ преданъ инквизиціонному суду. Ванъ-Галенъ отвѣтилъ упорнымъ отказомъ, и секретарь, потерявъ надежду убѣдить его, перемѣнилъ разговоръ. Разсказывая разныя придворныя истории и анекдоты, онъ сообщалъ, между прочимъ, Ванъ-Галену, что въ числѣ его бумагъ найдено нѣсколько любовныхъ писемъ и что король отъ души смѣялся, читая ихъ, и два изъ нихъ взялъ себѣ на память.

Однако несмотря на видимую благосклонность короля къ узнику, вскорѣ полученъ былъ приказъ предать его суду инквизиціи.

14 ноября 1817 года, инквизиціонный трибуналъ приготовился къ вечернему засѣданію. Со времени возстановленія инквизиціи, это былъ первый примѣръ, что инквизиторы собрались въ такое позднее время. Въ семь часовъ вечера, въ темницу Ванъ-Галена вошли оба тюремщика въ полномъ парадѣ и при шпагахъ подъ предводительствомъ Зориллы, который приказалъ ему высокомернымъ тономъ слѣдовать за нимъ.

Я молча повиновался,—говоритъ авторъ.—Мы прошли множество лѣстницъ и корридоровъ, пока не достигли залы инквизиціоннаго суда, въ глубинѣ которой, на эстрадѣ, стоялъ длинный столъ, окруженный креслами инквизиторовъ; великій инквизиторъ

сидѣлъ подъ балдахиномъ. По обѣимъ сторонамъ эстрады были двери. Посреди стола стоялъ большой крестъ съ пальмовой вѣткой и мечомъ, которые были положены крестообразно, и съ надписью: *Exsurge, Domine, et judica causam tuam*. При этомъ, на столѣ горѣло множество восковыхъ свѣчей и лежала кipa бумагъ, возлѣ которыхъ и помѣстился фискаль. Но я не видѣлъ — добавляетъ авторъ — черныхъ свѣтильниковъ, которые такъ подробно описаны въ разныхъ сочиненіяхъ объ испанской инквизиціи; и зала не была обтянута чернымъ сукномъ; черны были только души моихъ судей.

Какъ только я вошелъ въ залу, меня подвели къ эстрадѣ для принесенія присяги; положивъ руку на крестъ, я долженъ былъ повторить за великимъ инквизиторомъ длиннѣйшій символъ вѣры католической церкви, правила, касающіяся обязанностей христіанина относительно святыхъ, и т. п. По окончаніи этой церемоніи, фискаль Зорилла приказалъ мнѣ отступить на средину залы, гдѣ для меня приготовленъ былъ стулъ; мои тюремщики встали по обѣимъ сторонамъ. Среди общаго молчанія, фискаль произнесъ длинную высокопарную рѣчь, которая отличалась крайне искусственнымъ построеніемъ, и гдѣ онъ съ видимымъ недоброжелательствомъ перебралъ всѣ мои бумаги, отвѣты при допросахъ и мое письмо къ королю, прибавляя ко всему собственные комментарии. Затѣмъ начался допросъ, такъ искусно подготовленный, что всѣ мои отвѣты должны были ограничиться однимъ «да» или «нѣтъ»; и хотя я нѣсколько разъ былъ поставленъ въ крайне затруднительное положеніе, но мнѣ удалось обмануть надежды моихъ судей, которые вообразили, что имъ удастся принудить меня къ доносу. Во время 3-хъ часоваго засѣданія говорилъ одинъ Зорилла; великій инквизиторъ и его товарищи упорно молчали. Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу меня заставили подписать протоколъ засѣданія, составленный секретаремъ, послѣ чего великій инквизиторъ приказалъ увести меня обратно въ тюрьму.

На слѣдующій день, въ шесть часовъ вечера, — продолжаетъ авторъ — меня опять привели въ залу суда съ тѣми же церемоніями, но на этотъ разъ фискаль такъ грубо обращался со мной, что одинъ изъ инквизиторовъ взялся замѣнить его при допросѣ, между тѣмъ какъ великій инквизиторъ и другіе судьи болѣе подходили на статуи, чѣмъ на людей. Этотъ допросъ ничѣмъ не отличался отъ предъидущаго, кромѣ того, что мнѣ показали листъ, на которомъ было выставлено до 500 именъ; изъ нихъ многіе были мнѣ совершенно неизвѣстны, но въ числѣ ихъ я увидѣлъ имена нѣсколькихъ почтенныхъ лицъ, участвовавшихъ въ разныхъ тайныхъ обществахъ. Они, повидимому, замѣтили беспокойство, выразившееся на моемъ лицѣ, и спросили: не знаю ли я нѣкоторыхъ лицъ, названныхъ въ списокѣ и, между прочимъ, графа Монтихо. Я отвѣтилъ отрицательно, такъ какъ могъ убѣдиться изъ сдѣланныхъ

мнѣ вопросовъ въ ихъ желаніи привлечь графа къ моему дѣлу, и назвалъ нѣсколько человекъ, которые были извѣстны имъ, какъ мои хорошіе знакомые...

Черезъ день, судъ собрался позднѣе обыкновеннаго. По окончаніи длинной церемоніи присяги и не менѣе длиннаго допроса, узника заставили подписать свое имя, послѣ чего ему завязали руки ремнемъ и объявили, что если въ 24 часа онъ не признается во всемъ, то будетъ подвергнутъ строгому наказанію, которое примѣняется въ подобныхъ случаяхъ. Узника увели обратно въ тюрьму съ связанными руками и оставили его въ этомъ положеніи двое сутокъ, въ продолженіи которыхъ его два раза водили къ допросу. На третій день, утромъ, его посѣтилъ фискаль Зорилла и, пощупавъ пульсъ, сказалъ съ злобной усмѣшкой: — Да, вы дѣйствительно больны, но мы нашли средство вылечить васъ!

Смыслъ этихъ словъ скоро выяснился для Ванъ-Галена. Въ 8 часовъ вечера, въ его темницу вошелъ тюремщикъ съ фонаремъ въ рукѣ, въ сопровожденіи четырехъ людей, которыхъ лица и головы были покрыты конусообразными капюшонами, надавшими на плечи, съ отверстіями для глазъ. Узникъ, проснувшись отъ дремоты, сталъ пристально вглядываться въ страшныя фигуры, стоявшія передъ нимъ, въ полномъ убѣжденіи, что видитъ сонъ, пока тюремщикъ не потянулъ его за ремень, которымъ были связаны его руки и пригласилъ встать. Ему надѣли кожанную маску на лицо и провели, какъ ему показалось, черезъ нѣсколько корридоровъ въ какую-то комнату, гдѣ ихъ ожидалъ Зорилла, котораго онъ тотчасъ узналъ по голосу. Послѣдній обратился къ узнику съ длинною и увѣщательною рѣчью и кончилъ ее словами: «Теперь священный трибуналъ исполнить свой долгъ!»

Узника подняли съ земли и подставили ему подъ-мышки два высокихъ костыля, на которыхъ онъ повисъ; правую руку его привязали къ правому костылю, а лѣвую вытянули въ горизонтальномъ положеніи и одѣли на нее до кисти деревянную перчатку, чрезвычайно тѣсную, отъ которой были протянуты къ плечу два желѣзныхъ прута. Тѣло и обѣ ноги были также привязаны къ костылямъ. Въ первую минуту Ванъ-Галенъ не почувствовалъ никакой боли, потому что руки его, связанные въ продолженіи двухъ сутокъ, совершенно онемѣли. Но вслѣдъ затѣмъ, когда по приказанію инквизитора онъ отказался дать требуемыя показанія, то перчатка, прикрѣпленная къ колесу, начала вертѣться и онъ, вслѣдствіе сильной боли, причиняемой выворачиваніемъ суставовъ, лишился чувствъ ¹⁾.

¹⁾ Мы привели здѣсь буквально описаніе пытки со словъ автора, въ правдивости котораго врядъ ли можно сомнѣваться, потому что книга его издана не болѣе, какъ черезъ 13 лѣтъ, когда еще были живы многіе изъ очевидцевъ и могли печатно опровергнуть его рассказъ.

Несчастный опомнился уже въ темницѣ, куда его перенесли въ безсознательномъ состояніи. Онъ увидѣлъ себя на полу; ему ковыляли руки и ноги въ тяжелыя цѣпи; но кожанной маски уже не было на его лицѣ. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ухода своихъ мучителей, послѣ чего съ трудомъ дотащился до своей постели. Скорая смерть была его единственнымъ желаніемъ; онъ избѣгалъ малѣйшаго движенія изъ боязни, чтобы шумъ цѣпей не обратилъ вниманіе тюремщиковъ и не «заставилъ ихъ войти къ нему». Лихорадка, мучившая его въ послѣдніе дни, настолько усилилась отъ боли и испытаннаго имъ потрясенія, что съ нимъ начался бредъ, и онъ едва замѣтилъ, какъ тюремщики разрѣзали ему рукавъ, чтобы посмотрѣть больную руку.

На слѣдующій день явился докторъ и, осмотрѣвъ больного, объявилъ, что, пока съ нимъ будутъ обращаться такимъ способомъ, нечего ждать улучшенія болѣзни.

Дѣйствительно, Ванъ-Галенъ со дня на день чувствовалъ себя хуже, такъ что, по настоянію доктора или изъ боязни лишиться такого важнаго узника, съ него сняли цѣпи. Онъ настолько ослабѣлъ, что когда тюремщики принялись по обыкновенію чистить и убирать темницу, то не рѣшились тронуть его съ мѣста и только заставили постель ширмами, чтобы онъ не могъ видѣть osoby, которая мела полъ. Но эта предосторожность оказалась напрасною. Узникъ увидѣлъ молодую дѣвушку съ приличными манерами, которая воспользовалась удобной минутой, чтобы взглянуть на него; при этомъ на ея живомъ лицѣ выразился ужасъ и состраданіе, и она едва удержалась отъ слезъ...

Это была Романа, пріемная дочь тюремщика Марчелино, взятая имъ изъ воспитательнаго дома себѣ въ помощь, для исполненія разныхъ домашнихъ работъ. Сдержанность и усердіе, съ какимъ она исполняла свое дѣло, заслужили ей полное довѣріе ея хозяина и всѣхъ служащихъ въ тюрьмѣ; одинъ только Хуанито, товарищъ Марчелино, неутомимо преслѣдовалъ ее и пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сдѣлать ей непріятное.

Послѣ этого, прошло много дней, прежде чѣмъ Ванъ-Галенъ снова увидѣлъ молодую дѣвушку, тѣмъ болѣе, что здоровье его настолько улучшилось, что при уборкѣ темницы, его по прежнему переводили въ сосѣдній казематъ. Между тѣмъ Хуанито заболѣлъ и слегъ въ постель. Романа въ тотъ же день воспользовалась болѣзнью своего врага, чтобы подойти къ двери узника и, выразивъ ему свое сочувствіе, спросила: не можетъ ли она чѣмъ нибудь помочь ему? Ванъ-Галенъ отвѣтилъ, что желалъ бы написать письмо. Она подала ему клочокъ бумаги и карандашъ черезъ рѣшетчатое окно въ дверяхъ и поспѣшно удалилась.

Ванъ-Галенъ, оставшись одинъ, долго былъ въ недоумѣніи, кому написать изъ своихъ друзей: многіе изъ нихъ были арестованы,

адресъ другихъ былъ ему неизвѣстенъ, а его товарищи офицеры постоянно переходили съ мѣста на мѣсто съ своими полками. Наконецъ, онъ вспомнилъ о своемъ двоюродномъ братѣ морякѣ, служившемъ въ одномъ гидрографическомъ бюро, и написалъ ему письмо, въ которомъ подробно извѣстилъ его о своемъ несчастномъ положеніи и намѣреніи бѣжать изъ тюрьмы. На слѣдующій день Романа взяла письмо и въ тотъ же вечеръ принесла Ванъ-Галену отвѣтъ отъ его двоюроднаго брата, который обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее. Такимъ образомъ, завязалась ежедневная переписка, которая, во время болѣзни Хуанито, передавалась черезъ дверь, а затѣмъ узникъ уговорился съ своей покровительницей, что онъ будетъ оставлять свои письма подъ подушкой, а она доставлять ему отвѣты тѣмъ же способомъ, при уборкѣ темницы. Этимъ путемъ Ванъ-Галену былъ переданъ подробный планъ всѣхъ улицъ по близости тюрьмы, съ обозначеніемъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ его будутъ ожидать друзья. Вслѣдъ за тѣмъ онъ получилъ письмо, въ которомъ его убѣдительно просили назначить день бѣгства, какъ только онъ почувствуетъ въ себѣ достаточно силъ для подобнаго предпріятія.

Между тѣмъ, наступилъ 1818 годъ. Здоровье Ванъ-Галена настолько поправилось, что онъ рѣшилъ не откладывать долѣе своего бѣгства и поспѣшилъ извѣстить объ этомъ своихъ друзей, такъ какъ вмѣстѣ съ возстановленіемъ силъ, у него явилась боязнь подвергнуться новымъ пыткамъ, въ чемъ еще больше утверждали двусмысленныя шутки и намеки тюремщиковъ. Друзья узника отвѣтили ему, что, начиная съ 30-го января, одинъ изъ нихъ будетъ ежедневно ожидать его по близости тюрьмы, и точно обозначили ему путь, по которому онъ долженъ былъ слѣдовать, и слова, по которымъ они могли бы узнать другъ друга, и проч.

Ванъ-Галенъ, безпокоясь объ участи Романы, уговаривалъ ее бѣжать вмѣстѣ съ нимъ, но она отвѣтила, что согласится на это только въ томъ случаѣ, если ея участіе въ бѣгствѣ сдѣлается извѣстнымъ и она не будетъ имѣть иного исхода.

30-го января, вечеромъ, въ часъ назначенный для бѣгства, Ванъ-Галенъ, стоя у дверей своей темницы, внимательно прислушивался къ малѣйшему шороху и, услыжавъ шумъ ключей, поспѣшно удалился къ своей постели. Но едва вошелъ Марчелино, какъ узникъ загасилъ свѣту и, толкнувъ тюремщика въ дальній уголъ, выскочилъ изъ двери и заперъ ее на ключъ. Въ корридорѣ онъ очутился въ совершенной темнотѣ; но оглушительные крики новаго узника придали ему силы и онъ смѣло бросился впередъ, такъ какъ зналъ изъ рассказовъ Романы, что Марчелино имѣлъ обыкновеніе оставлять за собою всѣ двери открытыми. Сбѣжавъ съ лѣстницы, Ванъ-Галенъ увидѣлъ налѣво полуосвѣщенную кухню, на полкѣ которой висѣлъ фонарь. Въ первую минуту онъ остано-

вился въ нерѣшимости, такъ какъ слышалъ по близости чьи-то голоса, но, пересиливъ свою робость, онъ вошелъ въ кухню съ намѣреніемъ схватить кочергу или топоръ, чтобы имѣть оружіе въ рукахъ, въ случаѣ, если понадобится открытое сопротивленіе. Здѣсь онъ встрѣтилъ Роману, помертвѣвшую отъ испуга, которая съ нетерпѣніемъ ожидала его.

— Гдѣ мой хозяинъ? спросила она шопотомъ, и, узнавъ, что Марчелино живъ и въ полной безопасности, вывела Ванъ-Галена на дворъ, говоря, что отсюда онъ можетъ прямо выйти на улицу, и просила его поторопиться, потому что ея хозяйка ожидаетъ къ себѣ гостей. Но на дворѣ было такъ темно, что, прежде чѣмъ Ванъ-Галенъ успѣлъ добраться до воротъ, онъ услышалъ женскіе голоса съ улицы; вслѣдъ за тѣмъ раздался звонокъ. Романа выбѣжала на дворъ и, отворивъ калитку, громко вскрикнула, говоря, что ее кто-то толкнулъ; испуганныя гости принялись кричать въ свою очередь, но Ванъ-Галенъ, не обративъ на это никакого вниманія, спихнулъ съ ногъ первую вошедшую женщину и однимъ прыжкомъ очутился на улицѣ.

Здѣсь, согласно данному наставленію, Ванъ-Галенъ повернулъ за уголъ тюрьмы, гдѣ встрѣтилъ высокаго человѣка, завернутаго въ плащъ, который сразу узналъ его и громко воскликнулъ: — Хуанъ! Ванъ-Галенъ! вы ли это?

— Я! отвѣтилъ освобожденный узникъ, сердце котораго замерло отъ радости, когда онъ услышалъ знакомый голосъ.

Пройдя улицу, — рассказываетъ авторъ, — мой спутникъ громко свиснулъ, и насъ тотчасъ же окружило нѣсколько человѣкъ друзей; одинъ накиннулъ на меня шляпу съ перомъ, другой — плащъ, третій увѣрялъ, что они готовы защищать меня до послѣдней капли крови и т. п. Я послѣдовалъ за ними въ шляпѣ съ перомъ, въ плащѣ и въ зеленыхъ туфляхъ, которыя носилъ въ тюрьмѣ; но, по счастью, было такъ темно, что никто изъ прохожихъ не могъ обратить вниманія на это обстоятельство. Мы скоро достигли дома, который на первое время долженъ былъ служить мнѣ убѣжищемъ, и поднялись на нѣсколько лѣстницъ до верхняго этажа, гдѣ жила одна изъ испанскихъ героинь, участвовавшихъ въ послѣдней войнѣ за независимость, которая охотно согласилась приютить меня у себя до пріисканія болѣе удобнаго помѣщенія. Хотя ее предупредили о моемъ приходѣ, но она, вѣроятно, не знала, что я явлюсь къ ней прямо изъ тюрьмы, потому что очень удивилась, когда увидѣла меня въ странномъ костюмѣ и съ длинной бородой...

Въ это время въ тюрьмѣ инквизиціи, — какъ узналъ впослѣдствіи авторъ, — происходила слѣдующая сцена:

Жена Марчелино, встревоженная криками и разсказами прибывшихъ гостей, бросилась съ громкимъ плачемъ отыскивать своего мужа, такъ что Романа, тронутая ея горемъ, едва не созналась

въ своемъ участіи. Но тутъ пришелъ Хуанито въ сопровожденіи тюремныхъ слугъ и, не обращая никакого вниманія на вопли своего товарища и плачь его супруги, оставилъ его въ заключеніи и заперъ всѣ выходы тюрьмы. Наконецъ, къ утру явился инквизиторъ и, приказавъ въ своемъ присутствіи выломать дверь, запертую бѣглецомъ, выпустилъ несчастнаго Марчелино, обезумѣвшаго отъ отчаянія, который тотчасъ былъ позванъ на допросъ и посаженъ подъ арестъ со всей семьей. Но этимъ дѣло не кончилось. Марчелино былъ преданъ суду и осужденъ на галеры на 10 лѣтъ, а Романа отправлена въ монастырь на вѣчное заключеніе¹⁾.

Король узнавъ на слѣдующее утро о бѣгствѣ Ванъ-Галена и, по разказу одного изъ присутствовавшихъ при этомъ господъ, громко расхохотался, когда ему сообщили всѣ подробности. Между тѣмъ какъ Ареллано, вернувшись отъ обѣдни, гдѣ онъ присутствовалъ ежедневно, пришелъ въ ярость отъ этого извѣстія и поставивъ на ноги всю камарилью, послалъ письменный приказъ ко всѣмъ инквизиціямъ и намѣстникамъ провинцій немедленно отыскать бѣглеца и доставить въ Мадридъ. Но эти распоряженія не привели ни къ какимъ результатамъ, равно и поиски въ самомъ Мадридѣ и окрестностяхъ, потому что многіе изъ родственниковъ полицейскихъ чиновниковъ и родной племянникъ фискала Зориаллы принимали дѣятельное участіе въ укрывательствѣ бѣглеца.

Между тѣмъ, друзья Ванъ-Галена перевели его въ новое помѣщеніе, въ одной изъ отдаленныхъ улицъ города, гдѣ онъ прожилъ три мѣсяца до полного возстановленія силъ.

Наконецъ, наступила весна; снѣга начали таять въ Пиренеяхъ, ущелья сдѣлались проходимыми, и для бѣглеца открылась возможность искать убѣжища за предѣлами родины, такъ какъ путь черезъ горы былъ сравнительно наиболѣе безопасный отъ надзора инквизиціи. Друзья Ванъ-Галена добыли ему фальшивый паспортъ и онъ, подъ видомъ комиссаріатскаго чиновника, безъ всякихъ прятаній проѣхалъ Испанію и Францію, въ сопровожденіи одного изъ своихъ пріятелей, выдававшаго себя за торговца шерстью.

Въ концѣ іюня 1818 года, Ванъ-Галенъ благополучно прибылъ въ Англію, гдѣ простился съ своимъ спутникомъ и безъ опасенія объявилъ свое настоящее имя. Въ это время въ Англіи происходили выборы къ предстоящему парламенту. На встрѣчу попада-

¹⁾ Эта великодушная дѣвушка въ теченіи двухъ лѣтъ покорно выносила свою участь, пока событія 1820 года не возвратили ей свободы. Она вышла замужъ за одного солдата кирасирскаго полка, котораго она любила задолго до того времени, когда рѣшилась пожертвовать жизнью для человѣка, къ которому ничего не чувствовала, кромѣ состраданія. Марчелино былъ также освобожденъ и получилъ отъ конституціоннаго правительства болѣе покойную и почетную должность, чѣмъ ту, которую онъ занималъ въ инквизиціонной тюрьмѣ.

лись нарядныя толпы избирателей въ шляпахъ, украшенныхъ лентами; кандидатовъ несли торжественно на рукахъ; гостиницы были переполнены бочками пива и разукрашены эмблематическими девизами и флагами различныхъ цвѣтовъ; всюду были разставлены оркестры музыки; ораторы на улицахъ говорили рѣчи народу... Такое зрѣлище представилось глазамъ удивленнаго испанца въ Дуврѣ и во всѣхъ городахъ, гдѣ ему приходилось проѣзжать, до самаго Лондона, и глубоко поразило его своимъ контрастомъ со сценами нищеты и безправія, господствовавшими въ тогдашней Испаніи.

Въ Лондонѣ Ванъ-Галенъ остановился въ скромной гостиницѣ, гдѣ прожилъ около пяти мѣсяцевъ. «Уединенная жизнь и полное бездѣйствіе—говорить онъ—настолько не соответствовали моему характеру и привычкамъ, что я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе падалъ духомъ. Воображеніе рисовало мнѣ печальныя картины несчастій, тяготѣвшихъ надъ моей родиной; невыносимо было для меня и самое положеніе эмигранта среди богатаго, счастливаго народа, пожинавшаго лавры своихъ вѣковыхъ усилій. Мои денежныя средства настолько истощились, что у меня не было иного исхода какъ искать военной службы въ какой нибудь отдаленной странѣ, интересы которой не могли прійти въ столкновеніе съ интересами моей родины. Я написалъ объ этомъ моимъ друзьямъ въ Испанію и объявилъ что не намѣренъ больше пользоваться ихъ великодушіемъ, послѣ чего мнѣ оставалось только выбрать страну, гдѣ бы я могъ, не измѣняя своимъ убѣжденіямъ, провести остатокъ моей жизни».

Этимъ авторъ оканчиваетъ первую часть своихъ записокъ. Въ слѣдующей главѣ мы передадимъ содержаніе втораго тома, гдѣ онъ рассказываетъ о своемъ пріѣздѣ въ Россію, службѣ на Кавказѣ и возвращеніи на родину.

Н. Вѣлозерская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе
графа С. Д. Шереметева. Томъ IX. Спб. 1884.

ОСМЪ кончины князя Петра Андреевича Вяземскаго, въ Остафьевскомъ архивѣ найдено тридцать семь записныхъ книжекъ, въ которыя покойный, въ продолженіе слишкомъ шестидесяти лѣтъ, вносилъ всякаго рода мысли, впечатлѣнія замѣтки, анекдоты и выписки изъ сочиненій, почему нибудь обращавшихъ на себя его вниманіе. Печатаніе этихъ книжекъ въ полномъ изданіи его сочиненій началось съ восьмого тома, о которомъ въ свое время и помѣщенъ былъ отзывъ въ нашемъ журналѣ («Историческій Вѣстникъ», мартъ, 1883). Теперь въ вышедшемъ недавно девятомъ томѣ помѣщено еще нѣсколько книжекъ. Объемъ и содержаніе ихъ очень различны: одні состоятъ изъ немногихъ страницъ, другія болѣе или менѣе обширны и разнообразны по внесеннымъ въ нихъ статьямъ. Здѣсь, кромѣ всякаго рода выписокъ и замѣтокъ, есть цѣльныя письма, довольно полныя, рецензіи и, наконецъ, дневники, веденные при перѣздахъ по Россіи и при путешествіяхъ заграницей. Очевидно, что все это писано не для печати, а только на память, подъ влияніемъ минутныхъ впечатлѣній. Тутъ прежде всего замѣчательно то, съ какой ясностью и какимъ правильнымъ языкомъ вписались въ памятные книжки эти летучіе наброски, которымъ покойный не придавалъ никакого литературнаго значенія. Такую стройную и живую рѣчь не всегда можно встрѣтить и въ сочиненіяхъ обработанныхъ.

Личность князя Вяземскаго, его образъ мыслей, убѣжденія и вкусы выражаются съ болѣею ясностью и полнотою въ этихъ записныхъ книжкахъ, нежели въ его литературныхъ произведеніяхъ. Читая его замѣтки, вполне понимаешь, почему одни считали его заносчивымъ и несправимымъ либераломъ, а другіе — отсталымъ реакціонеромъ. Это зависѣло оттого, что самъ

онъ не принадлежалъ ни къ какой односторонне-узкой политической или литературной партіи, высказывался всегда по собственному убѣжденію и чувству, не подчиняясь вліянію какихъ бы то ни было авторитетовъ, и открыто воставалъ противъ всего, что находилъ ложнымъ, изъ какого ни шло оно лагеря. Понятно, какимъ отъявленнымъ либераломъ долженъ былъ многомъ казаться человекъ, который въ 1822 году, по поводу посѣщенія имъ пензенскаго театра, гдѣ актерами были крѣпостные люди одного помѣщика, писалъ слѣдующее: «Большѣ всего, что пьяный помѣщикъ имѣетъ право терзать своихъ подданныхъ за то, что они дурно играли или не понравились ему. Право господства не должно бы простираться до этой степени. При рабствѣ можно допустить право помѣщика взыскивать съ крѣпостныхъ своихъ подати деньгами или натурою и промышленностью, свойственныя ихъ назначенію и включенныя въ кругъ дѣйствія имъ сроднаго, и наказывать за неисполненіе таковыхъ законныхъ обязанностей, по обезпечить закономъ властью и сумазбродныя прихоти помѣщика, который хочетъ, чтобы его рабы плясали, пѣли и ломали комедь безъ дарованія, безъ охоты,—есть уродство гражданское и оно должно быть прекращено пачальствомъ, предводителями, какъ злоупотребленіе власти. И послѣ такихъ примѣровъ находятся еще у насъ заступники крѣпостнаго состоянія». Съ другой стороны, понятно и то, какъ смотрѣли на князя Вяземскаго за слѣдующія его строки, писанныя въ 1831 году: «Очень хорошо и законно дѣлаетъ господинъ, когда приказываетъ высѣчь холопа, который вздумаетъ отыскивать незаконно и нагло свободу свою». Дѣло въ томъ, что Вяземскій всегда былъ противникомъ крѣпостнаго права, но въ то же время и отъявленнымъ врагомъ всякаго народнаго самоуправства. Мы позволимъ себѣ привести изъ его записной книжки еще одну выписку, которая вполнѣ знакомитъ съ его образомъ мыслей по этому вопросу. «По первому взгляду на рабство въ Россіи — пишетъ онъ — говорю: оно уродливо. Это наростъ на тѣлѣ государства. Теперь дѣло лѣкарей рѣшить: какъ истребить его? Свести ли медленными, но безпрестанно дѣйствующими средствами? Срѣзать ли его разомъ? Сзовите совѣтъ лѣкарей: пусть перетолкуютъ они о способахъ, взвѣсятъ послѣдствія, и тогда рѣшитесь на что нибудь. Теперь чтѣ вы думаете? Вы сознаетесь, что это наростъ, пальцемъ указываете на него и только что дразните больного тогда, когда должно и можно его лѣчить».

Политическія мнѣнія князя П. А. Вяземскаго были также независимы и должны были вызывать нареканія со стороны людей различныхъ убѣжденій. Достаточно указать на то, какъ онъ смотрѣлъ на Польшу и революцію 1831 года. «Не благотворите полякамъ на дѣлѣ,—пишетъ онъ въ одной изъ своихъ книжекъ,—а витѣйствуйте имъ о благотвореніи. Она такъ дорожаетъ честію слыть благородными и доблестными, что отъ словъ о доблести и мужествѣ пользуютъ на стѣну... И добродѣтели-то ихъ всѣ театральныя... Наполеонъ совершенно по нимъ. Они всегда промѣняютъ солнце на фейерверкъ. Рѣчь, читанная государемъ на сеймѣ, дороже имъ всѣхъ его благодѣяній... Нельзя сказать, что они славолубивы, а успѣхолобивы. Имъ не въ томъ, чтобы дома быть счастливыми, а въ томъ, чтобы блеснуть передъ Европой. Политическіе Дюпъ-Кихоты». Послѣ усмиренія возстанія и взятія Паскевичемъ Варшавы, князь Вяземскій вноситъ въ другую записную книжку слѣдующее: «Вотъ и послѣднее дѣйствіе кровавой драмы, чтѣ будетъ послѣ?... При первой войнѣ, при первомъ движеніи въ Россіи, Польша возстанетъ на

насъ, или должно будетъ имѣть русскаго часоваго при каждомъ полянкѣ. Есть одно средство: бросить Царство Польское, какъ даемъ мы отпускную негодяю, котораго ни держать у себя не можемъ, ни поставить въ рекруты». Такое же нареканіе должны были павлекать на князя Вяземскаго взгляды его на европейскіе порядки и нравы. Съ одной стороны, многимъ не нравилось, напримѣръ, его пристрастіе къ легкой французской литературѣ, съ которой у него не мало было общаго по самому роду его таланта и складу ума. Въ немъ видѣли послѣдователя отжившаго псевдо-классицизма, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ почитателемъ школы Корнеля и Вольтера, а только уважалъ въ ней хорошія стороны и не хотѣлъ относиться къ ней съ тѣмъ огульнымъ порицаніемъ, съ какимъ трактовали ее приверженцы романтизма. Съ другой стороны, онъ не поклонялся безусловно признаваемымъ иноземнымъ авторитетамъ и даже шутилъ надъ недостатками и промахами людей, порицаніе которыхъ въ глазахъ многихъ было чуть не святотатствомъ. Позволимъ себѣ сдѣлать еще небольшую выписку изъ дневника его путешествія въ Палестину, въ 1850 году: «На смирскомъ рейдѣ — пишетъ онъ — стоялъ французскій пароходъ, отправляющійся въ Константинополь, и на немъ Ламартинъ. Если турецкое правительство не было бы нелѣпо, то оно засадило бы Ламартина въ карантикъ, вмѣсто того, чтобы дать ему богатое помѣстье въ своихъ владѣніяхъ. Ламартинъ перевернулъ Францію вверхъ дномъ и послѣ того бѣжалъ изъ нея, какъ кошка, когда напроказитъ и разбросаетъ посуду; а Диванъ, который ищетъ покровительства и милости Франціи, оказываетъ неслыханное благодареніе безумцу, отъ котораго всѣ партіи во Франціи отказались и котораго всѣ равно обвиняютъ. Да и онъ хорошъ: устроилъ у себя республику, христорадничаетъ у потомковъ Магомета и записывается къ нимъ болѣе нежели въ подданство, а въ челядинцы, ибо идетъ питаться ихъ милостынею и хлѣбомъ». Конечно, и за эти строки одни могли называть ихъ автора либераломъ, а другіе ретроградомъ.

Съ болѣею подробностью, чѣмъ другія замѣтки, велъ князь Вяземскій свои путевые дневники при поѣздкахъ въ Польшу, въ Москву и Ревель, въ Нижній-Новгородъ и въ Пензенскую губернію и при путешествіяхъ по Европѣ и на Востокъ. Все это при небольшой обработкѣ могло бы составить прекрасную книгу путевыхъ впечатлѣній въ разныхъ частяхъ Россіи и во многихъ мѣстностяхъ заграничій. При его замѣчательной наблюдательности и безпристрастномъ отношеніи къ свѣтлымъ и темнымъ сторонамъ какъ русскаго, такъ и иноземнаго быта, записки его представляютъ несомнѣнный и крупный интересъ. Замѣчанія о различныхъ явленіяхъ общественной жизни, сужденія о людяхъ, отзывы о произведеніяхъ искусства или о книгахъ, которыя онъ читалъ и въ своихъ переѣздахъ, — все это отличается свѣтлымъ умомъ и равносторонними знаніями. Стоить прочесть его замѣчанія о нижегородской ярмаркѣ, о природѣ Италіи, о парижскихъ театрахъ и англійскомъ обществѣ, чтобы убѣдиться, какъ самостоятельны были его мнѣнія и какъ мало въ нихъ обремененной рутинны. Въ каждой строкѣ его видно, что она внушена не чужими отзывами, а собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ.

Самъ князь П. А. Вяземскій не придавалъ своимъ записнымъ книжкамъ никакого литературнаго значенія, хотя, можетъ быть, и читалъ выдержки изъ нихъ близкимъ къ нему лицамъ. Вотъ какъ онъ опредѣляетъ эти книжки въ посланіи къ королевѣ виртембергской, Ольгѣ Николаевнѣ:

Годовъ и поколѣній много
И пережить уже успѣлъ,
И длиною своей дорогой
Событій много подсмотрѣлъ.

Талантовъ пѣтъ во мнѣ излишка,
Не корчу важнаго лица;
И просто Записная Книжка,
Гдѣ жизнь играетъ роль писца.

Тутъ всякой величьи не мало:
Съ бездѣльемъ дѣло, грусть и смѣхъ,
То похвала, то шутки жало,
Здѣсь неудача, тамъ успѣхъ.

Въ слѣдующемъ томѣ собранія сочиненій князя Вяземскаго, вѣроятно, будутъ помѣщены и остальные его памятные книжки. Тогда еще съ болѣею полнотою видно будетъ, какъ важны эти замѣтки для изученія русскаго общества въ настоящемъ столѣтіи. Должно замѣтить еще, что книжки печатаются не вполне, и многое изъ нихъ, какъ заявлено въ предисловіи къ вышедшему теперь тому, еще не можетъ быть обнародовано.

А. М.

Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій, Е. П. Карновича, съ 13 гравюрами. Спб. 1884 г.

Въ ряду книгъ, посвящаемыхъ популяризациі отечественной исторіи, монографіи Е. П. Карповича занимаютъ особенно видное мѣсто. Обширная начитанность г. Карновича, отличающая его добросовѣстность изученія даннаго сюжета по первымъ источникамъ, не только русскимъ, но и иностраннымъ, строгая тщательность изложенія, спокойный, благородный тонъ, вытекающій изъ яснаго, трезваго взгляда на событія и лица, и прекрасный языкъ,—все это дѣлаетъ историческія сочиненія почтеннаго автора чрезвычайно цѣнными и они должны особенно рекомендоваться читающей массѣ, которую нынѣ такъ часто морочатъ у насъ вздорными quasi-«историческими» розысканіями разные журнальные повѣствователи и романисты.

Всѣ указанныя достоинства характеризуютъ и послѣднюю вышеназванную книгу г. Карповича, интересную не только для любителей легкаго историческаго чтенія, но и для людей, слѣдящихъ за исторической наукой. Въ изображеніи «замѣчательныхъ и загадочныхъ личностей» авторъ является не простымъ компиляторомъ-фотографомъ, а самостоятельнымъ портретистомъ-ислѣдователемъ. Онъ находитъ, путемъ изученія новыхъ источниковъ и тщательной критики матеріаловъ, черты, пропущенныя предшествовавшими біографами этихъ личностей, даетъ имъ болѣе вѣрное очертаніе, отбрасываетъ ихъ характеръ съ болѣе рельефностью и каждую фигуру ставитъ на должное историческое мѣсто, въ надлежащемъ освѣщеніи. Смѣло можно сказать, что въ нашей литературѣ очень немногихъ историческихъ портретовъ, написанныхъ съ такой старательностью, такой строгой кистью, ставящей

своей цѣлью правду и возможно точное сходство изображаемыхъ персонажей съ историческими подлинниками.

Книга г. Карновича заключаетъ въ себѣ десять портретовъ-ислѣдованій, а именно: Морица графа Саксонскаго, прусскаго почтъ-директора Вагнера, Шевалье д'Еона, Калиостро, Маріи Терезіи Угрюмовой, герцогини Кингстонъ, князя А. А. Безбородко, Палатины Венгерской Александры Павловны, архимандрита Фотія и князя А. Н. Голицына.

Какъ можно видѣть изъ этого перечня, многія изъ описываемыхъ г. Карновичемъ личностей весьма мало извѣстны въ нашей популярной исторической литературѣ; другія же, хотя и описывались прежде, но часто въ такомъ превратномъ видѣ и съ такой поверхностностью, что въ тщательномъ изображеніи г. Карновича онѣ получаютъ интересъ новизны и такой законченной полноты, въ какой читателю онѣ еще не представлялись доселѣ. При этомъ, вотъ еще что очень важно.

Обыкновенно «загадочныя» историческія личности — такія, напримѣръ, какъ Шевалье д'Еонъ, герцогиня Кингстонъ, Калиостро и др. — занимали повѣствователей только, какъ курьезы, и описывались ими съ одной лишь анекдотической стороны, ради забавы читателей. Г. Карновичъ взглянулъ на нихъ серьезными глазами историка, для котораго всякіе курьезы и анекдотическія личности постолько лишь интересны, поскольку они характеризуютъ данную эпоху, данное общество, поскольку изученіе ихъ необходимо для возможно полнаго пониманія сихъ послѣднихъ.

Съ этой точки зрѣнія и шарлатанъ Калиостро, морочившій своимъ волшебствомъ всю Европу, и политическій проходимецъ д'Еонъ, шутовски за костюмировапный въ женское платье, и честолюбивая авантюристка Кингстонъ, изъ тшеславія сдѣлавшаяся русской помѣщицей, и страпная майорша Угрюмова, ставшая слѣпымъ орудіемъ «пенавистой» политической интриги, и несчастный прусскій почтъ-директоръ, прокатившійся въ Сибирь за вѣрность отечеству, и блистательный вѣчный женихъ и претендентъ на курляндскую корону, Морицъ Саксонскій, — всѣ они получаютъ серьезное значеніе — не раритетное и анекдотическое, а вполне историческое.

Авторъ, рисуя портреты этихъ личностей, помѣщаетъ ихъ, такъ сказать, въ рамку эпохи и на ея историческомъ фонѣ. Вслѣдствіе такого пріема, каждая личность становится понятной, ясной и исторически-необходимой, какъ органическій продуктъ своего времени и своего общества. Точно также — и наоборотъ — каждая личность представляется какъ бы иллюстрированнымъ, яркимъ комментариемъ данной эпохи.

Вообще, книга г. Карновича можетъ быть признана не только пріятнымъ пріобрѣтеніемъ нашей исторической беллетристики, но и цѣннымъ вкладомъ въ науку отечественной исторіи. Слѣдуетъ добавить, что издана она очень старательно и изящно и снабжена прекрасно гравированными портретами описываемыхъ авторомъ личностей.

Мих. Н — овичъ.

Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Изслѣдованіе Д. А. Ровинскаго. Атласъ къ книгѣ съ 33-мя гравюрами. Спб. 1884 г.

Гравюра на мѣди имѣетъ за собой давность четырехъ столѣтій. Ни одному изъ способовъ воспроизведенія художественнаго не выпало на долю столь счастливаго жребія. Родственный этому способу—гравюра на деревѣ—не больше столѣтія пользовался значеніемъ одновременно съ гравюрой на мѣди, но затѣмъ, въ теченіи доброй половины XVII-го и XVIII-го вѣка, находился въ упадкѣ и только въ наше время снова возродился въ измѣненномъ и усовершенствованномъ видѣ. Примѣненіе холодной иглы, во времена Дюрера бывшее возможнымъ лишь на желѣзныхъ доскахъ, такъ какъ тогда не впади еще кислотъ, травящихъ мѣдь, началось съ сороковыхъ годовъ XVI-го столѣтія, достигло цвѣтущаго состоянія въ XVII-мъ вѣкѣ и оставалось любимымъ способомъ для художественнаго воспроизведенія до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалось несовмѣстнымъ съ гладкимъ, вылизаннымъ классицизмомъ. Еще короче были дни стальной гравюры. Въ началѣ текущаго столѣтія явилась литографія, но послѣ кратковременнаго процвѣтанія обратилась въ ремесло. Только гравюра на мѣди пережила всякія перемѣны въ правахъ и людяхъ, хотя и не безъ многократныхъ превратностей въ ея судьбѣ. Какъ впоследствии случилось съ травленіемъ крѣпкой водкой, такъ и гравюра на мѣди первоначально была самостоятельнымъ плодомъ творчества художника. До половины XVI-го вѣка она не примѣнялась къ воспроизведенію картинъ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи. Граверъ былъ самъ художникомъ. Въ Италіи впервые стали пользоваться услугами гравера для копированія картинъ и рисунковъ со времени Марка Антонія. Съ теченіемъ времени это помогло размноженію повсюду въ копіяхъ художественныхъ произведеній всѣхъ школъ. Такія гравюры не только собирались въ папкахъ любителей, но и служили для украшенія комнатъ. Этотъ обычай былъ вытѣсненъ господствомъ стіля рококо, но прошла мода на цвѣтистую декоративность этого стіля и не нашлось лучшаго украшенія для комнатъ, помимо гравюры, исполненной по знаменитымъ оригиналамъ. Тридцать лѣтъ назадъ снова измѣнилось положеніе гравюры. Изобрѣтеніе фотографіи и разнообразныхъ механическихъ способовъ, опирающихся на ея основанія, одно время грозило упадкомъ этому художественному способу воспроизведенія. Но тутъ повѣйшіи гольдишники достигли необычайной виртуозности и гравированіе крѣпкой водкой разцвѣло, благодаря англійскимъ и французскимъ художникамъ. Подорвалось только значеніе гравюры на мѣди и потому собственно, что къ ней стали требовательнѣе по мѣрѣ того, какъ развивался вкусъ къ краскамъ. Рядомъ съ майоликами и фаянсами, рядомъ съ восточными коврами, черная гравюра съ своими бѣлыми полями являлась неумѣстной и некрасивой. Неудивительно, что на нѣкоторое время значеніе ея отошло въ сторону. Не собирали не по прежнему, не въ большой массѣ. Любители, располагая достаткомъ, обратились къ инымъ отраслямъ искусства. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что надо опасаться за будущее гравюры. Она, пожалуй, приспособится къ измѣнившимся требованіямъ вкуса, но она не капетъ въ Лету забвенія, ибо гравюра есть нѣчто большее, чѣмъ копія художественнаго созданія, она—его истолковательница и глашатай.

Въ этомъ смыслѣ гравюра и у насъ имѣла немногихъ мастеровъ, и къ числу этихъ немногихъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Николай Ивановичъ Уткинъ. Д. А. Ровинскій посвятилъ особое изслѣдованіе его жизнеописанію и художественной дѣятельности, приложивъ къ этому изслѣдованію, которое основано, между прочимъ, на архивныхъ документахъ нашей академіи художествъ, подробный каталогъ всѣхъ работъ Уткина, перечисленныхъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ исполненія, и 33 гравюры его и учениковъ его, отпечатанныя съ оригинальныхъ досокъ, хранящихся въ академіи. Помимо характеристики Уткина, тутъ читатель знакомится съ исторіей гравирования въ Россіи за первое пятидесятилѣтіе въ текущемъ столѣтіи.

Своей подготовкой въ граверномъ искусствѣ Уткинъ обязанъ Клауберу, ученику знаменитаго Вилля. Но, по окончаніи академическаго курса, въ 1800 году, Уткинъ проявилъ уже оригинальность рѣзца, и черезъ два года былъ отправленъ за границу, именно въ Парижъ, гдѣ 22-хъ лѣтнему русскому граверу посчастливилось пристроиться у знаменитаго мастера Бервика. Парижъ очень помогъ выдвинуться Уткину. Тамъ онъ въ 1810 году получалъ золотую медаль за гравюру Эпей, спасающей Анхиза, бывшую на парижской выставкѣ того времени. Тамъ же у него «было свое маленькое общество, въ которомъ его принимали съ полнымъ радушіемъ и участіемъ, былъ и талантливый учитель граверъ, наконецъ, «была возможность работать почти цѣлые сутки». И не мудрено, что при такихъ условіяхъ Уткину не хотѣлось разстаться съ столицей Франціи, и на всѣ предложенія нашей академіи вернуться въ Петербургъ онъ отвѣчалъ уклончиво. Тѣмъ не менѣе, тогдашнія политическія обстоятельства заставили Уткина уѣхать изъ Парижа и, въ августѣ 1814 года, онъ уже находился въ Петербургѣ. Здѣсь онъ за портретъ князя Куракина, исполненный имъ подъ руководствомъ Бервика, получилъ званіе академика, а черезъ годъ, 16-го октября 1815 года, опредѣленъ былъ въ граверный классъ помощникомъ къ Клауберу. Жалованья Уткину не давалось при этомъ, такъ что теперь, на первыхъ же порахъ своей художественно-педагогической дѣятельности, ему пришлось хлопотать о средствахъ къ существованію. Тутъ помогла Уткину его извѣстность въ масонскомъ кругу. Есть основаніе предполагать, что граверъ самъ принадлежалъ къ масонамъ. Покровительство князя А. Н. Голицына не заставило себя ждать. Академія, по запросу князя, назначила Уткину жалованье по 600 рублей. Вскорѣ его матеріальное положеніе еще болѣе улучшилось. 13-го мая 1817 года умеръ Клауберъ и на его мѣсто опредѣленъ былъ Уткинъ, одновременно съ этимъ назначенный смотрителемъ вставковъ въ Эрмитажѣ, конечно, съ приличнымъ жалованьемъ, а въ 1819 году, по ходатайству своего покровителя, Оленина, онъ получилъ и званіе гравера его императорскаго величества, «каковое прежде носили Саундерсъ, Кетерлинусъ и Керделли, которые, — замѣчаетъ А. Н. Оленинъ, — если говорить по совѣсти, сколько я могу судить о семъ искусствѣ, гораздо менѣе Уткина имѣли способностей и искусства». Вполнѣ обеспеченный Уткинъ могъ теперь безпрепятственно изощрять и усовершенствовать свой рѣзецъ, и г. Ровинскій, дѣйствительно, перечисляетъ работы, выходившія изъ его мастерской съ 1818 по 1840 годъ, когда ему минуло 60 лѣтъ и дано было званіе заслуженнаго профессора академіи художествъ.

Самый цвѣтущій періодъ его дѣятельности, по возвращеніи въ Россію, начинается 1818-мъ годомъ и оканчивается 1836-мъ. За это время выпол-

нены Уткинымъ самыя капитальныя работы, множество мелкихъ досокъ, виньетокъ, бюстовъ и медалей для книгъ. Тутъ нашъ граверъ напоминаетъ техническіе приемы то Клаубера, то Бервика, то своего «англійскаго пріятеля» Робинзона, по это, разумѣется, какъ замѣчаетъ и г. Ровинскій, очень горячій почитатель Уткина, нисколько не умаляетъ ни его заслугъ, ни достоинства, какъ гравера. Заимствуя техническіе приемы того или другаго иностраннаго мастера, онъ, такъ сказать, перерабатывалъ ихъ по своему, «почти каждой изъ капитальныхъ работъ своихъ онъ придавалъ свой собственный оригинальный оттѣнокъ, помогался, чтобы каждый предметъ имѣлъ особый характеръ и «вкусъ работы». Послѣ 1836 года старческій рѣзецъ не въ силахъ былъ создать что нибудь равное его прежнимъ произведеніямъ, и въ 1845 году онъ взялъ на себя «подрядную работу» — гравировать большую доску «Василія Великаго», съ оригинала Шебуева, которая стоила академіи большихъ денегъ, но не принесла большой славы ни русской гравюрѣ, ни ея маститому представителю».

12-го декабря 1859 года, академія художествъ праздновала пятидесятилѣтній юбилей Уткина, а черезъ четыре года онъ скончался 82-хъ лѣтъ. Подводя итогъ художественной дѣятельности Уткина, г. Ровинскій замѣчаетъ: «въ портретномъ гравированіи Уткину принадлежитъ первое мѣсто въ числѣ русскихъ художниковъ; онъ награвировалъ ихъ болѣе 60, въ томъ числѣ до 20-ти портретовъ большихъ, безукоризненныхъ въ техническомъ отношеніи и стоявшихъ граверу усиленнаго труда и много времени. Въ теченіи пятидесятилѣтняго художественнаго поприща своего (1795—1845) Уткинъ довольно часто перемѣнялъ манеру своего рѣзца; не то, чтобы онъ гравировалъ одной манерой въ одинъ извѣстный промежутокъ или періодъ времени, а въ другой періодъ переходилъ къ другой манерѣ, — онъ гравировалъ иногда въ одно и то же время въ двухъ и въ трехъ разныхъ манерахъ, подыскивая въ каждой работѣ тѣ или другіе наиболее подходящіе къ ней техническіе приемы». Эти поиски за разными манерами всею убѣдительно доказываютъ трудность и, пожалуй, невозможность у насъ выработать и упрочить свою школу граверовъ. Все, что усвоилъ Уткинъ, какъ образецъ для своихъ работъ, и чѣмъ прославились нѣкоторые изъ его произведеній (портретъ князя Куракина, напримѣръ), принадлежало заграничнымъ мастерамъ. «Свой собственный оригинальный оттѣнокъ», какой, по словамъ г. Ровинскаго, старался придавать Уткинъ заимствованнымъ приемамъ, въ сущности являлся случайностью и вовсе не вырабатывался систематически въ новый, своеобразный приемъ, которымъ съ перваго взгляда отличается настоящій мастеръ, создающій свою школу. Да и школы-то этой не на что было опереться. Въ лучшіе годы гравировальной дѣятельности Уткина, граверный классъ его въ академіи пустѣлъ. Изъ учениковъ же его ни одинъ, не исключая Оленецкаго и Ѳ. И. Гюбана, не заявилъ себя ничѣмъ, кромѣ трудолюбія и «полезности», а иные изъ нихъ «напоминаютъ рѣзецъ Уткина не въ лучшее время» и оставили «по нѣскольку гравированныхъ досокъ невысокаго, впрочемъ, достоинства». Своеобразной школою, очевидно, тутъ не на чѣмъ было обосноваться и нечего было продолжать.

Вотъ какой выводъ получается изъ обстоятельной монографіи г. Ровинскаго, являющейся необходимымъ дополненіемъ къ его прежнимъ трудамъ по исторіи гравюры въ Россіи. Любителямъ, кромѣ того, дана возможность оцѣнить наглядно образцы гравюры Уткина и его учениковъ. Въ атласѣ,

приложенномъ къ біографіи, помѣщены: портретъ Н. И. Уткина, «Меркурій обучаетъ Амура», «Св. Іоаннъ Креститель», портретъ К. Семеновъ, виньетка «Громобой», портреты Аракчеева и Суворова, портретъ и лѣстница академіи художествъ, медаль съ изображеніемъ Кановы, портретъ митрополита Михаила, Екатерина II, гуляющая въ Царскосельскомъ саду, Ломоносовъ, Рикордъ, Розенцвейгъ, Оленинъ (съ двухъ оригиналовъ, Брюгера и Брюллова), Уваровъ, памятникъ Ломоносову, двѣ доски для антропометріи Шебуева, св. Василій Великій и Св. Семейство—предсмертная работа Уткина. Къ этимъ гравюрамъ прибавлено 10 гравюръ учениковъ его. Всѣ эти образцы имѣются и въ академіи художествъ, и продавались въ суммѣ дешевле, нежели теперь въ атласѣ, которому цѣна 40 руб. на простой бумагѣ и 60 руб. — на китайской. Признательнымъ ученикомъ Уткина, Іорданомъ, недавнія академическія цѣны повышены до баснословныхъ размѣровъ и потому, слѣдовательно, атласъ г. Ровинскаго является сравнительно дешевымъ изданіемъ, хотя и не надо забывать, что оттиски гравюръ здѣсь новыя.

Нельзя не пожалѣть, что въ такомъ добросовѣстномъ трудѣ, какъ этотъ, попадаютъ недосмотры, вызывающіе недоумѣніе и именно тамъ, гдѣ никакихъ недоумѣній быть не можетъ, ибо всегда возможны самыя точныя справки. Такъ, въ каталогѣ произведеній Уткина (стр. 145) сказано: «рѣчные боги, съ картины Мартапа де-Во». Такого художника не сыщешь, что называется, днемъ съ огнемъ. Въ дѣйствительности же оказывается, что рѣчь идетъ о Мартинѣ де-Фосѣ, художникѣ бельгійской школы XVI-го вѣка.

Ө. В.

„Православный Палестинскій Сборникъ“, 6-ой выпускъ.

Спб. 1884 г.

Въ своемъ сборникѣ Палестинское общество издаетъ сочиненія, касающіяся описанія Св. Земли, и наравнѣ съ современными, оно задалось цѣлью постепенно печатать памятники, относящіеся къ паломничеству прежнихъ вѣковъ. Въ настоящее время предъ нами два такихъ выпуска: 3-ій, заключающій въ себѣ первую часть «Житія и хожденія Данила Русскаго земли вгумена» (XII в.) по лицевой рукописи г. Хлудова, и 6-ой вып. «Хоженія гостя Василья» (1465—1466 г.), изданное по рукописи Моск. Синод. Библиотеки, № 420 (XVI вѣка), подъ редакціею архим. Леониды. Въ этой замѣткѣ мы скажемъ нѣсколько словъ только о послѣднемъ, какъ еще нигдѣ не напечатанномъ. Древне-русскія хоженія важны не только какъ литературныя произведенія извѣстнаго времени, но и какъ историческо-культурныя памятники. Правда, они не даютъ намъ фактовъ или чертъ, проливающихъ свѣтъ на событія: называютъ имя путника, описываютъ намъ его путешествіе, что опять-таки не важно для исторіи; но они знакомятъ съ просто-сердечными воззрѣніями на обряды и преданія религіи, съ міровоззрѣніемъ русскаго челоѣка, рисуютъ передъ нами полную картину духовной жизни въ минувшій сильный возбуденіи, при видѣ всего того, что давило, издала знакомо, уважаемо, дорого. Еще важнѣе ихъ значеніе, если мы вспомнимъ, что эти памятники доходятъ до насъ изъ эпохъ почти всеобщаго стремленія

къ паломничеству, что это міровоззрѣніе не двухъ, не трехъ личностей, имена которыхъ мы видимъ въ заглавіяхъ, а всего общества, всего православнаго люда, считавшаго хожденіе къ св. мѣстамъ дѣломъ богоугоднымъ, почти необходимымъ для спасенія. Почтвенный редакторъ въ предисловіи говоритъ, что трудно извлечь хотя нѣсколько чертъ для біографіи гостя Василія, и только на сравненіи одной рѣки съ Окою дѣлаетъ предположеніе, что онъ — житель, а можетъ быть и уроженецъ, одного изъ при-окскихъ городовъ; по, кажется, такой выводъ будетъ не совсѣмъ основателенъ. О гостѣ Василіи можно сказать, что онъ былъ, несомнѣнно, человѣкъ бывалый, зналъ Кіевъ съ его Софіею, видалъ и «Цириградскую Софію», бывалъ и на Окѣ, да и самая паломательность, умѣнье схватить быстро все главное указываютъ, что путешествіе было ему знакомымъ дѣломъ. Причина путешествія у него та же, что и у Даніила: «подвизахся — говоритъ онъ — видѣти святыхъ мѣстъ и градовъ»...

При чтеніи, прежде всего, бросается въ глаза тотъ необычайный путь, по которому шелъ гость Василій. Мы находимъ его въ городѣ Бруссѣ (Бурса), куда явился онъ, вѣроятно, изъ Царьграда; отсюда путь его идетъ параллельно Черному морю, чрезъ города: Енишеры, Баши, Туссію, Токать, затѣмъ на югъ, чрезъ Сивазъ (Севастія), Анимабъ, Алеппо — до Дамаска, оттуда на Газу и Каиръ и, наконецъ, снова на сѣверъ, чрезъ Вилеємъ въ Іерусалимъ. Дорога дальняя, трудная и небезопасная; 100 дней шелъ онъ изъ Бруссъ до Каира, а желанная цѣль все еще была не близка. Да Василій и не спѣшитъ; онъ идетъ не какъ паломникъ, а какъ любознательный путешественникъ, не проходить ни одного города, чтобы не остановиться, осмотрѣть его мѣстоположеніе, укрѣпленія, поклониться Христовымъ святынямъ, припомнить или записать мѣстныя преданія. Сравните его хожденіе съ паломникомъ Даніиломъ и вы тотчасъ замѣтите рѣзкую разницу. Даніилъ весь поглощенъ религіознымъ интересомъ, его интересуютъ только церкви, мощи, пещеры подвижниковъ, преданія или предметы, хотя чѣмъ нибудь связанные съ священными воспоминаніями; если онъ упоминаетъ, что островъ Кипръ производитъ «темьянъ», то можно съ увѣренностью сказать, потому только, что оиміамъ курится въ храмахъ. Василій, не забывая о всемъ этомъ, наблюдаетъ и остальное. Его интересуется, что въ «градѣ Коллокоу родится шафранъ», «Нишары мѣсто-торги великыя»; въ Гавзѣ онъ нашелъ баню съ горючей водой изъ горы и «крю-сарѣй (караванъ-сарай): кто не придетъ отъ какія вѣры, всякаго успокоиваютъ и кормятъ и поютъ». Въ городѣ Амасіи отмѣчаетъ онъ водопроводы: «градъ вельми великъ и подъ нимъ рѣка велика, подъ стѣну течетъ, да во всѣ двory изъ тоа рѣки воду колесы вертятъ разводена»... Въ градѣ Воргоунѣ «соль копаютъ, какъ ледъ чиста». Въ другихъ мѣстахъ видѣлъ онъ мельницы — въ одномъ городѣ двѣ, въ другомъ семь, а въ градѣ Аблустапъ на каменной «заплатинѣ» «9 мельницъ великихъ, а стоятъ всѣ тѣ мельницы по ряду, и мелютъ водою едипою». Но водопроводы, очевидно, болѣе всего занимали нашего путника, гдѣ только они существовали; Василій не примечаетъ указать, что тамъ воды разведены по торговымъ и по улицамъ и по дворамъ и по банямъ. Еще подъѣзжая къ городу, онъ уже осматриваетъ его положеніе, укрѣпленія; вотъ, напримѣръ, описаніе города Халяпа: «Градъ Халяпъ великъ зѣло, въ полѣ чистѣ видѣти его за три дни, а гора сыпана вельми высоко, да отъ самаго долу стѣны градныя, мураваны каменіемъ, да входъ и выходъ едиными врата, да мостъ

великъ, да конецъ мосту того стрѣльница веліа зѣло; да пониже градскія стѣны изъ рва того, стрѣльницы выводныя часты вельми вокругъ всего града и входы въ нихъ потайныя изъ града... Да той градъ круголъ, да во рвѣ томъ вокругъ всего града того, рѣка велика приводна и глубока, рыбы въ ней многое множество; да вокругъ града того большій градъ, множество торговъ и банъ хорошихъ». Городъ Каиръ (Египеть) вводитъ въ заблужденіе легковѣрнаго путника: онъ вѣритъ, что въ этомъ городѣ 14 тысячъ улицъ, а въ каждой улицѣ по 15—18 тыс. дворовъ. Однако, гость Василій не забываетъ и своей ближайшей цѣли — поклониться святынямъ; всюду онъ отмѣчаетъ церкви со всѣми придѣлами, знаетъ, гдѣ сколько христіанъ и иновѣрцевъ, приводитъ даже имена: игумена Арсенія, настоятеля церкви въ Таукатѣ¹⁾, Макарія, митр. Карскаго, Михаила, митр. въ Газѣ. Въ Севастіи онъ видѣлъ озеро, «ту баню», гдѣ были утоплены 40 мучен., въ градѣ Хоуузми²⁾ записано имъ предалье, какъ «св. Георгій избавилъ градъ отъ змія и дѣвицу спасе», видѣлъ пенцери, «откуда излази змій»... «да гдѣ уморилъ змія, тутъ курганъ великъ сыпанъ». Въ Карѣ «церковь большая есть съ Софію Киевскую». Наконецъ, доходитъ онъ до мѣстъ — впрочемъ, еще по пути въ Египеть — гдѣ каждый шагъ уже ознаменовывается священнымъ воспоминаніемъ, и онъ длинной вереницей проходятъ предъ читателями вмѣстѣ съ названіями. Тутъ мостъ Іакова, Тиверіадское озеро, Оаворъ, Рама, Лида съ главою св. Георгія; наконецъ, видятъ смоковницу съ чудеснымъ источникомъ, образовавшимся для утоленія жажды Богородицы по пути въ Египеть. Изъ Каира проходитъ Василій чрезъ усыпальницу рода Авраамова, въ Виолеемѣ посѣщаетъ храмъ Рождества, монастырь, гдѣ лежатъ св. Екатерина и 14 тысячъ «избиенныхъ отъ Ироди царя младенецъ и туто живущихъ старцовъ много и два сына королевичи Фряскихъ». Отсюда, по пути въ Іерусалимъ, Василій заходитъ поклониться могилѣ Рахили, мѣсту рожденія Давида, гробу его отца, въ церковь св. Іліи, «и туто поклонихомся». На пути попадаетъ столпъ Сумеони, «храмина», гдѣ прор. Варухъ «спасъ 70 лѣтъ», Николаевскій Іверскій монастырь съ рукой Великія Варвары. Самый Іерусалимъ Василій описываетъ коротко, но ясно, простосердечно, очевидно онъ изложилъ все, что ему удалось видѣть и узнать. Вотъ онъ въ церкви Воскресенія Христова, поклонился гробу Господню, видалъ 14 «кандиль», которыя «безпрестани горять день и ночь» (9 стр.). Отсюда перешелъ въ церковь Фравческую и Фряхскую, затѣмъ посѣтилъ мѣста, гдѣ Пилатъ омывалъ руки, гдѣ Елена обрѣла крестъ, а отсюда, «поднявшись 18 степеней и видѣхомъ то мѣсто, гдѣ Христа распяли и гора разсѣдся отъ страха Его, и изыде кровь и вода отъ Адамовы главы». Поклонившись мѣсту, гдѣ лежала подъ крестомъ Адамова голова, и гробу Мельхиседека, Василій удостоился видѣть пунъ земли: «среди церкви большія пунъ земли и тутъ прииде Христось со ученики своими и рече: «содѣла спасеніе посреди земли». Припомнимъ, что Давидъ видѣлъ пунъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, именно, около церкви Воскресенія: «и есть отъ дверей гроба Господня до стѣны великаго алтаря 12 сажень; а ту есть внѣ стѣны за алтаремъ пунъ земляный съ здана же надъ нимъ комара и горѣ написанъ Христось мусією и глаголетъ грамота: «се пидію измѣрихъ небо, а дланію землю». Живя въ Іерусалимѣ, Василій обо-

¹⁾ Игуменами назывались не только настоятели монастырей, но и приходскихъ церквей (см. Голубинскаго I т. 2 ч.).

диль и его окрестности, побывалъ на горѣ Елеонской, видѣлъ храмъ Вознесенія, пещеру съ гробомъ св. Пелагіи и ступень Христову, которой хотя и не видѣлъ Даниилъ, но видѣлъ храмъ и пещеру. Наконецъ, поклонившись Силуаму, Винови и Мамврійскому дубу, помолившись въ церкви Св. Духа, нашъ гость предпринялъ обратный путь чрезъ Антиохію на Бруссу. Антиохія поразила его своей величиной. Особенное вниманіе обращалъ на себя каменный мостъ «на многихъ восходехъ каменныхъ», но онъ подробно описываетъ и сильныя укрѣпленія города: 7 стѣнъ, желѣзныя ворота, стрѣльниці съ боями и даже сообщаетъ, что стѣны изнутри, «какъ хоромы сбиваны скобами желѣзными, да заливаны оловомъ». Характерно проводитъ онъ параллель между Антиохіей и Царьградомъ: «А средь града того (Антиохія) церковь святая Софія, а величествомъ со Цариградскую Софію, да въ ней не поють. А подобіемъ тотъ градъ, аки Царьградъ, а скончался, былъ Царскій градъ, нынѣ держать его Срацины».

Редакторъ въ примѣчаніяхъ замѣчаетъ много ошибокъ относительно священныхъ воспоминаній о различныхъ мѣстностяхъ, но это, понятно, и не могло быть иначе. Такому простосердечному человѣку, какими бывали наши паломники, трудно было разобраться во всей этой массѣ данныхъ; онъ вѣрилъ всему, что сообщалъ ему проводникъ или туземный житель, обыкновенно желающій съ каждой мѣстностью связать какой нибудь болѣе или менѣе извѣстный эпизодъ изъ библейской исторіи. Наконецъ, не всюду удавалось проникнуть богомольцу, простому смертному. По этому поводу мы читаемъ у Даниила при описаніи «столпа Давидова» (Иерусалимск. цитадели): «мнѣ худому пригоди Богъ влѣзти въ столпъ той святой, и одва возмогахъ съ собою ввести единого отъ людей моихъ именемъ Сдѣслава Иванковича, а иныхъ не впустиша никогоже», а Даниила «позналъ и любяши вельми» самъ Балдуинъ (Балдуинъ I, 1100—1118 г.). Путнику необходимъ былъ проводникъ: «невозможно бо безъ вожжа ходити и безъ языка добръ испытати и видѣти всѣхъ тѣхъ св. мѣстъ», а проводника находилъ себѣ паломникъ только за плату, насколько же онъ свидѣтъ — объ этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи: «что у себя имѣя въ руку моею худого моего добытка — говоритъ Даниилъ — и отъ того всѣмъ подавахъ, вѣдущимъ добръ вся св. мѣста въ гради и въѣ гради, да быша мнѣ указали все добръ, якоже и бысть». Этими же заканчиваетъ описаніе своего путешествія и Стефанъ Новгородецъ XIV в.: «въ Царьградъ, какъ въ дуброву войти и безъ добраго вожда не можно ходити, а скупо или убого цѣлзя ни видѣти, ни цѣловать ни единого святаго, развѣ на праздника святаго»...

И немного подробно описалъ это «хождение», имѣя именно въ виду, что оно нигдѣ еще не напечатано, а слѣдовательно и неизвѣстно большинству. Въ заключеніе скажу, что изданіе удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ относительно изданія памятника и снабжено именнымъ указателемъ.

А. Г—скій.

Библиографическая замѣтка по поводу III тома „Живописной Россіи“ (Литва и Вѣлоруссія, соч. Киркора). Вѣлорусса. Вильно. 1884.

Появленіе въ свѣтъ обширнаго по программѣ изданія книгопродавческой фирмы М. О. Вольфа «Живописная Россія» вызвало нѣсколько библиографическихъ статей и замѣтокъ. Къ числу такихъ библиографій относится

и настоящая брошюра, касающаяся собственно III-го тома «Живописной Россіи» и составляющая отпечаток изъ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей». Авторъ этой замѣтки ставитъ прежде всего вопросъ: для кого написаны въ «Живописной Россіи» очерки Литвы и Бѣлоруссіи? И приходитъ къ заключенію, что они не предназначались для русскихъ, а судя по источникамъ, бывшимъ въ распоряженіи ихъ автора, по направленію и тенденціямъ, и что авторъ имѣлъ въ виду только польскихъ читателей; если же, судя по языку, сочиненіе предназначалось для русскихъ, то развѣ только для ослѣпленія послѣднихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ. Этотъ строгій приговоръ библиографа не составляетъ, однако, поверхностнаго заключенія, основательность котораго могла бы быть заподозрѣна только потому, что замѣтка встрѣтила первый пріютъ въ мѣстномъ русско-церковномъ изданіи, а заключаетъ въ себѣ безпристрастный разборъ, каждый выводъ котораго подкрѣпленъ тѣми или другими доказательствами.

Существенныя возраженія, сдѣланныя авторомъ замѣтки составителю очерковъ Литвы и Бѣлоруссіи, сводятся къ слѣдующему.

Составитель этихъ очерковъ ограничился только польскими источниками и совершенно игнорировалъ такія историческія изслѣдованія и сочиненія, какъ изданія Виленской археографической комиссіи, акты Кіевской комиссіи, труды митрополита Макарія, профессора Кояловича и т. п. Съ такою же тенденціозностью подобраны и помѣщенные въ изданіи иллюстраціи, среди которыхъ находятся только костелы, портреты польскихъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ, рисунки католическихъ процессій и т. п., но нѣтъ рисунковъ, освѣщающихъ край со стороны русской. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи не могло конечно встрѣтиться недостатка и изданное въ Россіи сочиненіе о Литвѣ и Бѣлоруссіи должно бы заключать въ себѣ портреты такихъ, напримѣръ, лицъ, какъ М. Н. Муравьевъ, митрополитъ Макарій Булгаковъ, П. Н. Батюшковъ, и т. п., дѣятельность которыхъ извѣстна не по одному только занимавшему ими въ край официальному положенію. Литовскому племени, которое заселяетъ лишь Ковенскую губернію и только незначительныя части нѣкоторыхъ уѣздовъ Гродненской и Виленской губерній, отданы авторомъ эти три губерніи цѣликомъ, а между народностями литовскаго полѣся указывается на черноруссовъ — племя, существующее только въ польской литературѣ и вовсе не упоминаемое ни въ одномъ изъ западно-русскихъ актовъ. Коснувшись исторіи возникновенія въ край просвѣщенія, авторъ замѣтки основательно упрекаетъ составителя очерковъ Литвы и Бѣлоруссіи въ неполнотѣ и неточности указаній относительно возникновенія въ нихъ русской школы и русской письменности и, послѣ обращенія къ величавымъ тѣнямъ гедиминовичей, ольгердовичей и первыхъ издателей письменнаго литовско-русскаго законодательства, — приводитъ на память усилія Стефана Баторія, Яна-Казимира и особой цензурной комиссіи 1794 года, состоявшей изъ 35 есеидовъ, — усилія, клонившіяся къ закрытію дессидентскихъ школъ, братствъ, библиотекъ и уничтоженію книгъ, въ которыхъ оказался бы «ядъ противъ обычая» (?) и римско-католической вѣры; изъ новѣйшей же исторіи края приводитъ справку о дѣятельности русскаго министра, князя Адама Чарторыйскаго и его клеветовъ, не безуспѣшно стремившихся путемъ школы произвести полную колонизацію великаго княжества Литовско-Русскаго. По поводу особой главы очерковъ: «Народный трудъ» авторъ замѣтки приводитъ, что смыслъ этой части очерковъ тотъ, что въ настоящее время народная

нравственность удѣляла только въ губерніи Ковенской, гдѣ преобладаетъ вѣра римско-католическая и гдѣ духовенство сохранило будто бы свое прежнее вліяніе надъ народомъ; въ губерніяхъ же Виленской и Гродненской, гдѣ вѣроисповѣданіе или смѣшанное, или же по преимуществу православное, нравственные добродѣтели народа изсыкли. Какъ бы для подкрѣпленія всей силы впечатлѣнія такого вывода, библиографъ замѣчаетъ, что таможенное вѣдомство очень жалуется на контрабандистовъ, кровныхъ жмудинъ высоконравственной Ковенской губерніи, увлекающихся по преимуществу прусскимъ спиртомъ; о конокрадствѣ же и другихъ преступленіяхъ предпочитаетъ умалчивать. Наконецъ, авторъ замѣтки коснулся и ореографіи названія города Вильны чрезъ *o* (Вильно) и на основаніи историческихъ документовъ дѣлаетъ поправку, что литовско-русскій городъ Вильню я никогда въ древнихъ актахъ не назывался Вильно, а носилъ названіе Вильна или Вильня.

По вѣсѣмъ этимъ даннымъ, основательно и документально разработаннымъ въ «Библиографической замѣткѣ», можно имѣть понятіе о разбираемомъ въ немъ сочиненіи. Если бы сочиненіе Киркора появилось на польскомъ языкѣ въ Познани или Галиціи, гдѣ литовско-русскій край иначе не называется, какъ «*Zabranu kraj*», т. е. такой край, который забранъ, захваченъ у Польши, слѣдовательно—край польскій, то тенденціозность и натяжки, допущенныя въ этомъ сочиненіи, по крайней мѣрѣ, были бы понятны, вслѣдствіе вѣсѣмъ извѣстныхъ отношеній польской заграничной литературы ко всему русскому по сочиненію Киркора, названное, какъ оказывается, несоотвѣтственно содержанию его, появилось на русскомъ языкѣ, въ русскомъ изданіи, имѣющемъ широкую программу описанія «нашего отечества въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи¹⁾», редактируемомъ предсѣдателемъ русскаго географическаго общества, г. Семеновымъ, носящимъ русскую фамилію, и поэтому должно представлять собою правдивую всестороннюю исторію края, съ безпристрастнымъ описаніемъ судьбы заселяющихъ его племенъ и съ указаніемъ на тѣ труды къ обновленію этого нѣкогда забытаго нами края, которые были положены достойными и до селѣ высоко чтимыми русскими дѣятелями, а не тенденціозное произведеніе на польско-католической подкладкѣ, за разоблаченіе которой нельзя не поблагодарить неизвѣстнаго автора «Библиографической замѣтки».

М. Г—кій.

Князь В. Ө. Одоевскій. Н. Ө. Сумцова. Харьковъ. 1884.

Владиміръ Өеодоровичъ Одоевскій—одна изъ самыхъ свѣтлыхъ и благородныхъ личностей—съ этимъ согласится всякій, кто знакомъ съ исторіею русской литературы. Но г. Сумцова прибавляетъ къ этому: «въ знаменитой плеядѣ дѣятелей сороковыхъ годовъ». А между тѣмъ, Одоевскій, издавъ въ 1844 году собраніе своихъ сочиненій, съ тѣхъ поръ почти ничего не писалъ (что говоритъ и самъ авторъ) и ему было уже за сорокъ лѣтъ. Лучшая, блестящая эпоха его дѣятельности принадлежитъ всецѣло тридцатымъ годамъ, и такой странный *lapsus calami* съ первыхъ строкъ брошюры можетъ

¹⁾ См. объявленіе фирмы М. О. Вольфа объ изданіи «Живописной Россіи».

«истор. вѣстн.», май, 1884 г., т. xvi.

расположить не въ ея пользу, тогда какъ самая брошюра заслуживаетъ вниманія и составлена вполне добросовѣстно, представляя хотя краткій и бѣглый, но въ главныхъ чертахъ вѣрный очеркъ литературной характеристики писателя. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 года, т. IV помѣщена была біографія князя, составленная А. П. Пятковскимъ, разобравшимъ Одоевскаго, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля. Г. Сумцовъ представляетъ его оцѣнку и какъ писателя и, въ этомъ отношеніи, брошюра, можетъ служить дополненіемъ біографіи. Авторъ брошюры перечиталъ почти все, что было писано объ Одоевскомъ, но прибавляетъ, что собирая воспоминанія о немъ, разыскиваетъ неизданныя статьи и письма и проситъ указать, гдѣ и у кого можно узнать подробности о его жизни. Просьба эта нѣсколько странна: неизданныя статьи — если онѣ есть — и біографическія подробности могутъ находиться у ближайшихъ родственниковъ и наслѣдниковъ князя, а кто сохранилъ личныя воспоминанія о писателѣ, тотъ можетъ и самъ обнародовать ихъ, не прибѣгая къ посредству г. Сумцова. Напрасно также авторъ говорить, что своею брошюрою онъ хочетъ «вывести имя Одоевскаго изъ страшнаго и непонятнаго забвенія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время». Свѣтлое имя это никогда не забывалось въ литературѣ. Оцѣнка его произведеній сдѣлана лучшими нашими критиками. Въ годъ его смерти всѣ наши періодическія изданія — а ихъ было тогда вдвое больше чѣмъ теперь — помѣстили объ немъ самыя сочувственные отзывы, изъ которыхъ многіе приводятъ и г. Сумцовъ. Если же въ настоящее время объ Одоевскомъ говорятъ и пишутъ рѣже, то не надо забывать, что современная журналистика посвящена злобѣ дня, а не ретроспективнымъ воспоминаніямъ. Д. Сумцовъ, по сочиненіямъ Одоевскаго, представляетъ, хотя и въ сжатыхъ выводахъ, всѣ фазисы его развитія, приводитъ его сужденія обо всѣхъ главныхъ предметахъ знанія, старается разъяснить смыслъ произведеній, которые остались темны для Булинкаго и другихъ критиковъ, какъ напр. значеніе «Нестрыхъ сказокъ», не вошедшихъ въ полное собраніе сочиненій. Авторъ свидѣтельствуешь объ основательномъ знаніи, огромной начитанности, рѣдкомъ энциклопедизмѣ писателя. Философъ и педагогъ, беллетристъ и ученый, музыкантъ и библиографъ, устроитель филантропическихъ заведеній для пролетаріевъ, писатель для дѣтей и народа — рельефно очерченъ г. Сумцовымъ. Но приводя мнѣніе Одоевскаго о различныхъ отрасляхъ наукъ и искусствъ, авторъ не опровергаетъ тѣхъ изъ нихъ, которыя явно парадоксальны и ошибочны, какъ напр. мнѣніе объ исторіи, которая «не знаетъ куда идти и чѣмъ можетъ быть». Подобныя мысли нельзя оставлять безъ объясненій. Вѣдь сопоставилъ же авторъ сужденія о гнѣніи Запада въ тридцатыхъ годахъ, съ такимъ мнѣніемъ шестидесятыхъ: «Народность — слово довольно безтолковое по своей неопредѣленности и гораздо точнѣе и скромнѣе замѣняется словомъ «народныя обычаи», частью разумные, частью безсмысленныя. Просвѣщеніемъ вырабатывается достоинство человѣческое; полупросвѣщеніемъ лишь національность, то-есть отрицаніе общечеловѣческихъ правъ». Это мнѣніе не мѣшаетъ имѣть въ виду и въ наше время, когда самобытники приписываютъ народности уже слишкомъ много значенія.

Мольеръ. Собрание сочинений въ трехъ томахъ, съ біографіей, составленной А. Веселовскимъ. Изданіе О. Бакста. Спб. 1884.

«Всякій, кто только умѣетъ читать, непременно читалъ Мольера», говоритъ Сентъ-Бевъ — и это справедливо не только по отношенію къ французамъ, но и къ намъ, русскимъ, познакомившимся съ великимъ писателемъ черезъ пять лѣтъ послѣ его смерти. 17-го сентября 1678 года, въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ палатахъ царевны Софіи Алексѣевны, представлена была комедія Мольера: «Врачъ противъ воли», переведенная съ французскаго на итальянскій языкъ самою царевною. Это была первая пьеса европейскаго театра, появившаяся въ Россіи, исполненная русскими вельможами, князьями Долгоруковымъ, Голицынымъ, Одоевскимъ, Щербатовымъ, Черкасскимъ, Козловскимъ, княгинями Хованскою, Барятинскою, Шереметьевою. Потомъ Мольера часто играла и труппа Волкова, и придворные актеры Елисаветы и всѣхъ послѣдующихъ царствованій. Всѣ лучшія комедіи его существуютъ въ нѣсколькихъ переводахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, и хотя мы очень благодарны г. Баксту за изданіе двадцати пьесъ въ новомъ переводѣ, но онъ напрасно говорить, что даже «относительно позднѣйшіе переводы представляются мало пригодными, вслѣдствіе слишкомъ большихъ уклоненій отъ подлинника». Уклоненія, конечно, были, но потому, что прежніе переводы приспособлялись къ цензурѣ, а съ условія совершенно иныя, чѣмъ для печати, не говоря уже о цензурѣ, требовавшей, напримѣръ, чтобы въ переводѣ «Донъ-Жуана» В. Строева (который нисколько не хуже перевода г. Бакста¹⁾), сцена съ нищимъ, котораго Донъ-Жуанъ заставлялъ богохульствовать, была передѣлана въ сцену съ жидомъ, припущеннымъ ѣсть колбасу. Послѣ такого цензурнаго остроумія нечего удивляться, что многія мѣста «Тартюфа», «Мизантропа» и пр. представляютъ «уклоненія отъ подлинника», какихъ, по счастью, не встрѣчается въ изданіи г. Бакста. Въ этомъ отношеніи оно, конечно, лучше прежнихъ, хотя, повторяемъ, и между прежними переводами можно было бы сдѣлать выборъ для изданія Мольера. Таковы переводы: «Мнимаго рогоносца» А. Г. Ротчева (эта пьеса вовсе не помѣщена въ сборникѣ г. Бакста, хотя написана послѣ «Жеманницъ» и не меньше ихъ имѣла успѣха), «Критики на школу женщинъ» Н. А. Полевого, «Хоть тресни, да женись» (*Marriage forcé*) Лепскаго, «Любовь — докторъ» князя Шаховскаго (этой пьесы также нѣтъ у г. Бакста, хотя въ ней насмѣшки надъ медициной и четыре типа, выведенныхъ Мольеромъ докторовъ гораздо комичнѣе, чѣмъ въ другихъ его пьесахъ), «Лекарь противъ воли» П. А. Корсакова; въ «Школѣ женщинъ» Хмельницкаго много отступленій отъ подлинника, но стихи очень хороши, также какъ въ «Тартюфѣ»; послѣднюю пьесу также очень удачно перевелъ В. А. Козадаевъ въ 1865 году; «Жоржа Дандена» перевелъ еще Ив. Чаадаевъ, «Скупого» — С. Аксаковъ, В. И. Орловъ въ 1849 году и М. И. Косинскій въ 1874 году; «Мѣщанинъ-дворянинъ» переведенъ въ 1844 году В. Зотовымъ для Мартынова, превосходно исполнившаго роль Журдена (интермедіи были выброшены по невозможности ихъ постановки); «Скапиновы обманы» переведены П. И. Гри-

¹⁾ Напечатанъ въ Пантеонѣ 1846 года.

горьевымъ, «Мнимый больной» Н. А. Полевымъ, «Ученые женщины» И. И. Дмитриевымъ — прекрасными стихами. Все названное нами, съ небольшими измѣненіями, могло бы войти въ составъ мольеровскаго сборника, не прибѣгая къ новымъ переводчикамъ. А это послѣднее обстоятельство, конечно, повлияло на довольно высокую цѣну сборника (7 руб. 50 коп. за три тома, слишкомъ разгонието напечатанные, съ названіемъ дѣйствующихъ лицъ посреди страницъ, что безъ всякой нужды растягиваетъ текстъ до того, что онъ занимаетъ всего строкъ 20 на страницѣ въ часто прерывающихся діалогахъ). Въ переводѣ почти нѣтъ примѣчаній и объясненій, — изъ двадцати пьесъ только къ тремъ сдѣлано нѣсколько замѣтокъ, — а между тѣмъ безъ комментарій значеніе многихъ мѣстъ у Мольера остается неяснымъ. Почему бы не предпослать переводамъ характеристику мольеровскихъ типовъ, не разъяснить ихъ особенности и достоинства. Въмѣсто этого въ каждой пьесѣ приводятся фамиліи актеровъ, игравшихъ главныхъ лицъ. Кому это нужно? О томъ, при какихъ условіяхъ, въ какой обстановкѣ давались эти пьесы — ни одного слова. Вообще, изданіе г. Бакста имѣетъ значеніе литературное, но не научное, не образовательное. А между тѣмъ, Мольеръ — первое и послѣднее слово комедіи во Франціи. Въ его типахъ олицетворяется весь XVIII вѣкъ съ поразительною вѣрностью. Показать, до какой степени типичны эти правдивы по отношенію къ странѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ общечеловѣчны необходимо въ наше время, которому чужды многія лица, многія понятія мольеровскаго времени. Съ этою цѣлью переводамъ предпослать біографическій очеркъ писателя, который слѣдовало бы сдѣлать критическимъ. Мы вправѣ были ожидать этого отъ такого «мольериста», какъ г. Веселовскій, издавшій два замѣчательныя изслѣдованія о «Тартюфѣ» и «Мизантропѣ». Между тѣмъ, авторъ ихъ представляетъ характеристику Мольера, а не его типовъ, рассказываетъ его жизнь, а не значеніе его пьесъ. Но и изъ біографическихъ фактовъ дѣлаются такіе выводы, съ которыми нельзя согласиться. Такъ, богатство мольеровскихъ типовъ онъ приписываетъ тому обстоятельству, что писатель много разѣзжалъ по Франціи, какъ Крыловъ и Гоголь. Ну, а разнообразіе шекспировскихъ типовъ зависитъ отъ той же причины? Изъ всѣхъ пьесъ Мольера въ біографіи говорится нѣсколько подробнѣе только о «Тартюфѣ», «Донъ-Жуанѣ» и «Мизантропѣ», въ которыхъ критикъ видитъ какую-то трилогію, тогда какъ между ними нѣтъ ничего общаго. Объ остальныхъ пьесахъ говорится очень немного, да и трудно было бы опредѣлить значеніе ихъ, въ связи съ жизнью писателя, на 54-хъ страницахъ. Отъ этой сжатости изложенія происходитъ, конечно, и умолчаніе о многихъ обстоятельствахъ жизни Мольера: о его отношеніяхъ къ академіи, куда его хотѣли принять только подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ ремесла актера, на что онъ не могъ согласиться; о непріязни къ нему Расина; о женитьбѣ въ сорокъ лѣтъ на семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, въ измѣнѣ которой утѣшались его потомъ сестра ея да актриса де-Бри; о томъ, какъ холодно и равнодушно относился король-эгоистъ къ великому писателю, на котораго смотрѣлъ, какъ на шута. Наконецъ, не упоминается вовсе о томъ, что въ день его похоронъ народъ собрался передъ его домомъ, чтобы оскорбить трупа отлученнаго отъ церкви и что жена Мольера бросала толпѣ деньги, чтобы разогнать ее. Въ критическомъ отношеніи можно было бы указать на нѣкоторые недостатки переводовъ — въ цѣломъ, впрочемъ, весьма удовлетворительныхъ и добросовѣстныхъ; но отзывъ нашъ, сдѣланный съ

точки зрѣнія исторіи литературы, не можетъ касаться эстетическихъ сторонъ изданія, заслуживающаго полнаго вниманія публики.

В—ъ.

„Исторія упадка и разрушенія римской имперіи“. Эдуарда Гиббона, перев. съ англійскаго В. Н. Невѣдомскій. Часть III. Москва. 1884.

Классическое сочиненіе одного изъ замѣчательнѣйшихъ англійскихъ историковъ является вполнѣ на русскомъ языкѣ только черезъ 95 лѣтъ послѣ выхода его въ подлинникѣ. Правда, въ 1824 году было напечатано сокращенное изданіе этой исторіи, въ одномъ томѣ, переведенное съ французскаго П. Черевинымъ, но оно не имѣло ни малѣйшаго ученаго и литературнаго значенія. Съ тѣхъ поръ наши историки рѣдко вспоминали о Гиббонѣ и только М. М. Стасюлевичъ въ своей «Исторіи среднихъ вѣковъ» (1863 г.) перевелъ изъ Гиббона главу объ устройствѣ и развитіи древней христіанской общины въ западной Европѣ. А между тѣмъ, книга Гиббона, не смотря на труды послѣдующихъ писателей по тому же предмету, остается капитальнымъ произведеніемъ въ этой области исторіи. Двѣнадцать лѣтъ онъ приготавливалъ матеріалы для своего труда, и между появленіемъ въ свѣтъ перваго и послѣдняго, шестого, тома прошло еще тринадцать лѣтъ (1776—1789). Такимъ образомъ, на составленіе одной книги было употреблено четверть столѣтія. Историки нашего времени пишутъ скорѣе, но будутъ ли черезъ сто лѣтъ труды ихъ переводиться на другіе языки? Прежде чѣмъ посвятить себя труду, наполнившему всю его жизнь, Гиббонъ писалъ и о литературѣ, и о юридическихъ вопросахъ, и о монархіи мидянъ. Онъ задумывалъ даже изобразить «Вѣкъ Сезосѣрна». Въ своихъ мемуарахъ онъ откровенно сознается въ своихъ ошибкахъ, въ недостаткѣ образованія, хотя онъ воспитывался въ оксфордскомъ университетѣ; но этотъ университетъ, также какъ и кембриджскій, отличался сухостью и бесплодностью занятій въ духѣ среднихъ вѣковъ. Отрѣшившись отъ самонадѣянности и заносчивости, молодой студентъ впалъ въ другое заблужденіе — началъ изучать католическое богословіе и тайно перешелъ въ католицизмъ, за что былъ исключенъ изъ университета. Отецъ отправилъ его въ Лозанну къ протестантскому пастору и тотъ возвратилъ увлекшагося юношу англиканской церкви и примирилъ его съ отцомъ. 27-ми лѣтъ онъ поѣхалъ въ Римъ и тамъ, въ Капитоліи, мечтая о древней величіи города, онъ услышалъ, какъ монахи служили вечерню на развалинахъ храма Юпитера. У него явилась мысль написать исторію паденія Рима. Какъ это было трудно — видно изъ того, что послѣ семилѣтняго труда онъ готовъ былъ бросить всю работу. Три раза передѣлывалъ онъ первую главу, два раза вторую и третью и только тогда остался сколько нибудь удовлетворенъ ими. Главы о христіанствѣ также передѣлывались три раза. Такъ ли работаютъ современные историки?

«Исторія упадка и разрушенія римской имперіи» обнимаетъ собою періодъ времени отъ Антониновъ до паденія западной имперіи, затѣмъ обзоръ судьбы восточной имперіи и германскихъ королевствъ отъ 1476 года до завоеванія турками Византіи въ 1453 году. Нынѣ вышедшій третій томъ за-

ключаетъ въ себѣ изложеніе событій отъ конца царствованія Юліана до смерти Θεодосія младшаго (1362 — 1450 г.). Здѣсь широкою кистью набросана исторія гунновъ, готовъ, аrianства, окончательнаго паденія язычества. Множество примѣчаній, взятыхъ изъ трудовъ послѣдующихъ историковъ въ той же области — Гизо, Венка, Шрейтера и др. — придаютъ еще болѣе значенія переводу г. Невѣдомскаго, вполне тщательному и добросовѣстному. Нельзя не пожалѣть, что цѣна тома, хотя и въ 600 страницъ (4 руб.), очень высока. Заплатить болѣе 20-ти рублей за все сочиненіе не всякому легко.

З. Т. В.

Ярославскій уѣздъ, съ картою уѣзда. А. А. Титова (изданіе И. А. Вахрамѣева). Москва. 1884 г.

Книга эта представляетъ какъ бы дополненіе къ сочиненію того же автора («Путеводитель по городу Ярославлю»), отчетъ о которомъ уже данъ былъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Въ нынѣшнемъ своемъ трудѣ авторъ задался цѣлью составить краткое историко-археологическое, этнографическое и статистическое описаніе Ярославскаго уѣзда и статистическое описаніе всѣхъ населенныхъ мѣстъ его. Цѣль эта авторомъ вполне достигнута. Сверхъ печатныхъ матеріаловъ, пособіемъ автору въ его трудѣ послужили собранные имъ лично свѣдѣнія, разспросы у жителей описываемыхъ имъ селеній, а также нѣкоторыя рукописи его библиотеки и одна рукопись ярославскаго губернскаго статистическаго комитета. Вслѣдствіе этого, въ этомъ изящно изданномъ описаніи Ярославскаго уѣзда содержатся многія данныя, до нынѣ оставшіяся неизвѣстными и пополняющія географическія и статистическія свѣдѣнія о Россіи. Въ подробномъ вступленіи авторъ касается довольно подробно бытовой стороны жителей уѣзда, сообщаетъ ихъ свадебные обряды и употребляемые ими притомъ пѣсни и притчи.

Ярославскій уѣздъ въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ съ 1777 года, когда, при учрежденіи Ярославскаго намѣстничества, нынѣшняя Ярославская губернія была раздѣлена на уѣзды. Ярославскій уѣздъ состоитъ изъ 3 становъ и 19 волостей, съ 1,070 населенныхъ мѣстъ. Всѣ эти селенія и деревни описаны въ статистическомъ и историческомъ отношеніи настолько подробно, насколько они представляли собою интересный для того матеріалъ. Къ книгѣ приложена карта Ярославскаго уѣзда, съ показаніемъ на ней всѣхъ населенныхъ мѣстъ, монастырей, фабрикъ, заводовъ, дорогъ, станцій почтовыхъ и обывательскихъ и алфавитный указатель всѣхъ населенныхъ мѣстъ. По вѣрности и точности данныхъ, это описаніе Ярославскаго уѣзда не можетъ быть пройдено безъ вниманія.

П. У.

Опытъ разбора повѣсти Гоголя „Тарасъ Вульба“, К. Хоцянова. Спб. 1884.

Англійская и французская критическая литература богата этюдами отдѣльных произведеній лучшихъ писателей. У насъ предпочитаютъ представлять «рядъ статей» о выдающихся литературныхъ дѣятеляхъ или давать об-

ція ихъ характеристики. Поэтому нельзя не остановиться на «опытѣ» г. Хоцянова, становящагося въ рядъ критиковъ, называемыхъ англичанами «essayists». Мы не знаемъ прежнихъ произведеній автора: имя его не встрѣчается ни въ одномъ изъ книжныхъ каталоговъ, и если это первое его произведеніе, оно, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія. «Тарасъ Бульба» не принадлежалъ къ числу капитальныхъ произведеній Гоголя. Знатоки быта и исторіи Запорожья упрекаютъ автора Бульбы въ недостаточномъ знакомствѣ съ изображаемымъ имъ предметомъ. Но повѣсть эта замѣчательна не своимъ историческимъ значеніемъ, а глубокимъ чувствомъ, положеннымъ въ ея основу. Три рода любви разработаны въ ней въ высшей степени художественно и вѣрно съ психической стороны: любовь къ родинѣ, любовь отцовская и любовь личная, эгоистическая, заставляющая забывать и отца, и родину. Г. Хоцяновъ лѣзетъ свое изслѣдованіе не съ этой, главной стороны повѣсти, а съ разсужденія о томъ, какъ вѣрно и поэтически изображаетъ она запорожское казачество. Авторъ въ особенности возстаетъ противъ стремленій Польши ввести католичество въ Малороссію: «Какой возмутительный деспотизмъ — говорить онъ — насильно заставлять другихъ признавать совершеннѣйшимъ то вѣроисповѣданіе, которое мы сами признаемъ такимъ! Какое варварство вообще принуждать другихъ мыслить, чувствовать, жить, говорить по нашему и тѣмъ убивать ихъ человѣческую личность!» Но обвиняя поляковъ, авторъ въ то же время вмѣстѣ съ Гоголемъ видитъ «что-то очаровывающее» въ бѣшенномъ разгулѣ запорожцевъ, тогда какъ подобный разгулъ еще болѣе убиваетъ личность человѣка, унижая его до состоянія животнаго. Вообще, восторженное отношеніе автора къ запорожцамъ объясняется тѣмъ, что онъ смотритъ на нихъ съ той же точки зрѣнія, какъ и Гоголь; но чѣмъ объяснить слѣдующія затѣмъ на десятки страницъ благочестивыя, но совершенно непужливыя размышленія о внутреннемъ и вѣншемъ мірѣ человѣка? Вообще, если бы изъ 83 компактныхъ страницъ брошюры выбросить добрую треть — она производила бы гораздо болѣе впечатлѣніе. Авторъ очень пространно выясняетъ сущность поэзіи и ея отличие отъ науки, что совершенно излишне, и къ Тарасу Бульбѣ обращается почти въ половинѣ брошюры. Характеристика стараго казака и двухъ его сыновей вѣрно и хорошо набросана. Но «опытъ» выигралъ бы гораздо больше, если бы выражался не такъ восторженно. «Вообще, дивное и колоссальное видимъ и слышимъ въ чудной повѣсти Тарасъ Бульба». Это языкъ не критика, а панегирика, а панегирики никогда и ни въ чемъ не убѣждали.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Современныя религіозныя движенія въ мусульманствѣ.—Африканскіе пророки.— Молодость Мишле, разсказанная его женою.— Біографія дочери министра Людовика XVI.— Французское общество въ эпоху консульства.— Автобіографія руссофа-авантюриста.— Новое изданіе сочиненій Ричардсона.— Книга французскаго патера о нѣмцахъ.— Датскій министръ прошлаго столѣтія.— Воспоминанія тайнаго нѣмецкаго агента о послѣднемъ тридцатилѣтіи.— Дамскій писатель и гражданинъ Бонапарте.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ движеніе въ мусульманскомъ мірѣ, возникшее въ Суданѣ при появленіи пророка Махди, составляетъ не новое явленіе современнаго религіознаго фанатизма. Не разъ, въ послѣднее время, подобныя пророки появлялись въ другихъ центрахъ мусульманства. Въ Аравіи, Тунисѣ, Марокко, даже въ Алжирѣ, поднимались возстанія съ религіозной цѣлью, но ихъ тотчасъ же подавляли и потому объ нихъ было мало извѣстно. Недавно членъ института, Левасёръ, представилъ въ академію брошюру, подъ названіемъ «Мусульманское братство Сиди Мохаммеда Бен-Али Эс-Сенѹси и его географическая область» (*La Confrerie musulmane de Sidi Mohammed Ben'Ali Es-Senousi et son domaine géographique*). Эта брошюра написана извѣстнымъ путешественникомъ Гаври Дюверье, много лѣтъ проведеннымъ въ странѣ туареговъ. Братство, которое онъ описываетъ, составилось въ самое недавнее время. Основатель его, Сиди Мохаммедъ, родился въ Алжирѣ, близъ Мостаганема, и былъ юристомъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ сдѣлался членомъ мистической секты Хад-геліи. Врагъ французовъ, какъ прежде былъ врагомъ турокъ, онъ училъ одно время въ Каирѣ, въ Лагуатѣ, богословію и правовѣдѣнію. Глава Хад-гелизма, Ахмедъ Бен-Эдрисъ, умирая, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Ученіе, которое онъ началъ проповѣдывать, состояло въ томъ, что слѣдуетъ поклоняться только одному Богу, а святыхъ мужей почитать только при ихъ жизни, не продолжая почитать ихъ послѣ смерти, потому что всѣ они простые смертные, не исключая Магомета, только «совер-

шеннѣйшаго изъ созданій». Онъ требовалъ также отреченія отъ міра, допускалъ роскошь въ одеждѣ только для женщинъ, у которыхъ она возвышаетъ прелести, а мужчинамъ позволялъ употреблять только разукрашенное оружіе. Повиноваться должно только тѣмъ вождямъ, которые строго исполняютъ религіозные обряды, управляя свѣтскою властью. Должно также не входить ни въ какія сношенія съ христіанами или евреями и считать врагами всѣхъ, кто не платитъ дани правовѣрнымъ. Ученіе это быстро распространилось и сдѣлалось вскорѣ господствующимъ въ сѣверной Африкѣ. У него множество монастырей, школъ и приверженцевъ. Члены братства живутъ, смѣшавшись съ другими мусульманами, во всѣхъ племенахъ и городахъ. Они ничѣмъ не отличаются по одеждѣ, но должны каждый день читать положенныя молитвы, повторяя ихъ до ста разъ. Они обязаны безпрекословнымъ повиновеніемъ своему апостолу или мокгадему. Судьи братства рѣшаютъ всѣ споры и произносятъ приговоры, согласно съ юридическими постановленіями Сиди Мохаммеда. По временамъ, они отправляются въ паломничество по монастырямъ и платятъ въ кассу братства два съ половиною процента на свой капиталъ. Вѣдники воздѣлываютъ земли братства. Организация его искусно устроена, пропаганда распространяется школами, судами, монастырями. Основатель секты умеръ недавно и при его сынѣ братство достигло еще большаго процвѣтанія. Ему уже приписываютъ чудеса. Главный монастырь секты, Іебубъ, на границахъ ливійской пустыни и Египта, сдѣлавшійся столицей главы братства, заключаетъ въ себѣ четыре тысячи превосходно вооруженныхъ тѣлохранителей пророка. Здѣсь онъ совершенно безопасенъ. Братство его считаетъ до трехъ милліоновъ своихъ приверженцевъ; укрѣпленными пунктами служитъ 121 монастырь. Англійскій писатель Бродлей доводитъ ихъ до 300. Вся древняя Киренаика, нынѣшняя Барка, занята этимъ братствомъ также, какъ Фецанъ, Триполи, южный Тунисъ, множество алжирскихъ племенъ, берберы, арабы Дахры, западная Сахара, Туареги и область Сенегала. Въ Суданѣ, сколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ, Махди держится этого же ученія и его политическаго устройства. Между главою братства и Махди, несмотря на ихъ ненависть къ христіанамъ, не существуетъ, однако, соглашенія и единства дѣйствій, и, конечно, ни одинъ изъ нихъ не подчинится другому. Но въ то время, когда Махди уничтожаетъ въ Суданѣ послѣдніе остатки власти Египта и Англіи, его сѣверный собратъ, если вздумаетъ также открыто прибѣгнуть къ возстанію, можетъ принести громадный вредъ французскому вліянію въ сѣверной Африкѣ.

— Въ то время, когда Франція теряла своего замѣчательнаго историка Мишле, о другомъ ея историкѣ, также недавно скончавшемся, Мишлѣ, вышла любопытная книга «Моя молодость» (Ma Jeunesse). Судя по названію, можно полагать, что записки о молодости историка написаны имъ самимъ, но книга, напротивъ, составлена его женою по отрывочнымъ замѣткамъ покойнаго. Мишле не разъ приходилось воскрешать подобнымъ образомъ исторію, по отрывкамъ старинныхъ лѣтописей. Теперь такой же трудъ совершила его жена, воссоздавъ передъ нами дѣтство и молодость знаменитаго историка. Въ эти темные годы, любопытенъ, разумѣется, не фактъ скромной жизни, но исторія развитія идей и чувствъ, наполнявшихъ умъ и сердце Мишле. И передъ нами, дѣйствительно, возстаетъ всѣмъ извѣстный писатель съ его оригинальнымъ взглядомъ и способомъ выраженія. Та, которая была постоянною соотрудицей своего мужа, повѣренной самыхъ тайныхъ его мыслей, по-

пятью должна была заимствовать не только складъ его фразъ, но и особенности его взгляда. Главное достоинство этой книги состоитъ въ томъ, что она представляетъ для французской молодежи примѣръ поученія. Г-жа Мишле посвящаетъ свою книгу «тѣмъ, которые хотятъ сдѣлаться людьми». Дѣтство свое Мишле провелъ въ бѣдности, молодость въ трудѣ и печали, и это не помѣшало ему приобрести твердость духа въ слабомъ тѣлѣ, блестящую оригинальность, силу воображенія, нѣжность чувствъ, апостольское стремленіе къ правдѣ,—всѣ эти свойства, изъ которыхъ составляется образъ историка. Видя какъ онъ самъ страдалъ въ дѣтствѣ, понимаешь его состраданіе къ слабымъ, угнетеннымъ, униженнымъ. Больше всего удивляетъ въ этомъ томъ терпѣніе Мишле и какая-то мягкая энергія. Онъ никогда не жалуется на свои невзгоды, не декламируетъ объ нихъ, какъ Жан-Жакъ Руссо, которому Мишле, однако, удивляется и говоритъ, что онъ имѣлъ большое вліяніе на его умъ. Хорошо еще, что это вліяніе не распространилось на его сердце. Ни физическія страданія его болѣзненной натуры, ни голодъ, ни холодъ, ни страданія нравственныя, какъ одиночество, которое трудно переносить, чѣмъ бѣдность, ни насмѣшки, ни дурное обращеніе товарищей, вымѣщавшихъ на немъ его умственное превосходство, ничто не могло уничтожить врожденной доброты Мишле, и изъ снисхожденія къ своимъ преслѣдователямъ въ немъ выработалась симпатія ко всему человѣчеству. Правда, отъ этой борьбы въ немъ сохранилась меланхолія, отразившаяся и на его воображеніи, но въ ней не было ничего ни слабаго, ни мечтательнаго. Съ первыхъ же годовъ его молодости, въ Мишле развилось поклоненіе вѣчно женственному элементу: «Das ewig weibliche». Въ этомъ томѣ разсказана его первая романтическая любовь и первая дружба. Хотя въ это время Мишле не игралъ еще никакой роли ни въ историческомъ, ни въ литературномъ мірѣ, но у него встрѣчается много любопытныхъ чертъ французскаго общества 1815 и 1818 годовъ.

— Французы дорожатъ не только великими личностями своей исторіи, но извлекаютъ изъ мрака забвенія и такія лица, которыя, не имѣя историческаго значенія, выражаютъ какую либо изъ сторонъ современной имъ жизни. Такъ, Барду издалъ любопытную біографію Полины Монморенъ, графини де-Бомонъ (Pauline de Montmorin comtesse de Beaumont). О графинѣ мы знали до сихъ поръ только нѣсколько фактовъ въ «Мысляхъ» Жубера (Pensées). Барду нашелъ новые документы, относящіеся къ этой женщинѣ, къ французскому обществу при Людовикѣ XVI, во время революціи и кокусультства. Полину выдали замужъ шестнадцати лѣтъ, по черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она развелась съ мужемъ и сдѣлалась центромъ большого свѣта 1787 года. Когда Монморенъ сдѣлался министромъ, графиня Бомонъ была представлена его товарищу Некеру и госпожѣ Сталь, салонъ которой начиналъ тогда входить въ моду и въ немъ являлись братья Шенье, абаты Лун и Талейранъ, графъ Нарбоннъ, Сюаръ, баронесса Крюднеръ. Въ этомъ обществѣ Клеронъ декламировала «Сонъ Гюголіи», Бомарше читалъ свою «Випунную мать». Аббатъ Мореле, Альфіери, Кондорсе, графиня Альбани, принимали пренія о значеніи генеральныхъ штатовъ и средняго сословія. Барду представляетъ въ повомъ свѣтѣ несчастнаго Монморена. Этотъ министръ вовсе не былъ реакціонеромъ, какимъ его представляютъ историки революціи. При открытіи генеральныхъ штатовъ онъ смѣло отвѣчалъ графу д'Артуа, требовавшему для дворянства монополіи военныхъ чиновъ: «эти чины приоб-

рѣтаются заслугами отечеству и должны принадлежать достойнѣйшимъ, а не породѣ и происхожденію». За нѣсколько дней до бѣгства въ Вареннѣ, о которомъ Монморенъ узналъ только послѣ захвата короля, онъ писалъ въ циркулярѣ къ французскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ: «То, что называютъ революціею—не болѣе какъ уничтоженіе множества злоупотребленій, накопившихся въ теченіи вѣковъ: эти злоупотребленія были такъ же пагубны для націи, какъ и для монарха—теперь они не существуютъ. Французскій народъ состоитъ изъ равноправныхъ гражданъ, повинующихся одному закону; всѣ органы власти только исполнители закона и первый между ними—король. Революція—совершившійся, безвозвратный фактъ, и кто задумалъ бы возвратить насъ къ прошлому, подвергъ бы величайшей опасности всю Европу». Монморенъ, вмѣстѣ съ Неккеромъ, съ представителями аристократіи, стоялъ за англійскую конституціонную систему съ двумя палатами, поддерживалъ Ляфайета, Мирабо, чтобы составить центръ умѣренной партіи, и когда все было напрасно, употребилъ всѣ усилія, чтобы спасти своего владетелина, который обманывалъ его и разсылалъ контр-приказы послѣ прокламацій своего министра. Обвиненный въ сношеніяхъ съ Австріею, онъ былъ арестованъ 21-го августа 1792 года и, послѣ допроса, даже свирѣпый Мальяръ опредѣлилъ—отвести его въ тюрьму. Но толпа неистовой черни выхватила его у стражи и убила на дорогѣ. Несчастный еще дышалъ, когда эти звѣри посадили его на колъ и принесли, какъ трофей, къ дверямъ національнаго собранія. Его жена, сестра и братъ были арестованы въ замкѣ въ Пасси—и когда ихъ отправили въ Парижъ, явилась его дочь, графиня Вомонъ, требовавшая, чтобы и ее взяли вмѣстѣ съ родными. Ее сначала послушали, но по дорогѣ одумались и высадили ее близъ Пасси. Ея мать, сестра и братъ были гильотинированы вмѣстѣ съ принцесою Елисаветою. Сама она, умирающая, пошла приютъ въ хижинѣ вѣпоудѣла, въ Вильневѣ, откуда переѣхала въ Парижъ уже въ 1800 году. Здѣсь вокругъ нея стала собираться вся интеллигенція консульства: Жуберъ, Моле, Фонтанъ, Бональдъ, Шендолле, Шатобріанъ. Барду рисуетъ портреты этого общества, сообщая много поваго и интереснаго. Пламеннымъ поклонникомъ Полины Монморенъ былъ Жуберъ, но она предпочла ему Шатобріана и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вскорѣ раскаялась въ этомъ, хотя умерла въ Римѣ на его рукахъ. Въ своихъ запискахъ блестящій писатель даже не сознается, что любилъ ее. Забывчивость это или безсердечіе? Зная Шатобріана, склоняешься къ послѣднему.

— Извѣстный авантюристъ, руссофобъ Вамбери, издалъ свою автобіографію, подъ названіемъ: «Арминій Вамбери, его жизнь и приключенія, имъ самимъ описанныя» (*Arminius Vambery, his life and adventures written by himself*). Здѣсь много повтореній его перваго путешествія по Средней Азіи въ 1862—1863 году, когда онъ, въ костюмѣ дервиша, обошелъ страны, мало доступныя европейцамъ. Но встрѣчаются и новыя біографическія черты. Съ 12-ти лѣтъ, Вамбери уже долженъ былъ скитаться изъ города въ городъ, отыскивая средства существованія; 20-ти лѣтъ онъ отправился въ Константинополь, съ помощію барона Этвѣша, гдѣ сдѣлался совершеннымъ туркомъ, и черезъ 12 лѣтъ отправился въ Персію, а оттуда въ Туркестанъ. Вернувшись изъ Хивы, онъ сдѣлался львомъ сезона въ Лондонѣ, но Парижъ смотрѣлъ на него только, какъ на довольно любопытнаго авантюриста. Онъ добился, однако, аудіенціи у другого коронованнаго авантюриста, и въ разговорѣ съ нимъ удивился его крайнему невѣжеству по исторіи и географіи

Азіи. Даже Вамбери не нашелъ въ Наполеонѣ III ничего, что напоминало бы великаго человѣка. Въ самомъ Пештѣ, соотечественники туриста не очень вѣрили всѣмъ его рассказамъ, и журналисты уклончиво называли его «первымъ путешественникомъ или первымъ романистомъ». Представленный Францу Іосифу, Вамбери сталъ просить мѣста профессора восточныхъ языковъ въ пештскомъ университетѣ, желая посвятить конецъ жизни педагогикѣ. — «Но вѣдь охотниковъ до восточныхъ языковъ не много и въ Вѣнѣ, отвѣчалъ императоръ, а въ Пештѣ вамъ, пожалуй, некого будетъ и учить». — «Въ такомъ случаѣ я буду самъ имъ учиться», откровенно отвѣчалъ Вамбери — и получилъ мѣсто. А что ему надо еще многому учиться въ этой отрасли филологіи — доказываетъ лучше всего упорство, съ какимъ онъ не хочетъ признать мадьярскій языкъ отраслью финскаго, а непременно хочетъ найти въ немъ татарскій діалектъ, чтобы объяснить симпатіи мадьяръ къ туркамъ и братство пештскихъ студентовъ съ турецкими софтами. Вамбери оканчиваетъ свою книгу политическими соображеніями о будущности Азіи: страна эта должна принадлежать Англіи, но Англіи консервативной. Франція вовсе не способна къ колонизаціи; о Россіи и говорить нечего. Все это доказываетъ только, что Вамбери такой же глубокой политикъ, какъ и знатокъ восточныхъ языковъ.

— Вышло полное собраніе сочиненій Ричардсона (The works of Richardson) въ 12-ти томахъ, съ биографико-критическою статьею Стефена. Этого романиста теперь мало читаютъ, хотя недалеко еще то время, когда онъ былъ идоломъ англійскихъ женщинъ, да и женщинъ другихъ націй, потому что романы его переводились на всѣ языки. Передъ нимъ расшаркивался Джонсонъ. Увлекающійся Дидро ставилъ его въ одинъ рядъ съ Моисеемъ и Гомеромъ. Вальзакъ, Жоржъ Зандъ и Альфредъ Мюссе называли его величайшимъ повѣстелемъ своего времени. Руссо подражалъ ему, Маколей былъ отъ него въ восторгѣ. Правда, Морлей не хочетъ его даже причислить къ замѣчательнымъ англійскимъ писателямъ, но, во всякомъ случаѣ, если теперь и трудно читать его «Памелу» и «Грандисона», но «Клариса Гарловъ» всегда останется лучшимъ произведеніемъ своей эпохи, а одинъ изъ любимыхъ типовъ ея — типъ Ловеласа, созданъ Ричардсономъ.

— Сильное впечатлѣніе произвела не въ одной Франціи книга отца Дидона: «Нѣмцы» (Les Allemands). Этотъ доминиканецъ обратилъ на себя вниманіе въ 1872 году проповѣдями объ освобожденіи Франціи, сопровождавшимися имъ же устроенными сборами. Тьеръ, какъ извѣстно, произвелъ это освобожденіе страны отъ окупации съ помощью крупныхъ финансовыхъ займовъ, въ сравненіи съ которыми коллективныя милостыни играли роль капли воды. Но намѣреніе было прекрасное, и молодой отецъ Дидонъ сдѣлался моднымъ проповѣдникомъ. Однако, его краснорѣчіе уклонилось отъ путей, предписываемыхъ Силлабусомъ, и ораторъ долженъ былъ умолкнуть. Въмѣсто того, чтобы, подобно Ламеннѣ и патеру Гіацинту, порвать съ папствомъ, Дидонъ подчинился приказу отправиться въ ссылку на о. Корсику, и по окончаніи срока высылки поѣхалъ путешествовать по Германіи, для ознакомленія съ мнѣніями современной критики о происхожденіи христіанства. Онъ поступилъ студентомъ сперва въ лейпцигскій, затѣмъ въ гёттингенскій и берлинскій университеты. Плодомъ его занятій явилась книга «Les Allemands», которую единодушно хвалятъ вся свѣтская печать, между тѣмъ какъ съ не меньшимъ единодушіемъ нападаютъ на нее ультрамонтаны. Эти

последніе слишкомъ хорошо поняли, что похвалы монаха-патріота правительственной дисциплинѣ протестантской Германіи ничто иное, какъ указаніе на прискорбные результаты слишкомъ продолжительнаго преобладанія католицизма во французскомъ воспитаніи. Лютеръ, сдѣлавшій доступнымъ для народа библію, положилъ основаніе освобожденію школы отъ вліянія духовенства. «Школьный учитель», такъ много содѣйствовавшій успѣху возстанія Германіи въ 1813 году, побѣдилъ Францію въ 1870-мъ. Дидонъ вѣрно оцѣнилъ вліяніе германской школы на патріотическое воспитаніе націи, хотя онъ и смотритъ на него съ клерикальной точки зрѣнія, восхищаясь тѣмъ, что въ высшемъ образованіи первое мѣсто принадлежитъ богословію, впрочемъ, не только не католическому, но часто даже и не христіанскому. Заключение книги замѣчательно — и откуда бы ни исходилъ совѣтъ, за него нельзя не поблагодарить Дидона, проповѣдующаго въ печати, что «самая неотложная обязанность французскаго гражданина заключается въ томъ, чтобы прежде всего трудиться надъ смягченіемъ раздоровъ и разногласій въ своей странѣ, для осуществленія Франціей «ея великихъ надеждъ» и для того, чтобы явить сосѣднимъ народамъ типъ новаго народа, у котораго братство выражается всеобщею благотворительностью, равенство — непоколебимымъ господствомъ закона, а свобода — личнымъ починомъ и широкою терпимостью. Любопытно, что книга эта пропущена къ печати католическою духовною цензурою.

— Въ Копенгагенѣ вышла интересная дипломатическая книга: «Министерская корреспонденція графа Бернсторфа» (*Correspondance ministerielle du comte I. H. E. Bernstorff, 1751—1770*). Графъ былъ однимъ изъ выдающихся политическихъ дѣятелей прошлаго столѣтія. Вступивъ въ датскую службу въ 1732 году, онъ уже въ 1751 году былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и почти 20 лѣтъ управлялъ политикою Даніи. Струензе лишилъ его званія министра, но, послѣ паденія этого фаворита, Бернсторфу хотѣли возвратить его постъ, когда онъ умеръ внезапно въ 1772 году, не достигнувъ 60-ти лѣтъ. Періодъ управленія Бернсторфа былъ довольно бурный. Послѣ войны за австрійское наслѣдство и семилѣтней войны, въ ряду европейскихъ державъ явились двѣ страны, съ которыми должна была считаться политика. Пруссія силою оружія завоевала себѣ мѣсто въ ряду первыхъ державъ, а Россія въ войнѣ съ нею едва не уничтожила всѣ плоды побѣдъ Фридриха II. Въ этомъ столкновеніи Даніи, не смотря на свою территоріальную незначительность, играла роль примирительницы. Она употребила всѣ усилія, чтобы семилѣтняя война не превратилась въ религіозную, хотя Фридрихъ открыто заявлялъ себя защитникомъ протестантизма. Когда же Россія, занявъ своими войсками восточную Пруссію, изъявила намѣреніе удержатъ за собою свои завоеванія, Данія протестовала въ сильныхъ депешахъ противъ этого и угрожала тотчасъ же выступить противъ Россіи. При воцареніи Петра III, этотъ поклонникъ прусскаго короля, въ свою очередь, объявилъ войну Даніи, и Бернсторфъ напрасно обращался за помощью къ Франціи и Австріи. Данію спасли только низверженіе Петра III и его внезапная кончина. Въ депешахъ Бернсторфа много подробностей, рисующихъ не одни дипломатическія сношенія государствъ.

— Въ концѣ прошлаго года («Историческій Вѣстникъ» № 12, стр. 630) мы говорили о первомъ выпускѣ книги австрійскаго тайнаго агента Вольгейма де Фонсека: «Мои нескромности. Сообщенія изъ тайной дипломатіи послѣднихъ тридцати лѣтъ». Теперь вышелъ первый томъ этого объемистаго

сочиненія въ 550 страницъ, оканчивающійся 1870 годомъ включительно. Авторъ измѣнилъ только немного названіе книги, поставивъ вмѣсто: сообщенія—воспоминанія (*Neue Indiscretionen. Erinnerungen aus der geheimen Diplomatie*). Мы упоминали уже, что въ первыхъ четырехъ главахъ своей книги, составляющихъ первый выпускъ, авторъ гораздо больше говоритъ о себѣ, чѣмъ о событіяхъ своего времени, и выразилъ сомнѣніе въ правдивости многихъ изъ сообщаемыхъ имъ разсказовъ. Дальнѣйшее знакомство съ ними еще болѣе возбуждаетъ недовѣрчивость. Такъ, отправляемый министромъ Бахомъ, въ 1857 году, въ Италію, для развѣдыванія о настроеніи Кавура по отношенію къ Австріи, Вольгеймъ на нѣсколькихъ страницахъ развиваетъ министру свою теорію пессимизма, по которой «все въ твореніи, въ жизни человѣка, въ искусствѣ и исторіи идетъ назадъ, уменьшается, дѣлается хуже». Не упоминается только: уменьшается ли содержаніе австрійскихъ шпионовъ. Только-что вѣхавъ въ Италію, Вольгеймъ встрѣчаетъ таинственнаго революціонера-путешественника и ведетъ съ нимъ на тридцати страницахъ таинственную бесѣду, въ которой дѣлаются таинственные намеки на близость войны и революціи. Такія предсказанія *post factum* нисколько не трудно составлять въ 1884 году. Но еще неправдоподобнѣе слѣдующій затѣмъ разговоръ автора съ Кавуромъ. Г. Вольгеймъ читаетъ великому патріоту лекцію по исторіи пароднаго права (эти слова такъ и выставлены въ перечнѣ 6-й главы), причемъ Вольгеймъ говоритъ Кавуру комплименты въ родѣ того, что бесѣда съ нимъ «заставляетъ даже забывать о требованіяхъ природы», а Кавуръ называетъ его безпристрастнымъ журналистомъ; по послѣ двадцати страницъ бесѣды о положеніи Австріи и Сардиніи, догадывается, наконецъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и прямо говоритъ ему: вы австрійскій чиновникъ! на чтѣ собесѣдникъ возражаетъ: прошу вѣрить мнѣ на-слово: я не только не австрійскій, но и вообще не чиновникъ. Кавуръ не догадывается отвѣтить, что, дѣйствительно, такихъ лицъ ни одна держава не называетъ своими чиновниками, но все-таки тотчасъ же прекращаетъ бесѣду. О главныхъ событіяхъ той эпохи — войнѣ Франціи съ Австріею, польскомъ возстаніи, освобожденіи Италіи, войнѣ Пруссіи съ Австріею — говорится нѣсколько словъ; за то цѣлыя 8 главъ (отъ 17 по 24) посвящены войнѣ 1870 года — не серьезному изслѣдованію военныхъ дѣйствій, а восхваленію пруссаковъ и ихъ подвиговъ (Вольгеймъ въ это время поступилъ на службу Пруссіи и уже называлъ себя прямо прусскимъ чиновникомъ). Болѣе трети книги наполнено выписками изъ французскихъ провинціальныхъ газетъ того времени, доказывающими, какъ много вздору печатали французы о военныхъ событіяхъ, какъ будто не въ вѣкъ мірѣ военныя реляціи составляются въ одинаковомъ тонѣ, скрывающемъ наши ошибки и уменьшающемъ наши потери. Потомъ приводятся приказы герцога мекленбургъ-шверинскаго, генераль-губернатора Шампаньи, весторъ, впрочемъ, смѣшного; защищается Базенъ и его сдача Меца; приводятся разныя мелкія сплетни о столкновеніи французовъ и даже француженокъ съ нѣмецкими властями въ занятыхъ провинціяхъ — все это мало интересно. Томъ оканчивается описаніемъ, какъ нѣмцы справляли во Франціи рождественскую елку въ 1870 году. Авторъ обѣщаетъ выпустить въ свѣтъ еще одинъ томъ своихъ «Нескромностей», въ которыхъ ему слѣдовало бы быть поскромнѣе по отношенію къ выставленію своихъ заслугъ, весьма сомнительныхъ, и къ восхваленію начальствъ, которыми онъ служить «не какъ чиновникъ».

— Между французскими писателями существуют специалисты, выбирающие предметом своих литературных произведений одну какую либо специальность и только по этой части издающие десятки томовъ. Къ такимъ писателямъ принадлежитъ мало извѣстный Эмберъ де Сент-Аманъ (его пѣтъ даже въ словарѣ Ваперо). Кромѣ томика не замѣчательныхъ стихотвореній, біографіи аббата Дегерри и повѣсти «Молодая жертва коммуны» — произведений ранней молодости, всѣ остальные сочиненія его посвящены изображенію французскихъ женщинъ разныхъ эпохъ: французенкамъ XVIII и XIX столѣтій, г-жѣ Жирарденъ и пр. Такъ, подъ названіемъ «*Les femmes de Versailles*» онъ написалъ пять томовъ, въ которыхъ разсказывается о женщинахъ двора Людовика XV, и въ двухъ послѣднихъ томахъ, преимущественно — о Маріи Антуанеттѣ. Объ ней же больше всего говорится въ четырехъ томахъ «*Les femmes de Tuileries*». Подъ тѣмъ же общимъ названіемъ вышла въ прошломъ году біографія Жозефины, въ эпоху ея молодости (*La Jeunesse de Joséphine*), и нынче «Гражданка-Бонапарте» (*La citoyenne Bonaparte*) — продолженіе ея жизнеописанія до консульства. Авторъ обѣщаетъ еще три тома этой біографіи: жена консула, императрица и разведенная жена. Во всѣхъ вышедшихъ до сихъ поръ 15-ти томахъ всѣ эти женщины представлены, конечно, въ лучшемъ свѣтѣ, хотя историческіе документы, даже приводимые авторомъ, не всегда говорятъ въ ихъ пользу. Такъ, въ разсказѣ о гражданкѣ-Бонапарте, женѣ генерала, сражавшагося въ Италіи, изъ писемъ его видно, что она ни за что не хотѣла ѣхать въ армію къ мужу и раздѣлять съ нимъ боевую жизнь, а предпочитала веселиться въ Парижѣ. И еще авторъ не помѣстилъ въ своемъ сочиненіи тѣхъ историческихъ писемъ Бонапарте къ Баррасу, въ которыхъ онъ прямо обвиняетъ свою жену въ вѣтренности и обманѣ. Книга Сент-Амана вообще представляетъ хорошо составленную компиляцію; встрѣчаются въ ней довольно любопытныя подробности, но поваго въ историческомъ отношеніи пѣтъ ничего, а папегиряческій тонъ разсказа quand même и умолчаніе о многихъ, всѣмъ извѣстныхъ фактахъ, заподозриваютъ даже чисто анекдотическую сторону книги.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Письмо К. Н. Батюшкова къ А. Н. Оленину о русскихъ художникахъ въ Римѣ въ 1819 году.

ВЪ «ИСТОРИЧЕСКОМЪ ВѢСТНИКѢ» уже было говорено о новомъ изданіи сочиненій К. Н. Батюшкова, предпринятомъ его братомъ П. Н. Батюшковымъ, и притомъ были перечислены тѣ богатые матеріалы, которые почтенному издателю удалось собрать изъ разныхъ источниковъ, чтобы сдѣлать новое изданіе возможно полнымъ. Къ числу интереснѣйшихъ находокъ П. Н. Батюшкова принадлежатъ нѣсколько прекрасныхъ антологическихъ стихотвореній его брата, относящихся къ послѣднему періоду литературной дѣятельности поэта, предъ наступленіемъ той тяжелой болѣзни, которая преждевременно, въ цвѣтъ лѣтъ, отняла его у русской литературы. Стихотворенія эти, отысканныя въ бумагахъ В. А. Жуковского, напечатаны были въ одномъ изъ номеровъ «Руси» прошлаго года. Еще позже, въ распоряженіе П. Н. Батюшкова передано было П. Н. Тихоновымъ еще нѣсколько стихотвореній К. Н. Батюшкова, также неизвѣстныхъ въ печати и относящихся къ началу его литературной дѣятельности. Но самымъ важнымъ вкладомъ новаго изданія въ литературу будутъ, безъ сомнѣнія, многочисленныя письма К. Н. Батюшкова, изъ которыхъ значительная часть до сихъ поръ не была напечатана. Изъ состава этой переписки П. Н. Батюшковъ извлекъ весьма любопытное письмо своего брата къ президенту академіи художествъ, А. Н. Оленину, и любезно передалъ его для напечатанія въ редакцію «Историческаго Вѣстника» ¹⁾.

---

¹⁾ Подлинники писемъ К. Н. Батюшкова къ А. Н. Оленину принадлежатъ Н. И. Стояновскому.

Римъ, февраль 1819 года.

Не требуйте отъ меня описанія моего путешествія, еще менѣе описанія Рима. Около двухъ недѣль какъ я здѣсь, почтеннѣйшій Алексѣй Николаевичъ, но насилу могу собраться написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Сперва бродилъ какъ угорѣлый: спѣшилъ все увидѣть, все проглотить, ибо полагалъ, что пробуду немного дней. Но, лихорадка угоднo было остановить меня, и я остался еще на недѣлю. Въ три недѣли что можно было здѣсь осмотрѣть? Назначу мѣста для будущаго приѣзда: сочиняю планъ на мѣстѣ, и когда будетъ угодно судьбѣ привести меня сюда въ другой или третій разъ, что-нибудь напишу, не говорю, достойное Рима, или васъ, но не совершенно меня недостойное.

Хвалить древность, восхищаться св. Петромъ, ругать и злословить италианцевъ такъ легко, что даже и совѣстно. Скажу только, что одна прогулка въ Римѣ, одинъ взглядъ на форумъ (въ который я по уши влюбился) заплатятъ съ избыткомъ за всѣ безпокойства долгаго пути. Я всегда чувствовалъ мое невѣжество, всегда имѣлъ внутреннее сознаніе моихъ малыхъ способностей, дурнаго воспитанія, слабыхъ познаній: но здѣсь ужаснулся. Одинъ Римъ можетъ вылѣчить на вѣки отъ суетности самолюбія. Римъ—книга: кто прочитаетъ ее! Римъ похожъ на сіи героглифы, которыми исписаны его обелиски. Можно угадать нѣчто,—всего не прочитаешь. Простите мнѣ это маленькое предисловіе. Безъ него нельзя было отвѣчать вамъ на задачи ваши.

Видѣлся съ художниками. Доложите графу Николаю Петровичу¹⁾, что вручилъ его письмо Кановѣ и поклонился статуѣ Мира въ его мастерской. Она—ея лучшее украшеніе. Долго я говорилъ съ Кановою о графѣ Румянцовѣ, и мы оба отъ чистаго сердца пожелали ему долгоденствія и благоденствія²⁾. Воспитанникъ его подаетъ хорошую надежду³⁾; онъ, по словамъ Кипренскаго⁴⁾, очень трудится, рисуетъ безпрестанно и желаетъ заплатить успѣхами дань должной признательности почтенному покровителю. Другіе

¹⁾ Румянцевъ.

²⁾ Статуя эта находится въ Румянцевской залѣ московскаго публичнаго музея. Окрыленная богиня, попирая ногою змѣю, въ правой рукѣ, которою она легко склоняется на колонну, держитъ оливковую вѣтвь, а лѣвою—высокій жезлъ, обыкновенную принадлежность олимпійскихъ боговъ. На колоннѣ изсѣчена слѣдующая надпись: Миръ Абовскій, 1743; миръ Кайнарджскій, 1774; миръ Фридрихсгамскій, 1809. Мавзолей этотъ изваянъ, по желанію графа Н. П. Румянцова, знаменитымъ Антоніемъ Кановою (р. 1757 † 1822), въ воспоминаніе трехъ договоровъ, заключенныхъ Румянцовыми: графомъ Александромъ Ивановичемъ (р. 1630 † 1849), графомъ Петромъ Александровичемъ (р. 1725 † 1796) и графомъ Николаемъ Петровичемъ (р. 1857 † 1826). Въ «Сынѣ Отеч.» 1817 г., № 14, есть статья Н. И. Гнѣдича: «Письмо къ Б. о статуѣ Мира, изваянной для графа Н. П. Румянцова скульпторомъ Кановою въ Римѣ». Письмо это, очевидно, адресовано къ Ватюшкову.

³⁾ Василій Сазоновъ, молодой художникъ, отправленный въ Италію на счетъ графа Румянцова.

⁴⁾ Орестъ Адамовичъ, портретистъ и историческій живописецъ, сынъ дворянаго челоѣка бригадира Алексѣя Степановича Дьяконова, Адама Карловича Швадьбе. Дьяконовъ, опредѣливъ пятилѣтняго Кипренскаго въ академію художествъ въ 1788 году, далъ ему и вольноотпускную. Полагаютъ, что отъ произвольнаго измѣненія прозвища Копорскій, которымъ О. А. назвали по мѣсту рожденія (Копорье, въ Петергофскомъ уѣздѣ), произошла фамилія Кипренскій. Въ 1816 году онъ былъ посланъ на казенный счетъ за границу и посѣтилъ Герма-

«истор. вѣстн.», май, 1848 г., т. xvi.

воспитанники академіи ведутъ себя отлично хорошо, и меня, кажется, полюбили. Я ласкаю ихъ, первое—потому что они соотечественники, а второе—потому что люблю искусства и васъ. Щедрина¹⁾ заказываю картину: видъ съ паперти Жюа Лотранскаго. Если ему удастся сдѣлать что-нибудь хорошее, то это дастъ ему нѣкоторую извѣстность въ Римѣ, особенно между русскими, а меня нѣсколько червонцевъ не раззорять. Съ княземъ Гагаринымъ²⁾ я говорилъ о нихъ: разсуждалъ и такъ, и эдакъ. Скажу вамъ рѣшительно, что плата, имъ положенная, такъ мала, такъ ничтожна, что едва они могутъ содержать себя на приличной ногѣ. Здѣсь лакей, камердинеръ получаетъ болѣе. Художникъ не долженъ быть въ изобиліи, но и нищета ему опасна. Имъ не на что купить книгу и не чѣмъ платить за натуру и модели. Дороговизна ужасная! Англичане наводнили Тоскану, Римъ и Неаполь, въ послѣднемъ еще дороже. Но и здѣсь втрое дороже нашего, если живешь въ трактирѣ, а домохъ—едва ли не въ полтора или два раза. Кипренскій вамъ это засвидѣтельствуетъ. Число четырехъ пансіонеровъ столь мало, что нельзя ожидать академіи великихъ успѣховъ отъ четырехъ молодыхъ людей. Болѣзни, обстоятельства, тысяча причинъ могутъ совратить ихъ съ пути или похитить отъ художествъ; что я говорю—есть сущая правда. Желательно имѣть болѣе десяти въ Римѣ. Изъ десяти два, три могутъ утѣшиться. Россія имѣетъ нужду въ хорошихъ артистахъ, нужду необходимую, особенно въ архитекторахъ, и я отъ чистаго сердца желаю, чтобы казна не пожалѣла денегъ. За ними нуженъ присмотръ; имъ нуженъ наставникъ, путеводитель. Если бы вы отрядили профессора, человѣка опытнаго, строгихъ нравовъ, хотя и не весьма искуснаго въ художествѣ, что нужды! Министерство ими занимается въ важныхъ случаяхъ; оно имъ покровительствуетъ, но присмотру не имѣетъ, ибо это не дѣло онаго. При наставникѣ поведение будетъ правильнѣе: отъ большаго сотоварищества родится соревнованіе—лучшая пружина трудолюбія и успѣховъ. Вамъ доставить уставъ французской академіи. У ней не домъ, а дворецъ. Желательно, чтобы наши имѣли только домъ, кельи для почлегу и хорошія мастерскія, присмотръ, пищу и эту беззаботливость, первое условіе артиста съ музою или музы съ артистомъ. Впрочемъ, я говорю то, что чувствую, что видѣлъ на мѣстѣ: издали все кажется иначе. исполнилъ мой долгъ, увѣдомилъ васъ о томъ, что здѣсь каждому извѣстно: вы лучше знаете что возможно, и чего нельзя сдѣлать. Моего письма никому не сообщайте, ибо я пишу только для васъ съ обыкновеннымъ чистосердечіемъ и такъ, какъ мысли приходятъ въ голову. Итальянскому³⁾ вручилъ вашу книгу и письмо. Онъ самъ отвѣчать будетъ. Старецъ почтенный и добрый, уваженный всѣми; онъ знаетъ Италію какъ отче нашъ; но можно ли

нію, Швейцарію и Италію. Въ 1823 году пріѣхалъ въ Петербургъ, но въ 1828 году уѣхалъ въ Италію и уже болѣе не возвращался. Умеръ въ Римѣ 5-го октября 1836 года. Своими портретами Кипренскій приобрѣлъ европейскую извѣстность.

¹⁾ Сильвестръ Феодосѣевичъ, пейзажистъ (р. 1791 г. † 2-го октября 1830 г. въ Сорренто). Въ 1818 году былъ отправленъ на казенный счетъ въ Италію. Своими картинами приобрѣлъ большую извѣстность не только у русскихъ, но и среди иностранцевъ.

²⁾ Григорій Ивановичъ, т. с. (р. 17-го марта 1782 † 12 февраля 1837 г.) состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Римѣ. Почетный членъ академіи художествъ.

³⁾ Андрей Яковлевичъ, д. т. с. (р. 1743 г. † 27-го іюня 1827 г.), посланникъ въ Римъ съ 1817 года. Занимался археологіей и филологіей. Съ 13-го августа 1821 года — почетный членъ російской академіи.

его обременять новымъ учрежденіемъ — не знаю. Если бы вздумалось что-нибудь основать въ Римѣ, то лучшее средство отправить чиновника изъ Петербурга съ хорошою инструкціею, сообразной съ французскою: отмыны можно сдѣлать на мѣстѣ. Учредя домъ и все нужное для принятія десяти (или болѣе) пансіонеровъ, чиновникъ сей могъ бы ихъ ожидать въ Римѣ. Еще повторю, нуженъ добрый, заслуженный профессоръ, который бы умѣлъ постигнуть въполнѣ свою обязанность и наставленія ваши.

Во Флоренціи есть слѣпки со всего музея, и мыѣ обѣщали доставить реестръ цѣнамъ и статуямъ, который сообщу вамъ. Англійскій дворъ и французскій съ позволенія герцога Тосканскаго взяли сіи слѣпки въ недавнемъ времени. Здѣсь я видѣлъ собраніе египетскихъ статуй для двора баварскаго: по совѣсти, они жалки, и учиться надъ ними нечего. Могутъ быть интересны для антикваріевъ или для исторіи искусства, но для художника ни мало! Формы варварскія. При избыткѣ другихъ статуй можно пожелать имѣть и сіи, впрочемъ не много пользы. Объ Аристидовой статуѣ дамъ отвѣтъ изъ Неаполя, также о древнемъ оружіи, въ Помпей и Геркуланумѣ найденномъ, т. е. объ рисункахъ оружія. Всѣ другія порученія касательно художествъ исполню со временемъ. Важнѣйшее кончилъ. Забылъ сказать нѣсколько словъ о Кипренскомъ и Матвѣевѣ ¹⁾. Первый еще не писалъ Аполлона и едва ли писать его станетъ, развѣ изъ упрямства. Но онъ дѣлаетъ честь Россіи поведеніемъ и кистию: въ немъ-то надежда наша! Матвѣевъ заслуживаетъ наше уваженіе. Онъ человѣкъ старый и хворый, но въ картинахъ его есть живость и огонь древняго Адама. Сорокъ лѣтъ прожилъ онъ въ Римѣ и никакого понятія о Россіи не имѣетъ: часто говоритъ о ней, какъ о Китаѣ, но за то набилъ руку и пишетъ водопады Тивольскіе часто мастерски. На все есть время; его слава здѣсь полиняла. Я безъ предразсудковъ и люблю его картинами: въ нихъ много хорошаго. Слава Богу, что русскій человѣкъ такъ пишетъ! Слава Богу, что онъ заслужилъ вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ путешественниковъ и не умеръ съ голоду въ негостепріимной Италіи. Ему назначенъ пенсіонъ государемъ; душевно этому радуюсь, ибо Матвѣевъ скоро будетъ не въ состояніи снискивать пропитаніе трудами. Торвальдсенъ гремитъ въ Римѣ. Его Меркурій прелестенъ. Каммучини пишетъ прекрасные портреты (не всегда) и всегда сѣрыя картины, но за то рисуетъ какъ Егоровъ ²⁾ (и получше его), иногда сочиняетъ умно и съ живостію, достойной римлянина. Basta! ни слова больше объ искусствахъ. Не мыѣ судить о нихъ; умничать не мое же дѣло. Скажу вамъ только, что здѣсь полкъ Рафаэлевъ. Всѣ нѣмцы одѣлись Рафаэлями. Отпустили себѣ волосы и надѣли черныя, бархатныя шапки; черное полукафтанье и сандалии. На Рафаэля не похожи, а съ головы на маймистовъ; чтѣ всего хуже — рисовать не умѣютъ, ибо въ Германіи рисовать порядочно не учатъ. Подражаютъ здѣсь Гольбейну и Перужино, а въ скульптурѣ и архитектурѣ среднимъ вѣкамъ. Зачѣмъ же

¹⁾ Феодоръ Михайловичъ, пейзажистъ, сынъ солдата (р. въ Петербургѣ 1758 г. † въ Римѣ 1826 г.). Въ 1779 году, спустя годъ послѣ окончанія курса, былъ отправленъ на казенный счетъ за границу. Большую часть жизни провелъ въ Италіи.

²⁾ Алексѣй Егоровичъ, историческій живописецъ, сынъ калмыка (р. 1776 г. † въ Петербургѣ 10-го сентября 1851 г.). Въ 1803 году былъ отправленъ за границу. Живя въ Римѣ, сблизился съ Кановою и Каммучини. Съ 1807 году поселился въ Петербургѣ и написалъ множество картинъ, преимущественно религиознаго содержанія.

было ѣхать въ Римъ? Чтобы ходить по Корсо въ Рафаэлевскомъ платьѣ, съ свиткомъ пергамента въ рукахъ. Иные изъ нихъ имѣють истинный талантъ и очень трудолюбивы; сіи послѣдніе ходятъ просто, какъ мы грѣшныя. Но я сію минуту видѣлъ картины двухъ нѣмецкихъ художниковъ — повѣсть Иосифа, и примирился съ ними. Прекрасно!

Кончу мое марапіе; вы видите, что я, не глядя на развлеченіе и болѣзнь, отпѣлъ вамъ все, что было на сердцѣ. Богъ вѣсть за что я прослылъ у васъ человѣкомъ неисправимымъ. Въ отечествѣ никто пророкомъ не бывалъ. Къ К. О. ¹⁾ писалъ, еще буду писать по приѣздѣ въ Неаполь. Всѣмъ знакомымъ усердно кланяюсь и цѣлую ручки у Лизаветы Марковны ²⁾. Всему дому и Алексѣю Алексѣвичу ³⁾ бью челомъ. Крылову, Ермолаеву ⁴⁾ и Гнѣдичу усердное почтеніе; послѣдній, надѣюсь, писать будетъ. Пришлите мнѣ русскихъ книгъ и новостей, г. президентъ бібліотеки, и скажите Сергѣю Семеновичу ⁵⁾ и Тургеневу ⁶⁾, что я ихъ задую письмами изъ отечества Тассова. Простите!

Здѣсь великій князь, ласковый къ русскимъ, и котораго мы любимъ болѣе здѣшняго солнца ⁷⁾. Спѣшу поздравить его и министра съ карнаваломъ, который начался дождемъ и кончится дракою и шумомъ. Мы здѣсь ходимъ посреди развалинъ и на развалинахъ. Самый карнавалъ есть развалина Сатурналіи, но эти праздники такъ мнѣ надоели отъ самой Венеціи, что я желалъ бы видѣть будни *e l'alina tranquillita*. Она у васъ вполне въ Петербургѣ; пользуйтесь ею и не завидуйте нашему климату и чудесамъ искусства. Здѣсь зло ходить объ руку съ добромъ. Здѣсь все состарилось, и умъ, и сердце, и душа человѣческая. Но я не устану здѣсь васъ любить и почитать. Слышу выстрѣлы во всѣхъ улицахъ, залпъ за залпомъ. Шумъ ужасный! Не пугайтесь: карнавалъ. У насъ теперь на Руси катаются мирно съ горъ, играютъ въ бостонъ и танцуютъ. Здѣсь болѣе шуму, но не болѣе веселья для иностранцевъ. Но здѣсь Колизей, который мнѣ и во снѣ снится. Это лучший комментарий на римскую исторію.

Константинъ Батюшковъ.

Великій князь заказываетъ картины Щедрина и работы Крылову ⁸⁾ и Гольбергу ⁹⁾; это имъ по сердцу. Кипренскій подноситъ ему голову ангела: прелестное, но истиннѣе лучшее его произведеніе.

Сообщено П. Н. Батюшковымъ.

¹⁾ Екатерина Федоровна Муравьева, вдова Михаила Никитича, урожд. Колокольцова (р. 1771 г. † 21-го апрѣля 1848 г. въ Москвѣ).

²⁾ Жена А. Н. Оленина, урожд. Полторацкая (р. 2-го мая 1768 г. † 3-го іюля 1838 г.).

³⁾ Сынъ Алексѣя Николаевича, д. с. с. (р. 30-го мая 1893 г. † 25-го декабря 1855 г.).

⁴⁾ Александръ Ивановичъ (р. 1780 г. † 10-го іюня 1823 г.), археологъ и нумизматъ, ученикъ академіи художествъ. Съ 1816 года хранитель манускриптовъ императорской публичной бібліотеки, а съ 1818 года конференцъ-секретарь академіи художествъ. Крыловъ и Гнѣдичъ также служили въ публичной бібліотекѣ.

⁵⁾ Уваровъ.

⁶⁾ Александръ Ивановичъ.

⁷⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ путешествовалъ въ это время по Италіи.

⁸⁾ Михаилъ Григорьевичъ, скульпторъ, † 1846 году. Живя въ Италіи, сблизился съ Кановою, который признавалъ въ немъ замѣчательный талантъ. Въ академіи художествъ находится извѣстная его статуя «Бойцы», исполненная въ 1833 году.

⁹⁾ Самуилъ Ивановичъ, профессоръ скульптуры (р. 2-го декабря 1787 г. † 10-го мая 1839 г.). Въ 1818 году былъ посланъ въ Италію, гдѣ провелъ 10 лѣтъ.

С М Ъ С Ъ.

СТОЛБТННЯ годовщина кончины Хемницера. 20-го марта 1774 года, въ Смирнѣ умеръ, 39-ти лѣтъ, нашъ генеральный консулъ Хемницеръ. Только за пять лѣтъ до его смерти, немногочисленная читающая публика этой эпохи узнала, что въ свободное от служебныхъ занятій время, этотъ консулъ съ нѣмецкой фамиліей пишетъ русскія басни. Маленькій томъ этихъ басенъ съ никому неизвѣстнымъ именемъ Хемницера имѣлъ большой успѣхъ въ небольшомъ кружкѣ тогдашней интеллигенціи. Стали узнавать, что за человекъ этотъ писатель? Оказалось, что это сынъ военного лекаря, родившійся въ Енотаевской крѣпости, только что три года передъ тѣмъ основанной. По русски мальчикъ началъ учиться поздно, выучившись прежде своему родному, нѣмецкому языку. Ему было уже 11-й годъ, когда отецъ рѣшился оставить Астрахань, гдѣ жилъ послѣднее время, и перебраться въ Петербургъ съ женою и тремя дѣтьми. Въ дорогѣ мальчикъ чуть не пропалъ, отойдя въ темнотѣ отъ повозки и заблудившись въ степи. Его съ трудомъ отыскалъ калмыцкій конвой. Въ Петербургѣ отецъ сталъ готовить сына къ званію медика, но мальчикъ на 13-мъ году поступилъ въ солдаты Нотебургскаго полка, а отецъ, какъ штаб-лекаръ, долженъ былъ идти съ арміею въ прусскій походъ. Въ 1759 году, отецъ съ сыномъ сошлись въ Эльбингѣ, а черезъ 12 лѣтъ Хемницеръ вышелъ въ отставку перучикомъ, «не бывъ въ баталіи, а употребляясь для случающихся курьерскихъ посылокъ». Отставной поручикъ поступилъ въ горное вѣдомство гиттенфервальтеромъ, потомъ сдѣланъ былъ маркшейдеромъ, ѣздилъ съ начальникомъ горнаго училища за границу, объѣхалъ Германію, Голландію, Францію и, въ 1769 году, напечаталъ «Басни и сказки N N», безъ обозначенія своего негромкаго имени. Въ 1781 году, онъ долженъ былъ, вслѣдъ за своимъ начальникомъ, выйти въ отставку. Другъ его, Львовъ, выхлопоталъ ему мѣсто консула въ Смирнѣ, гдѣ Хемницеръ умеръ черезъ полтора года, жертвою недуговъ и тяжелаго положенія. Біографы увѣряютъ, что тѣло его погребено въ Николаевѣ, тогда какъ Николаевъ началъ только возникать въ 1788 году, и что на гробницѣ была вырѣзана эпитафія, имъ же самому себѣ написанная и подходящая ко всѣмъ подобнымъ ему труженикамъ:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

И этотъ уроженецъ нѣмецкаго городка Хемницъ, до конца жизни писавшій стихи на своемъ родномъ языкѣ, писалъ однако и первыя русскія басни (уродливый басни Хераскова, явившіяся нѣсколько раньше, только по формѣ принадлежать къ этого рода произведеніямъ) несомнѣнно послужившія образцомъ баснямъ Крылова. Академія наша, выбравшая Хемницера своимъ сочленомъ, за два мѣсяца до его смерти,—за басни или и за его «Кобальтословіе» и другія сочиненія по горной части—не сдѣлала даже никакого «защданія» въ память этого даровитаго писателя. Впрочемъ, ей надо быть благодарнымъ и за то, что она, еще въ 1873 году, выпустила въ свѣтъ 37-е полное изданіе сочиненій и писемъ Хемницера, гдѣ помѣщены даже черновые наброски его басенъ и его записная книжка—изданіе вполне академическое и прекрасно составленное.

Доисторическія находки г. Нефедова. На рѣкѣ Ветлугѣ, въ такъ называемомъ «Ветлужскомъ городищѣ», въ верстѣ отъ села Николо-Одоевскаго и деревни Мундура, г. Нефедовъ сдѣлалъ любопытныя открытія слѣдовъ каменнаго вѣка въ Россіи, именно, цѣлой «фабрики», на которой выдѣлывались разнаго рода предметы и домашнія утварь этой эпохи. Городище расположено на высокомъ мысѣ, и на вершинѣ его стоитъ древняя часовня. Цѣлое мѣсто разрывали городище и на глубинѣ десяти футовъ, въ пластѣ перегорѣлаго песку и золы, нашли пять большихъ очаговъ или «пещищъ», въ которыхъ еще валялись куски не совсѣмъ перегорѣвшаго дерева. По сторонамъ очаговъ—ямы, въ которыхъ вѣроятно жили мастера; все городище наполнено углемъ, костями животныхъ, черепками глиняной посуды, кремнями и каменными орудіями, а въ мѣстахъ поглубже нашлись цѣлые склады кремневыхъ орудій. Производство шло, очевидно, на широкую ногу, и намъ осталась отъ этой «фабрики» еще цѣлая масса необработаннаго матеріала (кремней, черный сланецъ, розоватый песчаникъ и множество костей животныхъ). Найденныя издѣлія отличаются примитивностью работы: одни предметы почти безформенны, другіе хотя имѣютъ фигуру, но сдѣланы крайне грубо. Даже на мелкихъ вещахъ, требовавшихъ отъ мастера болѣе тонкой отдѣлки (пилки, стрѣлки, иглы, шила, рыболовные крючки) незамѣтно признаковъ полировки. Издѣлія изъ глины также носятъ первобытный характеръ обработки и свидѣтельствуютъ, что «древній человѣкъ» Приветлужья не зналъ еще гончарнаго искусства. Нигдѣ на Ветлугѣ нѣтъ каменныхъ породъ, собранныхъ на «фабрикѣ», и весь матеріалъ, очевидно, перетащенъ съ Унжи, для обработки его здѣсь посредствомъ огня. Кремней, подъ вліяніемъ каменя, обрабатывался въ надлежащую форму и, между прочимъ, въ форму стрѣлы. Доисторическій человѣкъ Приветлужья жилъ, какъ и древнѣйшіе западные люди, у воды, въ ямахъ или землянкахъ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ первобытнымъ оленемъ и пещернымъ медвѣдемъ. Занимался онъ охотой и рыболовствомъ, дѣлалъ себѣ украшенія и орудія изъ костей и камня; за обѣдомъ особенно любилъ высасывать мозгъ изъ костей убитаго звѣря. Зачатки ремесла и рукодѣлій существовали уже. Узоры и фигурки на глиняной посудѣ доказываютъ пробужденіе эстетическаго чувства; древнія дамы носили уже разноцвѣтные серьги. Нашелъ г. Нефедовъ и два кремня, на которыхъ изображены человѣческія головы съ маленькими рожками.

Археологическія изслѣдованія. Въ послѣднемъ засѣданіи археологическаго общества дѣлали сообщенія: писатель В. В. Крестовскій—«о курганахъ Средней Азіи» и архитекторъ Султановъ—«о русскомъ храмѣ XVII вѣка». Г. Крестовскій передавалъ свои наблюденія надъ видѣнными имъ курганами. Первые изъ курганныхъ насыпей встрѣчены имъ въ мѣстахъ, называемыхъ Голодной степью, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Ходжента, въ той мѣстности,

гдѣ находятся слѣды древнихъ арыковъ. Искусственное происхожденіе этихъ кургановъ можно наблюдать и теперь въ Бухарѣ. Всѣ эти курганы приходится встрѣчать только въ мѣстахъ населенныхъ или бывшихъ населенными. Курганы имѣютъ форму батарей, безъ рва, и фронтомъ обращены къ горамъ, къ востоку или юго-востоку. Очевидно, врагъ тѣснилъ азіатскихъ жителей съ горъ и эти курганы были ихъ сторожевыми укрѣпленіями. Сглаженная форма кургановъ встрѣчается и у насъ въ новороссійскихъ степяхъ. Образование кургановъ мѣстное преданіе относитъ ко временамъ Чингис-Хана, который, отправляясь въ походъ съ 60,000 войска, велѣлъ каждому воину насыпать по горсти земли, и тоже, возвращаясь съ похода, и, такимъ образомъ, высоту двухъ кургановъ измѣрить убыль въ своихъ войскахъ. Но эта легенда общая всѣмъ курганамъ. Кромѣ сторожевыхъ кургановъ, встрѣчаются часто курганы могильные и курганы кладбищенскіе. Последніе служатъ кладбищами въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Въ оазисахъ, гдѣ земля очень дорога, начинали хоронить на ровномъ мѣстѣ сперва, а затѣмъ кладбище постоянно росло и растетъ вверхъ. Есть еще курганы молотильные, предназначенные для молотбы, исключительно находящіеся только въ оазисахъ. Великій князь Николай Константиновичъ, проводя арыкъ въ 70 верстахъ отъ Ташкента, при раскопкѣ одного кургана нашелъ нѣсколько весьма любопытныхъ браслетовъ оригинальной формы; браслеты изъ сплава въ родѣ бронзы, въ которомъ однако большая часть находится серебра. Браслеты и другіе предметы, найденные въ курганахъ, переданы въ ташкентскій музей. Г. Султановъ представилъ въ продолжительной бесѣдѣ интересный очеркъ русскаго искусства въ XVII вѣкѣ, самымъ типичнымъ выразителемъ котораго являются русскіе храмы.

† 26-го марта скончался, на 64-мъ году, нѣкогда извѣстный экономистъ **Иванъ Васильевичъ Вернадскій**. Онъ началъ свою ученую карьеру въ Кіевѣ, гдѣ получилъ среднее и высшее образованіе. Около десяти лѣтъ онъ занималъ кафедру въ университетѣ св. Владиміра политической экономіи и статистики. Въ началѣ 50-хъ годовъ, перейдя на службу въ министерство финансовъ, онъ перенесъ также въ Петербургъ свою ученую дѣятельность и сталъ издавать ежепедѣльный специальный журналъ, подъ названіемъ «Экономическій Указатель». Журналъ этотъ пользовался нѣкоторое время успѣхомъ. Кромѣ того, Вернадскій былъ долго усерднымъ дѣятелемъ вольно-экономическаго общества, сперва въ качествѣ предсѣдателя комитета грамотности, затѣмъ многіе годы — предсѣдателя политико-экономическаго комитета. Петербургскій климатъ надломилъ здоровье И. В. Вернадскаго и онъ вынужденъ былъ перейти на службу въ Харьковъ, гдѣ получилъ должность управляющаго конторою государственнаго банка. Последніе годы жизни, при непрерывавшемся болѣзненномъ состояніи, со времени постигшаго его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нервного удара, Вернадскій провелъ въ Петербургѣ.

† 7-го марта, въ кирхшлѣ Самматі, Юландской губерніи, въ родной своей деревнѣ, умеръ, на 83-мъ году, писатель, поэтъ и извѣстный собиратель финской народной поэзіи **Элиасъ Ленротъ**. Онъ былъ окружнымъ врачомъ въ Каянѣ, затѣмъ профессоромъ финскаго языка и литературы въ гельсингфорскомъ университетѣ. Плодомъ его многолѣтняго труда было отысканіе извѣстной поэмы о приключеніяхъ баснословнаго финскаго героя Вейнемейнена. Эта поэма, названная «Калевалою», издана была финскимъ литературнымъ обществомъ въ 1835 году. Финская поэма извѣстна и русскимъ читателямъ по переводу Я. Грота. Кромѣ «Калевалы» Ленротъ издавалъ еще обширный сборникъ лирическихъ финскихъ пѣсень, подъ названіемъ «Кантелы». Отрывки изъ этого собранія также переведены на русскій языкъ. Последніе годы жизни Ленротъ провелъ въ своемъ помѣстьѣ Тамми, въ томъ же приходѣ, гдѣ родился, и тамъ его посѣщали литераторы и ученые Финляндіи и

Швеції. Онъ ввелъ въ финскій языкъ множество научныхъ терминовъ и издалъ «Финско-шведскій лексиконъ», надъ которымъ трудился болѣе 15-ти лѣтъ. За сочиненіе «О магической медицинѣ финновъ» онъ получилъ званіе доктора медицины. Онъ издавалъ народный журналъ «Пчела», составлялъ сочиненія по ботаникѣ и законовѣдѣнію и т. п. Финская литература потеряла въ немъ своего лучшаго дѣятеля.

† 12-го марта въ Парижѣ скончался извѣстный историкъ и деканъ французской академіи, Франсуа-Огюсть-Минье. Онъ родился 1796 года въ городѣ Э, прошелъ тамъ, вмѣстѣ со своимъ другомъ Тьеромъ, курсъ юридическихъ наукъ и въ 1818 году былъ принятъ въ сословіе адвокатовъ. Успѣхъ написаннаго имъ конкурснаго сочиненія: «De l'état du gouvernement de saint Louis et des institutions de ce prince», которое было признано академіею достойнымъ высшей премии, побудилъ Минье отказаться отъ занятій адвокатурою и посвятить себя литературѣ. Въ 1821 году онъ переселился въ Парижъ, познакомился съ журналистами оппозиціоннаго лагеря и сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ либеральной газеты «Courrier Français». Въ 1830 году онъ перешелъ въ редакцію газеты «National», только-что основанной другомъ его Тьеромъ. Къ тому же періоду его дѣятельности относятся лекціи, читанныя имъ въ Athénée, и появленіе его знаменитой «Исторіи французской революціи». Въ этой книгѣ, написанной прекраснымъ слогомъ, отдѣльными событія французской революціи впервые были приведены въ систему и между ними установлена органическая связь. Послѣ іюльской революціи, въ которой онъ принималъ участіе въ числѣ журналистовъ, протестовавшихъ противъ королевскихъ указовъ, Минье былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта и получилъ мѣсто директора богатаго драгоценными и важными матеріалами архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ 1832 по 1835 годъ Минье былъ членомъ палаты депутатовъ. При основаніи пятаго отдѣленія института (Académie des sciences morales et politiques), въ 1832 году, Минье былъ назначенъ сначала членомъ, а впослѣдствіи секретаремъ этого отдѣленія, членомъ же французской академіи — въ 1836 году. Остроумныя рѣчи, которыя были произнесены имъ въ качествѣ секретаря означеннаго отдѣленія института, напечатаны въ «Notices et mémoires historiques» (1843—1854). Минье издалъ также прекрасный трудъ: «Négociations relatives à la succession d'Espagne». Февральская революція лишила его мѣста, а послѣ государственнаго переворота 2-го декабря 1851 года онъ отказался и отъ должности предсѣдателя историческаго комитета. Съ тѣхъ поръ Минье совсѣмъ удалился въ частную жизнь и посвятилъ себя исключительно историческимъ изслѣдованіямъ. Изъ сочиненій его особенное вниманіе обратили слѣдующія: «Antonio Perez et Philippe II» (1845), «Charles-Quint, son abdication, son séjour et sa mort au monastère de Yusti» (1854), «Histoire de Marie Stuart» (1850, 2 т.), «Rivalité de François I et de Charles-Quint» (1875).

† Надняхъ умеръ во Флоренціи замѣчательный итальянскій писатель и гражданинъ Джіамбатиста Джуліани, одинъ изъ послѣднихъ членовъ славной группы писателей-патріотовъ, которые поднятіемъ народнаго духа въ Италіи много содѣйствовали ея освобожденію и объединенію. Джуліани родился въ 1818 году въ Пьемонтѣ, воспитывался въ духовномъ училищѣ, и еще семнадцатилѣтнимъ юношей принялъ монашество. Девятнадцати лѣтъ онъ преподавалъ математику въ Римѣ, но усиленные труды надломили его силы и заставили переселиться въ Неаполь. Во время болѣзни онъ принялся изучать Данте и задался мыслью популяризовать нравственныя и политическія истины, извлеченныя изъ сочиненій великаго флорентинца. Онъ написалъ рядъ произведеній, которыя скоро поставили его въ главѣ комментаторовъ Данте. Когда началось политическое движеніе 1848 года, общій потокъ увлекъ и Джуліани. Онъ получилъ кафедру философіи и литературы въ генуэзскомъ уни-

верситетѣ и приобрѣлъ огромное вліяніе надъ молодежью, какъ членъ генуэзской ревизіонной юнты. Несмотря на то, что ему еще тогда не минуло требуемыхъ закономъ тридцати лѣтъ, Генуя его дважды избирала своимъ депутатомъ, но онъ оба раза отказывался. Когда въ Геную пришло извѣстіе объ изгнаніи 23-го марта 1848 года изъ Милана австрійцевъ, Джуліани одинъ изъ первыхъ бросился въ церковь, отслужилъ благодарственный молебенъ и произнесъ пламенную рѣчь. Влекомый пристрастіемъ къ роднѣ излюбленнаго поэта, Джуліани проводилъ каникулярное время въ странствованіи по тосканскимъ городамъ и селамъ, гдѣ изучалъ народный языкъ и собиралъ образцы народной поэзіи. Итальянская литература обогатилась его замѣчательными филологическими изслѣдованіями и книгой: «*Moralita e poesia del vivente linguaggio toscano*», которую итальянцы называютъ золотомъ. Съ освобожденіемъ въ 1859 года Тосканы, во Флоренціи былъ открытъ институтъ высшихъ наукъ, а въ немъ—«*Кафедра Божественной Комедіи*». Последнюю отдали въ распоряженіе Джуліани. Онъ занималъ ее въ теченіи 25 лѣтъ, до самой смерти, публично изъясняя произведенія поэта, которому придавалъ большое воспитательное значеніе.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Совпаденіе малороссійскаго преданія съ испанскимъ романомъ.

Недавно мнѣ пришлось имѣть въ рукахъ нѣсколько книжекъ журнала «Кіевская Старина» за 1883 годъ; просматривая ихъ, я обратилъ вниманіе на помѣщенную въ іюльской книжкѣ этого журнала статью Ст. фонъ-Носа: «Украинскій Соломонъ, его кейфъ и судъ,—по фамильнымъ воспоминаніямъ». Это — маленькая исторійка о житьѣ-бытьѣ и правосудіи сотника мѣстечка Смѣлаго, близъ Роменъ, Тарана. Послѣ разсказа о привольной, беззаботной жизни смѣлянскаго сотника въ былые дни гетманщины, авторъ приводитъ случай, утвердившій за сотникомъ Тараномъ названіе украинскаго Соломона.

Правосудіе сотника, давшее ему такое почетное названіе, выразилось по поводу слѣдующаго событія.

Въ то время, когда сотникъ Таранъ, по обыкновенію своему, наслаждался на ганку стамбулкою, къ нему явилась дѣвчина Гапка Левандівна съ жалобой на Корвіа Заволоку, который будто бы обезчестилъ ее. Первый вопросъ сотника заключался въ предложеніи, согласится ли она, послѣ такого безчестія, выйти замужъ за обидчика? Но та съ негодованіемъ отвергнула это предложеніе и выразила требованіе взыскать съ него за безчестіе. Сотникъ вызвалъ къ себѣ Заволоку и присудилъ его къ уплатѣ пострадавшей двадцать золотыхъ. На другой день Заволока безотговорочно внесъ сотнику присужденную сумму. Деньги, разумѣется, тотчасъ же были выданы Гапкѣ, которая, внѣ себя отъ радости, спрятала ихъ за пазуху и, поблагодаривъ сотника, поспѣшила къ себѣ домой; но едва она скрылась, какъ сотникъ призываетъ къ себѣ Заволоку и приказываетъ ему какъ можно скорѣе бѣжать за Гапкой и отнять отъ нея свои деньги, причѣмъ сотнику, конечно, не пришлось долго уговаривать Заволоку. Бросившись стремглавъ за Гапкой, онъ живо ее нагналъ и прямо къ ней за пазуху; но та съ силой оттолкнула его отъ себя и мигомъ пустилась къ сотницкому крыльцу.

— Такъ отъ, добродію,—начала она:—якъ вінъ шанується! Що ему ваша, выбачайте, кара? Тільки я за двірѣ, а вінъ за мною, та заразъ до пазухи, та трохи грошей не выдеръ.

— И щожъ, отнявъ? спросилъ сотникъ.

— Эге, отнявъ! Я якъ штурхнула ёго, то вінъ и тину доставъ.

— Ну, а тогді... чомъ же ты не штурхнула ёго, якъ вінъ теечки, якъ ёго!? Лавадівна и глаза потушила.

— Ну, небого, давай же назадъ гроши! Да впередъ не скажи, а то звелю пелену тобі подрізати и голову дегтемъ вымазати, та ще и пір'я натыкати. Така тобі буде честь!..

Такимъ образомъ, сотникъ призналъ, что если Гапка не допустила Заволоку ограбить ее, то, конечно, она могла защитить и честь свою. Неосновательность обвиненія сдѣлалась очевидною, и потому сотникъ, подозвавъ къ себѣ Заволоку, тотчасъ же возвратилъ ему двадцать золотыхъ съ должнымъ наставленіемъ, какъ слѣдуетъ казаку держать себя предъ дѣвчинами, подобными Гапкѣ.

Мѣстный дьячекъ, узнавъ о такомъ правосудномъ рѣшеніи сотника Тарапа, произвелъ его въ «украинскіе Соломоны», «и съ легкой руки дьячка—заключаетъ авторъ свой рассказъ—утвердилось за сотникомъ смѣльнымъ, Тараномъ, названіе украинскаго Соломона, и сохранилось оно за нимъ въ фамильномъ преданіи»...

Рассказъ этотъ, основанный, по увѣренію автора, на фамильныхъ воспоминаніяхъ, обращаетъ на себя вниманіе потому, что точно такое же событіе передано въ извѣстномъ испанскомъ романѣ Сервантеса — «Донъ Кихотъ Ламанчскій» (ч. II, глава XLV, стр. 342—343, перев. Карелина, Спб. 1866 г.)—и притомъ съ такимъ сходствомъ, что даже сумма вознагражденія потерпѣвшей въ томъ и другомъ случаѣ одинакова — 20 золотыхъ монетъ; разнича оказывается лишь въ томъ, что въ романѣ «Донъ Кихотъ» мѣсто дѣйствія и дѣйствующія лица другія, а именно, событіе происходитъ на островѣ Бараторія, а вмѣсто сотника новымъ Соломономъ является губернаторъ острова, бывший оруженосецъ Донъ Кихота, Санчо Пансо.

Чѣмъ объяснить такое совпаденіе разсказа изъ жизни малороссійскаго сотника съ однимъ изъ событій, вышедшимъ изъ-подъ пера даровитаго испанскаго романиста? Малороссійское ли преданіе позаимствовано изъ испанскаго романа, или же — что едва ли, впрочемъ, возможно допустить — до испанскаго романиста дошло извѣстіе о распространенной въ Малороссіи легендѣ о правосудіи сотника, или, наконецъ, не есть ли это простое, чисто случайное совпаденіе?

Не задаваясь мыслію разрѣшать эти недоумѣнія, я указываю лишь на весьма странное совпаденіе между малороссійскимъ преданіемъ временъ гетманщины и испанскимъ романомъ, появившемся въ свѣтъ въ 1604 году.

М. Городецкий.

Новыя дополненія къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей.

Къ помѣщеннымъ мною въ «Историческомъ Вѣстникѣ» матеріаламъ для составленія словаря псевдонимовъ русскихъ писателей я считаю не лишнимъ добавить слѣдующіе псевдонимы и буквенныя подписи, собранныя мною за послѣднее время:

А.

А. В. («Новое Время» 1883 г.) — А. Н. Масловъ.

А. В. В. (книга: «Митрополитъ сербскій Миканлъ», 1882 г.) — А. В. Васильевъ.

А. В—щ—н—к. («Вѣстн. Евр.» 1883 г.) — О. С. Стулли.

Александръ С. («Петерб. Листъ») — А. А. Соколовъ.

Анна Барвинокъ (малорос. пов.) — Александра И. Кулишъ.

А. О. Р. («Русск. Стар.» 1883 г.) — А. О. Рейнботъ.

Б.

Б. Д. («Нов. Вр.», № 2638) — К. Э. Веберъ.

Б. Д. В. («Искусство» и др.) — онъ же.

В.

В. Ан. («Записки учителя») — В. И. Анофриевъ.

В. Б. («Нов. Время») — В. П. Буренинъ.

В. К. (сельскохоз. журналы) — В. И. Ковалевскій.

Вл. С—въ («Нов. Время» 1883 г.) — В. С. Соловьевъ.

Волжановъ Д. («Искусство») — Д. Н. Садовниковъ.

В. П. («Ребусъ») — В. Прибытковъ.

Г.

Г—довъ («Сарат. Дневн.») — Т. И. Герольдовъ.

Графъ Виберштейнъ (малор. пов.) — Ф. Левицкій.

Гриневицъ Н. («Русск. Богат.») — Н. Алексѣевъ.

Д.

Другъ Кузьмы Пруткина («Гражданинъ» 1878 г., № 23—25) — О. М. Достоевскій.

Дядя Митай («Осколки») — Д. Д. Тогольскій.

Е.

Е. Г—пъ («Рос. Библиогр.», № 98) — Е. М. Гаршинъ.

Ж.

Жаприсъ («Литерат. Журн.») — Д. Н. Садовниковъ.

И.

Иванъ Нечуй (малор. пов.) — И. С. Левицкій.

И. Пл. («Записки учит.») — И. А. Плетневъ.

К.

К. Г. («Сарат. Листъ») — И. П. Горизонтовъ.

Кирилловъ («Карм. словарь иностр. словъ», Спб. 1845—1846 г.) — М. Буташевичъ-Петрашевскій.

Кіевскій («Иллюстр. Міръ») — С. А. Бердяевъ.

Кн. Е. Г—на («Воспомин. о Крымѣ», М. 1881 г.) — кн. Е. Гагарина.

Кохнивченко (малор. пов.) — Г. Клейфъ.

Л.

Л. А. («Голосъ») — Л. Н. Антроповъ.

Линеикинъ (малор. пов.) — М. Туловъ.

М.

М—ій («Отеч. Зап.» 1857 г., № 8) — О. М. Достоевскій.

М. К. («Записки учит.») — М. Н. Казецкая.

М. С. («Вѣстн. Евр.») — М. М. Стасюлевичъ.

М—скій С. («Землед. Газ.») — С. А. Марковский.
 Муха («Пет. Лист.») — А. Плещеевъ.

Н.

Н. А. Вроцкій («Рус. Рѣчь») — Навроцкій А. А.
 Не-гомеопатъ («Нов. Время» 1881 г.) — А. М. Бутлеровъ.
 Нелидова («Вѣстн. Евр.») — г-жа Ломовская.
 Николай Ивановъ («Оса» и др.) — Н. И. Шульгинъ.
 Н. Ш — въ («Дѣло») — Н. В. Шелгуновъ.
 Н. Ш. («Записки учнт.») — Н. И. Щедровъ.
 Н. («Новости» 1883 г., ст. «Наши артисты въ Италіи») — А. Поповъ.
 Н. («С.-Петербург. Вѣд.» 1873 г., № 23) — А. И. Сомовъ.

О.

О. А. Охтенская («Иллюстр. Міръ») — О. А. Ленко.
 Описимъ Черяпскій («Буд.») — Ч. Ч. Ясинскій.

П.

П. Л. («Сарат. Лист.») — П. Лебедевъ.
 П. Н. Т. («Вѣстн. Изящ. Искусств.») — П. Н. Петровъ.
 Посторонній («Отеч. Зап.») — Н. К. Михайловскій.
 П. П. Г — чъ («Нива») — П. П. Гнѣдичъ.

Р.

Рада-Бай («Рус. Вѣстн.») — Е. П. Блаватская.
 Рускинъ Л. («Новости») — Н. Н. Фирсовъ.
 Р. Ч. («Морск. Сборн.» 1860—1874 г.) — А. В. Фрейтангъ.
 Р. Ч — ь («Морск. Сборн.») — онъ же.

С.

Сергѣй Запоза («Гудокъ») — С. Н. Терпигоревъ.
 — скій, («Кіевлянинъ») — П. Савлучинскій.
 С. Ф. П. («Искусство» 1883 г.) — С. Ф. Пивоваровъ (актеръ).
 Сѣверовъ Н. («Иллюстр. Міръ») — Л. П. Турба.

Ф.

Фру-Фру («Развлеч.») — Т. П. Герольдовъ.
 Ф. Ч. («Нов. Время» 1883 г.) — Ф. В. Вишневыскій.

Ч.

Чехонте (юморист. журн.) — А. П. Чеховъ.

Ш.

Шардинъ А. (Соврем. журн.) — П. П. Сухонинъ.

Э.

Эль («Сарат. Лист.») — Н. В. Лебедевъ.
 Эсъ Гэ («Волга» и «Сар. Лист.») — С. В. Гусевъ.

Ю.

Юсковскій («Церк.-Общ. Вѣстн.») — И. Д. Павловскій.

Ф.

Ф. И. («Изв. Слав. Вл. Общ.») — Ф. М. Истомина.

Въ помѣщенный въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ списокъ псевдонимовъ вкрались слѣдующія опечатки: вмѣсто А. Жикмонъ слѣдуетъ А. Жакмонъ; вмѣсто Иванъ Краткій — Иванъ Кроткій; вмѣсто И. Иванютенковъ — И. Иванюшенковъ.

Вячеславъ Катаневъ.

АНТИЧНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ П. А. САБУРОВА.

УДѢЛА коллекции П. А. Сабурова, бывшего русского посла въ Берлинѣ, занимавшая недавно всѣхъ любителей и знатоковъ античнаго искусства, рѣшена, наконецъ. Администрація нашего Эрмитажа очень хлопотала о приобрѣтеніи собранія терракоттъ изъ этой коллекции и хлопоты ея увѣнчались успѣхомъ. Въ то время какъ берлинскій музей успѣлъ купить всѣ Сабуровскіе мраморы, вазы и бронзы, по словамъ «Художественныхъ Новостей», заплативъ за нихъ баснословную цѣну, всѣ терракоты остались за нами. Число всѣхъ предметовъ, купленныхъ Эрмитажемъ за сто тысячъ рублей, простирается до 233. Кромѣ терракоттъ, въ этомъ числѣ есть нѣсколько другихъ древностей, какъ формы для оттискиванія мелкихъ барельефовъ изъ глины, маски, стеклянные сосуды и египетскіе предметы.

Безъ сомнѣнія, нельзя не порадоваться приобрѣтенію такого художественнаго сокровища. И это не только изъ чувства патриотизма. Такимъ сокровищемъ имѣющаяся въ Эрмитажѣ коллекція антиковъ подобнаго рода значительно пополнится и вмѣстѣ съ Сабуровскими терракоттами составитъ такое собраніе этихъ памятниковъ искусства, какого нѣтъ нигдѣ въ мірѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что содержится въ коллекціи г. Сабурова, всѣ европейскіе авторитеты по части классическаго искусства признали ея высокое историко-культурное значеніе. Такіе знатоки, какъ Любке и Курциусъ, поспѣшили познакомить съ ней ученыхъ и художественный міръ Европы. Г. Сабуровъ самъ помогъ имъ въ этомъ, предложивъ въ прошломъ году изданіе снимковъ съ памятниковъ, входящихъ въ составъ коллекціи. Ученое обозрѣніе ея взялся исполнить докторъ Фуртвенглеръ; рисунки—мастеръ по этой части, Эйхлеръ, а техническая сторона изданія обезпечена извѣстностью фирмы Ашера. Теперь уже появились четыре выпуска этого «Sammlung Sabouroff» или «La Collection Sabouroff». Всѣхъ выпусковъ предполагается пятнадцать, въ каждомъ изъ нихъ помѣщается по десяти таблицъ.

Собраніе это отличается отъ всѣхъ подобныхъ ему во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно составлено прямо на мѣстѣ, въ бытность г. Сабу-

рова въ Афинахъ, и слѣдовательно заключаетъ въ себѣ произведенія подлиннаго греческаго искусства. Во вторыхъ, въ коллекціи встрѣчаются всевозможные виды антиковъ: памятники скульптуры изъ мрамора, рельефы изъ мрамора, бронзы, терракоты и росписныя вазы, а равно въ ней имѣютъ своихъ представителей всѣ вѣка и художественныя школы, къ тому же въ превосходныхъ образцахъ. Въ третьихъ, наконецъ, образцы выбраны изъ массы художественныхъ произведеній съ явнымъ вкусомъ и знаніемъ дѣла, такъ что тутъ нѣтъ ни одной вещи, которая не была бы замѣчательна или по своему изяществу, или же для исторіи искусства.

По вышедшмъ выпускамъ описанія коллекціи, содержащимъ сорокъ таблицъ, можно составить себѣ полное понятіе о коллекціи. Визьетки здѣсь рѣзаны на деревѣ; росписныя вазы воспроизведены хромофотографически въ ихъ натуральную величину, съ передачей по возможности точно штриховъ и тоновъ колорита; для произведеній скульптуры примѣнена гелиография, тоже сдѣлано и относительно нѣкоторыхъ статуэтокъ изъ обожженной глины, въ которыхъ краска имѣетъ малое значеніе. Остальныя терракоты воспроизведены въ чертахъ съ помощью самаго обсега, а затѣмъ рисунки и раскрашиваніе исполнены отъ руки съ соблюденіемъ тоновъ краски, сохранившихся въ оригиналахъ. Но суть, однако, не только въ пріятной для глазъ красотѣ предметовъ коллекціи.

Послѣдняя вводитъ современнаго изучателя въ самую глубь античной жизни, наглядно доказывая, насколько памятники искусства должны служить необходимымъ дополненіемъ и разъясненіемъ писаннаго преданія. Исторія Греціи намъ можетъ быть извѣстна съ начала до конца ея, но самый народъ остается для насъ чуждымъ, когда рѣчь идетъ только о государственныхъ людяхъ и полководцахъ его, о войнахъ и государственныхъ преобразованіяхъ, о побѣдахъ и пораженіяхъ. Все это оказывается лишь экстраординарнымъ, необычайнымъ, исключительнымъ. И понятно почему. Греческіе писатели не имѣли никакого повода описывать заурадную и обыденную жизнь своихъ соотечественниковъ, стараясь лишь о занесеніи въ свои лѣтописи выдающихся фактовъ и насколько не заботясь о чужеземцахъ или о позднѣйшемъ потомствѣ. Если и встрѣчаются свидѣтельства о внутреннемъ бытѣ народномъ, какъ у Фукидита, впервые начавшаго подумывать о потомствѣ, то они касаются главнымъ образомъ переменъ, постигавшихъ жизнь народную вслѣдствіе международныхъ войнъ и партійныхъ распрей. Все это — симптомы упадка, патологическія явленія. Объ условіяхъ же нормальной жизни въ древности не сохранилось никакихъ писанныхъ преданій. И тамъ, гдѣ исторія молчитъ, должны явиться ей на помощь памятники искусства. Такими-то памятниками, отражающими національную жизнь, независимо отъ вѣшнихъ переменъ, богата коллекція г. Сабурова.

Г. Сабуровъ составлялъ ее въ то время, когда производились раскопки въ Танагрѣ, пролившія новый свѣтъ на эллинское искусство. Тутъ оказалась масса статуэтокъ изъ обожженной глины, изъ которыхъ каждая была исполнена художественно и которыя по виду отличались неисчерпаемымъ разнообразіемъ. По нимъ уже можно было судить, насколько изобразительное или, какъ его принято называть, образовательное искусство составляло дѣйствительно достояніе народа во всей Греціи. Терракоты изъ Танагры находятся теперь въ большинствѣ европейскихъ музеевъ и во многихъ частныхъ коллекціяхъ, но въ составъ собранія г. Сабурова вошли наилучшіе ихъ образцы,

отличающіеся красотой, разнообразіем сюжетовъ и превосходной сохранностью. Эта галлерей танагрскихъ статуэтокъ пополнена сверхъ того подобными же произведеніями искусства изъ другаго Эвотійскаго города, Коринѳа, и изъ Малой Азіи. Это—или отдѣльныя фігуры, или цѣлыя группы, образно представляющія намъ различныя стороны домашняго быта, жизнь женщины и молодой дѣвушки, игры дѣвическія съ ихъ маленькими радостями и непріятностями. Вотъ, напримѣръ, двѣ дѣвушки состязаются въ игрѣ въ мячъ. По древнему обычаю, побѣжденная должна нести на спинѣ побѣдительницу, держащую мячъ въ рукѣ. Изъ числа извѣстныхъ того же типа терракоттъ образчикъ г. Сабурова — наилучшій, по мнѣнію Фуртвенглера. Въ такихъ-то образцахъ предъ нами раскрывается жизнь молодыхъ гречанокъ IV вѣка до Р. Х. Онѣ выступаютъ предъ нами съ своими голубыми глазами и русыми волосами; мы видимъ ихъ движенія, ихъ одѣянія; мы узнаемъ, какой цвѣтъ предпочитали онѣ для каждой части своей одежды, какъ красиво дѣлали онѣ складки на платьѣ, какъ ловко сидѣли шляпы на ихъ головкахъ, какія у нихъ были прически. Но это только внѣшность, свидѣтельствующая о вкусѣ гречанокъ, умѣвшихъ устранять все некрасивое съ тактомъ и съ врожденнымъ чувствомъ благородства и простоты. Изъ терракоттъ мы узнаемъ и еще кое-что поважнѣе. Это — пзанность во всемъ: во взглядѣ, въ движеніяхъ и осанкѣ. Все здѣсь кажется гармоничнымъ и въ мѣру, что, разумеется, безъ высокой степени умственнаго и нравственнаго образованія было бы невысказуемо.

И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ терракоттахъ есть атрибуты, указывающіе на высшую степень умственнаго образованія прекрасной половины эллиновъ. Вотъ дѣвушка сидитъ задумчиво и читаетъ или пишетъ что-то на воцаной доскѣ. А вотъ другая держитъ въ лѣвой рукѣ лиру, а правая поднята съ живостью, какъ бы въ знакъ того, что ея настроеніе идетъ отъ сердца. Здѣсь чувствуется родина Коринны, обучавшей юнаго Пиндара лирическому искусству. Не безызвѣстно, что въ средѣ эолійцевъ, населявшихъ Эвотию, женщины состязались съ мужчинами въ поэзіи и музыкѣ.

Коринѳскія терракотты имѣютъ свои особенности. Насколько танагріянки изящны, настолько въ коринѳянкахъ видно какое-то величіе, умѣющее возвыситься и облагородить ничтожное. Такъ, къ коринѳскимъ терракоттамъ принадлежитъ вышеупомянутая группа играющихъ въ мячъ; изъ Коринѳа же идутъ терракотты, представляющія двухъ подругъ, рядомъ стоящихъ, изъ которыхъ одна упирается рукой на плечо другой. Эта группа въ изданіи г. Сабурова снята дважды — гелиографически и на камнѣ. Въ ней тонко охарактеризованъ психологическій мотивъ. Видно, что подруги или сестры внутренне льнутъ одна къ другой и взаимно дополняютъ другъ друга. Болѣе слабая ищетъ опоры въ спутницѣ, смотрящей вдаль съ нѣкоторой гордой увѣренностью.

Открытія, которыми обязана современная наука раскопкамъ греческихъ могилъ, только-что начались. Важнѣйшія могилы еще не тронуты; но уже теперь по добытымъ памятникамъ искусства греческая жизнь представляется наглядно. Да и самое искусство оказывается инымъ по сравненію съ тѣмъ, какъ оно существовало въ тѣ времена, когда на государственный счетъ воздвигались мраморные храмы съ ихъ монументами, долженствовавшіе свидѣтельствовать о богатствѣ греческихъ городовъ и высотѣ ихъ художественнаго образованія. Здѣсь же, въ разсматриваемыхъ памятникахъ, искусство

является такое, какимъ мы не знали его у древнихъ грековъ,—искусство не публичное, не религиозное, а именно непосредственно соприкасающееся съ обыденной жизнью.

Большое значеніе имѣютъ въ коллекціи г. Сабурова и глиняные сосуды, найденные въ могилахъ: чаши, кувшины, сосуды для масла. Все это составляетъ натуральный символъ насущныхъ потребностей въ питъѣ и омовеніи, предполагаемыхъ у отошедшихъ въ вѣчность. Имѣется цѣлый рядъ глиняныхъ сосудовъ, изготовленныхъ нарочно при погребеніи покойниковъ, а также и множество нижнепелійскихъ вазъ съ изображеніемъ умершихъ. Въ коллекціи г. Сабурова, послѣ терракотъ, росписныя вазы—едва ли не самыя краснорѣчивыя памятники античной народной жизни, воспроизводящія образно и наглядно семейный бытъ грековъ. Таковъ, напримѣръ, превосходный экземпляръ свадебной вазы. Невѣста изъ родительскаго дома переходитъ въ домъ жениха. Неподвижная какъ статуя, она въ объятіяхъ у жениха на колесницѣ, которой правитъ одинъ изъ его друзей. Затѣмъ видны факелы; ихъ держитъ мать невѣсты. Впереди вырисовывается новый домъ, хозяйка котораго съ двумя факелами вышла навстрѣчу къ молодой, а за старой хозяйкой этого дома виденъ хозяинъ со скипетромъ, въ знакъ своего главенства.

Вообще, художественныя произведенія, собранныя г. Сабуровымъ, значительно расширяютъ кругозоръ нашихъ познаній античнаго міра, ближе знакомя насъ съ жизнью древнихъ грековъ, чѣмъ это было доступно до открытія подобнаго рода памятниковъ. Не слѣдуетъ забывать, что изученіе классическаго міра сдѣлало большіе успѣхи съ первыхъ десятилѣтій нынѣшняго столѣтія главнымъ образомъ потому, что классическія страны стали изслѣдоваться въ культурномъ отношеніи, чему помогло, помимо вновь открытыхъ письменныхъ свидѣтельствъ на мѣди и на камнѣ, тщательное изученіе всѣхъ большихъ и малыхъ памятниковъ искусства въ связи съ ихъ мѣстной отчизной. Образцы этихъ памятниковъ въ коллекціи г. Сабурова доставляютъ яркую и разностороннюю иллюстрацію жизни древнихъ, и въ этомъ отношеніи они должны занять почетное мѣсто въ нашемъ главномъ хранилищѣ художественныхъ произведеній.

Ө. В.

Савонарола.

Прошло семь лѣтъ. Савонарола провелъ ихъ въ тиши монастыря, вдали отъ свѣтской суеты, и ему казалось, что онъ, наконецъ, обрѣлъ тотъ миръ души, котораго никакъ не могъ найти, живя дома. Настоятель монастыря поручилъ ему заниматься съ новичками, и онъ съ любовью посвятилъ себя этому дѣлу. Обширная монастырская библіотека давала ему возможность удовлетворить свою жажду знанія, и онъ все свободное время проводилъ за книгами и рукописями, особенно подробно изучая исторію церкви, отъ самыхъ первыхъ временъ, когда христіане скрывались въ катакомбахъ и своею кровью расплачивались за вѣру, до современной ему эпохи, когда католическая церковь достигла величайшаго могущества и блеска и папскій дворъ своею пышностью началъ затмѣвать всѣ королевскіе дворы того времени.

И чѣмъ шире раскрывалась передъ взорами Савонаролы эта картина развитія и могущества римской церкви, тѣмъ яснѣе онъ видѣлъ недостатки ея. „Куда же дѣлись христіанское смиреніе и кротость?—восклицалъ онъ съ горечью,—гдѣ старые учителя и старые святые? Куда исчезли христіанская любовь и чистота минувшихъ временъ?“ У него явилось горячее желаніе обновить церковь, подготовить для нея лучшихъ учителей, и онъ еще съ большимъ рвеніемъ принялся за обученіе новичковъ, поступающихъ въ монастырь.

Настоятель доминиканскаго монастыря, въ которомъ находился Савонарола, обратилъ на него вниманіе, какъ на выдающагося монаха, и рѣшилъ сдѣлать изъ него проповѣдника. Сначала онъ послалъ Савонаролу въ его родной городъ Феррару, а затѣмъ во Флоренцію, въ знаменитый монастырь св. Марка. Савонарола обладалъ рѣдкимъ даромъ вліять на сердца своихъ слу-

шателей, такъ какъ говорилъ всегда съ величайшимъ убѣжденіемъ и пылкостью. Однажды, напримѣръ, онъ ѣхалъ на суднѣ изъ Феррары въ Мантую и дорогой, замѣтивъ, что гребцы ведутъ себя нехорошо, обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ. Его рѣчи такъ подѣйствовали на матросовъ, что они всѣ бросились къ его ногамъ и стали молить о прощеніи.

Но, несмотря на эту способность дѣйствовать на своихъ слушателей, Савонарола все-таки не имѣлъ во Флоренціи успѣха, какъ проповѣдникъ, такъ какъ голосъ у него былъ слабый и, кромѣ того, онъ не подчинялся существовавшимъ въ тѣ времена правиламъ краснорѣчія, требовавшимъ отъ проповѣдниковъ цвѣтистаго, изысканнаго языка. Прихожане, привыкшіе къ этимъ пріемамъ, не оцѣнили скромнаго монаха, который говорилъ имъ великія истины безъ всякой напыщенности и краснорѣчія. Блестящему флорентинскому обществу казался даже смѣшнымъ этотъ скромный проповѣдникъ, со своимъ тщедушнымъ видомъ, неуклюжими манерами и сиповатымъ слабымъ голосомъ. Но главное, что возстановило противъ Савонаролы флорентинское общество, было то, что онъ осмѣлился нападать на пороки и маловѣріе свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Онъ видѣлъ, что всѣ эти люди поклоняются только одному кумиру, золоту, что бѣдные раболѣпствуютъ передъ богачами, и прямо говорилъ объ этомъ людямъ, указывая имъ ихъ поступки. Такія проповѣди не нравились ни богачамъ, привыкшимъ къ раболѣпству толпы, ни тѣмъ, которые привыкли раболѣпствовать, и поэтому церковь во время проповѣдей Савонаролы была почти пуста. Друзья, съ грустью говорили ему, что онъ долженъ непременно научиться искусству краснорѣчія, если хочетъ имѣть успѣхъ. Но Савонарола не хотѣлъ прибѣгать къ

такимъ уловкамъ и, сознавая, что онъ не можетъ имѣть успѣха во Флоренціи, удалился въ маленькій городокъ Санъ-Джеминіано. Тамъ онъ возобновилъ свои проповѣди. Простой народъ толпами стекался его слушать, и подъ сводами церкви часто раздавались сдержанныя рыданія. Слова Савонаролы проникали въ душу этихъ простыхъ, неиспорченныхъ людей. Этотъ успѣхъ придалъ Савонаролѣ бодрости и, дѣйствительно, онъ началъ говорить смѣлѣе и красивѣе, и вскорѣ слава о немъ, какъ о проповѣдникѣ, разнеслась по всей Италіи.

Савонарола постоянно переписывался со своею матерью, которой изливалъ душу въ письмахъ. Онъ рассказывалъ ей и о своихъ сомнѣніяхъ, и о своихъ успѣхахъ. „Я хочу спасти не только свою душу, но и души другихъ, писалъ онъ и съ радостью сообщалъ ей, что мужчины и женщины высоко цѣнятъ его слова и проливаютъ слезы, слушая его“.

ГЛАВА V.

Вдали отъ Флоренціи.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Флоренціи, среди горъ, возвышался замокъ, который, подобно вѣсьмъ средневѣковымъ замкамъ, представлялъ изъ себя настоящую крѣпость. Владѣльцы такихъ замковъ были обыкновенно знатные дворяне и такъ какъ они большею частью враждовали между собою, то весьма естественно, что, живя въ своихъ замкахъ, они окружали себя всевозможными предосторожностями, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ врагами. Кругомъ замка всегда стояла вооруженная стража, и подъемный мостъ спускался только, чтобы пропустить въ замокъ его обитателей и завѣдомыхъ друзей владѣльца замка или лицъ, имѣющихъ пропускъ.

Такіе укрѣпленные замки были разсѣяны повсюду въ горахъ, и во время войны или во время какихъ-либо волненій и смутъ въ странѣ въ этихъ замкахъ нерѣдко искали убѣжища знатные дворяне со своими семьями. Замокъ, о которомъ мы говорили, назывался Буенфидардо и долгое время стоялъ пустымъ. Вильгельмъ Пацци, получившій его въ наслѣдство, приказалъ его поправить и затѣмъ поселился въ немъ со

своею семьей вскорѣ послѣ заговора и кровавой расправы, которую совершили приверженцы Лоренцо Медичи со всѣми его врагами. Ему жалко было покидать свою хорошенькую виллу близъ Флоренціи, но оставаться тамъ было небезопасно. Между его семьей и семьей Лоренцо, который достигъ уже въ то время величайшаго могущества во Флоренціи, никакъ не могли установиться дружескія отношенія, и Бланку это сильно огорчало. Вильгельмъ Пацци отчасти по этой причинѣ рѣшилъ переѣхать изъ Флоренціи въ замокъ Буенфидардо, гдѣ спокойствіе и миръ ихъ семейной жизни ничѣмъ не могли быть нарушены.

Хозяйство у Вильгельма процвѣтало и здѣсь, потому что онъ самъ имъ занимался, и Бланка во всемъ помогала ему. Крестьяне обожали Бланку, которая являлась для нихъ настоящимъ ангеломъ-хранителемъ. принимала участіе во всѣхъ ихъ горестяхъ и нуждахъ. помогала имъ, ухаживала за больными и учила дѣтей.

Замокъ Буенфидардо находился въ сторонѣ отъ большой дороги и поэтому рѣдко кто туда заглядывалъ. Но владѣльцы замка были очень рады, что о нихъ забыли и оставляли ихъ въ покоѣ. Жизнь ихъ протекала мирно и спокойно въ занятіяхъ, и лишь изрѣдка въ ихъ тихій уголокъ доходили вѣсти о томъ, что происходитъ во Флоренціи и въ другихъ мѣстахъ Италіи.

Въ одно прекрасное утро какой то молодой художникъ случайно забрелъ въ этотъ забытый уголокъ, гдѣ, въ противоположность всѣмъ другимъ мѣстностямъ Италіи, царили миръ и спокойствіе. Взоры художника привлекли маленькая деревушка, живописно пріютившаяся у подошвы горы, и надъ нею гордый замокъ, поднимавшій къ небу свои зубчатые башни и господствовавшій надъ всею окружающею мѣстностью. Мѣстоположеніе

замка было такъ красиво, что художникъ уже соби-
рался срисовать его, — какъ вдругъ увидалъ нѣчто другое,
что приковало его вниманіе: у входа въ небольшую хи-
жину, стоявшую на краю деревни, сидѣла молодая дѣ-

Леонардо-да-Винчи, знаменитый итальянскій
художникъ. Род. въ 1452 г., умеръ въ 1519 г.

вушка, держа на рукахъ маленькаго ребенка, который
прижимался кудрявой головкой къ ея груди. Другой
ребенокъ, мальчикъ лѣтъ четырехъ, одѣтый въ одну
рубашенку, стоялъ возлѣ нея, держась рученками за

ея юбку и также прижимался къ ней. По костюму молодой дѣвушки сейчасъ было видно, что это не крестьянка, но дѣти, такъ довѣрчиво прижимавшіяся къ ней, очевидно, были деревенскія дѣти; молодая дѣвушка ласкала ихъ и старалась утѣшить. Художникъ, крайне заинтересованный этою красивою группой, остановился невдалекѣ. Ему очень хотѣлось заговорить съ молодою дѣвушкой и узнать, кто она такая, но онъ не рѣшался. Вдругъ она нечаянно взглянула въ его сторону и смутилась, увидя незнакомца. Художникъ собирался вѣжливо извиниться передъ нею, какъ вдругъ увидѣлъ, что изъ дверей хижины вышла пожилая, но еще красивая женщина, по сходству которой съ молодою дѣвушкой, художникъ тотчасъ же догадался, что это ея мать.

— Бѣдная Маріанна врядъ ли поправится,—сказала она, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ.—Я дала ей лекарство, которое взяла съ собою, и старалась утѣшить ее, какъ могла. Побудь еще немного съ дѣтьми, а я пойду въ замокъ и пришлю оттуда служанку, которая будетъ ходить за больной и присматривать за дѣтьми.

Сказавъ это, пожилая женщина направилась по тропинкѣ, ведущей въ замокъ, и тутъ увидѣла молодого художника. Она остановилась въ изумленіи, смотря на чужестранца и словно поджидая, что онъ подойдетъ къ пей и объяснитъ свое присутствіе. Художникъ такъ и сдѣлалъ.

— Простите мнѣ мою смѣлость,—сказалъ онъ въ смущеніи.—Я случайно забрелъ сюда, привлеченный красотою здѣшней мѣстности. Вы видите передъ собою художника, желающаго ближе ознакомиться съ природой и не довольствующагося одними только окрестностями Флоренціи, какъ бы онъ ни были красивы.

— Вы изъ Флоренціи?—спросила пожилая женщина. Это была Бланка Пацци, владѣтельница замка.

— Да,—отвѣтилъ художникъ.—Я изъ прекрасной Флоренціи, гдѣ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучаю живопись.

— Если вы художникъ и давно живете во Флоренціи, то я удивляюсь, какъ это ваше лицо мнѣ совсѣмъ незнакомо,—замѣтила Бланка.

— Это вполне естественно. Правда, я много работаю, но до сихъ поръ еще слишкомъ мало сдѣлалъ, чтобы приобрѣсти извѣстность. Блестящее флорентинское общество я никогда не посѣщалъ, такъ какъ оно не доступно для такого скромнаго художника, какъ я. Имя мое: Леонардо да Винчи.

— Если я не ошибаюсь, то слышала ваше имя отъ моего сына,—возразила Бланка.—Вы видите передъ собою супругу Вильгельма Пацци, Бланку Медичи, а это моя дочь Марія. Но я должна спѣшить въ замокъ, чтобы прислать оттуда кого нибудь на помощь бѣдной больной женщинѣ, дѣти которой остаются пока на попеченіи моей дочери,—не желаете ли вы сопровождать меня? Мой сынъ будетъ очень радъ видѣть васъ.

— Какъ благодарить мнѣ васъ за вашу доброту!—воскликнулъ художникъ.—Я буду несказанно счастливъ принять ваше любезное приглашеніе, но позвольте мнѣ побыть нѣсколько времени съ вашей дочерью, такъ какъ я хочу нарисовать съ нея Мадонну. Посмотрите, какую чудную группу представляетъ ваша дочь вмѣстѣ съ этими двумя прелестными дѣтьми! Позвольте же мнѣ увѣковѣчить ее на полотнѣ. Мнѣ непременно хочется написать картину, изображающую Мадонну съ младенцемъ Иисусомъ на рукахъ и маленькимъ Іоанномъ Крестителемъ, стоящимъ возлѣ нея.

Бланка остановилась въ нерѣшительности, не зная какъ ей поступить. Ее нѣсколько смущало то, что художникъ желаетъ изобразить ея дочь въ образѣ Мадонны, хотя въ душѣ она находила, что нѣжная красота Маріи вполне подходитъ для такой картины. Художникъ, видя ея колебаніе, съ жаромъ проговорилъ:

— Вы происходите изъ дома Медичи, всѣ члены котораго всегда смотрѣли на истинное искусство, какъ на святое дѣло. Вѣдь въ высшемъ флорентинскомъ обществѣ считается даже очень почетнымъ для дамы, если какой нибудь извѣстный художникъ увѣковѣчитъ ея черты на своей картинѣ. Почему же вы не хотите позволить мнѣ нарисовать эту чудную группу, которая находится передъ моими глазами.

Слова эти подѣйствовали на Бланку. Въ самомъ дѣлѣ, что дурнаго въ томъ, что художникъ воспользуется чертами лица Маріи для изображенія Мадонны? Послѣ нѣкотораго колебанія она дала свое согласіе, и художникъ въ восторгѣ тотчасъ же принялся за работу.

Деревня была почти пуста въ это время дня. Всѣ жители ушли на полевые работы, и дома оставались только женщины, занятые своимъ домашнимъ дѣломъ, да маленькія дѣти. Кругомъ была полнѣйшая тишина, и художнику казалось, что онъ никогда еще не былъ такъ расположенъ работать, какъ въ эту минуту. Молодая дѣвушка сидѣла передъ нимъ неподвижно, видимо смущенная тѣмъ, что она служитъ моделью для картины. Художникъ искусною рукою набросалъ эскизъ и тогда заговорилъ съ нею. Молодая дѣвушка сначала робко отвѣчала ему, но мало по малу между ними завязался довольно оживленный разговоръ, и они не за-

мѣтили, какъ къ нимъ подошла старая служанка съ корзинкою въ рукахъ.

— Ахъ, это ты, Нона?—сказала Марія, вставъ со своего мѣста и сдѣлавъ нѣсколько шаговъ къ ней навстрѣчу.—Ты принесла что нибудь для больной?

— Да,—отвѣчала старуха и, тотчасъ же обратившись къ художнику, прибавила:—Видите-ли, господинъ, съ бѣдной Маріанной случилось большое несчастье. Ужъ и не знаю, какъ это произошло, но только мужъ ея поссорился съ какими-то негодьями по ту сторону границы нашихъ владѣній, и его нашли мертвымъ, съ кинжаломъ въ груди. Несчастная женщина заболѣла отъ испуга и горя. Нашъ господинъ всячески старался, чтобы розыскали негодяевъ, убившихъ Беппо, и примѣрно бы ихъ наказали, но все было напрасно. Хорошо еще, что наши господинъ и госпожа такіе добрые, что приняли участіе въ бѣдной Маріаннѣ, а то бы плохо пришлось ей съ дѣтьми.

— Ну, довольно, Нона,—остановила Марія болтливую старуху. — Пойдемъ-ка лучше провѣдаемъ больную, а господинъ подождетъ насъ здѣсь.

Съ этими словами Марія снова взяла на руки ребенка и направилась съ нимъ въ домъ.

Леонардо показалось, что солнце померкло, когда молодая дѣвушка скрылась за дверью. Душу его охватила смутный страхъ, что она больше не появится, и что чудное видѣніе, которымъ онъ только что восхищался, исчезло навсегда. Но молодая дѣвушка снова появилась въ дверяхъ и, выйдя на дорогу, застѣнчиво пригласила художника, слѣдовать за собою въ замокъ.

Радостно забилося сердце Леонардо, и онъ пошелъ рядомъ съ молодою дѣвушкой по дорогѣ, обсаженной оливковыми деревьями, которая вела въ замокъ. Сна-

чала оба молчали. Молодая дѣвушка, очевидно, находилась подъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго горя, и художникъ боялся показаться нескромнымъ, если заговорить первый. Но мало-по-малу молодые люди снова разговорились.

Братъ Маріи, Петръ, вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Онъ уже слышалъ отъ матери о приходѣ Леонардо да Винчи, съ которымъ онъ изрѣдка встрѣчался во Флоренціи, и очень радъ былъ возобновить теперь знакомство съ нимъ.

Званіе художника считалось въ тѣ времена очень почетнымъ въ Италіи, и поэтому вполне понятно, что вся семья Пацци оказала радушный пріемъ Леонардо да Винчи, случайно забредшему въ ихъ уединенный замокъ.

Вильгельмъ и его жена давно не бывали во Флоренціи и они рады были услышать отъ Леонардо о томъ, что дѣлается въ ихъ родномъ городѣ. Художникъ разсказалъ имъ, что Лоренцо Медичи произвелъ большія перемѣны въ этомъ городѣ. Благодаря ему, искусство и науки достигли во Флоренціи высокой степени процвѣтанія. Лоренцо устроилъ великолѣпный музей, гдѣ собраны произведенія древнихъ скульпторовъ, служащія образцами для молодыхъ художниковъ. Кромѣ того Лоренцо основалъ прекрасную бібліотеку и ботаническій садъ. Флоренція разукрасилась теперь прекрасными зданіями, такъ какъ Лоренцо Медичи покровительствовалъ также и архитектурному искусству. Молодой художникъ съ восторгомъ говорилъ о дѣятельности Лоренцо Медичи, при которомъ Флоренція достигла такого блеска, и восхвалялъ его, какъ необыкновенно мудраго правителя. Онъ сообщилъ также, что Лоренцо Медичи основалъ во Флоренціи академію, во

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 38.
Телефонъ № 1052.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ
Третьяковыхъ.

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА:

ПЯТИГОРСКІЯ

И СЪ НИМИ СМЕЖНЫЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.

Сборникъ историческихъ, статистическихъ, экономическихъ и врачебныхъ свѣдѣній, относящихся къ минеральнымъ водамъ, составленный д-ромъ медицины В. С. Богословскимъ.

Изданіе второе, дополненное. Съ фотогравюрой Пятигорска. Спб. 1883 года. Цѣна 2 рубля.

Замѣчательныя и загадочныя личности

XVIII и XIX столѣтій.

Е. П. Карновича. Съ 13-ю гравюрами. Спб. 1884 г. Ц. 3 руб., въ изящномъ переплетѣ 4 руб.

Петербургское дѣйство.

Историческій романъ (1762). Графа Салиаса. Изданіе 2-е. Спб. 1884. Ц. за 3 части 4 руб., въ переплетѣ 5 руб.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

1856—1863.

Заключающія въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся собственно технической части охоты; описаніе различныхъ звѣрей, обитающихъ въ необъятныхъ лѣсахъ и степяхъ Восточной Сибири, а также способы добыванія ихъ всевозможнымъ образомъ, съ показаніемъ устройства употребляемыхъ для того охотничьихъ снастей, и нѣкоторыя замѣчанія о сибирской природѣ и сибирскихъ охотникахъ съ ихъ бытомъ, суевѣріями и привычками.

А. ЧЕРКАСОВА.

Изданіе 2-е, исправленное и значительно дополненное. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1884. Ц. 4 руб., въ роскошномъ переплетѣ 5 руб.

РУССКІЙ ЯКОБИНЕЦЪ. — Странная исторія.

М. А. Загуляева. Спб. 1884. Ц. 1 руб.

ЗА УРАЛЬ!

Разсказъ изъ воспоминаній о Сибири В. В. Ромапова. Спб. 1884. Ц. 2 руб.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ САРАНЧА.

Романъ въ 3-хъ частяхъ А. И. Пальма. Спб. 1884. Ц. 1 руб. 50 коп.

На пересылку прилагается около 10 коп. на 1 руб. стоимости книгъ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнечій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТНАДЦАТАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ И ІЮНЬ 1884 ГОДА).

	СТР.
Чума въ Москвѣ въ 1654 году. А. Г. Врикнера	5
Иллюстрація. Портретъ царя Алексѣя Михайловича.	
Видѣніе въ Публичной библіотекѣ. Историческій сонъ. Д. Л. Мордовцева	23
Забытый талантъ. А. И. Кирпичникова	34
Иллюстрація: Портретъ А. В. Дружинина.	
Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи въ 1864—1870 годахъ. Гл. IV—VIII (Окончаніе). И. Н. Захарьина	56
Воспоминаніе о Д. И. Языковѣ. А. П. Милюкова	96
Иллюстрація: Портретъ Д. И. Языкова.	
Екатерина II и Даламберъ. Новооткрытая переписка Даламбера съ Екатериною и другими лицами. Съ предисловіемъ и примѣчаніями. Д. Ф. Кобеко	107
Убіиство егермейстера В. Я. Скарятина. М. Н. Важенова	143
Исторія одного неосуществившагося изданія. П. К. Мартынова	154
Угорскіе народы. В. Н. Майнова	168
Иллюстраціи: Видъ города Березова. — Сортинье, русское поселеніе на рѣкѣ Сѣверной Сосвѣ. — Драматическое представленіе у вогуловъ. — Остѣчки съ рѣки Конды. — Остѣцкіе идолы. — Угорская арфа.	
Первая жертва освобожденія американскихъ невольниковъ. В. З.	183
Иллюстраціи: Портретъ Джона Броуна. — Допросъ Джона Броуна.	

	стр.
Иовъ, Прометей и Фаустъ. Опытъ этико-исторической параллели. Θ. И. Вулгакова	195
Иллюстраціи: Портретъ Гёте. — Заключительная сцена Гётевскаго Фауста. Картина Корнелиуса. — Темпейская долина съ Олимпомъ и рѣкою Пенеемъ.	
Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху. I. Сатирическо-матерьялистическое. Гл. I и II. А. И. Незеленова	241
Иллюстраціи: Портретъ Вольтера. — Портретъ Дидро. — Портретъ барона Гримма. — Портретъ Н. И. Новикова. — Портретъ В. И. Майкова. — Портретъ И. Θ. Богдановича. — Портретъ Я. В. Княжнина.	
Въ скудельницѣ. Историческій разсказъ К. К. Случевского	273
Иллюстрація: Іоаннъ Грозный въ Александровской слободѣ. Картина Шварца.	
Первое подданство туркменъ Россіи. Н. И. Веселовскаго	300
Тяжелыя времена. (Изъ воспоминаній доктора). Н. Н.	307
Письма Пушкина къ Н. М. Языкову. (1826—1836 г.). Сообщены Д. Н. Садовниковымъ	323
Изъ моихъ воспоминаній. П. Θ. Вистенгофа	329
Библиографическіе труды С. Д. Полторацкаго. Д. Д. Языкова	354
Лола Монтезъ, графиня фонъ-Ландсфельдъ. Е. П. Карновича	359
Иллюстраціи: Людовигъ I, король Баварскій. — Два портрета Лолы Монтезъ.	
Передовой человѣкъ древности. Θ. И. Вулгакова	385
Иллюстраціи: Фаустина. — Троянъ. — Антиной. — Голова Антиной. — Видъ изъ виллы императора Адриана въ Тибурнѣ. — Мавзолей императора Адриана, нынѣшній замокъ Ангела.	
Записки Ванъ-Галена. Н. А. Вѣлосерской	402
Колыбель миллионѣвъ. (Очерки золотого царства). Гл. I—III. В. И. Немировича-Данченко	466
Калигула. Трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ А. Дюма-отца. Дѣйствія I и II. Переводъ В. П. Вуренина	525
Иллюстраціи: Замокъ Байа. — Внутренность римскаго дома. — Мессалина. — Клавдій. — Римская матрона. — Римская дѣвушка.	
Воспоминанія о С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1852—1856 годахъ. Гл. I—VII. Θ. Н. Устрялова	578
Учитель Лермонтова — А. З. Зиновьевъ. Д. Д. Языкова	604
Женщины Пугачевского возстанія. Приключенія и судьба «женокъ», причастныхъ къ пугачевскому бунту. А. В. Арсеньева	611

Препровождение въ Спа русскихъ государей. **К. Н. В.** 628

Иллюстраціи: Главная улица въ Спа въ XVIII столѣтіи. — Садъ Капуциновъ въ Спа въ XVIII столѣтіи. — Минеральный источникъ близъ Спа въ XVIII столѣтіи. — Источникъ «Крапо» въ Спа.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Богданъ Хмельницкій. Историческая монографія Н. Костомарова. 3 тома. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. Спб. 1884. **Д. М.** — Андрей Замойскій. Станислава Скржинскаго. Краковъ. 1884. **Н. С. Н.** — Эпизодическій курсъ исторіи. I. Всеобщая исторія. Курсы 3 и 4 классовъ мужскихъ гимназій. А. Кузнецова. Спб. 1884. **И. Б.** — Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Изданіе графа С. Д. Шереметева. Томъ IX. Спб. 1884 г. **А. М.** — Замѣчательныя и загадочныя личности XVIII и XIX столѣтій. Е. П. Карновича. Съ 13-ю гравюрами. Спб. 1884 г. **Мих. Н-евича.** — Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Изслѣдованіе Д. А. Ровинскаго. Атласъ къ книгѣ, съ 33-мя гравюрами. Спб. 1884 г. **Ф. Б.** — Православный Палестинскій Сборникъ, 6-й выпускъ. Спб. 1884 г. **А. Г-скаго.** — Библиографическая замѣтка по поводу III тома «Живописной Россіи» (Литва и Вѣлоруссія, соч. Киркора). Вѣлорусса. Вильно. 1884 г. **М. Г-наго.** — Князь В. Ф. Одоевскій. Н. Ф. Сумцова. Харьковъ. 1884 г. **В. З.** — Мольеръ. Собраніе сочиненій въ трехъ томахъ, съ биографіей, составленною А. Веселовскимъ. Изданіе Ф. Бакста. Спб. 1884 г. **В-а.** — Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Эдуарда Гиббона, перев. съ англійскаго В. Н. Невѣдомскаго. Часть III. Москва. 1884 г. **З. Т. В.** — Ярославскій уѣздъ, съ картою уѣзда. А. А. Титова (изданіе И. А. Вахрамѣева). Москва. 1884 г. **П. У.** — Опытъ разбора повѣсти Гоголя «Тарасъ Бульба», К. Хоцянова. Спб. 1884. **З-а.** — Памятники древней письменности. «Сводный старообрядческій синодикъ». Второе изданіе синодика, по четыремъ рукописямъ XVIII—XIX в. А. Н. Пыпина. 1884. **И. Б-ва.** — Критическіе очерки и памфлеты. В. Буренина. Спб. 1884. **З. Т. В.** — Похвала глупости. Сатира Эразма Роттердамскаго. Перевелъ съ латинскаго проф. А. Кирпичниковъ. Москва. 1884. **А. И. Ф-ова.** Календарь и памятная книжка Курской губерніи на 1884 годъ. Изданіе статистическаго комитета. Составлено секретаремъ комитета, С. П. Вѣльченко. Курскъ. 1884. **И. Д-скаго.** 214, 420, 679

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 221, 440, 686

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Судебное Водовишье. Сообщено **А. С. Пругавинымъ.** — Письмо К. Н. Батушкова къ А. Н. Оленину о русскихъ художникахъ въ Римѣ въ 1819 г. Сообщено **П. Н. Батушковымъ.** — Эпизодъ изъ исторіи крестьянскихъ волненій. Сообщено **В. Бородаевской** . . . 230, 448, 694

СМѢСЬ:

Полуторавѣковой юбилей Дмитревскаго. — Семидесятипятилѣтній юбилей Петербургской духовной академіи. — Юбилей императора Вильгельма I. — Отчетъ Академіи Наукъ за 1883 годъ. —

Памятникъ старообрядцу. — Столѣтняя годовщина кончины Хемницера. — Донсторицескія находки г. Нефедова. — Открытіе паника Александру II. — Столѣтіе Гатчинскаго дворца. — Развалины древняго города на Аму-Дарьѣ. — Судьба русскаго изобрѣтенія. — Могила близъ Тамани. — Раскопки въ Римѣ. — Прекращеніе «Отечественныхъ Записокъ». — Некрологи: графа В. О. Адлерберга; А. Е. Люценко; Ивана Васильевича Вернадскаго; Эліаса Леврота; Франсуа-Огюста-Минье; Джіамбатиста Джуліани; Михаила Федоровича Раевского; Цѣтра Алексѣевича Милославскаго; Андрея Константиновича Ярославцева; Двѣювани Прати; Эманмила Гейбеля; Мидхата-паши 233, 453, 697

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Дополненіе къ статьѣ «Неудачно окончившійся актъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ» А. А. Чумикова. — По поводу статьи Негруцци «Калипсо». — Совпаденіе малороссійскаго преданія съ испанскимъ романомъ. М. И. Городецкаго. — Новыя дополненія къ словарю псевдонимовъ русскихъ писателей. Вячеслава Катенева. — Столѣтіе со дня рожденія художниковъ: Гомзина, Мельникова и Пименова. И. Н. Божерянова 239, 457, 703

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- 1) **Саванарола.** Культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ. Адольфа Глазера. Главы VI (Окончаніе) — XII.

Иллюстраціи: Храмъ музъ во Флоренціи. — Вторая дверь баптистерія во Флоренціи, работы Гиберти. — Дворъ монастыря Санъ-Марко во Флоренціи. — Саванарола передъ умирающимъ Лоренцо Медичи. (На отдѣльномъ листѣ). — Собраніе конклава (Cónclaves rigiensis). — Леонардо да-Винчи въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. — Церковь Св. Петра въ Римѣ. — Данте въ мастерской Гютто (по Г. Фогелю). — Французскій король Карль VIII. — Рыцарь Барджъ. — Палаццо Фарнезе въ Римѣ. — Крестный ходъ дѣтей во Флоренціи при Саванаролѣ.

- 2) **Портретъ Даламбера.** Съ гравюры Генрикеца, сдѣланной съ портрета, писаннаго Жолленемъ.
- 3) **Портретъ Н. М. Языкова.** Гравюра Паннемакера въ Парижѣ.
- 4) **Мильтонъ, диктующій своимъ дочерямъ „Потерянный Рай“.** Картина Мункачи.